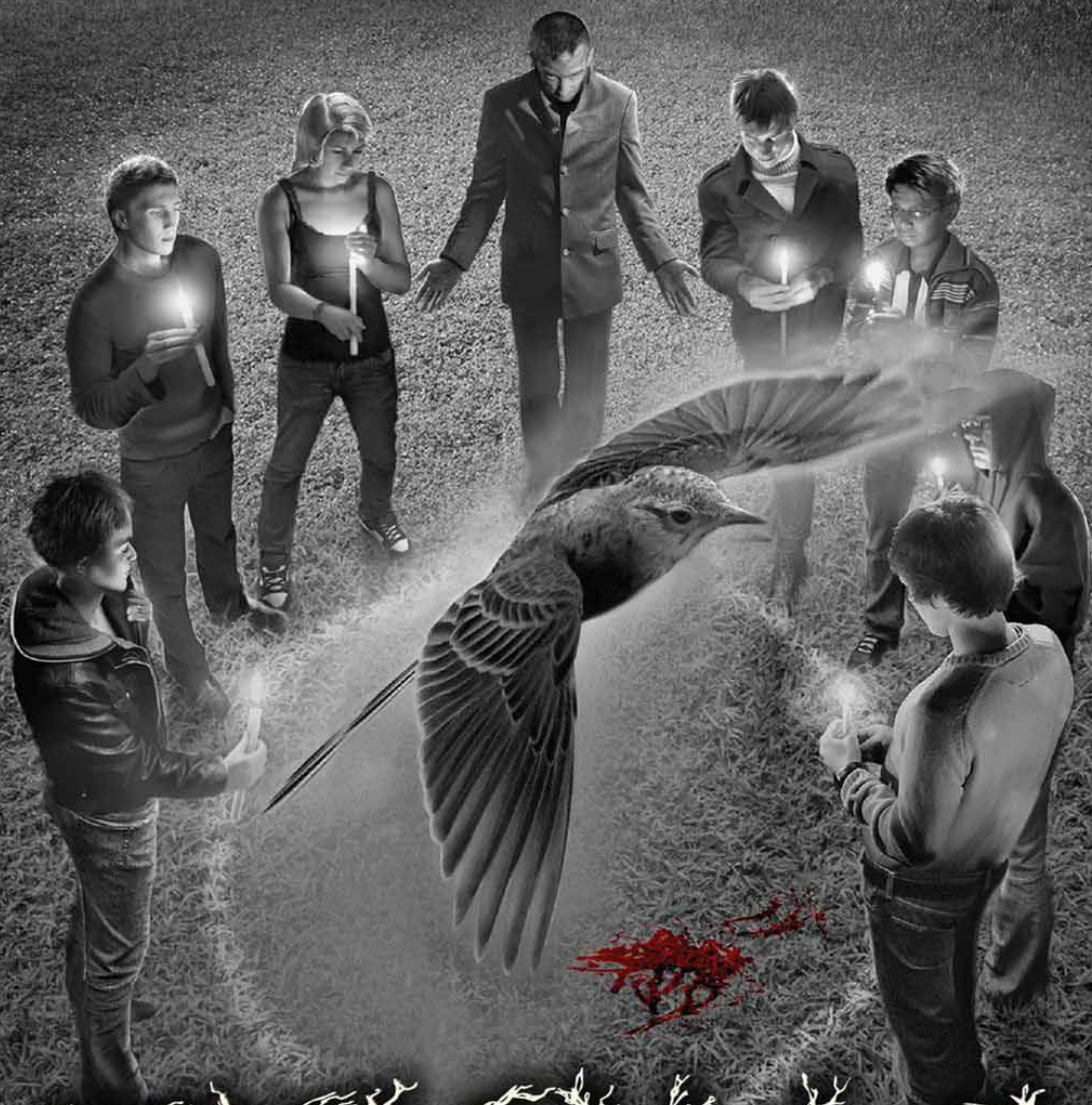

ПИТЕР СТРАУБ

ТЕМНАЯ
МАТЕРИЯ

PETER STRAUB

PETER STRAUB

THE
DARK MATTER

ПИТЕР СТРАУБ

ТЕМНАЯ
МАТЕРИЯ

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84 (7США)
С 11

Peter Straub
A DARK MATTER

Copyright © 2010 by Seafront Corporation

Разработка серийного оформления *Сергея Власова*

Иллюстрация на переплете художника *Михаила Петрова*

Страуб П.

С 11 Темная материя / Питер Страуб ; [пер. с англ. А. Крышан]. —
М. : Эксмо, 2014. — 416 с. — (Новинки зарубежной мистики).

ISBN 978-5-699-71203-8

16 октября 1966 г. в университетском кампусе на Среднем Западе странствующий «гуру», якобы побывавший на Тибете и набравшийся там древней мудрости, Спенсер Мэзлон и его молодые последователи совершили запретный ритуал. То, что там произошло на самом деле, навсегда осталось загадкой. Итог — растерзанное тело на местном лугу и надломленные души участников и свидетелей.

Сорок лет спустя популярный писатель Ли Гарвелл решил обыграть в новом романе случай, который произошел в действительности. Он стремится узнать правду о событиях той ужасающей ночи. Для этого Гарвеллу придется заставить участников зловещего ритуала восстановить во всех подробностях те отвратительные события, память о которых преследует их до сих пор.

«Темная материя» — энергичный, леденящий кровь роман с непредсказуемым сюжетом, лишний раз доказывающий, что Питер Страуб — мастер современного ужаса.

Впервые на русском языке!

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-71203-8

© А. Крышан, перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Скажите, есть ли Пустота,
Одна на всех, — там, за порогом жизни?
И небо, и земля
От этой ясности зависят,
И небо, и земля.

Под желтым тленом слез кленовых
Ворочается мир подземный,
Смертельно утомленный светом¹.

Чарльз Райт, «Литлфут»

---

¹ Перевод с английского Анны Крышан (здесь и далее — прим. перев.).

С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Несколько лет назад, поздней весной

Самым поразительным открытиям моей взрослой жизни положили начало крики пропащей души в закускойной, куда я заглянул позавтракать.

Я стоял в очереди в «Корнер бейкери», что на углу Стейт и Кедровой, в полуквартале от моего уютного кирпичного таунхауса, и готовился заказать мюсли или гранолу «Берри парфе», в общем, что-нибудь благопристойно-умеренное. Как правило, здесь самыми громкими звуками были клацанье клавиш лэптопа да шелест переворачиваемых газетных листов. Неожиданно мужчина в голове очереди с маниакальным, вспыхнувшим на ровном месте негодованием заладил одно и то же слово — «беспокойный». Сначала его голос лишь немного выделялся из гула разговоров. Потом незнакомец вошел в раж и говорил все громче и громче. Если уж вам приспичило проорать публично какое-нибудь слово, можно ведь подобрать что-нибудь не такое громоздкое? Он же все твердил, крутил и вертел четыре шероховатых слога, будто пробуя их на вкус. Поскольку дыма без огня не бывает, вскоре обнаружилась и причина его поведения.

«БеСПОкойный? БЕСПокойный? Бес-пок? Ойный? Бес? Покойный?»

— Барышня, вы в самом деле, что ли, думаете, что я сейчас беспокойный? — вопрошал он. — Дайте мне еще тридцать секунд, и вы поймете, что значит беспокойный.

С каждым повторением его вопрос словно раскалялся все сильнее. Огорошенная молодая женщина за стойкой якобы оскорбила его, и он жаждал объяснить ей, насколько серьезно. Этот тип считал, что выглядит молодцеватым, находчивым, даже остроумным, однако всем остальным в заведении казалось, что он дал выход своей невменяемости.

Вариации становились все более оригинальными.

«БЕЕспокойный? БеСПОКойный? БеспКОЙный?»

Желая разглядеть чудака, я высунулся и посмотрел в начало очереди. Лучше б я этого не делал.

Он не валял дурака — я понял сразу. Стоявший следующим мужчина освободил ему шесть футов пространства. В иных, более благоприятных, обстоятельствах люди наверняка держались бы подальше от такого типа. Восемь-девять дюймов светлых с проседью, жестких волнистых волос на голове. Костюм в клетку, рваный и мятый, будто отнятый у пугала с кукурузного поля. Под коростой, потеками грязи и синяками опухшие ноги казались ослепительно, бескровно белыми. Как и у меня, под локтем у него торчали газеты, вот только ворох изданий, прижатых к его боку, был, похоже, четырех-пятидневной давности. Самое жуткое впечатление производили голые ступни, исцарапанные и ободранные, как старые башмаки.

— Сэр? — вступила вторая женщина за стойкой. — Сэр, вам необходимо покинуть мой магазин. Отойдите, пожалуйста, от прилавка, сэр. Вам необходимо отойти.

Два дюжих парня в толстовках «Южный Иллинойс», по виду недавние выпускники, с грохотом отодвинули стулья и решительно направились к месту событий. В конце концов, это ведь Чикаго, где здоровые, атлетичного вида парни встречаются на улицах в таких же количествах, в каких одуванчики на пригородных лужайках. Ни с кем не заговаривая, эти двое встали по бокам скандалиста, приподняли за локти и вынесли на улицу. Расслабься он — и проблем бы у них прибавилось, однако охваченный паникой мужчи-

на окаменел и создал им не больше трудностей, чем индеец табачной лавки¹. Он был негибам, как мраморная статуя. Когда дебошира проносили мимо, я обратил внимание на его синюшные губы и желто-коричневые обломанные зубы. В налитых кровью глазах застыл тусклый, безжизненный взгляд. Он все твердил: «Беспокойный, беспокойный, беспокойный», но само слово потеряло для него смысл. Он использовал его для защиты, как оберег, и, наверное, думал: пока произносит его, будет вне опасности.

Я заглянул в эти тусклые, невидящие глаза и вздрогнул от очень странной мысли. Она будто ужалила меня, принеся с собой загадочное озарение, скоротечное, как вспышка огонька спички.

Я знал кое-кого, похожего на этого напуганного бродягу с лексиконом в одно слово. Похожего настолько, что тот мог и сам запросто оказаться человеком, только что выпровоженным на Раш-стрит. Вот только... Кто же, кто это мог быть? Нет среди моих знакомых никого, напоминающего эту развалину, нетвердой походкой бредущую по тротуару и продолжающую шептать на ходу свое заветное слово.

Голос, который мог слышать один лишь я, произнес: «Никого? Подумай хорошенько, Ли». Глубоко в груди что-то большое и несомненное — то, о чем я не позволял себе вспоминать десятилетиями, — шевельнулось во сне, дрогнув кожистыми крыльями. Это почти пробудившееся нечто ощущалось — отчасти, но отнюдь не всецело — как стыд.

И хотя первым побуждением было отмахнуться от переполоха в душе — кстати, именно так я и поступил: отвернулся, повинувшись, как сам понял, свойственной мне решимости, — непостижимое озарение вцепилось в меня, как кошка, запрыгнувшая на спину и впившаяся когтями в кожу.

¹ Поскольку в конце XVIII века курение табака у многих европейцев ассоциировалось с североамериканскими индейцами, для удобства европейских купцов все входы в табачные и сигарные лавки на восточном побережье США обозначались фигурой, изображающей индейца.

Следующим шагом я попытался убедить себя в том, что расстроился из-за бестолковой фразы девушки за стойкой. Возможно, это звучит снобистски, возможно, это и есть снобизм, но я написал восемь романов и всегда обращаю внимание на то, как люди употребляют слова. Может, слишком пристальное. В общем, когда наконец подошла моя очередь и я оказался перед молодой женщиной, сказавшей тому несчастному, что ему «необходимо» покинуть ее «магазин», я с горя заказал болтунью «Анахайм», которую здесь готовят с копченым беконом, чеддером, авокадо и еще всякой всячиной, включая картофельные и ржаные оладьи. Увы, я из тех, кто борется с дурным настроением при помощи вкусной еды. Но как бы там ни было, с каких пор люди начали использовать слово «необходимость», чтобы прогнать кого-нибудь? И давно ли работники ресторанов называют свои заведения «магазинами»? Неужели они не понимают, что несут вздор? Разбуженное во мне существо повернулось на бок и вновь забылось беспокойным сном.

10

Я устроился за пустым столиком, рывком распахнул «Гардиан Ревю» и попытался не смотреть на улицу, пока не услышал, как подошел официант с подносом. Я все-таки бросил взгляд за окно, но, разумеется, того жалкого безумца уже и след простыл. Какое мне дело до того, что случилось с ним? Да, по сути, никакого, кроме простого человеческого сочувствия его страданиям. И вовсе не напомнил мне этот бедный малый никого из тех, кого знаю или знал прежде. Мелькнуло ощущение дежавю. Никто не считает дежавю чем-то иным, кроме мгновенного заблуждения. Оно раздается звоночком узнавания и воспринимается как оккультное знание, но звоночек тот всего лишь нематериальный пустяк, нечто вроде психологического «мусора на воде».

Сорок пять минут спустя я возвращался домой, надеясь, что работа будет спориться. Мимолетное огорчение в «Корнер бейкери» уже с трудом вспоминалось, хотя, вставляя ключ в замок входной двери, я вновь увидел безжизненные,

налитые кровью глаза бродяги и услышал его шепот: «Беспокойный... беспокойный».

— Сейчас же прекрати, — вслух приказал я себе и попытался улыбнуться, заходя в светлую, уютную прихожую.

И добавил:

— Нет, я определенно не знаю никого, кто даже отдаленно напоминает тебя.

Тут я спохватился: вдруг кто сейчас спросит, о чем и с кем это я, но жена надолго улетела по делам в Вашингтон, и во всем моем прекрасном доме меня не могла слышать ни одна живая душа.

К сожалению, работа не задалась. Я планировал за те дни, пока жены не будет дома, поймать наконец вдохновение и начать новый роман «Ее пристальный взгляд». Не обращайтесь внимания на название — его я поменяю, как только придумаю новое. На необъятном столе папка, распухшая от записей, набросков и идей будущих глав, соседствует с «Ай-маком» и маленькой папочкой в десяток страничек нескладного текста, который мне пока что удалось родить в муках. Стоило как следует взяться за дело, проблеск надежды угас, а роман, казавшийся поначалу таким многообещающим, превратился в медлительное и сердито огрызающееся животное. Главное действующее лицо мужского пола получалось тоже несколько медлительным. И хотя я вовсе не желал этого, героиня романа, молодая женщина с лишающим самообладания пристальным взглядом, слопала бы его на завтрак за один присест.

Глубоко в памяти то и дело всплывало то, о чем мне не хотелось думать в этот день, — необычайно соблазнительное предложение. Сделал мне его несколько лет назад, может, даже целых пять, Дэвид Гарсон, мой агент. По его словам, как-то за обедом издатель на полном серьезе высказал идею, что мне хотя бы раз стоило попробовать себя не в художественной, а в документальной литературе — не в мемуарах, а в романе, основанном на подлинных событиях с участием реальных людей.

— Ли, — сказал Дэвид, — не подумай, что я параноик, он не сказал, что хочет, чтоб ты прекратил писать романы, нет, конечно. В издательстве полагают, что у тебя нестандартный взгляд на многое, вот в чем суть, и считают, это может быть полезным, если раз, подчеркиваю, всего лишь один раз Ли Гарвеллу удастся повернуть свой талант — дружески расположенный к читателю, побудительный и перспективный, — на освещение какого-то события реальной жизни. Событие может быть масштабное или незначительное, личного, например, оттенка. Издатель подчеркнул, — добавил Дэвид, — что подобная книга может стать успешной на рынке. Нет, правда ведь, потрясающе интересная идея? Как тебе? Может, посидишь пару дней, обмозгуешь, вдруг что придет в голову? Ты пойми, это всего лишь предложение.

— Дэвид, — ответил я. — Независимо от моих намерений все, что я пишу, оборачивается в конце концов вымыслом, даже письма друзьям.

12

Вообще-то Дэвид — хороший парень и заботится обо мне. Я обещал подумать. А на самом деле покривил душой, поскольку давно размышлял о возможности попробовать себя в документальной литературе. Неопубликованная и непригодная для печати рукопись, на которую я наткнулся на eBaу несколько месяцев назад, своего рода мемуары Джорджа Купера, детектива из отдела по расследованию убийств в Милуоки, пролила свет на давнишние, официально не раскрытые серии убийств, очень интересовавшие моих друзей и меня в начальной школе и старших классах. Еще больший интерес разбудило во мне то, что, похоже, этот убийца-маньяк по кличке Сердцеед имел некоторое отношение к темному делу, к которому в наш выпускной школьный год оказались причастны мои друзья — но не я сам, — а также потрясающая девчонка, ставшая впоследствии моей женой. Вот только о чем мне совсем не хотелось вспоминать, так это об участии в событиях юноши по имени Кит Хейвард, производившего впечатление развращенного порочного ре-

бенка, которого наставляла в разврате и пороке поистине демоническая личность — его дядя. Все это содержалось в мемуарах детектива Купера, написанных от руки аккуратным детским почерком, и даже после того как я свел всю историю воедино, мне пришлось сопротивляться ее притяжению. Неохватная богословская тема зла представлялась слишком неподъемной, слишком сложной, чтобы подступить к ней с инструментами, которыми я располагал. То, что я знал и умел лучше всего, годилось для вымышленных сюжетов, а для постижения глубин истории Хейварда природного дара рассказчика недостаточно. А еще меня очень смущало и отвлекало, что моя жена и наши общие друзья знали со зловещим Китом Хейвардом.

Точно по расписанию, в половине второго, голод заманил меня на кухню, я приготовил салат, разогрел суп и соорудил сэндвич с хлебом из памперникеля¹, ветчиной «Блэк Форест», капустным салатом и «Русской» приправой. Дина Лайон, моя ассистентка, в это время обычно составляющая мне компанию, по понедельникам не приходит, так что одиночество мое осталось нетронутым. Дины не будет две недели: она уехала в Тоскану повидаться с родителями.

Едва я опустил на стул перед немудреным холостяцким угощением, как вдруг чуть не разрыдался. Что-то жизненно важное ускользало от меня, и на этот раз я понял, что роман, который я писал, здесь ни при чем. Плотная волна грусти, поднимавшаяся во мне, была связана с чем-то более важным, чем «Ее пристальный взгляд»; это было что-то, с чем я жил дольше, чем писал эту провальную книгу. Слезы задрожали на ресницах. На один мучительный миг я ощутил себя в странном положении человека, оплакивающего место или состояние, недоступные ему. Кто-то, кого я любил, умер, когда мы оба были совсем молоды — именно так я чувствовал, — и я совершил глупейшую ошибку, не переставая горевать о потере вплоть до сегодняшнего дня. По-видимому, это и было источником стыда, который обжег

¹ Черный хлеб из грубой непросеянной ржаной муки

меня, прежде чем я начал набивать рот яичницей, авокадо и чеддером. Я дал этому человеку исчезнуть, я его упустил.

При воспоминании о завтраке, который я с трудом за- толкал в себя в «Корнер бейкери», голод улетучился. Еда на столе казалась начиненной ядом. Слезы скользили по щекам, и я встал, повернулся к стойке за салфетками. Вытерев лицо и прочистив нос, я завернул сэндвич в пакет, накрыл миску с салатом пленкой, а тарелку с супом сунул в микроволновку — по идее, я должен забыть о ней до следующего открытия печи. Сделал бесцельный круг по кухне. Книга, над которой я работал, застопорилась, а я обычно воспринимал такое как сигнал, что она ждет другого автора, помоложе, который в один прекрасный день явится и будет знать, что с ней делать. Я вновь смогу сесть за рабочий стол, наверное, завтра, но все равно придется, скорее всего, сочинять что-то совсем другое.

«Ее пристальный взгляд» с самого начала продвигался с натугой. По сути, это занимательная история о безвольном мужчине и женщине, подобной свирепому животному, и я «принаряжал» ее в стиле этакой постмодернистской лав- стори. Сказать по правде, книгу эту должен был написать Тим Томпсон в середине пятидесятых.

Неумолимая, тяжелая волна горя вновь затопила меня, я будто оплакивал смерть, настоящую смерть — всего моего детства и юности. Я громко застонал, сбитый с толку. Со- кровещница красоты и жизненной силы, все, что еще хра- нило чистые ощущения наслаждения, горя и потери, было сметено, улетучилось, а я едва заметил. Мои родители, бывшие соседи, дядюшки и тетушки — вся эпоха, казалось, воззвала ко мне, или я — к ней, и в стремительной череде, как серию отрывочных кадров, я увидел:

— падает снег декабрьским вечером 1960 года, огром- ные хлопья мягко опускаются, словно перышки, из непости- жимо глубокого черного неба;

— тощая гончая, преследуя кого-то, стелется по глу- бокому снегу у подножия холма, с которого мы катались на санках;

— потрескавшаяся глазурь ледка на рейках сидений наших санок, шербины и вмятины на длинных холодных полах;

— искрящийся стакан с водой на маминой лучшей белой скатерти.

Наполовину ослепший от слез, бродя вокруг мраморного разделочного столика в моей чикагской кухне, я с изумительной ясностью увидел западную окраину Мэдисона, штат Висконсин, — место, где я вырос и откуда бежал почти сразу же, как появилась возможность. Моя удивительная подруга, нынче моя супруга Ли Труа, бежала со мной — на машине через всю страну до самого Нью-Йорка. Там я поступил в Нью-Йоркский университет, а она работала официанткой в баре до тех пор, пока не поступила туда же, и устраивала суматоху, где бы ни появлялась. Однако сейчас говорил со мной не Ист-Виллидж, а Мэдисон, совсем непохожий на Нью-Йорк что тогда, что сейчас, — место, где я познакомился с Ли Труа, где мы ходили в школу с нашими славными неугомонными друзьями.

А потом я увидел их всех, наших друзей, которых пришлось убеждать, что, если у меня есть отец и он — не полное ничтожество, а профессор университета, это не повод считать меня последней сволочью и слюнтяем. Их физиономии высветились так отчетливо, как сверкнул в памяти стакан с водой на маминой парадной скатерти... Юные лица склонились к точеному, безумно красивому личику Миноги¹. И хотя они называли меня Двойняшкой, я внешне вовсе не был на нее похож. А прежде чем я сполна насладился воспоминанием, занавес рухнул, словно тяжкий запрет. Ба-бах. «Хватит с тебя, корешок!»

— Господи, — взмолился я. — Да что же это со мной?!

Что за оглушающий миг, наполненный такой мучительной болью — болью о том, чего я не сделал, о том, что я потерял, потому что не сделал всего того, что не сделал.

¹ Eel (минога) — Lee наоборот.

Следом я, будто на гигантском экране, увидел шевелящиеся губы, небритое лицо, жуткие ноги в ссадинах и услышал усталый, почти механический голос, хрипевший четыре слога, казавшиеся загубленной душе охранной грамотой. Отделенный от мира, который в юности так счастлив был покинуть, я очень жалел, что у меня нет оберега для защиты от Мэдисона — от шелушащейся ледяной глазури на «Флексибл Флайере»¹; бегущей по следу гончей; щелчка замков с грохотом захлопнувшейся двери в школьном коридоре; загадочного очарования профилей Миноги и Крохи Олсона, которое им придал свет из окна 138-й аудитории нашей школы.

Пытаясь избавиться от наваждения, я включил радио, как всегда настроенное на станцию NPR. Мужчина, чье имя я сейчас был не в состоянии вспомнить, хотя узнал его голос, объявил: «Поистине неожиданно, как певуче звучит мелодичный Готорн, когда читаешь его вслух. Думаю, мы потеряли это — представление о том, настолько важно звучание прозы».

16

И Натаниель Готорн повернул ключ — подарил мне возвращение в утраченное царство. Нет, не идею читать его вслух, но слушать, как произносят его слова другие: звучание его произведения, как сказал человек с NPR. Я в точности знал, как звучит готорновское «Письмо Скарлет»², потому что был знаком когда-то с мальчиком, способным запоминать наизусть все прочитанное. Мальчик этот частенько цитировал длинные отрывки из романа Готорна. А еще он любил вбрасывать в простой разговор чумовые слова, которые выуживал из книги под названием «Словарь неизвестных, удивительных и экстравагантных слов под редакцией капитана Лиланда Фаунтейна». Он как-то поведал мне, что считает невероятно странным, что геронтология изучает старение, а ностомания не имеет ничего общего со старостью, а просто означает патологическую ностальгию³. Имя мальчика было Говард Блай, но мы, наша маленькая

¹ Flexible Flyer — деревянные санки с металлическими полозьями.

² Название романа в русском переводе — «Алая буква».

³ По-английски геронтология — *gerontology*, ностомания — *nostomania*.

шайка, звали его Гути. Почему-то у каждого из нас была безобидная кличка. Гути автоматически запоминал все, что читал. Стоило строчке мелькнуть перед глазами, как она сама собой впечатывалась в некий бесконечный свиток у него в мозгу. И хотя я, конечно же, мечтал о такой же «емкости», но не имел ни малейшего понятия, как это у него получается и приносит ли оно пользу Гути Блаю, который в литературном плане был, мягко говоря, необразован.

Даже в выпускном классе в Мэдисон Уэст, когда нам было по семнадцать, Гути выглядел на тринадцать-четырнадцать: маленький, беленький, розовощекий — херувим, одним словом. Глаза у него были небесно-голубого цвета, как глазки у куклы, а волосы падали на лоб густой челкой. Вспомните Брэндона де Вильде в «Шейн», добавьте пару лет — и получится Гути. Люди любили его только за то, что он красив и неболтлив. Он не был таким смышленным, как Минога, моя подружка Ли Труа, но не был и бестолковым или тугодумом — просто Минога была чертовски умна. В характере Гути не было ни капельки агрессивности, или наглости, или бесцеремонности. Мне казалось, скромность у него врожденная. Но это не значит, что он был вялым, безразличным или слабаком — вовсе нет.

Гути был вот каким. Если взглянуть на групповое фото, например на снимок людей, бредущих по лугу или сидящих в баре, взгляд всегда отмечает кого-то, кто мысленно как бы не с ними, но с удовольствием наблюдает за происходящим. «Въезжает», как сказал бы Джек Керуак. Иногда Гути любил просто завалиться на спину и — ну да, «въезжать» в суть того, что разворачивалось перед ним.

О Гути Блае могу сказать, что он был поистине хорошим человеком. В этом пареньке не было ни подлости, ни жестокости. К несчастью, из-за роста и внешности ему порой доставалось от людей, не страдавших добросердечием: задир, наглецов, подонков. Они с радостью цепляли его, обидно дразнили, порой третировали, и временами мы, лучшие его друзья, чувствовали, что обязаны заступиться.

Правда, Гути и сам мог постоять за себя. Многого рассказывала, что, когда крайне наглый и мерзкий студент оскорбил его в захудалой забегаловке на Стейт-стрит под названием «Тик-так» (а мы называли ее «Жестянкой»), Гути мрачно посмотрел на обидчика и огорошил его цитатой из «Письма Скарлет»:

— «Может быть, ты — тот самый Черный человек, который бродит по лесу вокруг наших жилищ? Неужели ты заставил меня заключить договор, который погубит мою душу?»

Студент университета Висконсина продолжил оскорбления, задев родителей Гути, владевших — а мерзавец с самого начала это знал — «Бэджер фудз», скромной бакалейной лавкой в двух кварталах отсюда по Стейт-стрит. В ответ Гути выдал очередной отрывок из Готорна:

— «Какой он странный и скучный человек! Темной ночью он зовет нас к себе и держит меня и тебя за руку, и мы стоим с ним вон там, на помосте».

Обидчик, тот самый извращенец Кит Хейвард, о котором я на днях читал в бездарных мемуарах детектива Купера, собрался кинуться на Гути, но его удержал сосед по комнате в общежитии, единственный друг Бретт Милстрэп. Ему очень не хотелось, чтоб их вышвырнули из «Жестянки» раньше, чем придет яркая блондинка, которой они так отчаянно домогались: лишь один вид ее, потягивающей кофе, делал их счастливыми на три-четыре дня. Звали девушку Мередит Брайт, и, как Хейвард и Милстрэп, она играла важнейшую роль в истории, загадку которой я пытался разгадать в последующие недели и месяцы. Наверное, она была самой красивой молодой женщиной из всех, кто когда-либо появлялся в местном кампусе. То же самое можно было бы сказать, попади она в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, а не в университет Висконсина. Мередит Брайт терпеть не могла Хейварда, а Бретта Милстрэпа воспринимала как пустое место, но, впервые увидев Гути Блая и Ли Труа, была ими очарована. По нескольким причинам.

Справедливо будет заметить, что вся эта бредовая, долгая история, которую я пробую вытащить на свет, началась с Мередит Брайт. Тогда она сидела в одиночестве за последним столиком в «Жестянке», подняв глаза от «Тела любви», взглянула вдоль барной стойки, подметила Гути с Миногой и улыбнулась им. Но не буду забегать вперед и опережать самого себя: мне необходимо вернуться к тому, с чего я начал, и пояснить кое-что еще о Гути и нашей маленькой компании друзей.

Я уже сказал, что именно приятный голос NPR, вещавший о чтении Готорна вслух, помог мне разобраться в неожиданном вихре сложных чувств, охвативших меня, когда я заглянул в налитые кровью глаза мистера Беспокойного, транспортируемого двумя фулбэками¹ из Карбондейла к выходу из кафе. Я упорно сопротивлялся внезапному узнаванию, но образы и эпизоды из детства устремились ко мне мучительно-тягостным потоком. Причина этого обреченного на неудачу сопротивления в том, что Беспокойный напомнил мне Гути, который провел четыре десятилетия в психиатрической больнице Висконсина, общаясь с людьми исключительно при помощи слов из сборника капитана Фаунтейна и, возможно, когда ощущал особо сильные наплывы ностомании, предложениями типа «Неужели ты заставил меня заключить договор, который погубит мою душу?» из «Письма Скарлет». Язык не поворачивается назвать это сумасшествием: это страх, та же разновидность всепоглощающего ужаса, обратившего Беспокойного в невнятно бормочущую статую.

Я хотел разобраться с этим страхом. И уяснил для себя: раз уж я вскрыл этот слой — должен идти до конца. Как только я понял причины беспомощности Гути, я решил, что пласт реальности, закрытый от меня почти на сорок лет, наконец откроется.

Уточню: ко мне лично это не имело отношения. Ни малейшего.

¹ Защитник в американском футболе

Начиная с середины шестидесятых время от времени этот тайный мир — суть всей истории о странствующем гуру по имени Спенсер Мэллон, о том, что он совершил и чего не совершал и что до сих пор значил для любивших его и восхищавшихся им, — тревожил меня. Более чем тревожил — постоянно будил сомнения и страдания, прилипавшие, как тень, стоило лишь всколыхнуться памяти... Одной причиной непрерывного душевного волнения было молчание одного человека. Она не говорила со мной об этом, как и все остальные. Меня просто не пускали. Нет, я не собираюсь сходить с ума от чего-то, случившегося сто лет назад, но разве это честно? Все было так здорово, мы так хорошо дружили, и лишь потому, что я не хотел иметь никаких дел с этим жуликом Мэллоном, они сплотились против меня. Даже моя подруга, которая, как все считали, была моей двойняшкой.

Знаете, что произошло? Как последний олух, я цеплялся за свои принципы, а по сути все дело было в этом человеке, побывавшем в Тибете, видевшем, как в каком-то баре кто-то у кого-то отрезал руку. Он рассказывал о тибетской «Книге мертвых» и философе по имени Норман О. Браун, он изучал древнюю магию — в общем, вся эта мура вроде как напугала меня тогда. Все это, с одной стороны, казалось полной чушью, а с другой — кто его знает, может, и было отчасти правдой. Скорее всего, я боялся, что, познакомившись с Мэллоном поближе, тоже начну верить в него.

Минога отлично знала, что я чувствую, такой вот она была умничкой. Она понимала, что мои переживания куда сложнее, чем я сам хотел бы допустить. Она считала, что я боялся напрасно, и стала меньше доверять мне. Учítывая, что я не желал прикидываться студентом колледжа и поэтому остался сидеть дома в первый раз, когда мои друзья отравились в «Жестянку», у меня было две возможности все поправить: например, я мог бы пойти в итальянский ресторан, где они впервые услышали разглагольствования Мэллона. Или испукить свое отступничество, присоединившись

ко всем на втором сеансе Мэллона — в квартире, где жили Кит Хейвард и Бретт Милстрэп. Таковы были возможности. Но стоило мне сказать «больше никогда», дверь за друзьями захлопнулась, а меня оставили снаружи — куда я вышел сознательно и где предпочел остаться.

Пока они таскались за Мэллоном, я подолгу гулял в одиночестве, иногда от нечего делать забредал на школьную спортплощадку и бросал мяч в кольцо. Или пытался. Помню, как-то промазал пятьдесят три раза подряд. В тот памятный день, воскресенье, 16 октября 1966 года, я сидел дома и перечитывал «О времени и о реке» Томаса Вулфа — роман, который обожал до умопомрачения, потому что мне казалось, будто речь в нем идет обо мне, Ли Гарвелле, — чутьком, одиноком, талантливым юноше, несомненно обреченном на литературный успех. Ну, если не именно обо мне, то по крайней мере о том, кем я стану, если поступлю в Гарвард, отправлюсь в путешествие по Европе: о, заблудший, о, сентиментальный, переполненный словами скиталец, каменная створка ненайденной двери...

Целых два дня я понятия не имел, где Минога. Когда появилась кое-какая информация, она привела меня в бешенство, поскольку содержала лишь то, что мне позволено было знать: в силу обстоятельств, навсегда скрытых от меня, там случилось страшное. Была встреча, или собрание, или, может, что-то вроде церемонии, во время которой все феерично полетело к чертям собачьим. Погиб студент. Причем он был не просто убит, а жутким образом расчленен, разорван в клочья. Сплетни утверждали, будто тело парня выглядело так, словно его рвали огромными зубами. Следующие несколько месяцев, а за ними и четыре десятка лет единственный человек, с которым я по-прежнему общаюсь с тех пор и причастный к злополучному окружению Мэллона — моя жена, — наотрез отказывался даже попытаться объяснить, что тогда случилось с ними.

Почти неделю она просто молчала. Единственные подробности, которыми она соизволила поделиться со мной, ка-

сались полицейского расследования, смятения и гнева ее ни на что не способного отца, ее возмущения нашими преподавателями и приятелями-студентами, ее отчаяния из-за бедного Гути. Когда все понемногу улеглось и местонахождение Гути наконец перестало быть тайной, Минога попыталась навещать его в больнице Ламонта, где, как выяснилось, он лежал все это время. Первый раз она заговорила там с кем-то, и этот кто-то — по-видимому, пускаться в эти детали пустая трата времени — запретил ей приходить: состояние мистера Блая слишком тяжелое и нестабильное. Месяц спустя она пришла снова. На этот раз в больницу Миногу пустили, но от ворот поворот ей дал не кто иной, как Гути Блай. Пользуясь словами, заимствованными у Готорна, он отказался даже видеть ее. Наотрез. И неизменно отказывался весь выпускной год, и Ли, по-моему, отступилась. После того как мы отправились в Нью-Йорк, она никогда не упоминала о нем.

Иногда я возвращался мыслями к этому голубоглазому пареньку, думал, что случилось с ним. Он все еще много значил для меня, к тому же я знал, что он по-прежнему очень много значил для моей жены, которая с годами перестала быть Миногой и сделалась широко известной — в определенных кругах — под именем, данным ей при рождении. Я надеялся, что с Гути все хорошо. Спустя шесть или восемь месяцев, думал я, он наверняка выпишется из больницы и вновь нашел свой путь. Вернулся, например, к родителям: когда те выйдут на пенсию, станет заправлять в «Бэджерфудз» и немного оживит торговлю. А может, уехал из Мэдисона, женился на девушке, очень похожей на него, работает в офисе, растит двух или трех детишек-херувимчиков. Таким, как Гути Блай, суждено проживать тихие, не осложненные событиями, но полноценные жизни. Если уж для них мир оказался нехорош, обо всех остальных и говорить нечего.

Истинная судьба Гути оставалась для меня загадкой до лета 2000 года, когда на редкий совместный отдых мы с же-

ной отправились на Бермуды. Отпуск я, как правило, вообще не беру, супруга же предпочитает посещать хорошо знакомые ей места, где она сможет и друзей навестить, и заняться чем-нибудь. Она много времени проводит на конференциях и заседаниях, ведя насыщенную и во всех отношениях замечательную жизнь. Замужем за писателем можно чувствовать такое же одиночество, как если жить без мужа, не имея друзей. Я счастлив, что Ли создала себе такую наполненную жизнь, и ценю редкие случаи, когда мы выезжаем куда-то вместе без всякой причины, кроме как отдохнуть да побродить пешком. Разумеется, я всегда беру с собой работу, а Ли всегда путешествует со своими «прибабасами». И вот, когда в Гамильтоне мы наслаждались отличным обедом в «Таверне Тома Мура», в дальнем конце помещения я заметил мужчину моих лет, начинающего сесть блондина с приятным загорелым лицом, сидящего за столом с необычайно привлекательной женщиной, очень на него похожей. Не будь рядом жены, я, невзирая на возраст незнакомки, ту блондинку с легкостью назвал бы самой эффектной женщиной в зале. Бывшая Минога не подозревает об этом, ее обычно раздражает, если это подчеркивают, однако, где бы она ни оказалась, Ли Труа всегда самая красивая. Всегда.

23

Состоятельный, галантный мужчина мог быть повзрослевшим и процветающим Говардом Блаем, если бы Гути сделал правильный выбор и теперь пользовался плодами успеха.

— Милая, — сказал я. — Сдается мне, вон там, в конце, сидит Гути Блай, причем отлично выглядит.

— Это не Гути, — ответила она. — Извини. Хотя жаль, что не он.

— Почему ты так уверена? — спросил я.

— Потому что Гути все еще в больнице. И изменился лишь в одном — постарел, примерно как мы с тобой.

— Еще в больнице? — поразился я. — В Ламонте?

— В той самой, бедняжка...

— Откуда ты знаешь?

Я неотрывно глядел, как она разрезает рыбу вилкой, отделяет маленькие кусочки, осторожно подцепляет их кончиками зубцов. Другие редко замечают это, но в той манере, как моя жена поглощает пищу, есть нечто особенное. Я всегда с удовольствием наблюдаю за ней.

— У меня свои каналы, — сказала она. — Люди порой делятся со мной...

— Это все, что ты можешь мне рассказать?

— Мы же говорим о Гути, а не о тех, кто поведал мне о нем.

И все. Ее отказ говорить возвращал нас к давно знакомому молчанию, когда у меня не было права на информацию, потому что я выбрал, во-первых, не шнырять по университетскому кампусу, во-вторых — и это оказалось приговором, — не только не попадаться на глаза Спенсеру Мэллону, но и думать не сметь поклоняться ему. Мои друзья, даже Минога, — они едва не боготворили его. Я бы сказал, особенно Минога. Кого, по-вашему, она выгораживала, отказываясь назвать мне источник?

Пожалуй, о Мэллоне достаточно. До поры до времени...

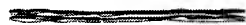
* * *

Из пятерых членов нашей маленькой банды с западной окраины Мэдисона у троих были серьезные проблемы с отцами. Еще тогда я понял, что они увлеклись Мэллоном в основном из-за этого. Судя по тому, что друзья рассказывали мне, Спенсер Мэллон сознательно играл роль доброго дядюшки, чтобы увлечь группу рискованных семнадцати-восемнадцатилетних юношей, в той или иной степени травмированных неблагополучными папашами. Он, конечно же, говорил с моими друзьями предельно откровенно, чем сразу же привязал к себе. Он пленял их — вот до чего дошло. Загипнотизированные и покоренные, они последовали за этим типом на глухой уединенный луг, принадлежавший агрофакультету, и с готовностью прошли через то, что на деле оказалось таким разрушительным для каждого из них.

Папаша Миноги тоже был не подарок, но после смерти ее шести- или семимесячного брата, точно не помню, он совсем расклеился. Карл Труа обладал правами на несколько патентов, а значит, когда-то считался изобретателем и едва не каждый божий день, выбравшись из провонявшей постели, проводил по несколько часов в сарае на заднем дворе, который называл своей «мастерской». Когда его дочь училась в выпускном классе, он бросил притворяться, что занимается там чем-то иным, кроме пьянства. Когда первая бутылка за день тонула в нежных воспоминаниях, он отправлялся побираться в убогих забегаловках и барах, выпрашивая доллар-другой на спиртное. Для меня загадка, как таким удастся раздобыть денег, но старый добрый Карл всегда умудрялся разжиться такой суммой, чтобы хватило на выпивку и еще несколько баксов оставалось на опохмел. Иногда он приносил подарок, чтобы побаловать единственного человека, делящего с ним лачугу, — свою удивительную дочку, которая, когда отец был дома, готовила ему обед и изо всех сил старалась поддерживать чистоту в жилище. Ее отношение к отцу колебалось от сдержанной ярости до неистового презрения.

Накануне того дня, когда Кроха Олсон выдал потрясающую идею «посветиться» в местах вроде «Тик-так», выдавая себя за студентов, чтобы их пригласили на студенческие вечеринки — этот трюк привел их прямо к Киту Хейварду, Мередит Брайт и Мэллону, — Карл заявился с подарочным плакатом, который выиграл в покер в самой мерзкой забегаловке во всем Мэдисоне. Плакат представлял собой репродукцию знаменитой картины Кассиуса Маркеллуса Кулиджа «Верный друг»: несколько собак, одетых как люди и играющих за столом в покер. Карл был уверен, дочке картинка придется по душе. Бульдог с сигарой передает задней лапой под столом туза пик желтой дворняге — ну круче не бывает, правда же? Минога с отвращением отнеслась к сентиментальной дешевке, но трое мальчишек, которые увидели в персонажах себя, влюбились в картину и потом долго

говорили о ней. Им разрешалось входить в сарай, а значит, они могли в любое время полюбоваться шедевром.

Около недели спустя после смерти маленького сына жена Карла и мать Миноги, Лерлин Хендерсон Труа, сбежала, не попытавшись смягчить потрясение мужа и дочери хотя бы прощальной запиской. Через четыре дня после похорон малыша, когда ее муж совершал очередной обход заведений, а девятилетняя дочь была в школе, мамаша Миноги затолкала кое-что из одежды в дешевый чемодан, вышла, пригнувшись, из лачуги — и была такова. У Лерлин были личные проблемы, и немало, и Минога скучала по ней, но скучала по-особому: как по улью с пчелами, делающими восхитительный мед, но готовыми в один прекрасный день зажалить хозяина до смерти.

После исчезновения матери Ли Труа растила и воспитывала себя сама. Она заставляла себя выполнять работу по дому, покупать и готовить еду, самой себе помогала с уроками, укладывала себя спать и со временем поняла: что бы ты ни делал — все пригодится в жизни. Она осознала, что все о людях можно узнать из их слов и поступков. Единственное, что требуется — внимательно наблюдать. Люди сами раскрываются, выкладывают все как на ладони и никогда не подозревают, что делают это.

Дружить Минога предпочитала с мальчишками: поскольку они всегда верховодили, она решила выглядеть как мальчишка, и как-то раз взяла острые ножницы и сама себя постригла «под горшок», а-ля Мо Ховард, и стала ходить в синих джинсах и рубашках в клетку. В такой одежде, со странной стрижкой, она смотрелась как образец девчонки-сорванца. Стоило приглядеться к ней с тем же вниманием, какое Минога уделяла людям, — и она казалась невероятно привлекательной. Если же бросить на нее случайный, ленивый взгляд и тут же перевести глаза на что-то другое, можно решить, что в ней нет ничего особенного. И даже принять за мальчишку.

Гути любил ее, видит Бог, я тоже. Двое других ребят из нашей команды не питали к ней нежных чувств, им было хо-

рошо в ее компании — как с ровесником, однако с таким, которого им хотелось защищать. С тем же отчаянием они защищали Гути, так что дело вовсе не в том, что она девчонка. Мне частенько казалось, они забывали, что она не просто свой парень. Мне эти мальчишки страшно нравились, и я полностью доверял им. С ними я проводил большую часть дня и гулял по вечерам, с ними болтал по телефону после школы. Когда Ботик Боутмен и Кроха Олсон поняли, что я не сноб, несмотря на существенный недостаток — я жил в доме, по их меркам, шикарном и у меня был «полный комплект» родителей, — они успокоились и стали относиться ко мне так же, как друг к другу: с грубоватым, добродушно-ласковым юмором. Как Гути, как, некоторым образом, и моя жена, эти двое юношей были загублены, думал я, тем, что натворил на том проклятом лугу Спенсер Мэллон.

Отступая на шаг назад, я мог бы сказать, что ребятам сломали жизни их никудышные отцы, ведь из-за них мои друзья стали восприимчивыми к разглагольствованиям бродячих мудрецов типа Мэллона. Почему-то никто никогда не говорит этого, но в шестидесятых таких мошенников можно было встретить повсюду, особенно в городах с кампусами колледжей. Порой встречались доморощенные, слетевшие с катушек преподаватели, читающие проповеди прямо в аудиториях, но чаще всего они забредали ниоткуда, на волне радостного возбуждения последователей, новообращенных во время предыдущего пришествия гуру/философа/мудреца. В большинстве случаев они задерживались на одном месте приблизительно месяц, ночевали на диванах или гостевых кроватях своих обожателей, «одалживали» их одежду, столовались у них, спали с их девушками или своими обожательницами. Собственность была для них понятием подозрительным. Спенсер Мэллон учил мэллонитов, что «все принадлежит всем», тем самым раздвигая рамки не-собственнического склада ума простого человека в космические дали. Даже когда мне было семнадцать, я считал все это чушью, разновидностью вздора, особенно удобного для

поработителей. Но меня в благоразумной семье воспитывали здравомыслящие родители.

Джейсона Боутмена, которого мы звали Ботиком по двум объективным причинам, растила мать, Ширли. Мы любили Ширли Боутмен, а она в ответ нас, особенно Миногу. Для нас не было секретом, что она попивала и до того, как ее оставил муж. Однако после его ухода тяга к алкоголю превратилась в серьезную проблему — затяжные запои. Ширли было далеко до пылкой и необузданной капитуляции перед зеленым змием Карла Труа, но она пила пиво за завтраком и прикладывалась к бутылке с джином в течение дня. К девяти вечера она так набиралась, что обычно отключалась в кресле.

За семь лет до прибытия Спенсера Мэллона в Мэдисон отец Ботика, владелец убыточного предприятия по строительству маломерных судов в Милуоки, мотавшийся туда и обратно три-четыре раза в неделю, объявил, что полюбил свою двадцатилетнюю сотрудницу по имени Брэнди Брубейкер. Они с Брэнди снимут дом около лодочной верфи на озере Мичиган. А в Мэдисон он будет наведываться, чтобы продолжать работу с гребной командой, ну и повидаться с сыном.

Навещал сына он все реже, приезжал раз в месяц, а потом визиты прекратились вовсе. Бизнес отца выправился, и, наверное, у него не осталось времени для бывшей семьи. Очаровательная маленькая Брэнди вскорости произвела на свет пару близняшек, Кэнди и Энди. Они были прелестными. Ботик окончательно потерял интерес к маломерным судам и их строительству и с удовольствием поменял бы своего отца на любого другого, даже на папашу Крохи Олсона, который дал деру десять лет назад и с тех пор о нем ни слуху, ни духу.

В семнадцать и восемнадцать Джейсон Боутмен был приятным пареньком — если не сравнивать его с Крохой: на его фоне Джейсон казался скрытным и изворотливым. Так оно на самом деле и было, однако не особо огорчало тех, кто дружил с ним еще с начальной школы. До ухода отца Ботик был общительным, жизнерадостным и предсказуемым. Он был тощим и высоким, славным и дружелюбным

мальчишкой, всегда шел на поводу у большинства. После того как отец их бросил, Ботик похоронил чувство юмора и сделался мрачным. Он говорил мало, плечи его опустились. Ходил, держа руки в карманах, уставясь под ноги, словно искал что-то, недавно потерянное. Совсем забросил школу. В классе сидел за столом почти боком и глядел на доску с недоверием, будто подозревал, что его дурачат. Главным его настроением было вялое недовольство. Когда к нему приходили домой, вместо «привет» он бурчал что-нибудь вроде «явился»... Он перестал читать книги и участвовать в спортивных играх. В разговоре отвечал односложно, неохотно, но только не тогда, когда жаловался. В такие моменты оживал Ботик, которого мы помнили со времен начальной школы: наблюдательный, разговорчивый, «присутствующий». Жалобы, как правило, распространялись на наших преподавателей, книги, которые, как они полагали, мы читаем, и уроки, над которыми, как они полагали, мы корпим ежедневно; на погоду, грубость спортсменов, разгильдяйство школьного сторожа, пьяные отключки матери под конец дня. Ботик и Минога могли обмениваться историями о пьянстве родителей, как саксофонист и барабанщик — четвертями. Но как бы далеко он ни заходил в своих причитаниях по поводу несовершенства мира, Ботик никогда не говорил об отце. То и дело ни с того ни с сего он вдруг качал головой и ронял: «Брэнди Брубейкер», выкашливая имя новой жены отца, как волосяной шар.

Другая великая перемена, приключившаяся с Джейсоном Ботиком Боутменом после развода родителей, выразилась в яростном увлечении шоплифтингом¹. Он начал воровать в поражающих воображение масштабах. Его воровство напоминало непрекращающийся кутеж. Как это назвать — шалость? Ботик, похоже, собрался так шалить всю оставшуюся жизнь. Еще в пятом классе мы иногда приворовывали по мелочам: шоколадные батончики, журналы

¹ Shoplifting — мелкое воровство в магазинах, магазинные кражи как занятие и как явление (англ.).

с комиксами и книжки в мягких обложках, всякая канцелярская мелочь из соседних магазинов, но только в этом не было системы. Ни один из нас не делал этого постоянно, а я — реже других. Иногда Минога или Кроха Олсон не могли позволить себе купить новую тетрадку или шариковую ручку, которые некоторые учителя хотели бы видеть на партах учеников, и единственным способом заполучить желаемый предмет было стянуть его в магазине канцтоваров. Ботик повел себя точно так же спустя примерно месяц после бегства отца. Он заходил в магазины и тащил без разбору все, что мог вынести. Он раздал нам столько свитеров и толстовок, что кое-кто из родителей заподозрил неладное. За исключением, разумеется, отца Миноги. Ширли Боутмен догадывалась о происходящем и предупредила Ботика, что когда-нибудь он попадется и пойдет под суд. Бесполезно.

Минога рассказала мне, и это имело большое значение даже тогда, что всем этим барахлом — башмаками, носками, трусами, футболками, ластиками, блокнотами, карандашами, степлерами и книгами — Ботик пытался заполнить зияющую пустоту в душе. Когда появился Мэллон и заграбастал их, он поручал Ботику стянуть для него то одно, то другое. Согласно теориям Мэллона, Ботик не крал вещи — он их перераспределял. Поскольку все принадлежало всем, никто — особенно владельцы магазинов, вопреки их представлениям, — не обладал никакой собственностью. Миногу всегда поражало, а меня сместило то, что, если Ботик по-настоящему верил в теории Мэллона, он должен был тотчас прекратить воровать. С его точки зрения, суть воровства заключалась в следующем: что бы ты ни вынес, на самом деле это принадлежит кому-то другому — вот почему, сунув какую-то вещь под полу, чувствуешь, как на душе полегчало. Ощущение мимолетного превосходства помогало утолять боль в душе паренька. Вот только все, что попадало в эту жестокую ненасытную пропасть, тотчас поглощалось ею без остатка.

Я рассказывал, что идея поторчать в «Жестянке» на Стейт-стрит, прикинувшись студентами, принадлежала Кро-

хе Олсону, и это было характерно для роли Дональда Олсона в нашей маленькой банде. В какой бы школе ни учился Дон, всюду стал бы лидером: он из тех мальчишек, кто обладает врожденным авторитетом, проистекающим из глубокой личной порядочности. Его харизме во многом способствовала внешность. В начальной школе он всегда был самым высоким среди нас, а в выпускном классе средней школы вытянулся аж до шести футов двух дюймов. Бездонные черные глаза, четко очерченные темные брови, высокие скулы, подвижный выразительный рот, мягкого оливкового цвета лицо, длинноватые волосы, спадавшие почти до воротника, и легкая, безупречная осанка довершали впечатление.

Если бы Кроха Олсон использовал привлекательность для своей выгоды, если бы показал осведомленность о своей красоте и удовольствие от этой осведомленности, если бы проявил хоть капельку себялюбия, он бы погиб — по-другому, я имею в виду, не так, как в действительности погубило его течение жизни. Наоборот, он как будто понятия не имел, что невероятно красив, или же чувствовал, что яркая внешность не имеет отношения к настоящему делу его жизни. Каким могло быть это дело, неизвестно. Живя мы в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе, наверняка появился бы кто-то и предложил Крохе Олсону стать актером, но мы жили в Висконсине, и из наших знакомых никто не был человеком искусства. Мы видели много фильмов, но люди, игравшие в них, принадлежали к иной, более возвышенной сфере. Они казались нам такими далекими и недоступными, словно даже воздух, которым они дышали, был не таким, как у нас.

Кроха Олсон, в отличие от меня, книг не читал, будто боялся, что они поглотят его и навяжут ему чужие мысли и дела. Книжки никогда особо не увлекали его, он не был начитанным или эрудированным в любом смысле слова и, наверное, никогда не смог бы последовать той дорожкой, которую выбрали себе Ли Труа и я: отправиться в колледж и пробираться ошупью в будущее с помощью известного всем спо-

соба — учебы. Так или иначе, колледж был выше его сил. Его мать и ее нудный сожитель-алкаш, чиновник кредитного союза, голубой мечтой которого было, чтобы Дональд Олсон убрался навсегда из дома, ясно дали ему понять: платить за обучение в колледже они не собираются.

Невозможной и несправедливой для Крохи представлялась перспектива наняться на какую-нибудь несложную офисную работу или продавцом в магазин. Призывная комиссия, в других случаях с готовностью «забрывающая» таких, как он, парней, отказалась от него — медкомиссия обнаружила дефект сердечного клапана: с тоски и отчаяния Кроха попытался уйти в армию, не говоря никому ни слова, но был признан I-Y, то есть негодным по здоровью. Однако, когда демонстрации стали более шумными и частыми, Кроха понял достаточно о происходящем во Вьетнаме, чтобы носить в душе одновременно тревогу из-за войны и благодарность за свой непризывной статус.

32

На самом деле конфликт во Вьетнаме отвлек его от то-скливых раздумий: что делать, чем заняться после школы. В Мэдисон Уэст любая форма выражения политических мнений была под запретом, и наш директор, ветеран Второй мировой, расстарался бы отчислить любого ученика, набравшегося смелости стать организатором или участником антивоенного митинга на территории школы. Но мы могли участвовать в диспутах, маршах протеста и демонстрациях, возникающих постоянно в кампусе университета. В 1966 году Мэдисон неуклонно шел к превращению в болезненный нарыв 1968 года, и все митинги давали Крохе множество возможностей знакомиться с девушками, пока он искренне протестовал против войны.

Ботика тоже беспокоила война, поскольку он боялся, что его заберут в армию в день окончания школы, но девушки и студенческие вечеринки его волновали больше.

Если только я не ошибаюсь, частичка привлекательности Мэллона для Крохи Олсона крылась в его отношении к вьетнамской войне. Мэллон ясно дал понять, что считает вой-

ну необходимой на данном отрезке времени — он, похоже, испытывал какое-то полурелигиозное чувство к жестокости, которую рассматривал как некое начало, источник. Хотя он намекал, что его конечная цель может быть достигнута с помощью определенной оккультной церемонии, использующей священное насилие как средство такой трансформации нашей планеты, в результате которой война во Вьетнаме завершится сама собой, завянет и иссохнет, как сорняк, надолго лишенный воды. Огонь пожрет огонь, ураган поглотит разбушевавшийся тайфун. В общем, как-то так. После глобального уничтожения грянет перерождение, масштабы и природу которого радостно и благополучно исследуют Мэллон и его немногочисленные избранники. Скажу об этом аферисте только одно: он сообщил Крохе, Ботику, моей жене и трем другим своим последователям — Мередит Брайт, Киту Хейварду и Бретту Милстрэпу, — что великая переменна и перерождение могут длиться лишь секунду или две и что произойти это может лишь в их умах, как открытие нового видения, более достоверного и правдивого, более глубокого взгляда на вещи. Несмотря на вред, который нанес Мэллон этим молодым людям, должен с уважением отметить его искренность. Как и всякий липовый мудрец и пророк, шатавшийся по кампусам в середине-конце шестидесятых, Спенсер Мэллон предрекал конец света, но, в отличие от многих других, он допускал, что апокалипсис может длиться лишь мгновение или же будет заключаться в распахивании настежь «мысленного окна». Я ненавижу этого человека, я считаю его мошенником, отхватившим удачу самым чудовищным способом, но не могу не уважать то, что воспринимаю как мудрость. Ну, если не мудрость, то сознательность.

* * *

Моя подруга Ли Труа, или Минога, и ее приятели отправившись в «Тик-так» — называемую «Жестянкой» за странное, отражающее свет и напоминающее фольгу, покрытие стен, — и в этой непривлекательной тесной забе-

галовке потрясающая блондинка по имени Мередит Брайт радушно пригласила Миногу и Гути за свой столик, где она сидела в одиночестве с книжкой под названием «Тело любви» Нормана О. Брауна¹, одного из вдохновителей и учителей Спенсера Мэллона. Сидевшие в центре зала мерзкие Кит Хейвард и его сосед по комнате Милстрэп наблюдали за этой сценкой с ревностью и отвращением. Следует отметить, что даже в первую встречу обоим, моей жене и Гути, Кит Хейвард показался неприятным. В духе времени, а может, по складу характера Мередит немного умела составлять гороскопы, и выяснилось, что она подольстилась к Мэллону, ее гуру и любовнику, и он позволил ей сострять гороскоп или серию гороскопов, я не очень понимаю, как это все работает. По результатам ее вычислений, группе для достижения целей требовались Телец и Рыбы — для этого идеально подходили Минога и Гути. Менее срочно нужны Скорпион и Рак — знаки Крохи и Ботика. Так что с самого начала они были обречены — все. Так сказали звезды.

Не сомневаюсь в искренности Мередит: я не верю, что она нарисовала фальшивую схему уже после случайной встречи с моими друзьями в «Жестянке». Хотя лично я такие откровения расцениваю не иначе как бредовые, но считаю, Мередит Брайт поняла, что Минога и Гути соответствуют ее астрологическим критериям, как только заметила, как они смотрят на нее от барной стойки. Вот сейчас думаю, какими они тогда выглядели невинными, какими чудовищно наивными они были на самом деле и какими трогательными они, наверное, показались Мэллону, пожиравшему невинность. Желая убедиться, правильно ли она угадала, Мередит взглядом поманила Миногу и Гути и поинтересовалась их именами и астрологическими знаками. Бинго. Прямо в

---

¹ Норман О. Браун — американский философ и публицист. Один из идейных вдохновителей контркультуры и «сексуальной революции» 1960-х гг. Автор эссеистических книг «Жизнь против смерти» (1959), «Тело любви» (1966), «Апокалипсис и/или преобразование» (1991).

точку. И вот же повезло: Скорпион и Рак сидели тут же, в конце стойки, — представляете? — через день вечером они должны все пойти на восьмичасовое собрание, в двух кварталах отсюда, в нижнем зале «Ла Белла Капри». Пожалуйста. Пожалуйста-ну-пожалуйста, приходите. Мередит Брайт именно так и сказала.

Не в силах устоять перед приглашением самой желанной женщины в мире, они сразу же согласились прийти в нижний обеденный зал итальянского ресторана на Стейт-стрит, который знали всю жизнь. Минога попросила и меня пойти, Кроха тоже умолял присоединиться к ним, но я не вглядывался в бездонные, говорящие глаза Мередит Брайт и сказал «нет». Причем они даже не старались прикидываться студентами, поскольку Мередит Брайт с самого начала поняла, что перед ней старшеклассники. Мои друзья и моя любовница, ведь мы с Ли Труа спали с нашего пятого свидания, попытались, правда неудачно, уломать меня поверить в «таинственное очарование» Спенсера Мэллона, как описала его мисс Брайт.

И когда в следующий раз мы остались наедине, Минога спросила меня:

— Ты что, правда не хочешь пойти? Там же будет круто, так интересно. Этот Мэллон ни на кого не похож. Ну пойдем, милый, неужели ты не хочешь познакомиться с настоящим... магом? Странствующим мудрецом, у которого нам есть чему поучиться?

— Да меня тошнит от одной формулировки «странствующий мудрец», — ответил я. — Прости, но это так. В общем, нет у меня желания сидеть в подвале «Ла Белла Капри» и выслушивать ахинею этого типа.

— Откуда ты знаешь, что это будет ахинея?

— Да знаю, потому что ничем другим это быть не может.

— Ну Ли...

С отчаянием на лице Минога так трогательно умолкла, не находя слов, — мне было больно видеть такой свою девушку, близкого товарища и задушевного друга. Она сказа-

ла, что я не только не уловил суть, я, похоже, ее вообще никогда не пойму. Потом она спросила:

— А ты не против, если я схожу?

Одним словом, я мог бы переписать ее будущее. Не сходя с места. И свое заодно. Но не почувствовал этого. Ей так хотелось убить время, сидя у ног странствующего проходимца, что я не смог возразить. Занятие могло оказаться вполне безобидным, с единственным последствием — воспоминанием о бесполезно потраченном часе или двух.

— Нет, — сказал я, — не против. Хочешь — иди.

— Да, — ответила она, — хочу.

И пошла. Они все пошли. И пришли раньше времени, и заняли боковой столик, и заказали пиццу, и с жадностью расправились с ней. Постепенно подтягивались настоящие студенты университета, а среди них — Бретт Милстрэп и Кит Хейвард. Заняв со своим соседом столик ближе к эстраде, Кит ни с того ни с сего принялся откровенно глумиться над ребятами. Вскоре предназначенный для узкого круга нижний зал заполнился молодежью, привлеченной слухами о вечернем выступлении звезды. В десять минут девятого от лестницы донесся шумок разговора и смех. Все повернули головы к арке в виде входа в пещеру, чтобы лицезреть величественный выход Мередит Брайт и еще одной сексапильной, зловеще красивой молодой женщины, позже представленной как Александра, и Спенсера Мэллона, который в сопровождении ослепительных ассистенток вошел в зал: развевающиеся светлые волосы, куртка-сафари и поношенные коричневые башмаки. «В общем, — рассказывал мне потом Гути Блай, — как бог».

Мысленно я отчетливо нарисовал портрет этого существа лишь пятнадцать лет спустя, в 1981-м, когда, отправившись в одиночестве на первый показ фильма «Поиски утраченного ковчега», увидел в картине Индиану Джонса, точнее, Харрисона Форда, летящего сквозь клубы песка и пыли. Куртка-сафари, лихая шляпа, обветренное лицо, ни молодое, ни старое. У меня невольно вырвалось: «Бог ты мой, это же Спенсер Мэллон!» Никто меня, надеюсь, не

слышал. Зал кинотеатра был на две трети пуст, а я сидел с краю третьего от конца ряда в окружении пустых кресел. Много позже Ли описала лицо Мэллона как «лисье», и я изменил свое представление, но несущественно.

Мэллон повел красавиц к самому первому столику, развернул стул, оседлал его, широко расставив ноги, и заговорил — завораживающе. «Кому-нибудь, — с благоговением рассказывал Гути, — его речь могла бы показаться пением».

Это не было похожим на монотонное песнопение гуру, хотя голос его оказался удивительно мелодичным, с невероятным диапазоном и безупречным по красоте тембром. Он, наверное, обладал неким даром, и его красивый голос мог быть чрезвычайно убедительным.

Мэллон поведал о своих странствиях по Тибету, рассказал о тибетской «Книге мертвых», что в середине-конце шестидесятых являлась поистине библией мошенников. В тибетских барах, сообщили мне Минога и Гути, Спенсер Мэллон дважды — дважды! — видел человека, разрезавшего руку другому, при этом кровь хлынула потоком, а человек с топором отхватил разрезанную руку и бросил ее поджидавшей собаке. Это был знак, сигнал, и он пришел объяснить его смысл.

Когда они в конце концов чуть разоткровенничались, оба — Гути и моя подруга — рассказали, что, несмотря на отрезанные руки и потоки крови, речь Мэллона лилась словно музыка, только музыка с вплетенным смыслом.

— Он заставляет тебя глядеть на все в ином свете, — твердили они, хотя им с трудом удавалось передать смысл его откровений.

— Нет, знаешь, не могу повторить ни слова, — признался Гути.

Минога же сказала:

— Извини, вот если б ты там был... Я просто не вижу, как дать тебе понять, что он поведал нам.

И добавила:

— Потому что он говорил это нам, понимаешь?

Она сознательно не впускала меня, оставляя по ту сторону линии на песке. Их отделили, моих четверых друзей, подняли на высоту такую, с которой меня уже почти не разглядеть. Мэллон дал школьникам знак задержаться, когда студенты ушли. А когда они и две его подружки, разодетые, как ассистентки иллюзиониста, остались в нижнем зале, в кои-то веки без Хейварда и Милстрэпа, мудрец сказал им, что они помогут ему достичь наконец кое-чего, прорыва какого-то, я не совсем понял, чего именно, но это должно стать великим достижением, кульминацией всех его трудов. Так, по его словам, он полагал. Сосуды разбились, сказал он, и божественные искры полетели через падший мир. Божественные искры стремились воссоединиться, и, когда они воссоединятся, падший мир преобразится в восхитительный гобелен. Возможно, они станут привилегированными свидетелями этого преобразования, в любом смысле, в любом проявлении и сколь угодно долго. Он чувствовал, как они, члены маленькой банды из Мэдисон Уэст, все нужны ему... Так оно, наверное, и было — ощущение неотделимости, крайней необходимости и надежды на грандиозное будущее.

— Доверьтесь мне, — сказал он, наверное, им всем, а особенно Крохе. — Когда начнется прилив, вы будете рядом со мной.

Олсон рассказывал это мне с глазу на глаз, и я не думаю, что он похвалялся: показалось, Кроха был в мире с самим собой. Пожалуй, именно тогда у меня в душе поселился страх. Или тревога. Что этот таинственный тип имел в виду, говоря «когда начнется прилив»? Какой прилив? И как он начнется?

Прежде чем они разошлись, Мэллон велел ребятам через пару дней встретиться с ним вечером и дал адрес Хейварда и Милстрэпа на Горэм-стрит. Следующие два дня они тряслись от возбуждения, и, после того как я дважды отказался от приглашения моей девушки вместе с ними нырнуть в кроличью нору¹, я был исключен из их нарастающего

¹ Метафора — путешествие в неизвестное, по аналогии с приключениями «Алисы в Стране чудес».

предвкушения. Они сдвинули плечи против меня. Я потерял последнюю возможность. Но мне правда не хотелось отправляться за ними в кроличью нору. Но хотелось последовать за Миногой, по крайней мере, потому что ею и моими друзьями решил попользоваться какой-то аферист — пускай он и сказал, что интересуется только великими переменаами, которых можно достичь оккультными способами, но преследовал более земные цели.

Репутация гуру начала расползаться по швам еще до собрания на Горэм-стрит. Красавица по имени Александра, одна из спутниц Мэллона при его первом явлении народу, подошла к Гути в «Тик-таке», куда ребята теперь отправлялись каждый день прямо из школы, и постаралась убедить не связываться с этим человеком. Но вот беда: к тому времени Гути обожал своего героя и рассказы Александры о его аморальности и лицемерии воспринял болезненно, встав на сторону Мэллона. Гути решил, что она все это выдумала. То, что каким-то образом Спенсер довел эту большеглазую, черноволосую, похожую на цыганку девицу до слез, чертовски впечатлило Гути. И то, что Мэллона вроде как вышибли из одного или двух студенческих клубов, прозвучало для него преувеличением или ложью — в любом случае кто-то лгал, подумал он, может, парни из студенческого клуба, злясь на Мэллона за то, что ушел от них. Когда разбушевавшаяся девушка предостерегла Гути, что Мэллон наверняка попытается поселиться у кого-нибудь из их группы, мальчишка зарделся, взволнованный надеждой, что это будет он! И надо же, вскоре после собрания на Горэм-стрит Спенсер Мэллон провел пару ночей в подвале «Бэджер фудз», в маленьком продуктовом магазинчике Блаев на углу.

Не сказать чтобы я знал, где искать Мэллона: я этого не знал. Минога, с которой я полтора года проводил почти каждый день и вечер уикенда, продолжала сидеть со мной в классе, но в другое время держалась так, будто сошла на берег с лайнера после шикарного круиза, разделить который с ней я необъяснимо отказался. По вечерам она уде-

ляла мне жалких пять минут — по телефону. Я «упустил пароход» едва ли не буквально, и Минога была настолько очарована подробностями своего путешествия, что для меня у нее времени почти не оставалось.

Мне известно о сеансе на Горэм-стрит только то, что моя девушка оказалась за длинным столом рядом Китом Хейвардом, когда Мэллон разглагольствовал.

— Он был потрясающ, но тебе не понять, так что я даже и пытаться не буду, — рассказывала она. — Но, бог ты мой, чтоб я когда-нибудь еще приблизилась к Киту Хейварду! Помнишь, я тебе о нем говорила, парень с узким лицом и морщинами на лбу? И шрамами от угрей? Вот уж мерзкий тип.

Он пытался клеиться к ней? Для тех, кто имел глаза, Минога была такой хорошенькой, что я едва мог бы винить его.

Мой вопрос возмутил ее:

— Нет же, балбес. Дело не в том, что он делал, а в том, какой он. Он жуткий. Реально жуткий. Он взбесился отчего-то: вроде бы Спенсер прикрикнул на него за то, что пялится на его подругу, эту Мередит, которая, между прочим, мизинца его не стоит, а он и ухом не повел, вообще, а я такая улыбнулась ему за то, что ему пофиг, а ему и я пофиг, а я смотрю на него, и глаза у него — представляешь, как две черные дырки. Seriously. Черные лужи, а в них плавают так кругами и тонут какие-то жуткие, жуткие вещи... Что-то с этим Хейвардом не так. И Спенсер это тоже знает, только он, по-моему, не видит, насколько он больной, этот мерзкий урод.

Мне подумалось, что она, наверное, права хотя бы отчасти. Минога умела более четко и быстро оценивать людей, чем я, и, конечно, не потеряла навыка и сейчас. В Рихобот Бич, штат Делавэр¹, она как-то раз оказала деликатную услугу своей любимой организации, Американской федерации слепых. Я был потрясен, когда жена рассказала мне

---

¹ Рихобот Бич (*Rehoboth Beach*) — маленький курортный город в США на берегу Атлантического океана, в штате Делавэр, состоящий в основном из магазинов, баров, ресторанов и клубов. Знаменит тем, что является своего рода столицей сексуальных меньшинств на восточном побережье США.

об этом эпизоде. То, что Минога сотворила там, было равносильно экстрасенсорному расследованию, причем абсолютно успешному. В любом случае из мемуаров детектива Купера я узнал, как верно Ли «прочитала» Кита Хейварда, и сейчас у меня от страха мурашки по коже при мысли, что она провела хотя бы пять минут в компании с ним. Тогда Кит не был настолько опасным — просто неуравновешенным, отчаянно несчастным, и, по-видимому, он мучился от своей замкнутости. Таких людей много, и большинство из них точно так же поразили бы семнадцатилетнюю Ли Труа, производя впечатление психически нездоровых; с другой стороны, Кит Хейвард был настолько болен, насколько она описала его мне, Мэллону и любому другому в их группе. Один лишь Гути поверил ей, но никому, разумеется, не было дела, что там Гути думал.

* * *

На собрании в квартире на Горэм-стрит Спенсер Мэллон рассказал своим последователям две истории, и я приведу их в таком виде, в каком они дошли до меня.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

С начала нового учебного года Мэллон пару недель кочевал между студенческими клубами и общежитиями близ университета Остина, штат Техас. И хотя ничего необычного пока не произошло, его не оставляло предчувствие неотвратимости исключительного события. Нечто невероятное и вправду случилось, хотя это не имеет отношения к истории, которую он хотел рассказать. Утром того дня, о котором идет речь, он вышел на раскаленный тротуар Восточной Пятнадцатой улицы и зашагал к своему любимому кафе, «Фронтир динер». Вскоре он обратил внимание, что по другой стороне улицы за ним следует мужчина в костюме и галстуке. Почему-то, возможно из-за официальной одежды, мужчина вызывал у него неловкость, даже казался угрожающим. Мэллона беспокоило совершенно нелогичное ощущение, будто этот мужчина, несмотря на внешность, на самом деле не являлся человеческим созданием. Мэллон шмыгнул в боковую улочку и быстро достиг следующего перекрестка, однако там его уже поджидал тот незнакомец, опять на противоположной стороне.

Мэллон решил, что выбора у него не остается: он пересек улицу, чтобы предстать лицом к лицу с преследователем. Человек в сером костюме отступил, хмурясь. Когда Мэллон ступил на тротуар, этот тип непонятным образом испарился. Мэллон не видел, чтобы он заскочил в какой-нибудь магазин или зашел за припаркованный автомо-

биль — он не заметил, чтобы тот вообще что-то сделал. Вот он идет назад с выражением досады на лице, а вот он уже растворился, слившись с бледно-розовой кирпичной стеной.

Разве только Мэллон на секунду отвел взгляд?

Тогда он опять направился к кафе. Когда он свернул за угол и вновь очутился на Пятнадцатой улице, он ощутил за собой движение и, собравшись с духом, глянул через плечо. В полуквартале от него не совсем человек в сером костюме резко остановился и уставился куда-то вдаль.

— Почему вы преследуете меня? — спросил Мэллон.

Существо в костюме сунуло руки в карманы и пожало плечами.

— Вам не приходило в голову, что еще могло следовать за вами? — Несмотря на странный механический тембр, голос казался почти человеческим.

— А вы не понимаете, насколько бессмысленный вопрос задали мне?

— Остерегайтесь, сэр, — проговорило существо. — Искренне вам советую.

Мэллон резко развернулся и, широко шагая, но не срываясь на бег, устремился прочь. Его не оставляло ощущение присутствия за спиной, хотя всякий раз, когда он оглядывался, преследователя не было видно нигде.

В кафе Мэллон сразу направился в конец барной стойки, мимо кабинок, не обращая внимания на свободные места. Марж, официантка, спросила его, что стряслось.

— Пытаюсь кое от кого отделаться, — сказал он. — Можно, я пройду через кухню?

— Спенсер, — ответила она, — ты можешь проходить через мою кухню когда захочешь.

Мэллон выбрался в широкий проулок, по правую руку у стены громоздились мусорные баки. Один из них, в отличие от других, серебристый, выглядел так, словно его купили сегодня утром. Нелинованная желтая наклейка с несколь-

кими словами, написанными от руки, лепилась к блестящей крышке.

Спенсер Мэллон отчего-то знал, что наклейка оставлена для него. Хотя ядовитый туман, казалось, парил над бачком, он не мог заставить себя пройти мимо, не прочитав записки. Он отделил бумажку от сверкающей крышки и поднес к глазам. Иссиня-черными чернилами, будто бы еще сырыми, на карточке были выведены слова: «Отступись, пока не поздно, Спенсер, у наших псов длинные зубы».

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

Год спустя Мэллон отправился в Нью-Йорк — город, который он редко посещал, — и вскоре обнаружил, что денег почти не осталось и заняться нечем. Студенты Колумбийского университета, которые представлялись такими перспективными, когда он начал работать с ними, оказались безразличными дилетантами. Всегда готовый помочь поклонник добыл ему поддельный студенческий билет, и, пока не иссякли последние деньги, он проводил дни в библиотеке, штудировав литературу о колдовстве и оккультизме. Когда он наткнулся на особенно полезную книгу, он решил проверить, интересовался ли кто-нибудь ею за последние десять лет; если нет — он потихоньку заберет ее себе.

Как-то днем Мэллон рыскал по стеллажам и вдруг заметил странный свет, робко струящийся на длинные полки с книгами откуда-то из глубины помещения. Поначалу он не обратил внимания, поскольку свет был тусклый и мигал — не более чем едва заметные розоватые вспышки. Странное, пожалуй, зрелище для библиотеки, однако в Колумбийском университете странности — не редкость.

Когда вспышки сделались ярче, Мэллон отправился на поиски их источника. Важно отметить, что аспиранты, блуждавшие меж стеллажей, не замечали оранжево-розового свечения. Набирая силу, сияние привело Мэллона к лифтам и закрытому помещению для индивидуальной работы. Сомнений не оставалось: свет шел из этой комнаты, он сочился

из щелей по всему контуру железной двери. Впервые в жизни Мэллон почувствовал неуверенность. Ему почудилось, будто он уже вовлечен в главное таинство своей жизни — великую перемену, придающую его существованию смысл. Первостепенная важность того, на что он неожиданно натолкнулся, поразила Мэллона.

Два студента, приближавшиеся по узкому проходу, странно на него взглянули и поинтересовались, все ли с ним в порядке.

— Вам не кажется, что по контуру двери воздух чуть окрашен, будто бы от свечения изнутри? — спросил он ребят, имея в виду поток розовато-оранжевого света, устремившийся к ним.

— Окрашен? — спросил один студент, и оба разом повернулись взглянуть на железную дверь.

— Да, ярко так... — проговорил Мэллон, и поток света словно по команде засиял еще ярче.

46

— Тебе б не мешало выспаться, дружище, — сказал юноша, и оба удалились.

Когда они скрылись из виду, Мэллон собрался с духом и тихонько постучал. Ответа не было. Он постучал сильнее. На этот раз из-за двери прилетело раздраженное:

— Ну, что?

— Мне надо поговорить с вами, — сказал Мэллон.

— Кто вы?

— Мы незнакомы, — ответил Мэллон. — Но, в отличие от кого-либо в этом здании, я вижу свет, сочащийся из вашей комнаты.

— Вы видите свет, который идет из моей комнаты?

— Да.

— Вы учитесь здесь?

— Нет.

Пауза.

— Преподаете, храни нас Бог?

— Нет, и не преподаю.

— Тогда как вы попали в эту библиотеку? Вы служащий?

— По поддельному студенческому.

Донесся скрип отодвигаемого стула, шаги.

— Ну, и какого цвета это свечение, что вы видите?

— Что-то вроде смеси клюквенного сока с апельсиновым, — ответил Мэллон.

Тут щелкнул замок, и дверь распахнулась.

— И все? История заканчивается на том, что какой-то тип открыл дверь?

— Погоди, увидишь. Все заканчивается, когда открываешь дверь.

Приблизительно через неделю, в воскресенье, 15 ноября 1966 года, они ввосьмером — Мэллон, Минога, Гути, Ботик, Кроха Олсон, Мередит Брайт, Хейвард и Милстрэп — отправились на луг в конце Глассхаус-роуд, перелезли через бетонный забор и устроили репетицию, которая как будто удовлетворила Мэллона. В тот вечер они всем составом явились на вечеринку в «Бета Дельта», где жили члены студенческой организации, к которой принадлежали Хейвард и Милстрэп. Меня не позвали, и я узнал о ней позже. Ближе к полуночи я наконец добрался до Ли и нашел ее настолько пьяной, что она ничего не соображала. На следующий день у нее с похмелья так раскалывалась голова, что поговорить нам не удалось, а вечером она вместе со всей обреченной компанией вновь отправилась вслед за Спенсером Мэллоном на луг.

А потом — ничего, тишина, молчание. И расползающиеся сплетни о черной мессе, языческом ритуале — такой вот чепухе, подогретой исчезновением одного молодого человека и обнаружением растерзанного трупа другого. Бретт Милстрэп словно исчез с лица земли, а Кит Хейвард превратился в изувеченный труп. Какое-то время полисмены маячили у наших домов, у школы — всюду, куда бы мы ни ходили, — задавая одни и те же вопросы снова и снова. По пятам за ними следовали репортеры, фотографии и мужчины с корот-

кими стрижками, в темных костюмах — их присутствие никем и никогда не объяснялось, хотя они постоянно крутились в поле зрения, не вмешивались, только наблюдали и делали заметки. Ли провела в доме Джейсона неделю или две, отказываясь говорить с кем бы то ни было, кроме Гути, Ботика и тех, кто мог заставить ее отвечать. Мэллон сбежал, все три партии сошлись во мнении об этом, а Кроха Олсон последовал за ним. Мередит Брайт в страшной спешке собрала пожитки, помчалась в аэропорт и ночевала там, пока не достала билет домой в Арканзас, где полиция часами допрашивала ее, день за днем, пока окончательно не убедилась, что девушке почти нечего им рассказать.

Полиции так и не удалось поймать Мэллона и Кроху, они ускользнули от допросов, даже не прилагая к этому особых усилий. После недолгой «реабилитации» в Чикаго — как ни странно, в той самой квартире на Кедровой, которую я приобрел много лет спустя, в здании через дорогу от моего нынешнего дома, — они нагрянули в студенческий городок дуэтом, как два комика. Мэллон завладел Крохой, некоторым образом объединился с ним, разумеется, с полного согласия жертвы. Олсон любил Мэллона, точно так же, как моя подруга и Ботик, и, по-моему, с удовольствием следовал за своим кумиром по стране, делая все, что тот велит. О судьбе Крохи Олсона я узнал от Ли, которая иногда, очень редко и нерегулярно, общалась с ним. Мне, разумеется, не сообщили всех деталей, поскольку я «опоздал на пароход», окончательно и бесповоротно, и не участвовал в таинственном опыте, который определил их судьбы. Словно существовал некий магический круг, за чертой которого я стоял — снаружи.

А вот кто находился внутри круга и чем в итоге для них это обернулось.

Гути Блай, как мы уже знаем, обрел постоянное место жительства в палате психиатрической больницы и разговаривал только цитатами из Готорна и неизвестными словами из словаря капитана Фаунтейна.

Джейсон Ботик Боутмен бросил школу перед самым выпуском и сделался профессиональным вором. Неужели у него не было других способностей?

Кроха Олсон посвятил жизнь человеку, которого решил считать своим отцом, и все, что он получил в награду за капитуляцию, — жизнь «с чужого плеча», безрадостное существование в роли подмастерья фокусника, кормящегося крошками, падающими с рук хозяина, одевающегося в обноски хозяина и спящего на кушетках для гостей с девочками с разбитыми сердцами, отбракованными хозяином. Несколько лет спустя Ли рассказала, что Мэллон завершил карьеру, но Кроха Олсон продолжил как его заместитель, или новая, улучшенная модель, или что-то в этом роде. Он многому научился за эти годы, освоил тибетскую «Книгу мертвых», «Книгу перемен» и работы Джордано Бруно, Раймонда Луллия, Нормана О. Брауна и бог знает кого еще, и ремесло странствующего гуру оказалось в конце концов единственным, чем он владел. И все же. Когда я думаю о том, каким славным пареньком он когда-то был...

О Мередит Брайт и Бретте Милстрэпе я ничего не знал, но, возможно, у каждого из них нашлось бы что рассказать, если б мне удалось их отыскать.

И конечно же, последней фигурой, оставшейся в пределах круга, была моя жена — Ли Труа, самая красивая женщина в любом окружении, одаренная интеллектом, бесстрашием, отменным здоровьем. Она содержала потрясающий дом, сделала выдающуюся карьеру члена правления, советника и антикризисного менеджера АФС. Муж любил ее, несмотря на несовершенство его преданности и фабулу его признанной успешной книги «Агенты тьмы». Книги, в которой он попытался понять необъяснимый случай на лугу. И которая могла быть рассмотрена как дань восхищения женщиной, которой она посвящалась. Да, почти все свои книги он посвящал жене. Благодаря мужу, то есть мне, у Ли всегда было и будет достаточно денег, чтобы никогда не волноваться о финансах. Однако Ли Труа тоже пострадала, по-

страдала жестоко, и, хотя последствия впервые дали о себе знать, только когда ей было уже за тридцать, она тотчас поняла, что причина — ритуал Мэллона на лугу.

* * *

Так они и остались, моя жена и бывшие друзья, — там, в их священном кругу. А я — здесь, по другую сторону, спустя несколько десятилетий по-прежнему недоумевающий, что с ними стряслось.

Хорошо знакомый голос на NPR подарил мне Готорна, а после Готорна — Гути Блая, до сих пор заключенного в чертовой психушке. А следом за Гути вдруг нахлынули другие воспоминания. Тошная борзая, летящая по снегу, шелушащаяся глазурь ледка на санках, распахнувшийся городской ландшафт западного Мэдисона, сверкающий стакан воды — как воплощение неизведанного... Самые близкие друзья, которые делили со мной все, пока я не отказался последовать за ними в ученичество: их красивые лица будто запылали передо мной. В них горело то, что мы значили друг для друга, и то, чего я никогда не знал и не понимал.

Что же их — каждого по-своему — не только сбilo с пути, но вдобавок исковеркало им жизни? Комната поплыла перед глазами, почудилось, будто и в моей жизни все вдруг оказалось под угрозой.

Я должен знать; но тут же понял: я очень боюсь узнать, что же на самом деле произошло на лугу. И тем не менее я должен, и это сильнее страха перед тем, что выползет из-под камня, который собираюсь перевернуть. Все это время я ревновал друзей ко всему, что они увидели там, и неважно, что оно перекорежило их.

«Ее пристальный взгляд» только что зачах. Но хотя меня притягивали зловещие разоблачения детектива Купера о семье Хейварда — «Две темные звезды», «Прямое наследование чудовищной психопатологии», и несчастный старый ожесточенный детектив, забирающий свои тайны в

пропитанную пивом могилу, — на самом деле я вовсе не горел желанием отдать год жизни или больше их описанию.

Честное слово, я думал, это выше моего понимания. Агент и издатель тактично намекали на документальную книгу, но когда я стоял на кухне и вытирал неожиданные слезы, последняя мысль, какая могла прийти мне в голову, — это написать о потерянном мире, погубленных друзьях и том, что скрывала от меня жена. Даже если скрывала, чтобы защитить меня. Нет, понял я, не надо писать об этом. Сказать по правде, я не хотел проводить этот еще теплый и трепещущий мир, увиденный лишь краешком глаза, через все знакомые, порой мучительные и утомительные действия, из которых складывается написание книги. То, что я успел заметить мельком, тотчас умчалось в невидимость, как седой волос, уносимый белой метелью... Мне хотелось опыта того всегда исчезающего волоса, а не опыта превращения погони в литературное произведение.

Ну и ладно. Может, книги у меня и не было. А что было точно — идея, рожденная необходимостью.

Первым делом я как следует успокоился — настолько, что смог попасть по клавишам — и отправил в Вашингтон имейл жене. Речь шла не только о моем, но и о ее прошлом, и если я намеревался открыть то, что Ли упорно скрывала, она имела право знать это. Вместо того чтобы изображать творческий процесс, я засел смотреть по Интернету фильмы «Валли» и «Черный рыцарь» и приблизительно раз в час проверял почту с мобильного. Я не ожидал, что Ли ответит сразу, но в 6.22 по местному, а в 7.22 по ее времени она сообщила, что ей будет интересно посмотреть, как далеко я зашел. Ли пользуется различными программами распознавания речи, ее ранние попытки приводили к массе опечаток и ошибок, но сейчас сообщения были почти идеальными. И ответила она так быстро, объяснила Ли, потому что сию минуту узнала новость, которая может меня заинтересовать. Пару лет назад Дональд Олсон попал в неприятную историю, она слышала, что через день-два его должны

выпустить из тюрьмы, и он будет благодарен, если найдет-ся местечко, где пожить первые дни на свободе. Если я не против, то могу встретиться с ним за ланчем где-нибудь в Чикаго, и, если он «выдержит испытание», можно предложить ему нашу комнату для гостей. Лично она не против, заверила меня Ли.

Я поблагодарил ее за информацию о старом друге и добавил, если она вправду не против, я, пожалуй, так и сделаю. Как, осмелюсь спросить, она узнала о делах Олсона? И как мне с ним связаться?

«Ты же знаешь, у меня свои каналы, — пришел ответ. — И не стоит ломать голову, как написать Дону. Я так понимаю, он предпочитает самостоятельно входить в контакт с людьми, а не наоборот».

«Тогда буду ждать его сигнала, — написал я. — Как ты? Хорошо проводишь время?»

«Жутко занята, дел по горло, — отвечала она. — Встречи, собрания, встречи. Порой, как говорится, «долго ждешь, да больно бьешь», но у меня в округе Колумбия полно друзей из ассоциации адвокатов, которые вроде бы с готовностью выслушивают мои жалобы. Пожалуйста, дай знать, как пойдет с Доном Олсоном, хорошо?»

В ответ я отпечатал «к., к.» — наше с ней давнишнее сокращение «конечно, конечно».

Последующие пару дней я читал, смотрел фильмы, гулял и ждал звонка. И дождался.

ТОСКА ГУТИ

Спустя два или три года я узнал все, что должен был, о постигшем моих друзей несчастье там, на лугу агрономического факультета, и собрался приступить к работе над новой книгой, не имеющей к этому никакого отношения. В момент странного внутреннего состояния, когда пробуждаются десятки мелких понятий и представлений, взглядов и идей, я вдруг ощутил перспективу для рассказа. Он лишь косвенно затрагивал основной сюжет истории Мэллона и моих друзей, доставшейся мне в виде фрагментов. Даже в самом начале я знал, что в глубине души никогда не хотел превращать ее либо в откровенный вымысел, либо в этакое «ни то ни се», так называемую «творческую документалистику». Это должен быть рассказ, балансирующий на узкой грани между домыслом и мемуарами и основанный на воспоминаниях Говарда Гутти Блая, которыми он поделился со мной, когда жил по соседству в бывшем жалком отеле «Кедр». Там Гутти встретил любовь своей жизни, и они вдвоем перебрались в богатый северный пригород. Мы много времени провели вместе, Гутти, моя жена и я, и мы с ним вдвоем вели сокровенные разговоры, и он рассказал мне, что случилось 15 октября, перед великим событием — в день «репетиции».

Лишь с немногими незначительными изменениями, думал я, мне удалось вытянуть кое-что интересное из

странной, мутной истории. Истории о подготовке к чему-то недосыгаемому. В кои-то веки идея работы с педантичной правдой Купера будоражила меня, и я отложил новый роман и три недели посвятил написанию текста, который назвал «Тоска Тути». Тути — это, разумеется, Гути, Спенсер Мэллон — Декстер Фэллон, Кроха Олсон — Том Нельсон, и все в таком духе... Когда я закончил работу, она показалась мне очень даже неплохой, но я понятия не имел, что делать с ней. Я отправил ее прикрепленным файлом Дэвиду Гарсону, но он ни словом не отозвался: я решил, он просто из вежливости не хочет меня расстраивать. Единственной альтернативой было ее исчезновение в киберпространстве. Так или иначе, возможность публикации в «Нью-Йоркере», похоже, растаяла. Вскоре я убрал с рабочего стола папку с этим материалом в директорию «Рассказы» и почти забыл о ней.

54

Тогда я не понял, что махнул рукой на рассказ с такой легкостью, поскольку никогда не задавался целью его опубликовать. Целью было написать его. Я хотел его написать — я хотел взглянуть на события глазами семнадцатилетнего Говарда Блая, — поскольку только так и никак иначе я мог присоединиться к Миноге и всем остальным хотя бы на время путешествия, в котором отказался участвовать. В воображении я мог пережить то, что они пережили в реальности. «Больничные» части рассказа основывались на том, что я видел, когда приходил в Ламонт с Дональдом Олсоном, бывшим нашим славным Крохой.

Когда я собрался с духом и дал Крохе распечатку, он держал ее дня два-три и вернул с натянутой улыбкой, понять которую мне не удалось. Дональд сел и сказал:

— Обалдеть... А я-то думал, Мэллон волшебник. Все так, будто там, рядом со мной, все время был ты.

Ну а ниже я приведу рассказ Говарда Блая, почти слово в слово, о том, как из-за ошибок ранней моло-

дости он провел десятилетия в лечебнице. Гути был крепко скован собственной историей. Думается мне, он знал, что пройдет много времени, пока он сможет вновь обрести себя, обрести людей, о которых с такой любовью вспоминал в больничной палате.

Имена я восстановил в их первоначальных формах. Хочется верить, что мне нет нужды ссылаться на источник необычных слов в первом абзаце.

Не эгомфиус¹, не арктоид², не креодонз³ и не цыган — Говард Блай знал себя как одинокое, несовершенное создание, вечно пытающееся подражать манерам и привычкам тех, кого он любил и кем восхищался, не говоря уж — преклонялся, как перед Спенсером Мэллоном. Боже, как он боготворил этого человека, нет, больше чем человека — сказочного героя!

Так появилась и книга капитана Фаунтейна. Капитан Фаунтейн изменил жизнь Говарда Блая, простейшим способом доказав ему существование секретного кода, поняв который, можно открыть тайную структуру мира или по крайней мере того, что люди называют реальностью.

Гути наткнулся на эту замечательную книгу, роясь как-то в коробке со старьем в подвале лавки. Трой и Рой уже не могли помешать ему: их призвали в армию, и они отправились во Вьетнам, где их сверхсекретные игры в солдатиков и снайперов оченьгодились, хотя Роя все равно убили.

По содержимому коробки он понял, что это вещи Троя. Ржавый нож, беличий хвост, старые наконечники стрел, сломанный компас, фотографии обнаженных женщин, выдранные из глянцевых журналов. У Роя голых красавиц было еще больше, плюс пара сломанных зажигалок «Зиппо». Прижатая к стенке коробки, она была почти не замет-

¹ Беззубый.

² Арктоиды (эскимоиды) — арктическая раса, популяционно несколько более близкая к тихоокеанским, чем к северным, монголоидам.

³ Креодонты — вымерший отряд хищных млекопитающих (55-35 млн лет назад).

на — тоненькая, белая, в твердом переплете книга, которую Трой Блай приобрел во время одного из редких приступов самоутверждения. По-видимому, он хотел расширить свой лексикон, поскольку реклама убедила его, что женщин возбуждают громкие слова. Гути до рекламы не было дела. Он сомневался, что это подействует на девушек в Мэдисон Уэст. Во всяком случае, у него не было желания попробовать этот способ ни с одной из популярных девчонок в школе. Иногда, правда, он представлял несбыточное — как он обнимает Миногу, как они лежат вдвоем на травке. Он обнимает, и его обнимают. И ее губы прижаты к его губам... Да, он знал, что это стыдно, друзья бы от него отвернулись, а «двойняшка» Миноги точно взбесился бы... В общем, он боялся причинить им боль.

Говард никогда не думал, что слова из книги капитана Фаунтейна заставят Миногу возжелать его. Он полагал, что эта книга — нечто большее, чем сексуальное зелье. Он влюбился в этот тусклый блеск отпечатанных на странице слов, они неожиданно придали ему уверенности в себе. Подобный лексикон известен, представлялось ему, только адептам тайного ордена:

О, morigerous (раболепный);

morology (чепуха);

morpheme (слово, уменьшенное до своего корня);

morphology (в применении к строению растений и животных);

o, paba (древний еврейский инструмент наподобие арфы);

pacelle (гондола);

o, packet (теннисный мяч).

Мерedit Брайт... Мерedit Брайт любила его, потому что он был вылитый ангел. Она с улыбкой шепнула это ему в запывавшее ухо под конец собрания на Горэм-стрит, взяв его лицо в длинные прохладные ладони. Склонившись почти вплотную, нежным голосом, от которого он весь затрепетал, она проворковала:

— Гути, ты прямо как очаровательный фарфоровый ангелок, вот за что я люблю тебя.

Никому не понять его чувств к Миноге, зато вполне объяснима любовь без оглядки к Мередит Брайт. Все знали, что она любила его. Вместе с Миногой Гути числился в ее фаворитах, среди которых главным был, разумеется, Спенсер Мэллон. Этого человека она выбрала так, как выбрала бы кинозвезду вроде Тэба Хантера или знаменитого певца вроде Пола Маккартни, и спала с ним — в сердце Гути просыпалось тайное желание, от которого он таял, как снеговик теплым днем. Говард Блай воображал, как лежит на узкой кровати, стиснутый между Спенсером Мэллоном и Мередит Брайт. Они обнимали друг друга, их руки сжимали его двойным кольцом объятий. Его лицо вдавилось в полную упругую грудь Мередит Брайт, а плоская, мускулистая грудь Спенсера Мэллона прижалась к его затылку. Ниже происходило что-то, но он не мог понять или описать, что именно, но ассоциировалось это с сильным ветром и развевающимися занавесками.

* * *

Нахлынуло:

lallation (лепет младенцев);

lalochergia (использование непристойности для уменьшения напряженности);

mugrey (багровый).

И тут же следом:

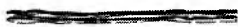
mugient (мычание);

туту (кровать).

И еще:

pruritic (зудящий).

Это тоже стало тайной, скрытой за самыми туманными словами. Спенсера Мэллона Гути любил как никого в своей жизни. Поэтому история о двух дверях в коридоре гостиной и мучительном гадании так его встревожила. Угада-

ешь — перед тобой окажется Спенсер Мэллон, держащий в руках нити происходящего. Но если выбор будет неправильным... говорил ли он когда-нибудь, что случится, если они выберут не ту дверь?

Вас слопают тигр.

Когда-то давно Говард Блай видел съеденного тигром человека. И больше видеть такого не хотел. Одному из них суждено отправиться в страну слепых, сказал Спенсер, и это должен быть он, Говард Блай. Там, где он жил, смотреть в любом случае не на что.

Благодаря Спенсеру Мэллону у Говарда Блая выросла в душе особая ненависть к дверям. Часами санитар по имени Ант-Ант прятался, скрючившись за дверью с табличкой «Только для персонала», где смолил вонючие сигареты, только вот угадайте: отчего Говард ни разу не постучал в нее? А еще знаете что? Говард Блай прожил в больнице срок лет, он знал, что было за дверью «Только для персонала», и это не пугало его. Скучная комната с зелеными стенами, сломанной мебелью и пепельницей, которой, по идее, никто не должен пользоваться, уродливый стол с кофеваркой, журналы на другом древнем столе. Мужские журналы. Журналы для мужчин. Говард видел их, но не просматривал. Вот куда они ходили, санитары: Ант-Ант (Антонио Аргудин), Роберт К. (Крашвелл), Фердинанд Цардо, Роберт Г. (Герни) и Макс Байвэй, — когда хотели побыть собой.

Шестнадцатого октября 1966 года Мэллон преуспел в открывании своей двери, и то, что после этого произошло, было настолько ужасным, что Говард окружил себя священным кругом из слов, и они защищали его в облаке клубящегося розовато-оранжевого света. До тех пор, пока огромная и неотвратимая, сотканная из фраз и предложений сфера, вышибив все из головы Говарда Блая, не отправила его кружить в полной неразберихе сотен историй, которые успокаивали его, глумились над ним, мучили его, баловали его и показывали ему единственный доступный путь продолжения жизни.

* * *

Итак. На сцене появляется Спенсер Мэллон. Он сидит на картонной коробке в подвале лавки, качая ногами, опершись на руку.

Старый толстый Гути Блай, вытирая рукавом глаза, смотрел в пространство, он будто наяву видел всех такими, какими они были в тот день.

Высокий, атлетично сложенный Кроха на полу — привалился спиной к штабелю коробок с консервами, голова опущена на прижатые к груди колени. Темные волосы, длиннее, чем у других, обрамляют лицо молодого бандита. Зажатая между губами сигарета из пачки «Вайсрой», накануне стянутой на кассе, посылает к потолку прямой и ровный столбик белого дыма.

Кроха, ты был как бог. Как бог.

В футболке команды гребцов университета, грязных белых штанах и теннисных туфлях сидел на корточках Ботик, надеясь уловить подсказку, чем им предстоит сегодня заниматься. Из-за недавно проснувшихся в нем ощущений маленький Говард болезненно сознавал, как страстно Ботик желал стать любимым учеником Спенсера Мэллона.

* * *

Спенсер Мэллон сидел, наклонившись вперед и уставившись на свои ноги, ходившие в воздухе взад-вперед, как поршни... Он провел ладонью по лицу, затем по прекрасным волосам.

— Итак, — сказал он. — Обстановка накаляется. Мередит составила карту, и карта говорит нам, что до оптимального срока, времени и дня, осталось всего двое суток. Семь двадцать вечера, воскресенье, шестнадцатое октября. Еще не стемнеет, однако лишних глаз там уже не будет.

— Где «там»? — спросил Ботик. — Вы нашли место?

— Луг агрономического факультета университета, в дальнем конце Глассхаус-роуд. Хорошее место, лучше не придумаешь. Я хочу, чтобы завтра днем мы пошли туда на репетицию.

— Репетицию?

— Хочу, чтобы всем все стало предельно ясно. Кое-кто из вас, олухов, даже слушать не умеет.

— Вот вы сказали «карту», — сказал Ботик. — Это что-то вроде навигационной карты?

— Астрологическая карта, — ответил Мэллон. — Специально для нашей группы. Время и дата рождения — когда мы собрались впервые в «Ла Белла Капри».

— Мередит составила гороскоп? — спросила Минога. — Для всех нас?

— Она опытный астролог.

Мэллон широко улыбнулся ученикам. Говарду показалось, что безрассудство этого человека упало до более терпимого уровня.

— Мне все еще немного не по себе, когда я думаю, стоит ли доверяться таким вещам, но Мередит абсолютно уверена в своих расчетах, так что теперь наш временной ориентир — семь двадцать через две ночи, считая от сегодняшней. Все согласны назначить репетицию в четыре?

Все кивнули. Только Говард как будто почувствовал, что Мэллона все равно тревожит астрология.

— А Мередит придет на репетицию? — спросил Говард.

— А куда она денется, — ответил Мэллон.

Все рассмеялись.

Мэллон сказал:

— Хочу, чтобы завтра вы приняли участие в совместном проекте. Кстати, завтра все может пойти не по намеченному.

— В смысле? — спросил за всех Ботик.

Мэллон пожал плечами:

— Ну а с другой стороны, эти затеи обычно ни к чему не приводят. Может и такое случиться.

— А вы часто это делали?

Беспокойство Мэллона сменилось неловкостью.

— А ради чего я живу? Но сейчас, понимаете, сейчас чувствую, что близок как никогда.

— Почему вы так решили? — спросил Ботик.

Ему робко вторил Говард Блай.

— Я могу читать знаки, а знаки повсюду вокруг нас.

— Что за знаки-то? — спросил Ботик.

— Глаза надо держать открытыми. Чтобы видеть маленькие несоответствия.

Старый Говард, перебравшийся на стул в комнате отдыха, вздрогнул от удивления: он понял, что, если Ботик и Кроха когда-нибудь встретятся, они ни за что, ни под каким видом не будут говорить о случившемся на лугу, потому что не смогут прийти к единому мнению об этом. Ему почти захотелось, чтобы кто-то из них или, может, Ботик и Кроха вместе, как в прежние времена, приехали в Мэдисон навестить его. Даже спустя десятилетия, показавшиеся одним мгновением, он придумает, как с ними поговорить.

61

— Я хотел вам кое о чем рассказать. О том, что должен был понять давным-давно.

Мэллон резко закрыл рот, опустил взгляд на свои болтающиеся ноги, потом по очереди внимательно посмотрел на каждого ученика.

В животе у Говарда все сжалось, и, хотя он этого не знал, сжалось и у Миноги.

«Нет, нет, нет», — подумал Говард.

— Когда церемония завершится, мне придется уехать. Вне зависимости от результатов. И помните, все может обернуться полным провалом. Может произойти... Ладно, ерунда.

— Ну, а если произойдет... — сказал Кроха.

— Тогда я вынужден буду убраться из города!

Мэллон засмеялся своим особенным смехом: негромко, грустно и очаровательно самодовольно. Двум юным учени-

кам этот смех показался следствием неловкости. Он словно гляделся в потаенное зеркало.

— Дело в том, — продолжил Мэллон, — что никаких инструкций и руководств к тому, что мы хотим сделать, не существует.

Он попытался ухмыльнуться, но его лицо лишь болезненно скривилось.

— Но вы ведь знаете, что все принадлежит всем? И пока мы заботимся друг о друге, с нами не должно произойти ничего плохого.

Ну да, только с каждым словом все хуже и хуже, подумал Говард. Оглядевшись, он заметил, что кроме него тяжело лишь Миноге. Двое других ловили каждое слово Мэллона — как всегда.

— Все принадлежит всем, — повторил Кроха.

«А на самом деле что это означает?» — спросил себя Говард.

Спенсер Мэллон глядел прямо на Миногу, и она из всех сил старалась не выдать смущения.

«О мой Спенсер, мой дорогой, мой обожаемый, не будь таким, будь самим собой».

— Как-то раз в Катманду, — сказал Мэллон, — я слушал изумительную женщину, она пела необычным бархатым голосом песню под названием «Жаворонок».

Вот эта, именно эта тема была самой тяжелой для старого Говарда, он, черт побери, едва не рухнул на колени.

Мэллон не сводил глаз с Миноги.

— Мы были в клевом маленьком баре с крохотной сценой для музыкантов. То, что она вытворяла своим голосом... я не выдержал и разрыдался. И сама песня была такая красивая... Когда выступление закончилось, я подошел поговорить с ней, и вскоре она отправилась со мной — ко мне домой. Я занимался любовью с этой женщиной до восхода солнца.

— Рада за вас... — проговорила Минога, удивив Говарда показной холодностью.

Мэллон выпрямил спину и приложил руку к сердцу:

— Минога, ты — мой жаворонок. Ты поднимаешься ввысь, ты уплывешь к небесной синеве, заливаясь долгой, нескончаемой песней, которая очарует любого, кто услышит ее.

Минога ответила:

— Не говорите так со мной.

Минога, оказывается, может плакать — кто бы мог подумать?..

* * *

Днем раньше, припомнил Гути Блай, он завалился в «Тик-так» в компании со своим милым другом, обожаемой Миногой. Однако, очутившись на месте постоянных студенческих тусовок, они не увидели в зеркальных стенах отражения красивых волос и лица Мередит Брайт. Не было ее ни в кабинках, ни у барной стойки. Ребята решили, что Мередит, в конце концов, может подтянуться в любой момент, и заняли два места в конце стойки, у окна.

Они заказали две вишневые колы — единственное, что было по карману. Тощий парень с жидкими баками на щеках и редкими желтовато-коричневыми волосками на подбородке вывернулся из третьей кабинки и шлепнулся на стул рядом с Говардом. Покопавшись в памяти, они определили это существо как студента колледжа, приходившего на собрания в «Ла Белла Капри» и на Горэм-стрит.

— Старичок, — начал парень заговорщическим тоном, приобняв Говарда за плечи. — Не знаю, зачем я это делаю, потому что, похоже, благодарности мне не светит, но я все-таки скажу: ты поосторожнее со своим дружкой Мэллоном.

— Ты это о чем? — спросил Говард.

— О том, что Мэллон не из тех, кому можно доверять.

— С чего бы? — запальчиво встряла Минога.

— О, раз у вас все так сложно... — Бородатый юноша собрался уходить.

— Погоди, — сказал Минога. — Я просто спросила, и все.

Парень развернулся к ней:

— Я вообще-то пытаюсь сделать доброе дело, ясно? Мэллон — шаромыга. Он таскается к нам, берет, как у себя дома, один-другой диск или стопку рубашек, а когда говоришь ему, что это не дело, говорит: «Все принадлежит всем», будто это ответ.

— Ну и что он имеет с того, что торчит здесь? — спросила Минога.

— Секс, — ответил он. — На случай, если вы не обратили внимания.

Минога глубоко вздохнула и несколько раз моргнула.

Парень осклабился:

— Плюс возможность сеять вокруг бред собачий и строить из себя героя. Какому-то чуваку отрезают руку в Тибете, и на этой почве Мэллон вдруг становится философом? Может, и так, если он шизик. Я, кстати, сомневаюсь, что такое вообще когда-нибудь было. Просто пораскиньте мозгами — вот я о чем. И не подпускайте его к своей общаге, или где вы там обитаете. Он вор.

— Ну, насчет этого нам бояться нечего, — сказала Минога хрипловатым ломким голосом. — Когда он с нами, Ботик для него сворует все, что надо.

— Ну, если вам это в кайф. — Парень пожал плечами.

Он поджал губы так, что рыжая метелка на подбородке будто прицелилась в собеседников. Затем соскочил со стула и торопливо, словно обидевшись, ретировался в свою кабинку.

— Не могу утверждать, что лично мне это «в кайф», — призналась Минога Говарду, который, похоже, думал иначе.

— Кстати, а чем он занимается, когда не с нами? — спросил маленький Говард.

— Бродит туда-сюда, — ответила Минога с едва уловимой ноткой горечи. — Вчера вечером, к примеру, ходил

ужинать в «Водопад». Я в курсе, потому что он брал меня с собой.

Не в силах сдержать волнение, Говард спросил:

— Спенсер водил тебя на ужин в «Водопад»?

Это один из лучших ресторанов в Мэдисоне. Молодой Говард полагал, что никто из их банды, в том числе и он сам, даже не видел, как это заведение выглядит изнутри.

— Я собиралась тебе рассказать. — Минога поерзала на стуле. — Все было хорошо, поскольку я начала успокаиваться.

Странно, подумал Говард, никогда не видел Миногу более беспокойной, чем сейчас.

— Что ела?

Минога пожала плечами:

— Рыбу какую-то. Он заказал стейк.

— А зачем он пригласил тебя на ужин? С чего вдруг? Он ведь живет у меня в подвале.

— Да он поцапался с Мередит, или что-то в этом роде, и позвал меня. Я согласилась. А как я должна была ответить? Извини, если ты ревнуешь, Гути, но так уж получилось.

— Не ревную я, — сказал Говард, потупив взгляд. — Как ты папу-то уговорила, чтоб отпустил?

— Он даже не заметил, что я ушла.

— Понятно.

— Я к тому, что все наши папаши — козлы, но твой еще ничего.

— Конечно, не тебе же жить с ним, — сказал Говард.

Он вспомнил утренний взрыв ярости и возмущения по поводу пропажи одного «семейного» пакета чипсов «Лэйз» из коробки, в которой их предполагалась как минимум дюжина. Оттого, что Спенсер Мэллон открыл коробку и стянул чипсы, у Говарда похолодело в животе.

Глубоко в душе Говард Блай тосковал по беззаботным дням до появления Спенсера Мэллона, когда никто не воровал пакеты с чипсами, никто не крался по дому среди ночи, чтобы спуститься в подвал и рухнуть полупьяным на матрас,

который каждое утро надо убирать куда-нибудь с глаз долой. Теперь Спенсер Мэллон умудрился испортить его отношения с Миногой, а это очень серьезно.

— А болтали о чем?

— Да у него особого желания болтать не было. Он сказал, что от моего присутствия ему теплее на душе.

— Фигня какая-то... — проговорил Говард, в ужасе от зарождающегося подозрения, что это вовсе не «фигня».

Минога напугала его, разразившись потоком слов, вылетающих так стремительно, что он едва успевал улавливать смысл.

— А у тебя не возникало ощущения, что Спенсер в последнее время будто сам не свой? Я уже просто не знаю, как его воспринимать. — Непонятное выражение промелькнуло на ее лице. — Я ничего не понимаю. И мне совсем не в кайф. Что, например, случилось с Мередит? Хотя что толку тебя спрашивать...

66

И тут же, будто не было этой вспышки, она обернулась к Гути:

— Если хочешь знать, что я думаю, скажу: он козел!

— Мне кажется, он чем-то напуган, — сказал Гути. — Может, переживает: получится, нет, что он там задумал.

— А если не переживает? Он занимается этим не первый год.

Вот она, будто цветок, распустилась перед ним — горечь, которую чуть раньше уловил Говард.

— Если хочешь знать, единственные великие потрясения в этой стране касаются Вьетнама или гражданских прав. Спенсер Мэллон не имеет никакого отношения ни к тому, ни к другому.

Гути не нашел слов для ответа.

— И еще. Даже в своем деле он не так уж хорош. Явился сюда, чтобы сколотить себе группу из толковых студентов колледжа, а кто в итоге крутится вокруг него? Четверо тупых десятиклассников, плюс два, всего два, сопливых студента, причем оба малость не в себе, особенно Кит Хейвард.

— Ты забыла Мередит Брайт, — напомнил Гути. — И ты не тупая, Минога. Не гони.

— Хорошо, Мэллон якшается с тремя тупыми десятиклассниками, двумя извращенцами и блондинкой, которые за чистую монету принимают всю лапшу, что он вешает им на уши.

— Слушай, Минога, — сказал Говард, надеясь восстановить их прежнюю уверенность. — Мы с тобой верим в него, как раньше. Ладно, Кроха мечтает, чтобы Мэллон усыновил его, а Ботик — остаться его телохранителем до конца своих дней или что-то вроде того, но у нас-то все по-другому? Из-за нас Мередит вернулась в «Жестянку», она хотела поговорить с нами. С нами. А Кроха и Ботик, они просто запали на Спенсера, он как бы ответ на их молитвы, что ли, но ты и я — мы просто любим его, и все. Мы даже смотрим на него не так, как они. Я же вижу, как ты смотришь на него, Минога, и понимаю. Ты же сделаешь все что угодно, что бы он ни попросил, верно? Что угодно.

Минога кивнула, на ее лице отразились чувства, слишком сложные для Говарда. На секунду он даже подумал, что она расплечется, и неподдельный ужас охватил его.

— Нет, правда, что случилось в ресторане? Он обидел тебя?

Минога соскочила со стула. Дискуссия закончилась.

* * *

А на следующий день после собрания в подвале Говарду показалось, что он видел странное существо — агента, из тех, которые следовали за Мэллоном по улицам Остина.

Будто бы источаемая порами тела, резкая вонь из страшного сна расползлась по комнате, омрачая и пороча все вокруг. Сгущались тени. Вода низвергалась потоком из крана, тюбик зубной пасты словно разбух от возмущения, когда его сжали. Во рту ощущался привкус крови, а не «Колгейта». А в спальне бурлящий в организме яд отравил вид из

окна — вид на унылую улицу, протянувшуюся узкой ровной матовой полоской над ревущей пустотой.

Была суббота, наконец-то.

Говард натянул джинсы, просунул голову в ворот яркой футболки, обул мокасины. Сегодня репетиция. Переполненный возбуждением, страхом и нетерпением, он схватил на кухне хворост и полпинты молока и выскользнул через заднюю дверь еще прежде, чем впился зубами в печенье. Сбегая под уклон от Стейт-стрит, Горэм-стрит выглядела столь же пустынной: неработающие лавочки, свободные парковочные места перед закрытыми магазинами.

Его жуткий сон отравлял все, на чем бы ни задерживался взгляд. Жирные змеи извивались в глубоких тенях сточных желобов. Хворост, по идее сладкий, хрустящий снаружи и мягкий, как пирожное, в середине, раскрошился во рту пресной штукатуркой.

68

Долгие, как показалось, часы ему снился Кит Хейвард, ведущий машину через ночную пустыню. Вдоль дороги тянулся низкорослый кустарник, изредка перемежающийся, как знаками препинания, высокими свечками кактусов. Горячий воздух из сна, лишенный влаги, дул на спящего. Студент колледжа, такой же симпатичный, как студенты по обмену из Швеции, изредка заглядывавшие в «Жестянку», развалился на пассажирском сиденье красной спортивной машины. И имя у него было неправдоподобное — Мэврик Маккул. Если тебя зовут Мэврик Маккул, особенно если у тебя внешность студента из Швеции, все девушки, даже такие, как Мередит Брайт, будут околачиваться на тротуаре в надежде, что ты пройдешь мимо их дома.

Внезапное вторжение Мередит Брайт в его грезы принесло с собой знание о том, что красным автомобилем был «Скайларк»¹. Киту Хейварду надо запретить даже прикасаться к машине Мередит. Отвращение сменилось настоящим ужасом: он вдруг понял, что лежит в багажнике.

---

¹ Эксклюзивная модель 1954 года «Бьюик Скайларк» Skylark в переводе с английского — «жаворонок»

Кит Хейвард убил Мередит Брайт, расчленил тело, сунул останки в два мешка для мусора и затолкал в тесный багажник «Скайларка». Не ведая о грузе, Мэврик Маккул улыбнулся какой-то фразе этого чудовища, Кита Хейварда. Каждое мгновение сна словно говорило о том, что Хейвард уже убил несколько человек и собирался продолжать убивать и улыбающийся пассажир должен стать следующей жертвой! Несчастный Маккул. Грязная студеная волна ужаса вышвырнула Говарда из сна. Первым побуждением охваченного паникой Гути было метнуться к телефону и позвонить Мередит Брайт. Он скинул ноги с кровати, резко сел, но тут понял, что не знает ее номера. Тяжело дыша, он снова рухнул на кровать, чувствуя, как утренний воздух будто выдувает жуткий сон из его тела.

Явившись словно ниоткуда, его рассудка коснулось выражение «серийный убийца». А следом всплыли в памяти заголовки и сюжеты теленовостей о милуокском маньяке по прозвищу Сердцеед. Скольких женщин он убил и, по словам шефа полиции Милуоки, превратил в «окровавленные ошметки»? Пять? Шесть? «Этот человек убивает женщин и превращает их трупы в кровавые ошметки», — сказал детектив, как там его... Хупер, Купер, вроде того. «Неужели вы полагаете, что мы позволим такому чудовищу уйти безнаказанным?» К сожалению, именно это они и сделали, и он ушел безнаказанным, этот нелюдь, разделявать трупы и дальше, до тех пор, пока не помрет от старости или не уйдет на покой во Флориде.

Впереди по Горэм-стрит из-за угла вынырнула фигура и в сиянии солнечного света превратилась в неузнаваемый темный контур.

Ужас пустил корни в самое нутро Говарда. Только что на ослепительное солнце в верхней точке подъема Горэм-стрит вышел Кит Хейвард и сейчас, шустрый как хорек, двигался прямо на него. Слишком напуганный, чтобы отступить, Говард дожидался атаки злодея. Рот распахнулся, готовый выплеснуть крик.

И тут он понял, что человек, наступающий на него, не Хейвард, а некто куда более страшный — один из агентов, о которых предупреждал учеников Мэллон. В ужасе, настолько всепоглощающем, что хватило сил лишь застонать, Говард подался назад, запнулся о свою же ногу и жестко шлепнулся на тротуар. Боль пронзила левое бедро, по ягодице словно ударили молотом. Задыхаясь от боли и страха, он приподнялся на локте и увидел, что никого перед ним нет.

По залитому солнцем тротуару прошелестели шаги. В поле зрения появились ноги в серых брюках и пара элегантных черных туфель. Колени согнулись, преследователь наклонился. Говард поднял взгляд и увидел обычного мужчину лет тридцати пяти с шапкой густых, но очень коротко стриженных темных волос. Равнодушное удивление мелькнуло на его бледном лице.

70

Говард протянул руку, полагая, что мужчина поможет ему подняться на ноги. Незнакомец склонился ближе и промямлил: «Извини, паренек». Говард уронил руку и попытался отползти, но ноги все еще заплетались, а правая лодыжка мелко дрожала. Мужчина склонился еще ниже, упершись ладонями в колени.

— Тебя что-то напугало? — Голос у него был низкий, вкрадчивый и не похожий на человеческий.

Говард кивнул.

— Тебе бы не мешало быть повнимательней, — сказал человек.

Пронзительный металлический тембр, появившийся в голосе, придавал ему такое звучание, будто он исходил не из горла, а откуда-то из недр тела.

— Вы были в туалете для девочек в Мэдисон Уэст? — спросил Говард.

— Я бываю там, где мне заблагорассудится, — ответил человек, и это вновь прозвучало так, будто в нем сидел маленький человечек и вещал в мегафон. — А сейчас закрой глаза, сынок.

Говард в страхе повиновался. На секунду воздух прямо перед ним сделался таким же горячим, как пустынный ветер из сна. Шорох шагов изменился: стал мягче и, удаляясь, стих совсем.

«Нет», — подумал Гути тогда; а в больнице, делая вид, что смотрит на первую страницу потрепанной книжки Л. Шелби Остина «Лунные сны», найденной в комнате отдыха, старый Говард покачал головой, дивясь своей глупости.

Ант-Ант Антонио отвлекся от разложенных пазлов и посмотрел на старого Говарда Блая, и тот ответил ему лишенным мысли взглядом, проговорив:

— Чемодан воскресший.

Если Хейвард разрубил Мередит, как задумывал, он наверняка сложил бы тело в чемодан, но чтобы проверить это, его пришлось бы воскресить.

— Мистер Блай, вы п-п-псих, — сообщил ему Ант-Ант.

Поскольку Ант-Ант ожидал, что Говард кивнет ему, Говард кивнул.

71

Хотя и собирався рассказать обо всем Мэллону, в тот день молодой Говард не смог описать ни ночной кошмар, ни внезапное появление на тротуаре агента. Даже за привычной маской высокомерия его кумиру не удавалось скрыть сильного волнения. Говард был уверен, что только они с Миногой заметили тревогу их героя. Не значит ли это, что им надо защищать его?

Да и ему самому нужно защититься — от Кита Хейварда. Ну хорошо, Хейвард не убивал Мередит Брайт. Все равно что-то в его душе, думал Говард, так потемнело и ссохлось, что он запросто мог бы стать одним из тех парней, что колесят по стране и убивают незнакомых людей. Или демоном, что таятся, как пауки в паутине, в засаде своих жутких квартир и кидаются оттуда на жертв.

Молодой Говард хотел обуздать страх и отвращение, которые будил в нем Кит. Мысль о том, что его подозрения могут насторожить Хейварда, вызывала у него ощущение, будто в живот закачивают горячий воздух.

* * *

Когда все желающие принять участие в репетиции встретились, как было велено, на людном углу Университи-авеню и Норт-Френсис — на границе кампуса, но за его пределами, — Говард постарался держаться как можно дальше от Хейварда, который шел, прилипнув к Мэллону, и нес бессмыслицу, как мартышка.

Бретт Милстрэп пристроился с другой стороны и вставлял комментарии. Он выглядел радостно оживленным. Вообще-то Бретт всегда казался довольным, когда его сосед по комнате был рядом. По правде говоря, этот парень использовал Хейварда, чтобы поддерживать свое эго. Минога как-то сказала Гути, что Милстрэп похож на студента, который только что очень удачно списал на сложном зачете; блестяще подмечено, подумал Гути. Даже желтая тенниска и штаны цвета хаки — типичная одежда выпускника частной школы — не могли замаскировать лживость души этого создания. А ему самому — и это бросалось в глаза — нравилось быть таким по-своему жутковатым. Неудивительно, что он стал лучшим другом Хейварда.

С другой стороны, готовность Спенсера терпеть компанию Кита Хейварда сбивала Гути с толку. Порочность юноши очевидна, рассуждал Говард; может, Мэллон просто решил понаблюдать за ним. А может, пытался обезвредить «киллера в процессе становления». И если так — что же тогда произойдет с ними со всеми, когда Мэллон смоется?

От мысли о бегстве Мэллона у Говарда душа уходила в пятки.

Когда они миновали пару кварталов, Хейвард, наверное, устал от стараний произвести впечатление на Мэллона: обернувшись к Милстрэпу, он сделал вид, что пытается сказать

что-то по секрету, а Мэллон прошел вперед. Процессию замыкали нагруженные пакетами с украденным из магазинов добром Кроха и Ботик. Минога, доверявшая Хейварду не более, чем Говард, послала ему полуулыбку-полугримасу, мол, ты не одинок в ненависти к общему врагу. Гути прибавил шаг, похлопал Миногу по плечу, обгоняя ее, и зашагал рядом с Мэллоном, который прервал перепалку с Мередит Брайт и глянул на него сверху вниз.

— Что-то хотел спросить?

— Почему вы не взяли машину Мередит?

— Мы там все не поместимся, — сказала Мередит.

Мэллон проигнорировал ее ответ:

— Сейчас надо держаться всем вместе. Я считаю, это одна из главных составляющих нашего дела.

— А этот луг далеко?

Мэллон улыбнулся:

— Мили полторы.

— Ясно...

Говард заметил нетерпение на лице Мередит.

— По-моему, у тебя что-то другое на уме, — сказал Мэллон.

Мередит Брайт отвернулась.

— Хочешь поговорить наедине?

Гути кивнул.

Мэллон что-то шепнул Мередит, и та, недовольная, приотстала от них, но так, чтобы не идти рядом с Миногой.

Гути ждать не стал.

— Я видел страшный сон про Кита, — выпалил он и тотчас понял, что ему вовсе не хотелось рассказывать Мэллону весь сон целиком.

— Ага, — обронил Мэллон.

— Я знаю, вы не толкователь снов, — начал Гути.

— Гути, мой мальчик, тебе придется узнать еще столько всего...

Да, подумал Гути, разговорчик предстоит вроде заплыва против течения.

— В общем... Мне снилось, что он убивал людей. Понятно, это вовсе не значит, что так оно на самом деле и есть, но сон-то этот приснился неспроста: по-моему, с этим парнем что-то не так.

— Пожалуй, — сказал Мэллон. — А вам с Миногой это не дает покоя.

— Нет, с ним правда что-то не так, — упорствовал Говард.

В комнате отдыха, теперь делая вид, что заинтересовался чем-то на второй странице «Лунных снов», постаревший, пожирневший, поседевший Говард кивнул.

— А м-мы книжку эту любим, да, Говард? — сказал шумный Ант-Ант, проходя мимо.

— Шарлатан, — выпалил в ответ Говард, сообщая невежественному Ант-Ант Антонио, кто он есть на самом деле.

74

— Знаю, — сказал Мэллон пареньку с ангельской внешностью, Говарду, отзывавшемуся на кличку Гути. — И ты знаешь, что я знаю, Гути.

— У него душа черная, — продолжал Говард. — По-моему, ему нравится делать людям больно.

Он решил не подкреплять эти слова примерами с расчлененными телами и автомобильными багажниками из сна. Стоит упомянуть Мэврика Маккула, Мэллон будет смеяться над ним всю дорогу до Стейт-стрит, а он расстроится и больше никогда не отважится заговорить со своим героем.

— Иногда, Гути, ты меня просто удивляешь.

— Значит, вы тоже в курсе. — Он очень старался не показать, как глубоко ранит его снисходительность кумира. — Почему тогда позволяете ему оставаться с нами?

— До кучи. С Китом мы получаем двух по цене одного, ведь куда Хейвард, туда и Милстрэп. Да, согласен, парень, конечно, своеобразный. Разве ты не помнишь, что я сказал ему на собрании?

— Он хуже, чем вы думаете, — проговорил Говард, несчастный оттого, что Мэллон отказывался принимать его всерьез. — Мне противно даже быть с ним в одном помещении. Мне противно даже видеть его.

Мэллон ухватил Гути выше локтя, перевел его через троуар и прижал к зеркальной витрине. В приступе внезапной паники Говард вообразил, что увидел Бретта Милстрэпа в магазине, наблюдающего за ними сквозь широкие окна. Но Милстрэп всего лишь прошел мимо бок о бок с Хейвардом, изо всех сил не обращая на них внимания.

Мэллон нагнулся и заговорил прямо в ухо Гути. Негромко и торопливо:

— Я принял во внимание проблемы Хейварда и приложу все усилия, чтобы завтра заставить их работать.

— Заставить их работать?

— На нас. Сидящее внутри этого жалкого создания существует и в скрытом от нас мире, а, как полагаешь?

75

У молодого Говарда не нашлось слов.

У старого Говарда защипало глаза.

— Мы хотим обрести право увидеть, в чем тут дело. Мы ограничим и удержим эту силу: я знаю заклинания связывания и освобождения, заклинания древние, тщательно проверенные, они делают именно то, чего от них ждешь. Надеюсь, мы получим отличную возможность убедиться, что воздействие этой силы исправит Кита и укрепит его.

Молодой Говард покачал головой; старый Говард прижал ладони к глазам, как Мэллон на Горэм-стрит.

— Он не...

— Впервые в жизни он сможет взглянуть на дикую силу, терзающую его. Как думаешь, может это изменить человека?

— А вы когда-нибудь видели такое?

Мэллон выпрямился и посмотрел вперед. Группа остановилась футах в тридцати. Мередит и маленькая банда смотрели на них. Хейвард, продолжая что-то шептать Бретту Милстрэпу, повернулся спиной.

— Мы задерживаем всех, — сказал Мэллон.

Говарду показалось, что он подразумевал: «Давай не оставлять Мередит одну с ними». Они отправились дальше.

Голос Мэллона приобрел привычный тембр и привычную властность:

— Не сказать, чтобы именно это, но нечто подобное приходилось наблюдать.

— А самое-самое странное в жизни — что вы видели?

Мэллон вновь полоснул его взглядом, и Говард сказал:

— Только не надо мне рассказывать эту фигню про человека, которому в баре отрезали руку.

Спенсер Мэллон приложил ладонь к щеке и, сощурившись, посмотрел вперед. Кит Хейвард перестал шептать на ухо соседу, повернулся и мрачно посмотрел на них.

— Самое-самое странное... — Мэллон улыбнулся. — Самым ценным, как правило, получается ощущение, что что-то уже произошло: покров на секунду колыхнулся, и ты приблизился к тому, чтобы увидеть, что там, по ту сторону. Или что некая невероятная сила парила, невидимая, совсем рядом — только руку протяни, и прикоснешься к ней, но ты был недостаточно хорош, чтобы удержать ее при себе, или недостаточно силен, или недостаточно сосредоточен, или что-то другое все испортило. Именно это обычно и происходит.

Мэллон взглянул на поджидавших ребят — почти все смотрели назад с нескрываемым любопытством. Кроха готов был рассердиться. Мэллон взмахом руки велел им идти дальше.

— Однако лет пять назад, когда я был в Остине, как раз и произошло то странное событие. Именно это было самым-самым странным в моих исследованиях и произошло приблизительно в то время, когда агент оставил записку для

меня на мусорном бачке, помнишь? Я сказал, что там случилось нечто из ряда вон, но не стал вдаваться в детали.

— Помню, — ответил Говард, задетый тем, что Мэллон мог подумать, что он забудет.

— А еще я не упомянул, что жил с той девушкой, Антонией. Немного похожей на Александру, помнишь, из «Ла Белла Капри»? Антония была первой известной мне женщиной, которая считала себя ведьмой, викканкой¹. И вот как-то раз мы с Антонией нежились в ее кровати. Было часов пять вечера, пора было вставать и встречаться кое с кем, как вдруг она сказала: «А давай мы с тобой попробуем кое-что сделать прямо здесь?» Мы прошли в гостиную и стали на ковре бок о бок, обнаженные. Она подожгла в чаше немного лавра, мирта и кипариса, налила чуть-чуть какого-то масла или чего-то похожего в другую чашу, большую такую, с какими-то растолченными в ней сухими травами. Зажгла семь свечей и начала напевать, понятия не имею что, но слушать приятно. «Ладно, а что делать-то будем?» — «Постарайся сделать все возможное и невозможное, вложи душу», — ответила Антония. Поскольку я не ждал, что что-то может произойти, то начал цитировать первое, что пришло в голову, — отрывок, который выучил пару дней назад из *Universalis Philosophiae*² Кампанеллы. Я хорошо знаю латынь, ты в курсе. И греческий. В общем, я начал вещать на родном языке старой доброй Римской империи что-то о вдыхании Духа Вселенной и слушании планетарной музыки и заметил густой и крепкий аромат тлеющих трав — они пахли, как секс и смерть, если можно объяснить

¹ Викка (викканство; также «Ремесло» или «Старая религия» — от древнеангл. *wicca* — «ведьма» или *wiccan* — «сгибать») — неоязыческое оккультное учение, основой которого является поклонение созидательным силам Природы в виде Богини и Бога; ритуалы не каноничны, составляются внутри каждой общины или индивидуально, один из основных принципов — «Истина одна, а путей к ней много». В основе викки лежит так называемая природная магия, т. е. использование в магических ритуалах сил природы.

² Три части универсальной философии или учения о метафизических вещах, Томмазо Кампанелла (1568–1639).

такими словами. Эрос и Танатос, как говорили древние греки. Я «поплыл» и снова возбуждился, невероятно возбуждился. Слова по-прежнему слетали с губ, и тут вдруг я отчетливо понял: то, что мы делаем, есть иная форма секса — секса, в котором участвует все тело. Антония стонала рядом, а я на пике — в той точке, когда уже нет сил удерживаться ни секунды дольше, а в следующее мгновение под ногами словно рухнул пол, и меня в той комнате больше не было...

Я в темной долине. На горизонте — сполохи костров. Небо багровое. Все происходит настолько быстро, что не успеваю испугаться. Чувствую что-то рядом с собой, только не знаю, что именно. Я его не вижу, просто знаю, что оно рядом. Это чудовищное существо огромно, невидимо и очень, очень заинтересовано во мне. Я слышу, как оно поворачивается, чтобы взглянуть на меня, и вот тут-то мне становится так страшно, что я почти теряю сознание... И возвращаюсь в гостиную Антонии. Она стоит, согнувшись, на полу на коленях. Будто молится Аллаху. Что, в общем-то, было бы неплохо, если задуматься. В комнате сильный странный запах: старые одеяла и остывший пепел.

Я спросил, все ли с ней в порядке, но она не ответила. Я наклонился и провел рукой по ее спине. Антония подняла голову — все лицо было залито кровью. Оказалось, кровь шла носом, но впечатление такое, будто ее порезали ножом или избили. Я вновь спросил, в порядке ли она. Она покачала головой. «Что случилось?» — спросил я. И отважился спросить: «Ты видела это?»

Спенсер засмеялся, по-видимому, над своей глупостью.

— А она что? — спросил Говард.

— А она сказала: «Уматывай к черту из моего дома и никогда больше не приходи». Вот, Говард, самое-самое странное, что приключилось со мной.

— И вы так и не знаете, что с ней произошло?

— У нее было свое *путешествие*, вот что с ней произошло, и она не выдержала его. Ты, наверное, сейчас дума-

ешь: «Зачем же он снова хочет это проделать? Неужели тот раз не напугал его?» Верно?

— Ну... — замялся Гути. — А напугал?

— Это же все шло из меня, разве ты не понял? Я увидел то, что сам сотворил, — образ чистейшей сексуальной силы. Согласен, впечатление довольно мрачное, но ведь женщина-то рядом со мной была ведьмой. Неужели думаешь, она не подбросила какого-нибудь зелья, чтобы держать меня во власти своих чар? Оно не сработало и ударило по ней самой, вот и все. В нашем же случае, прямо сейчас, должно произойти нечто более многогранное, глобальное.

Мэллон положил ладони на плечи Говарду и наклонился почти вплотную к лицу мальчика.

В комнате отдыха старый толстый Говард Блай повернулся к стене, чтобы санитар не видел его слез.

— Эй, народ! — подал голос жестокий Ант-Ант Антонио. — Взгляните-ка на мистера Словаря. Д-денек-то у н-него задался. А, Б-Блай?

79

Несколько десятков лет назад в это же время Спенсер Мэллон говорил:

— И давай смело встретим это, Гути. Хотя ты, может, не в курсе: я заканчиваю здесь — все сделано, более или менее.

Его дыхание пахло свежескошенной травой.

— «Они утекли — те, кто раньше искал моей дружбы»¹, если ты читал Томаса Уайетта. И вся любовь... если не считать потехи, предстоящей нам завтра.

— Потехи? — спросил Говард.

— Погоди, парень. У меня для вас заготовлен маленький сюрприз. Я собираюсь материализовать ваши мечты. — Он ухмыльнулся и взъерошил прямые волосы Гути.

¹ «Они утекли» (Томас Уайетт, 1503–1542), перевод Якова Фельдмана.

Всю оставшуюся часть пути Говарду Блаю пришлось отбиваться от вопросов, которыми его забрасывали Ботик и Кроха.

Он сказал:

— Да ни о чем таком мы не говорили.

Он сказал:

— Я просто узнал, что хотел. Он тоже не доверяет Хейварду.

Он сказал:

— Но ему я доверяю. Он правда пытается постичь нечто новое.

Он сказал:

— Да, он малость побаивается. Он такую чертовщину в жизни видел...

Он сказал:

— Нет, понятия не имею, что за сюрприз.

Оглянувшись, Гути просто глазам своим не поверил. В десяти ярдах позади стоял Бретт Милстрэп и жестами звал их обратно. Он не был похож на студента, который только что удачно списал на экзамене, он выглядел усталым и отчаявшимся, в своей ярко-желтой рубашке и брюках хаки. Ему можно было дать и столько, сколько на самом деле, и на десятки лет больше. Но Гути точно знал, что Бретт Милстрэп сейчас идет впереди по Университи-авеню бок о бок со своим соседом по комнате и единственным другом — Джеком Потрошителем. Гути резко развернулся проверить и обнаружил, что никого из группы не видно: все свернули за угол, даже Ботик с Крохой. По-видимому, Милстрэп в дьявольской спешке вернулся по своим следам, чтобы отрезать экспедицию с тыла. Полная бессмыслица.

Из-за угла выглянула Минога и велела ему поторапливаться.

— Эй, — позвал Гути и оглянулся через плечо убедить-ся, что умоляющая фигура исчезла. — Милстрэп с вами?

— Ну да, впереди, со своим обожаемым дружкой.

Группа шагала по незнакомым Гути и его друзьям улочкам. Дома попадались все реже и реже. Наконец они достигли чуть более широкой Глассхаус-роуд, где жилья во все не было видно. Вдаль, к обширному ровному зеленому лугу — месту их назначения, — убегала улица с самой дурной репутацией в Мэдисоне. Здесь как будто собрались все разновидности предприятий, отвергнутых более приличными секторами. «Татуировки Руди» окружали ряды припаркованных мотоциклов. По обеим сторонам улицы тянулись ветхие приземистые здания с табличками: «Товарный склад Педро мэджик», «Монстер комикс», «Кэпитал ганз», «Бэджер Ломбард», «Бэджер Ганз», «Школа военного искусства Скотта Майерса», «Мир ножа и бритвы», «Прицелы Хэнка Вагнера», «Ночной салон Скуззи», «Плети и цепи», «Будуар Бетти»; магазинчики с вывесками «Кожа: все из кожи» и «Оружие: продажа или прокат»; лавка без вывески с грязным, в потеках окном витрины, заклеенным обложками журналов с обнаженными мужчинами и женщинами. В дальнем конце Глассхаус устроились друг против друга два бара — «Выпусти пар» и «Дом Ко-Рек-Шуна».

Сразу же за тупиком начиналась широченная мерцающая полоса зелени, выглядевшая так, будто появилась здесь из мира более щедрого, изобильного и просторного. Когда Говард увидел ее, он почему-то вспомнил рассказ Мэллона и представил его стоящим на зеленом ковре поляны с широко распахнутыми руками, декламирующим что-то на древнегреческом.

Не сговариваясь, группа переместилась на середину улицы. Прогулка по Глассхаус-роуд ощущалась как путешествие по деревне-призраку. Из байкерских баров едва слышно долетали гомон и музыка. Несмотря на то что витрины оружейных магазинов были освещены, покупатели не входили и не выходили. Хэнк Вагнер, похоже, отдыхал от стрельбы по мишеням, и никто не запасался старыми грязными журналами. В баре кто-то прорычал смачное ругательство. Что-то разбилось с деревянным треском. Откуда-

то прилетели звуки, похожие на ворчание собак. Маленькая группа сплотилась — поближе друг к другу, Спенсер Мэллон и Кроха шли впереди, бдительно осматриваясь и внимательно прислушиваясь.

— Не оглядываться, — велел Мэллон. — Не оглядываться!

Гути оказался между Миногой и Китом Хейвардом, возникшим как из-под земли. Рука Хейварда опустилась на его плечо, как железная клешня.

— Ну что, от тишины понос не пробирает, милашка? — шепотом поинтересовался Хейвард.

Гути вздрогнул и отшатнулся.

Послышались голоса и топот. Взревели мотоциклетные моторы. Стайка ребят посреди дороги застыла.

— Давайте сюда, — сказал Мэллон, в голосе его отчетливо звучали беспокойные нотки. — Все на тротуар.

Протянув руку, он дернул к себе Мередит Брайт.

Группа во главе с Мэллоном отошла на тротуар, прочь от рева мотоциклов. Хейвард догнал Говарда Блая — тот почувствовал кислое дыхание над плечом. Костлявая рука, попросшая жестким, как щетина, черным волосом ухватила его за запястье. У Гути поплыло перед глазами от отвращения.

— Обмочилша Гути, бедный, ой-ё-ёй, испугался больных, плохих мотофыкликов, — прошипел Хейвард.

Задыхаясь от омерзения, Гути вывернулся из захвата. Прикосновение словно обожгло его сквозь одежду. А Хейвард вдруг потерял к нему интерес и рванул мимо Мередит к идущим впереди. Рокот мотоциклов угас вдали. Говарду почудилась перед «Домом Ко-Рек-Шуна» какая-то возня. Мэллон, Мередит, Кроха и Кит заслоняли ему обзор. Говард услышал мерзкий смех Урода — так называла его Минога, — когда стал обходить группу, гадая, что же ужасное могло так развеселить Кита Хейварда и почему нигде не видно Миноги. Он собрал все мужество и переместился на свободное место рядом с Мэллоном. Тут он получил ответы на оба вопроса. Минога стояла на тротуаре перед «Домом

Ко-Рек-Шуна», застыв от стыда и ярости, а изрядно выпивший пожилой мужчина, по-видимому только что вывалившийся из бара, осыпал ее бранью.

Почти сразу Говард Блай догадался, что этот опустившийся человек — Карл Труа, отец Миноги. Одежда, не достигнув еще стадии лохмотьев, была мятой, грязной и засаленной, а заросшие щетиной дряблые щеки будто наползали складками на влажный рот и дрожащий язык. Он пытался кричать, но голос поднимался лишь до вязкого, дрожащего театрального шепота.

— Ли, зараза, ты какого черта делаешь здесь? Ты же должна быть в школе.

Тихо-тихо, но очень твердо Минога сказала:

— Сегодня суббота, дебил.

Говард Блай едва не лишился чувств: такое унижение и такое мужество.

— Да я тебя сейчас оттащу домой и задам порку, дурища. Я твой отец, отец, распрекрасная чертова Минога, и покажу Миноге, кто глава семьи в доме. Я тебя так отделаю, кровь из ушей пойдет, клянусь, не сядешь на свою тощую задницу и...

— Вы слишком пьяны, мистер, чтобы сделать что-то с кем-то, и, уверяю вас, больше никогда пальцем не тронете Миногу, — прервал его Мэллон. — А сейчас заткнитесь и отправляйтесь домой или назад в бар. Выбор за вами.

Старик дернулся было к нему, бормоча:

— За мной выбор, за мной, урод.

И нацелился влить Мэллону кулаком в голову, но тот с легкостью уклонился. Волоча ноги и шаркая, папаша Миноги описал небольшой круг, набычился и попытался выдать боксерскую «двойку», но прием не достиг подвижной мишени. Мерзкий смех Кита Хейварда не смолкал.

Мэллон нырнул под очередной пришедшийся в воздух удар и взглянул на Миногу с неподдельным недоумением.

— Я не хочу бить его.

— Я разрешаю, — сказала Минога. — Мне до фени.

— Достал, — сказал Кроха, кинулся к старику, подхватил его сзади под мышки, развернул лицом к бару, перенес через тротуар и толкнул в открытую дверь.

— Обычно из этого заведения вылетают, — заметил Бретт Милстрэп.

— А ты что, бывал здесь? — спросил Мэллон, поглядывая на входную дверь.

Ленивый пьяный смех донесся изнутри.

— Ну да, разок было дело, — ответил Милстрэп. — Я тогда уже набрался, и парни привезли меня сюда, а потом, кажется, кто-то меня связал?..

Он сделал движение рукой, будто стирал тряпкой со школьной доски.

— Ух...

— Надо было идти к Скуzzi, — сказала Минога, делая вид, что безобразная сцена ничуть не взволновала ее.

— Ты чего? Мы пришли от Скуzzi.

— Как ты? — спросил Мэллон. — Если хочешь, можем отвести отца домой, присмотреть, чтоб ничего с ним не случилось.

— Он и сам отлично доберется. И забудет все напрочь.

— Ты, наверное, расстроилась, — сказал Мэллон. — Ничего, все пройдет.

— Пройдет, — ответила Минога. — Показывайте, где наш луг.

— Да вот он.

Мэллон комичным жестом повел рукой в сторону бетонных заграждений в конце улицы. За ними расстилалась полоса скошенной травы, на которой Говард воображал его декламирующим на древнегреческом.

Маленькая банда в полном составе повернулась в указанном направлении, как бы заявляя — так представилось Говарду — о готовности к любым расширениям сознания. Они отважно приняли вызов. Удивительно, как Мэллону удалось вместить столько смыслов в комичный жест, которым он отдавал им луг.

У Говарда в комнате отдыха покатались слезы, когда он представил тот сверкающий травяной простор, где странно и необъяснимо были загублены их жизни. Он охватил взглядом весь луг, увидел его отчетливо и ясно, в его воображении он оставался нетронутым.

Нагретый солнцем луг вот-вот перестанет быть всего лишь маловостребованным опытным полем, принадлежащим сельскохозяйственному факультету университета Висконсина...

* * *

Луг агрофакультета граничил с двух сторон с региональными шоссе, в дальнем конце упирался в густой лес, принадлежащий факультету лесного хозяйства. Вдоль шоссе, бежавшего далеко справа, тянулась длинная вереница металлических конструкций, напоминающих солнечные отражатели, — они склонялись над небольшими квадратами разноцветных трав. Сразу же за сверкающими рефлекторами выстроился ряд красных деревянных коробок с торчавшими вверх открытыми крышками. Мерцающее травянистое покрывало луга, в целом не менее двадцати квадратных акров, словно укрывало землю, кое-где вздымаясь невысокими бугорками, в других местах опускаясь в складки-низины, возможно, рукотворные, но давным-давно заросшие травой.

— Понятно, почему вы выбрали это место, — сказала Мередит.

— Вот как? И почему же?

— Скажи ему, Гути, — Мередит положила прохладную ладонь на вспотевшую шею Гути. — Вы ж с Миногой ясно-видящие.

Гути покосился на Миногу, которая нервничала от нетерпения.

— Потому что в этих низинках можно спрятаться. — Он представил, как они укроются в небольших складках

почвы. — Чтобы нас увидеть, пришлось бы подняться на склон, если, конечно, это можно назвать склоном. Спенсер, а вы правда учились в Вест-Пойнте?

Мэллон удивленно рассмеялся.

— Верно, Гути, учился. И горжусь этим.

— Но вы же говорили, что учились в университете Калифорнии в Санта-Крузе? — возмутилась Минога: ее нетерпение сменилось негодованием. — И познакомились там с парнем, написавшим «Тело любви»?

— А что, есть смысл сейчас копаться в этом? — поинтересовался Хейвард.

— Ты сомневаешься в нем? — спросила Мередит, так побледнев, будто из нее выкачали всю кровь.

— Ох уж эти вопросы, — вздохнул Мэллон. — Давайте побережем наш дух для того момента, когда он нам по-настоящему пригодится. Не растрачивайте энергию на игру сомнения.

— А почему сомнение вы называете игрой?

— Минога, ну ты что, не... — Голос Мередит упал до шепота.

Мэллон взглядом остановил ее.

— Сомнение разрушает душу. А главное, Минога, ты не хочешь сомневаться во мне. И прямо сейчас мы выйдем на эту изумительную поляну и будем вместе, будем едины, мы будем одной силой, поскольку ничего не получится, если каждое звено нашей цепочки, вплоть до молекулярного уровня, не будет твердо и непоколебимо нацелено на общую задачу. Мы должны быть как лазерный луч — единый уровень восприятия и познания, вот что нам необходимо. Неужели думаете, вы здесь случайно?

Когда Спенсер Мэллон обводил взглядом круг своих последователей, чуть задерживаясь на лице каждого, он казался, во всяком случае Говарду Блаю, на пару футов выше всех остальных.

— Кит, а ты здесь как — по воле случая? А ты, Бретт?

Хейвард помотал головой:

— Не-а.

Милстрэп ответил:

— Как скажете, босс.

Покачиваясь на ноге, уперев руку в бок, Милстрэп полностью вернулся в привычный отталкивающий образ. Интересно, подумал Гути, что же это с ним было и почему все так быстро восстановилось?

— Вы двое, Мередит, и вы, ребята, приводите нас в состояние гармонического равновесия — это понятно, Минога?

Минога сглотнула.

— Знаете, что я изучал в Вест-Пойнте? Помимо всего прочего — химию. Возможно, это удивит тебя, Минога, но в душе я ученый. В Санта-Крузе изучал философию и психологию. Это тоже наука. Информация, информация, информация — ты тратишь тысячи и тысячи часов на лабораторные опыты с животными и только потом расшифровываешь и анализируешь полученную информацию. Как только я услышал о вас четверых, я уже знал, что вы идеально подходите для нашего эксперимента. А теперь, Минога, если ты и твои друзья готовы, если все мы готовы, давайте выйдем на луг и найдем подходящую низину. Вам всем задание: докажите мою правоту, покажите мне ее сами.

Еще более насмешливо, чем в первый раз, он повел рукой в сторону поляны, приглашая Миногу подтвердить совершенство его исследовательских методов. Предполагалось, что это будет такой же эксперимент, как те, в которых участвовали солнечные рефлекторы и деревянные коробки, выстроившиеся вдоль правой границы луга.

— Черт, и покажу, — сказал Кроха.

Он шагнул к забору высотой почти по пояс, обозначавшему конец Глассхаус-роуд, перебросил через него магазинный пакет, перелез сам. Следом за ним перепрыгнул Ботик.

— Давай, Минога, — сказал Кроха. — Покажем ему, где это место.

Минога неуклюже перебралась через бетонную стенку. Еще более неуклюже это сделал Гути, и, пока он отряхивал

рубашку от цементной пыли, Мэллон вскочил на барьер и прыгнул вниз — единым грациозным движением. Он протянул руку Мередит, усевшейся джинсовой задницей на забор и свесившей ноги.

Кит Хейвард попытался подражать непринужденной легкости Мэллона. И едва не свалился, но вовремя удержался — именно тогда, когда надо было прыгнуть. Бретт Милстрэп преодолел преграду в стиле Крохи: сначала одну ногу, потом другую, но менее проворно. Он пробурчал: «Чертова задница». Когда вслед за Китом Хейвардом засмеялся Ботик, Хейвард вдруг резко оборвал смех и зло зыркнул на парня.

— Пошли покажем ему, зачем мы здесь, — сказал Кроха.

Он махнул друзьям и повел их к центру поляны. Травы и полевые цветы цеплялись за ноги. Зелень самых разных оттенков расстилалась перед ними, неровности почвы заросли ползучими, неряшливо спутанными рядами дикой моркови и тигровой лилии. Где-то в отдалении в неподвижном воздухе гудели пчелы.

Гути и Кроха возглавляли маленькую колонну. Ботик и Минога топали следом за ними. На некотором расстоянии шли Мэллон и Мередит Брайт. Последними с видом наказанных школьников плелись нога за ногу Хейвард с Милстрэпом.

Говард оглянулся на Мэллона. Его беспокойство как будто рассеялось; он улыбался своим мыслям и выглядел довольным от того, что очутился здесь с ними, и от неподдельного любопытства, смогут ли его юные ученики без посторонней помощи отыскать подходящее место.

Кит Хейвард и Бретт Милстрэп переговаривались вполголоса. Хейвард уловил взгляд Гути и посмотрел в ответ с такой мрачной угрозой и обидой, что тот почувствовал, будто его ударили, и стремительно отвернулся. Обернись он еще раз — узнал бы, что Хейвард продолжает смотреть на него, и ему наверняка стало бы не по себе: это словно вглядываться в темную толщу воды и смутно видеть там что-то огромное и непонятное.

Кроха нерешительно замедлил шаг, и Говард показал на заросли тигровых лилий, за которыми прятался спуск. По склонам низинки растительность делалась гуще и разнообразнее: черноглазые гибискусы, ежевика, люпины и шиповник.

— Черт, Гути, а Мередит была права, — сказал Кроха. — Ты и вправду ясновидящий.

— Да не ясно-, а «туманновидящий», — ответил Говард. — Просто, если искать место, где нас никто не заметит, это получше, чем то, о котором ты думал. Правильно, Минога?

— Бинго, — ответила она.

— А я о другом месте не думал, я просто думал, — сказал Кроха. — Вы понимаете, о чем я, Спенсер?

— Идите туда и скажите мне, так оно или нет, — сказал Спенсер, закрывая вопрос. — Ты сказал «туманно»?

— Угу, смутно, — ответил Говард Блай, заливаясь румянцем.

Травы и полевые цветы скрадывали истинные размеры низины. От Глассхаус-роуд она казалась просто заросшей складкой ландшафта. Узкая и неглубокая там, где спустилась группа, низина постепенно расширялась. Когда ребята прошли чуть более половины, зеленая стена слева полностью скрыла их. По правую же руку гребень откоса выстилали выжженная солнцем бурая трава. Летящие по далекому шоссе машины казались движущимися цветными точками.

Минога и Кроха взглянули на Мэллона. Он светился, как факел.

— Ну, раз уж мы здесь, — сказал он, — остается всего лишь изменить мир.

* * *

Мэллон попросил Кроху достать из пакета белую краску и кисть и нарисовать круг футов шести диаметром на участке голой земли на длинном пологом подъеме перед ними.

— Ботик, помоги ему. Я хочу, чтобы круг был круглым, вы поняли, о чем я. Круг — это самая совершенная форма в

природе, и толку от нашей затеи не будет никакого, если он будет похож на амебу.

— А где рисовать? — спросил Кроха.

— Рисовать там, где ему место. Все посмотрели на землю и нашли круг. Найдите круг. Он уже здесь. Мы просто обведем его, дабы убедиться, что завтра вечером найдем правильное место. Итак, ищите, искать всем: вы увидите его по мертвой траве, по пыли, глядите в оба, и он сам проявится. Если уж вы без моих наставлений нашли это место, круг вы точно отыщете.

— То есть вы хотите, чтобы мы искали?.. — спросил Кроха.

— Даю вам минуту. Когда минута истечет, все должны показать место, где надо рисовать круг. Итак, начали.

Старый Говард взгляделся в страницы Л. Шелби Остина и вспомнил, как искал то, чего никто и никогда не смог бы найти. На неровной земле никакого круга, ожидавшегося, чтобы его обнаружили, не было. Спенсер ошибся, решил тогда Говард. Может, не во всем, конечно, не во всем, но в этом вопросе — о воображаемом круге — он, похоже, нес бред. Факт. Этого чертова круга не существовало. И он по-прежнему так считал. Ничто в книжке Л. Шелби Остина не могло заставить его передумать, впрочем, этому Л. Шелби Остину, автору «Лунных снов», все равно. Говард вспомнил, как смотрел на Миногу и не мог определить, насколько сильна ее вера в магический круг.

Ожидать можно было чего угодно. Минога собрала всю волю, чтобы сосредоточиться: наморщенный лоб, прищуренные глаза, напряженные плечи.

Минута давно прошла, когда Спенсер крикнул:

— Время!

Выметнулись три руки — его, Крохи и Кита Хейварда, каким-то чудом все показывали приблизительно на один и тот же участок земли. Мгновением позже все остальные, а

среди них и Гути, присоединились к ним: четыре руки вытянулись перед своими бесчестными хозяевами.

Мередит Брайт взвизгнула:

— Я вижу его, Спенсер. Вон он.

Молодой Говард подумал: «Да она просто хотела его там увидеть, вот и все», в сотый, в тысячный раз старый толстый Говард в комнате отдыха подумал: «Прикидывалась. Как и я».

Ликующий Мэллон дал команду Крохе и Ботику начертить белый круг там, где, как он выразился, «верно подсказала им интуиция». Мальчишки достали из пакетов небольшие банки и широкие кисти и приступили к рисованию на земле. Мертвая и умирающая трава впитывала краску, но заметный белый след сохранялся. Земля, однако, сопротивлялась: краска скатывалась в грязные комки, пачкая кисти. Мэллон велел лить прямо из банок. А не хватит — завтра принесут еще. Медленно пятясь, Ботик и Кроха намечали контуры круга тонкими белыми струями и наконец остановились бок о бок и вытрясли остатки краски на землю.

— Отлично, — сказал Мэллон. — Теперь веревки.

Мальчишки достали веревки и сложили их петлями перед кругом. Они у нас будут, сказал Мэллон, главным образом как символы сдерживания, но если потребуется кого связать, он надеется, мальчишки постараются приложить все усилия... Мальчишки заметно нервничали и выглядели неуверенно, но кивнули.

— Свечи, — скомандовал Мэллон. — И спички.

Кроха и Ботик достали из мешков по белой восковой свече и коробке кухонных спичек для каждого участника, включая наставника.

Мэллон расставил свою свиту по заранее продуманной схеме и, как он сказал, в полном соответствии с канонами древней магии. Сам же занял место в центре, лицом к белому ворсистому кругу, спиной к заросшему травой склону.

Как верные телохранители, стояли в десяти футах слева и справа от него Ботик и Кроха. Слева от Ботика Говард, Минога и Мередит Брайт выжидательно смотрели на Мэллона и на круг; Миноге и Мередит, по-видимому, было так уютно рядом, что обе старались держаться подальше друг от друга. Хейвард и Милстрэп заняли позицию справа от Крохи. По команде каждый должен был зажечь свечу. Сегодня они прорепетируют этот этап.

— Как только зажгутся свечи, мы будем хранить молчание столько, сколько я сочту нужным, — объяснял Мэллон. — Когда я почувствую, что пора, я начну декламировать на латыни. Это может быть что угодно — что придет мне в голову. Вы не поймете ни слова, и это замечательно. Так или иначе, сосредоточьтесь — на чем угодно, как получится. Вы тоже часть ритуала, и мне понадобится полная вовлеченность всех. Так что слушайте в оба, слушайте так, будто от этого — не исключено — зависит ваша жизнь.

92

Приступили к репетиции. Подняв незажженную свечу, Говард Блай внимательно наблюдал за своим героем и учителем: тот стоял столбом, не шевелясь, и торопливо произносил слова, которых Гути не понял бы, даже если бы Мэллон говорил громко, поскольку это были слова мертвого языка. Говард изо всех сил постарался сосредоточиться, не закрывая глаз. Пару минут спустя ему почудилось, будто к группе присоединяются незнакомцы. Не более чем ощущение, но слишком сильное, чтобы его отместить. Гути закрыл глаза и еще острее почувствовал присутствие невидимых незнакомцев. Один за другим, а потом по двое и по трое, они подходили к Мэллону и его последователям. Гути казалось, будто его постепенно окружает все больше и больше призраков. Однако призраками эти существа не были. Небольшая жирная свеча, которую он держал чуть выше головы, как будто начала гореть — он чувствовал трепет крохотного яркого язычка пламени. Невидимое открытым глазам, пламя воспринималось как реальное, не призрачное.

Говард знал, что незнакомцы — не люди. Одного такого он повстречал на Горэм-стрит. А Минога видела в девчоночьем туалете в Мэдисон Уэст. Существа ждали Мэллона и его группу на Глассхаус-роуд, но вместо того чтобы отпугнуть ребят, они погнали их к лугу. Сейчас они напоминали — дошло до Говарда — похожих на людей, ходящих на задних лапах собак в импозантных старомодных одеждах: войлочных охотничьих шляпах, норфолкских куртках, фраках, домашних жакетах, котелках, хомбургах¹. Примерно половину стаи составляли вроде бы веймарские легавые, но большинство — бульдоги и ирландские сеттеры. Они очень напоминали зверей с плаката Миноги, только выглядели не расслабленными и раскованными, а мрачными и раздраженными. Гути было очень не по себе, поскольку он единственный видел этих существ, таких сердитых на всю компанию.

Но с какой стати они загнали их на луг, как пастушьи собаки гонят стадо? Говард мог прочесть ответ в их настороженных позах: агенты, как называл их Мэллон, хотели видеть, как далеко зайдут люди.

Сам же Мэллон понятия не имел, что вокруг собрались собаки. От недавнего беспокойства не осталось и следа, он держался непринужденно, но был настолько возбужден, что казалось, еще чуть-чуть — и он задрожит. Говард испугался, что Спенсер Мэллон может разорваться пополам или воспарить и уплыть от него и никогда не вернуться.

Когда промелькнула эта ужасная мысль, молодой Говард Блай боковым зрением уловил движение: словно белый шарфик летит через луг. Он повернул голову, и ему показалось, будто что-то маленькое, белое в мучительном рывке вылетело из пожухлой травы футах в четырех справа от круга, стремительно взмыло по спирали вверх и пропало из виду. Воздух полыхнул: реальность исказилась там, где пролетел шарфик. Он появился и исчез так быстро, что Гути спросил себя, не померещилось ли ему. И понял: нет, конечно, не

¹ Мужская фетровая шляпа с узкими, немного загнутыми полями и продольной вмятиной на мягкой тулье.

померещилось — штуковина, похожая на шарфик, улетала от чего-то, заставившего мир покачнуться, когда оно бросилось в погоню за «шарфиком». Несчастный белый клочок перелетел в этот мир — и обрел спасение.

Невидимое пламя погасло, и собакоподобные существа исчезли — все разом, но их отсутствие почему-то таило куда большую угрозу, чем присутствие.

Мэллон опустил руки и объявил, что на сегодня они сделали что могли. Он считает, что репетиция прошла хорошо, даже очень. И ему тоже хорошо, подумал Говард: он чувствовал, как постепенно отпускает Мэллона спрятанное за маской холодной сдержанности возбуждение.

— Так, все по домам и как следует поужинать. А потом будет сюрприз, который я обещал. Гути, Минога, Ботик, Кроха? Вы сегодня идете на студенческую вечеринку. Кит и Бретт помогли нам попасть на сейшн в «Бета Дельт», и там будет классно. Бесплатное пиво, живой рок-н-ролл, на каждого парня по три девчонки, на каждую девчонку — по три парня. Кроме тебя, Мередит. Всем сегодня гарантировано потрясающее веселье. Кит и Бретт, от всех нас огромное спасибо за то, что воплотили нашу мечту. Ты понял, о чем я, Гути?

— Ну да, — ответил Говард. — Офигенно...

Этот мир стал другим, подумал он, абсолютно незнакомым.

Похоже, никто больше не заметил мятежного полета белого шарфика над мертвой травой. Никто, кроме него, не ощутил присутствия агентов, и никто не держал свечу с невидимым пламенем.

«Так что же я сделал — поверил, что это был я, — размышлял старый Говард. — Гути сказал Гути: то, что ты видел там, это и был ты, и Гути поверил тому, что он сказал».

Кроха вернулся домой поужинать. Говард и Минога отправились к Ботику, мать которого была пока еще достаточно трезвой, чтобы приготовить их любимое блюдо — ма-

кароны с сыром. Она вывалила желтое месиво на тарелки, поставила плоску с картофельными чипсами и холодные бутылки с «Кока-колой» и стала наблюдать, как дети едят. Непрерывно смоля одну за другой «Парламент», она улыбалась тому, как они стремительно уминают еду. Мать Ботика обожала Миногу.

— Эй, а где твой парень? — спросила она. — Вы же с ним неразлейвода.

— Он нас сегодня кинул, — сказала Минога. — Считает, что выше всего этого, прямо весь из себя такой скептический, в общем, пролетит мимо всего, да мне-то что...

— Вот как... — сказала мать Ботика. — Хорошо. Ну а вы все сегодня идете на вечеринку или, как всегда, шляться?

Мать Ботика, Ширли Боутмен, была когда-то очень хороша собой, и в ее вопросе улавливался мечтательно-тоскующий оттенок.

— А может, понемногу туда и туда, — сказал Ботик.

— Лучше повеселитесь подольше на вечеринке. А где, кстати?

Ботик и Минога продолжали есть. Мать выбила кубики льда из формочки и освежила свой напиток: пара дюймов «Сигрэмс» и столько же «7Up».

— Да не волнуйтесь вы, я не собираюсь портить вам вечеринку.

Столбик пепла упал ей в стакан и, ударившись о кубик льда, рассыпался. Ширли поболтала в стакане пальцем, и пепел почти весь исчез. Она затянулась и выдохнула столбик дыма — тот завис под углом над их головами.

— А кто закатывает бал?

— Да какие-то ребята. И — мам, так уже не говорят, только старики: «закатывает бал».

Заполняя внезапную тишину, Минога сказала:

— Единственное, что я знаю: вечеринка будет на Лэнгдон-стрит.

— Лэнгдон-стрит... Когда я была школьницей, мы только и болтали о том, чтобы попасть на вечер к студентам, но

никто никогда не ходил. Во-первых, родители бы не пустили. Мои мама с папой? Да они б заколотили мне дверь комнаты гвоздями. Я же единственное что скажу: не пейте много и не давайте себя дурачить. Минога и Гути, я сейчас обращаюсь к своему сыну. С вами-то все будет хорошо, уверена.

— То есть от меня ты ожидаешь, что я буду вести себя там как придурок? Вот спасибо, мама, за помощь.

— Хочешь знать, что я ожидаю? Прежде всего, Ботик, я от тебя ожидаю, что ты будешь держать руки в карманах. Не бери ничего, что тебе не принадлежит. Это совсем не то, что тырить конфетки из A&P. Членство в студенческом братстве стоит денег. Они друг с друга глаз не спускают.

— Как скажешь, мам, — ответил Ботик.

— Просто помни: если попадешь в беду, выкарабкиваться придется самому.

Она повернулась к Говарду Блау.

96 — Гути, твоя мама сказала, что не против, если ты вечером у нас поешь, но просила тебя не загуливать поздно. И еще спрашивала, не знаю ли я что о человеке, который ночует у тебя в подвале.

Трое мальчишек потрясенно посмотрели на нее. Маленький Говард Блай почувствовал себя так, будто обожаемого Спенсера Мэллона разоблачили.

— Ну дела... — вздохнула Ширли. — Послушайте, я не в курсе, что происходит, да и не хочу быть в курсе, но если этот извращенец, которого вы все так обожаете, спит в твоём подвале, тебе лучше вытурить его. Срочно.

В тот вечер Говард не смог отозвать в сторонку Спенсера, когда все собрались перед домом «Бета Дельт», который на самом деле находился не на Лэнгдон-стрит, а дальше по аллее между двумя студенческими клубами. Деревянное покосившееся строение, давно нуждавшееся в покраске, ютилось между маленькой частной парковкой и двумя другими такими же невзрачными домами. Задняя стена дома выходила прямо на деревянный настил длинного, шаткого причала над озером Мендота.

Хейвард и Милстрэп провели Мэллона и ребят через входную дверь в помещение — то ли прихожую, то ли гостиную с потрепанной и вытертой кожаной мебелью около остывшего камина. Парень в гавайской рубашке, шортах и сандалиях оторвал взгляд от компьютерного пасьянса и проорал:

— Какого черта здесь дети, Хейвард?

— В помощь на кухне, — ответил Хейвард.

— Тебя, козла, надо в помощь на кухне, — буркнул парень.

Говарду удалось поговорить со Спенсером с глазу на глаз, только когда Хейвард привел их вниз, в просторную пустую комнату со сценой и баром в противоположных концах. Когда двое молодых людей позвали Хейварда и Милстрэпа и те отошли от арочного дверного проема, Говард описал Мэллону свою проблему. Он боялся, что Мэллон рассердится или откажется переехать из подвала, и в волнении путал слова.

97

«Не проблема, — сказал Мэллон. Он и не собирался возвращаться в магазин сегодня ночью. — Перекантуюсь, — сказал, — у Мередит. Были кое-какие затруднения на этом фронте, но сейчас все опять первый класс. Ты же знаешь, женщины — они немножко с приветом. Кстати, нет нужды об этом рассказывать Миноге. Договорились?»

«На этом фронте»? «Перекантуюсь»? «Первый класс»? Этот человек говорил на английском?

— Договорились, — ответил он.

Он хотел сказать: «Забудь о завтра, забудь обо всем, моя любовь, возможно, ты знаешь, что за тобой следят, но не ведаешь, с чем связался. Обрати внимание на то, что сказали тебе. Откажись, пока не поздно».

Но как сказать такое Спенсеру Мэллону? Это невозможно. Маленький Говард Блай застыл в нерешительности. Двое парней из студенческого братства, совещавшиеся с Китом и Бреттом, принялись выстраивать ребят в очередь. Они следили, как пришедшие проходят через арку, так вни-

мательно, будто пытались запомнить их лица. Говард почувствовал, что особое внимание обратили на Миногу и на него. Когда Милстрэп повел их в пустую кухню, Говард оглянулся и увидел, как Кит Хейвард сунул сложенные купюры в карман.

Милстрэп объявил, что их привели заранее, дабы избежать жесткого контроля на входе. Мэллон и Мередит прошли бы и так, что же касается старшеклассников — в «Бета Дельт» знают, что их наняли для работы по кухне. Когда выяснилось, что это обычная вечеринка, с одним только пивом, без еды и закусок, сказали, пардон, идите, помощнички, в задницу, правильно? В общем, Хейвард якобы забыл им передать. Невелика беда, верно? По официальной версии, им полагалось сидеть на кухне до полуночи, потом выйти и начинать драить зал. На самом деле они могли подождать, пока в зале станет достаточно шумно — может, минут через пятнадцать после начала, — и тогда делать что им вздумается. Если они будут хорошо себя вести, люди в «Бета Дельт» будут им только рады. И пиво, кстати, дармовое. Пей сколько влезет, главное — не блевать и не отключаться.

Мэллон и Мередит Брайт остались с Хейвардом и Милстрэпом. Почти час ученики Мэдисон Уэст болтались, всеми забытые, на кухне. Потом загудели голоса, заиграл блюз, и маленькая банда просочилась в зал. Свет был потушен, пары кружились под музыку. Толпа сразу же разделила ребят.

Говард и его друзья никогда не бывали на вечеринке, хоть отдаленно напоминающей эту. В школе для больших тусовок обычно занимали целые дома, где всегда можно уединиться в более спокойной, менее забитой народом комнате или просто выйти на лужайку. Можно слушать пластинки и надеяться, что кто-нибудь догадается притащить пивка. Здесь же все набились в одну комнату, все орут и визжат. Такого оглушительного грохота он никогда не слышал: бас пульсировал у него в груди, ритм прошивал тело насквозь. Все, даже танцующие, держали большие пластиковые стаканы с пивом — оно выплескивалось на одежду и на пол. Громкая,

жесткая, необычайно заводная музыка, отражаясь от стен, ввинчивалась в уши. Говард двинулся по краю танцплощадки, протискиваясь сквозь толпу, а люди даже не замечали его. Когда он наконец протолкался к бару, перед ним очутилась Минога — тянулась взять пару шестнадцатиунцевых стаканов у паренька за стойкой. В очередной раз он с болью осознал, что Минога — девушка, настоящая девушка, а не пацанка, в роль которой вживалась настолько успешно, что он считал ее своим парнем в компании. Хуже того, сегодня она была сногшибательна. Удивительное дело: словно почувствовав душевную боль, всякий раз терзавшую Гути в такие моменты, Минога вручила ему увенчанный шапкой пены стакан.

Он отошел чуть в сторону и выхватил взглядом в толпе Кроху, танцующего с потрясающей девчонкой: длинные прямые светлые волосы, большие темные очки и стройные белые ноги. Кроха глупо улыбался во весь рот. Толпа сомкнулась, и Говард увидел зловеще ухмыляющегося Кита Хейварда — тот что-то шептал на ухо другому студенту. Говарду показалось, что Хейвард говорит о нем, и он с отвращением отвернулся.

С Миногой они воссоединились полчаса спустя, с жадностью глотая пиво, растворяясь в музыке. Когда опьянел настолько, что забыл о комплексах, Говард начал танцевать, дико, самозабвенно, выбрасывая руки, качаясь и подпрыгивая. Девушка из колледжа со смехом посторонилась, освобождая ему пространство, и вскоре она и еще одна студентка прыгали вокруг него — партнерши и зрители одновременно. Коренастый парень с волосатыми руками приблизился к девушкам и принялся изображать гребца и шлюпку, а затем, ухватив себя за нос, тонущего. То был приятель Хейварда, но Говард не мог вспомнить, откуда он это знал. Кто-то передал ему очередные шестнадцать унций пива — третий стакан, — пиво пошло носом, когда он засмеялся над приятелем Хейварда. Ах да. Они же говорили друг с другом, вот откуда он знает.

Держа блондинку за талию, Кроха улыбнулся ему и погрозил кулаком. Когда Говард скопировал жест, парень схватил его за руку и прокрутил вокруг себя. Гути хохотал, почти все пиво выплеснулось на пол. Он поймал взгляд Миноги, щебечущей с двумя парнями, смахивающими на футболистов. Минога тоже рассмешила его, рассмешил и плотный мужчина в сером костюме, попавший в поле зрения.

Говард почувствовал, как подогнулись колени. Он чуть не шлепнулся на мокрый пол, но кто-то подхватил его и рывком выпрямил. Стоять он мог, хотя ноги были как деревянные.

Музыка стала еще жестче. В уши как будто напихали ваты, танцоры превратились в смутные силуэты. Кто-то усадил Гути на стул. Футболисты один за другим прошли мимо, однако Миноги с ними не было. Потом вдруг и он отправился через зал, ему помогли миновать дверь и привели в едва освещенную комнату с матрасами и громадными мягкими подушками вместо диванов и кресел. Крепыш с волосатыми руками уложил его на гигантскую подушку и только начал укладываться рядом, как ворвался Спенсер Мэллон, толкнул парня, врезал ногой ему в живот и поднял Говарда.

— Надеюсь, тебе очень нравится на первой студенческой вечеринке, Гути, — сказал он и повел его обратно в зал.

— Только старики так говорят: «вечеринка», — сообщил ему Говард.

В зале стало тише: группа ушла на перерыв. Толпа устремилась к бару, а потом снова стеклась, завязалась в узел перед сценой. До Говарда дошло, что Спенсер Мэллон отпустил его, и он побрел, уже не так неуверенно, к продавленному старому дивану у стены и сел рядом с пьяным студентом в полосатых шортах. Парень взглянул на него и пробормотал:

— Шейн, вернись. Вернись, говорю..

Вдохновившись, Говард и ему сообщил, что так говорят только старики. Посмотрел через комнату и забыл о пареньке в полосатых шортах.

По ту сторону пустого танцпола мужчина в сером костюме склонился над Миногой, развалившейся в небесно-голубом пластмассовом кресле, крест-накрест перемотанном скотчем. Какой-то студент коснулся руки мужчины, но тот и ухом не повел. Тогда парень ухватил его за локоть и что-то выкрикнул. Мужчина как будто едва шевельнулся, а студент уже летел через залитый пивом, усыпанный стаканчиками зал. Молотя в воздухе руками, он врезался спиной в мешанину локтей, колен и ног и рухнул на пол. Из носа у него пошла кровь. Двое членов студенческого клуба заметили полет собрата. Выглядели они внушительно: один с широкой грудью и крепко посаженной на низкой шее головой; второй был просто настолько огромен, что казался неприступным. Эти двое повернулись к собаке, то есть агенту — ангелу-убийце, по пьяному разумению Гути. Он хотел крикнуть им: «Оставьте его, не связывайтесь с ним, несмотря на то что вы такие здоровые». Они погибнут, Гути был уверен, их разорвут в кровавые клочья. Ужас отнял последние силы, и он закрыл глаза.

Когда Гути вновь открыл их, два гиганта «Бета Дельт» поднимали своего потрясенного, истекающего кровью друга, а существо в костюме исчезло, как те невидимые создания на репетиции. Гути ничего не понимал.

Он вспомнил, что Спенсер собирается завтра оставить их, и его вновь охватило горе. «Бетадельтец» в полосатых шортах сказал что-то о детях и побрел прочь. Сквозь слезы Говард увидел смутный силуэт Миноги, плавно поднявшийся к смутному силуэту Ботика и ухвативший его за плечи. Как и он, Минога была в слезах: наверное, по той же причине, подумалось ему.

Мэллон говорил:

«Когда-нибудь, может статься, в отдаленном будущем и, разумеется, когда вы меньше всего будете к этому готовы, вы увидите себя в абсолютно безликом, холодном, безымянном пространстве, и перед вами окажется самый важный выбор вашей жизни. Вы

будете в командировке, или в отпуске, или выходить из лифта, или входить в холл отеля. Это может произойти где угодно, но давайте рассматривать наиболее вероятные варианты. Может, все произойдет и не так, но предположим. Например... Например, вы будете знать, что я в Непале или в больнице. Или вам станет известно, что я умер. По какой-то причине нет меня, я не могу быть там, и тем не менее — вот он я. Вы видите, как я иду через холл или выхожу из соседнего лифта. Это не он, не может быть, говорите вы себе, Спенсера здесь быть не может, и, несмотря на все доводы, это я, он самый, и вы знаете это. Отсюда вопрос: что я здесь делаю? Поскольку вы чертовски уверены, что видите, как я совершаю какие-то действия, я не просто вышел прогуляться, я куда-то направляюсь. Второй вопрос более важен: почему вы увидели меня? Я попал в поле вашего зрения абсолютно случайно? А как такое возможно? Нет, существует причина того, что вы увидели меня, и я объясню вам, насколько она важна.

Итак, вы устремляетесь за мной — вы не говорите ничего, вы просто идете, желая узнать, что я делаю. Потому что я не просто иду мимо, я беру вас с собой, веду вас за собой — это ваша цель, не только моя. И в ту секунду, когда вы отправляетесь за мной, я делаю шаг и мешаю вам совершить то, что вам необходимо.

Надеюсь, понятно, что это нечто вроде притчи? Притчи таят в себе не один смысл, вот почему спустя две тысячи лет люди спорят о них.

Я веду вас вокруг квартала, ныряю в переулки, захожу в лавки и выхожу через черный ход, но вам удастся висеть у меня на хвосте, что бы я ни предпринимал. Наконец мы вновь возвратились в фойе того отеля, так что можно сказать, пунктом нашего назначения была отправная точка. Я попадаю туда до вас, и, когда вы оказываетесь в фойе, вы видите, как я захожу в лифт,

и двери тут же закрываются. Вы смотрите, как световой указатель ползет вверх и останавливается на пятом этаже. Кто вышел там — я или кто-то другой? Времени гадать нет: рядом раскрываются двери второго лифта, вы прыгаете в него и нажимаете кнопку «пять» и «закрыть дверь» прежде, чем кто-то еще зайдет с вами в кабину. Лифт тащится вверх еле-еле, но наконец достигает пятого этажа, двери ползут в стороны, вы выскакиваете и вертите головой. Я в конце коридора справа от вас, поворачиваю за угол. Вы бросаетесь бежать, потому что боитесь не увидеть, в какую дверь я вошел.

Дверь с грохотом захлопывается за секунду до того, как вы добежали до поворота. На полной скорости вы огибаете угол и понимаете, что я, по-видимому, вошел в какую-то из двух комнат. Есть еще двери на улицу, но, если б я вышел через них, вы бы успели увидеть, как они закрываются.

103

Итак, это точка, в которой вам необходимо сделать выбор. Вы стоите перед дилеммой. Смысл выбора стал для вас ясным сразу, когда вы остановились лицом к двум дверям, и от вашего решения зависит очень-очень многое.

Если вы постучите в мою комнату, я открою и приглашу вас на долгий разговор. Настолько долгий, насколько вы захотите. Вы поступите так, как нужно, и наградой вам будет возможность просить меня о чем угодно — я отвечу на все вопросы, которые вы носили в себе, на все вопросы, не дававшие вам покоя. И, поверьте мне, вопросов будет уйма: если вы подумаете обо всем, что мы сделали и что сделать предстоит, вопросы будут вас переполнять. А ответы вы найдете в объяснениях, которых ждали, в которых, по правде говоря, нуждались всю жизнь.

Однако вы поняли: если выберете не ту дверь, с вами приключится какая-то страшная личная беда.

Это пугающее понимание пришло к вам внезапно — никогда не угадаешь, каковы последствия ошибочного выбора-решения, и в этом случае последствия могут быть в самом деле ужасны. А что еще хуже: эта беда затронет не вас лично, хотя личной она будет казаться, а того, кто вам дорог. Если сделаете неверный выбор, что-то ужасное произойдет с человеком, которого вы любите всем сердцем. Это может быть страшный припадок, тяжелое увечье в результате автокатастрофы, это может быть медленное мучительное умирание с криками боли и загаженной испражнениями постелью.

В общем, вы стоите перед выбором. Насколько вы уверены? Скажем, вы подспудно чувствуете, какая именно дверь «та самая», инстинктивно. Можете ли вы довериться этому инстинкту?

Круто, да?

104 *Но история заканчивается, когда вы откроете дверь. Не имеет значения, угадали ли вы, какая из комнат моя, какая дверь закрылась за мной. Вы опускаете ладонь на дверную ручку — и все, конец сказки. Выбрав одно, выбираешь и другое. Понимаете почему? Эти последствия неразделимы, они сиамские близнецы. Даже если выберете дверь с женщиной за ней — на все вопросы даны ответы, все объяснения даны, секрет вашей жизни разрешен, — все равно вы дали тигру прыгнуть. Вы дали согласие на катастрофу, вы навлекли ее, привадили беду на порог. Вам повезло, только и всего».*

Мэллон говорил:

«Для каждой тайной миссии требуется хороший вор».

Мэллон говорил:

«Доверьтесь мне. И когда начнется прилив, вы будете на моем берегу».

Мэллон говорил:

«Один из вас переселится в страну слепых».

Мэллон говорил:

«Уверен, вы подниметесь с песней, вы воспарите к небу. С единственной, бесконечной песней такой красоты, что очарует всех, кто услышит ее».

Мэллон говорил:

«Слова тоже творят свободу, дорогой мой Гути, и я верю, что именно слова спасут тебя».

ДОНАЛЬД ОЛСОН

Чикаго, в начале лета

Развалившись на стуле с высокой спинкой, Дон Олсон захватил половину длинной стойки бара «Дитка». Загородив левой рукой свой стакан, указательным пальцем правой он ткнул в воздух. Голова была повернута назад — к бармену. Бармен не обращал на него внимания.

— Это тот парень, о котором я вам говорил. Вы ведь читали книгу «Агенты тьмы», да? Восемьдесят третий, правильно? Она тогда вышла? Обложка журнала «Тайм»?

— Отличная память, — сказал я.

Заняв позицию перед двумя мужчинами в дальнем конце стойки, бармен сосредоточенно мыл корень сельдерея под струей холодной воды. Похоже, все будет куда страшнее, чем я предполагал. Черт меня дернул заговорить с ним. Люди за столиками переводили любопытные взгляды с меня на Олсона и обратно. Парни в конце стойки глядели прямо перед собой. Они, по-видимому, до этого смотрели телевизор, но сейчас с возрастающими беспокойством и тревогой наблюдали за бывшим Крохой.

— Друг мой, я задал вам вопрос. Говорит ли вам что-нибудь имя Ли Гарвелл?

— Сэр, — ответил бармен, — в тысяча девятьсот восемьдесят третьем году мне было восемь лет.

— Как мимолетна эта безделица — слава, — вздохнул Олсон.

И повернулся ко мне:

— Ну, иди сюда, порадуй папочку.

Теперь этот тип стал моим папочкой? Я подошел ближе и задержал дыхание, обнимая старого друга — от него так и шибало потом, немытым телом и куревом. Щеки Олсона заросли щетиной цвета соли с перцем. Вонь была главной причиной, отчего завсегдатаи переместились в другой конец бара. Остальные причины — его слова и действия. Олсон пару раз крепко прижал меня и разомкнул затянувшиеся объятия.

— Давай-ка я угощу тебя выпивкой, чувак? Как тебе идея?

— Отличная, — ответил я и заказал бокал «Пино Гриджио».

— «Пино» для моего кореша, а сюда — еще одну «Маргариту». Эй, Ли. — Удар по плечу. — Честное слово, я рад тебе.

Он отклонился назад, широко улыбаясь.

— Может, упадем за столик?

— Давай, — согласился я и увидел, как плечи бармена опустились на дюйм-другой.

— Куда хочешь? Вон тот? — Олсон показывал на свободный столик у дальней стены.

Я пытался сопоставить грязного, побитого жизнью человека передо мной с двумя другими: с ним самим, восемнадцатилетним, и мужчиной, которого когда-то описал мне Джейсон Боутмен в фойе «Пфистера». Олсон выглядел в точности как человек, только что вышедший из заключения. Тюремная бравада делала его каким-то недостоверным и опасным.

— Вот здесь хорошо. — Я старался не заводить Олсона.

Мы устроились за отдаленным столиком. Олсон сел лицом к двери, будто бы опасаясь чего-то, а остальные посетители вернулись к своим разговорам, бутербродам и шуткам. Миниатюрная темноволосая и невероятно хорошенькая официантка принесла нам напитки на сверкающем подносе и составила на стол, мимолетно глянув на меня и не

обратив внимания на Олсона. Она чем-то напомнила кинодив сороковых: Риту Хейворт и Грир Гарсон. Разбудила она и еще одно воспоминание, острое, стремительное, наполненное чувством.

— Классное местечко. Нравится?

— Да, здесь неплохо, — ответил я.

— Был тут раньше?

— Вроде был.

— Так часто заглядываешь в подобные места, что не вспомнить, бывал раньше или нет?

Олсон стрельнул глазами в сторону входа и так же резко вернул внимание мне.

— Я был здесь всего один раз, Дон. Примерно через неделю после открытия. Мы тут обедали.

— И что — хорошая кухня?

— Понял. Заказать тебе что-нибудь? Какую-нибудь закуску?

108

«Дитка» располагался на Чеснат-стрит, пять кварталов к югу от моего дома на Кедровой, не настолько близко, чтобы прибытие Олсона воспринимать как вторжение.

— Слышь, давай на двоих коктейль из креветок. — Еще один цепкий, стремительный взгляд в сторону двери, но то, чего он опасался или ждал, не появилось.

— Знаешь, я обычно обхожусь без ланча, — сказал я. — А сейчас почти четыре. Может, устроим поздний ланч или ранний ужин, не против? Только, пожалуйста, я угощаю, Дон. Я слышал, тебе последнее время крупно не везло.

— Зато крупно повезло сегодня. Сказать по правде, слопал бы сейчас корову.

— Тогда ты оказался в нужном месте.

Дон помахал официантке и, когда ее серо-голубой взгляд нашел его, изобразил пантомиму: чтение меню. Она подошла к нашему столику с двумя большими, в форме крыла чайки, меню, и Дон Олсон, увы, сомкнул пальцы на ее запястье.

— Что тут вкусенького, крошка?

Она резко вырвала руку.

— Как, по-вашему, что мне заказать?

— Рубленую свинину.

— «Рубленую свинину». Это что, ваше фирменное блюдо?

— С печеными яблоками, зеленым перцем, обжаренную в собственном соку.

— Да это мне на один зубок. Давай-ка для разгону вот это — «Жареные кальмары». Можешь сделать так, чтоб аж хрустели?

Себе я заказал гамбургер с голубым сыром и второй бокал вина.

— И мне тогда еще одну «Маргариту», птичка. И корону верните¹. Ты читала книгу «Агенты тьмы»?

— Не довелось.

— Ее написал вот этот парень. Прошу прощения, я Дон Олсон, а это мой друг Ли Гарвелл. А как твое имя? Наверное, такое же красивое, как ты сама.

— Мое имя Эшли, сэр. Прошу прощения, мне надо идти оформить ваш заказ.

— Секундочку, Эшли, пожалуйста. Хочу задать тебе очень важный вопрос. Подумай хорошенько и ответь, только честно.

— У вас тридцать секунд, — сказала она.

Олсон проверил вход, вздернул подбородок и закрыл глаза. Затем поднял правую руку и прижал большой палец к указательному. Выглядело это жалко.

— Имеет ли право человек превращать жизни своих друзей в развлечение за деньги? — Он открыл глаза, пальцы по-прежнему оставались в жесте нюхательщика табака.

— Для того, чтобы писать роман, разрешения не требуется.

— Проваливай, — сказал Олсон.

Эшли как ветром сдуло.

¹ Коктейль «Маргарита» (текила, ликер, сок лайма) подается в бокале, края которого украшены солью — «соленой короной»

— Десять лет назад эта маленькая шлюшка пошла бы ко мне домой. Сейчас она второй раз в мою сторону и не взглянет. Одно хорошо: на тебя пялиться у нее желания не возникло.

— Дон, — сказал я. — Тебя ведь не это заботит. С тех пор как мы сели, ты уже пять или шесть раз посмотрел на дверь. Боишься, что кто-то придет? Ты словно на стрёме.

— Знаешь, когда сидишь в тюрьме, учишься держать на контроле дверь. Становишься малость дерганым, малость параноиком. Пару недель, и я войду в норму.

Он в очередной раз проверил вход.

— А когда ты освободился?

— Утром сел на автобус сюда. Знаешь, сколько денег у меня в кармане? Двадцать два бакса.

— Дон, я тебе ничего не должен. Давай проясним это раз и навсегда.

— Гарвелл, я не считаю, что ты мне что-то должен, давай проясним это раз и навсегда. Я просто подумал, может, вы вдруг захотите немного помочь мне, ты и твоя жена. Она прекрасный человек, ты всегда был отличным малым, ты в миллион раз лучше любого, кого я когда-нибудь знал.

— Вот только жену мою оставь в покое.

— Что ж так сурово, — сказал Олсон. — Ведь я любил Миногу.

— Ее все любили. «Немного помочь» — это как?

— Давай о делах после ланча? Я вспоминаю, как мы были на вершине мира, наша маленькая банда. А вас с Миногой звали двойняшками. Вы ведь и правда были очень похожи, ей-богу.

— Я бы попросил тебя больше не называть ее Миногой, — сказал я.

Он будто не слышал.

— Черт, да она была самой крутой пацанкой на свете. — Олсон как будто избавился от навязчивой идеи приглядывать за дверью и полностью отдался разговору.

Я вспомнил кое-что и тут же перестал сердиться:

— Когда-то давно, когда мне хотелось ее позлить, я называл ее Скаутом.

Олсон улыбнулся:

— Она была похожа на ту девчонку из фильма, как ее...

Я понял, что ничего не помню о фильме, который держал в памяти только что. В последнее время подобные провалы, стирание информации, случались со мной все чаще.

— Где этот актер...

— Ну да, он адвоката играл...

— И Скаут была его дочкой...

— Дьявол, — сказал Олсон. — В общем, ты тоже не помнишь.

— Да я помню, но... не помню, — сказал я недовольно.

Настроение уже не казалось испорченным. Общая неудача поставила нас в равное положение, и этот знак старения Олсона помог воскресить в моей душе открытого и обаятельного юношу, которым был Кроха. Полное безмятежного благоденствия, расцвело передо мной прошлое.

Хором мы воскликнули:

— «Убить пересмешника».

И расхохотались.

— Позволь спросить, — начал я. — В чем тебя обвинили?

Олсон взглянул на потолок, вытянув тощую, в морщинах шею, похожую на какой-то несъедобный экологически чистый овощ в магазине диетических продуктов.

— Меня обвинили и признали виновным в высказывании грубых непристойностей в адрес молодой женщины. Так называемая жертва была восемнадцати лет от роду, вместе со мной она участвовала в неформальной программе исследования. Пару лет я занимался эротическим оккультизмом. Начал с группой из десяти-двенадцати человек, потом она уменьшилась почти в половину, знаешь, как это бывает, а под конец остались я да Мелисса. В общем, нам удалось продлить акт до бесконечности. К несчастью, она проболталась об этом подвиге своей мамаше, и та просто взбесилась

и подняла шум на всю вселенную. В итоге полиция нравов Блумингтона взяла меня тепленького прямо в бесплатной служебной квартире и отвезла в участок.

Олсон снова взглянул на дверь.

— Индиана, оказывается, самый ханжеский штат в Америке.

— Ты сидел в тюрьме штата Индиана?

— Начал в Терре-Хот, затем перевели в Льюисбург, Пенсильвания. Через шесть месяцев отправили сюда, в Пекин, Иллинойс. Им доставляет удовольствие выбивать человека из равновесия. Но я могу заниматься своим делом в тюрьме с таким же успехом, как и в любом другом месте.

Прибыли кальмары. Мы взялись протыкать жареных моллюсков и отправлять в рот. Дон Олсон откинулся на спинку стула и застонал от удовольствия.

— Наконец-то нормальная еда! Тебе не понять.

Я согласился: мне не понять.

— Дело? Что за дело? Что можно делать в тюрьме?

— Общаться с заключенными. Учить по-другому думать о том, что они сделали и где оказались.

Олсон вновь принялся за еду, но объяснений не прервал. Кусочки кальмаров и теста иногда выскакивали у него изо рта. Взгляды на дверь словно расставляли знаки препинания в предложениях.

— Ну, что-то вроде социальной помощи.

— Социальной помощи.

— Плюс старые заклинания от порчи, — сказал Олсон, пошевелив растопыренными пальцами. — Пока не зашкварчит, стейка не продашь.

Эшли забрала тарелку Олсона, постаравшись не подходить близко к нему. Вернувшись с маленьким, но тяжело груженным подносом, она пустила по столу тарелки с изысканием крупье.

Олсон отхватил ножом кусок свиной отбивной и поднес ко рту.

— Ух, — сказал он, чуть пожевав, — обалдеть... Здесь ребята знают, как готовить свинью, ага.

Он перестал ухмыляться, проглотил.

— Когда мы все влюбились в Спенсера Мэллона, Минога была вместе с Гути, Ботиком и мной. А вот почему не было тебя, я никогда не понимал. С нами тебя не было, но ты наверняка слышал обо всем.

— Не обо всем, — сказал я. — Но я просил тебя прийти сюда не только поэтому.

Олсон дал знак официантке освежить напитки и еще разок взглянул на дверь.

— Я так думаю, ты тогда просто решил оставаться в стороне. А по сути, мне, во всяком случае, так запомнилось, тебе было страшно от всего, чем мы занимались.

— Я не видел смысла изображать из себя студента колледжа. Особенно Гути, бог ты мой. А от вашего «гуру» меня просто воротило.

Я смотрел, как Олсон ест. Потом разрезал гигантский гамбургер и откусил небольшой кусок от истекающей соком половинки.

— Мэллон наслал проклятие на всех вас, включая мою жену.

Олсон уставился на меня. Словно включили мощный аккумулятор, словно внезапно ожила статуя.

— Господи, да ты все еще ломаешь голову над этим. И все так же дрожишь от страха. — Он покачал головой, улыбаясь. — Ты в самом деле полагаешь, что существует разница между благословением и проклятием? Если так, ты очень меня удивишь.

— Брось, — сказал я, отчасти застигнутый врасплох его пронизательностью. — Ты-то хоть не корми меня мэллоновской туфтой.

— Называй как хочешь, — сказал Олсон, переключая все внимание на свежую «Маргариту». — Но я б сказал, те же принципы разделяю и я. И Минога.

— Я же просил: Ли Труа.

— Как скажешь.

Я резал огромный гамбургер, не спуская глаз с Дона Олсона. Я пытался понять, как далеко он зашел.

— Ты попал в тюрьму из-за благословения Мэллона?

— Благословение Спенсера помогло мне заниматься тем, чем я хотел, сорок лет, не считая времени в заключении.

Что-то будто толкнуло меня:

— В Пекине федеральная тюрьма. Что там может делать осужденный за половое преступление?

— Не совсем так. — Олсон странно улыбнулся. Еще один взгляд мне за плечо. — Вообще-то не Мелисса Хопгуд засадила меня туда. Назовем это финансовым просчетом.

— Налоговое управление?

Налоговое мошенничество — слишком скучно для человека, который когда-то был геройским Крохой.

Олсон от души наслаждался, набив рот свиной. Я заметил, что он принимает решение, пока жует.

— Ошибка состояла в том, что механизм, который мы использовали, чтобы делать деньги, оказался чертовски ненадежным.

Он ухмыльнулся и поднял руки: попался.

— Мелисса знала одного парня. Оказалось, что он был кем-то вроде посредника, классный координатор. Из серьезной семьи. Много денег плывет в страну, много уплывает. Помогите я ему со сбытом, я бы заработал достаточно, чтобы уйти от дел и тихо-мирно поселиться где-нибудь. Я даже подумывал написать книгу.

Он подмигнул мне.

— А сплетни об эротической магии были, кстати, чистой правдой, и Мелисса на самом деле выболтала все толстой Мэгги Хопгуд обо всех своих оргазмах, но добавила кое-что о нашем плане по сбыту, вот почему одним холодным-холодным утром за мной пришли.

— Торговля наркотиками.

— Скажем, моя схема быстрого обогащения не сработала. С этого дня становлюсь честным тружеником и добрым другом.

— А теперь можно к делу?

Дон Олсон положил вилку и нож. На его тарелке остались лишь кость, узелок хряща и следы соуса.

— Минуту назад ты сказал, что тебя все еще интересует Спенсер и бывшие времена.

Я промолчал.

— А у Миноги не пробовал узнать, что случилось тогда на лугу?

Я продолжал молчать.

— Неудивительно. Та еще темка... Вы, ребята, наверное, наобщались с полицией на всю жизнь.

— Нас в основном расспрашивали о Ките Хейварде. Были ли у него враги — все в таком духе. Единственное, что я знал, так это то, что моя подруга на дух его не переносила. О чем я, естественно, промолчал.

— Гути его тоже ненавидел.

— А Спенсер говорил что-нибудь о Хейварде?

Теперь настал черед Олсона подвесить вопрос в воздухе.

— Я провел небольшое исследование и выяснил кое-что очень интересное. Ты помнишь, году в шестидесятом было много шума о Сердцееде?

— Хейвард не мог быть Сердцеедом, — уверенно заявил Олсон. — Он не по этим делам.

— Я и не говорю, что он. Но он имел отношение к убийствам, и у меня ощущение, что он как-то повлиял на случившееся там, на лугу.

— Поспрошай для верности у нашей распрекрасной мисс Тэнг¹, — сказал Олсон.

Он уставился в потолок.

¹ Мисс Тэнг (Miss Thang) — саркастический термин для надменных, самодовольных женщин, глубоко заблуждающихся насчет своей исключительности

— Ну а мне, чтоб снова встать на ноги, нужна, скажем, тысяча долларов. — Он ухмыльнулся. — Сумма, разумеется, на твое усмотрение.

— По пути ко мне домой можем остановиться у банкомата. Верно: сумма на мое усмотрение.

Я дал знать официантке, что готов расплатиться. Она принесла счет, и я вручил ей кредитку. Олсон откинулся на спинку стула и скрестил на груди руки. Он не сводил глаз с моего лица. Наверное, это стоило ему усилий, поскольку следить за дверью он не мог. Я забрал квитанцию, оставил чаевые и поднялся на ноги. Олсон продолжал изучать меня.

Я встретился с ним взглядом.

— Дам тебе пятьсот.

Олсон встал, не сводя с меня глаз. С неприятной кривой улыбкой, как-то бочком он направился к выходу: в его движениях было что-то бандитское, скрытая физическая сила и еще — будто бы невысказанный упрек. Несколько посетителей провожали Олсона взглядами, желая убедиться, что он в самом деле уходит.

Ослепительный блеск Чеснат-стрит показался еще ярче, когда мы выбрались из гнетущей атмосферы бара.

— А что ты там натворил перед моим приходом?

— Да так, встряхнул их малость.

— Представляю себе...

— Когда принесли мою первую «Маргариту», я отхлебнул, посмаковал и сказал: «В тюряге можно получить любую наркоту, только заикнись, а вот текилы не допросишься, будто ее на свете не осталось ни капли, а это, мать твою, странно, если учесть, сколько мексиканских ублюдков мотает срок». Потом заговорил о тебе, но ущерб уже был нанесен.

Я повел своего спутника на север к Раш-стрит, и пару минут Олсон молча изучал дорогу и людей вокруг. На улице чувство опасности у него заметно усилилось. На тротуарах царил обычная чикагская толкотня. Олсон не привлекал

внимания до той поры, пока мы не остановились в ожидании сигнала светофора: несколько человек отошли от него подальше.

— Не ожидал такой враждебности здесь, в стране свободных людей.

— Душ, свежая одежда — и проблемы как не бывало. Удивляюсь, как ты не замечаешь своего запаха.

— В автобусе все так пахли.

Мы подошли к «Оук-банку» и остановились перед банкоматом. Не успел я вытащить бумажник, Олсон шепнул:

— Давай войдем, а?

Он кивал, как китайский болванчик. Перспектива сделки на улице довела его беспокойство до предела.

— Но мы здесь в безопасности.

— Хотелось бы верить, — сказал Олсон.

Мы зашли в банк и направились к ряду банкоматов. Бородатый парень с рюкзаком давил на клавиши дальнего справа автомата, а мужчина, наверняка в студенческие годы игравший в лакросс — широкая спина, короткая стрижка, накрахмаленная голубая рубашка, отутюженные хлопчатобумажные брюки, — забирал купюры из того, что ближе к центру. Я было двинулся туда же, но Олсон встал передо мной и, как пастушья собака, направил к последнему банкомату в ряду.

— Ты понятия не имеешь, сколько народу может вычислить твой пин-код, непринужденно наблюдая со стороны. Поверь мне.

Я вытянул карточку из бумажника. Олсон занял позицию спиной ко мне, как телохранитель. Я поднес кредитку к щели картоприемника и задержал руку.

— М-м...

Олсон чуть отошел назад и вывернул шею, чтобы видеть меня.

Я вставил кредитку и сразу же вытащил обратно. Олсон сделал вид, будто смотрит в сторону, пока я набирал на клавишах код.

— Знаешь, самому интересно, зачем я пообещал дать тебе пятьсот баксов.

— Могу сказать, если ты и вправду хочешь знать.

Я обернулся, подняв брови в немом вопросе.

— Затем, что я просил тысячу.

Пока банкомат выдавал наличные, Олсон наклонил голову, упер левый локоть в ладонь правой руки и щелкнул пальцами.

Олсон сложил двадчатки и пятерки в карман джинсов.

— Люди склонны действовать каждый по-своему. Спенсер все это просчитал. Всегда проси вдвое больше, чем тебе надо.

* * *

Несколько минут спустя мы свернули на Кедровую. Молниеносно оглядевшись, Олсон оценил местность и отметил, что я поселился в красивом квартале. За ресторанами, стоявшими как бы на границе Раш-стрит, на восток, к ярко-голубой безбрежности озера Мичиган, протянулась вереница симпатичных офисных зданий и жилых домов под раскидистыми кронами огромных деревьев.

Дон сошел с тротуара и зашагал к асфальтовой дорожке, убегаящей к застекленному входу в высокий многоквартирный дом. В этом доме я прожил много лет. Я спросил Олсона, куда он направился. Он удивленно оглянулся через плечо.

— А разве ты не здесь живешь? — Он ткнул большим пальцем в сторону дома.

— Нет. А с чего ты решил?

— Не знаю. Инстинктивно... — Он остро глянул на меня. — Сказать по правде, я не раз бывал там. Подружка Мэллона разрешала нам оставаться, когда уезжала из города. Но, клянусь тебе, не поэтому. Просто такое чувство...

Олсон поднес руку ко лбу и внимательно посмотрел на меня.

— Обычно интуиция меня не подводит. Вот и сейчас, а?

Я покачал головой:

— В этом доме я прожил двенадцать лет. Выехал отсюда в девяностом. Именно здесь я написал «Агенты тьмы» и еще три книги. Удивительно, как же ты...

— Ну, я же не только жулик, — сказал Олсон, как будто немного смущенный. — Скажи, если ты переехал в девяностом, почему мы здесь?

— Потому что переехал я в дом напротив, вон, номер двадцать три.

Я показал на четырехэтажный дом из бурого песчаника, с ярко-красной дверью и двумя рядами окон. Несмотря на откровенное соперничество соседних домов, свой я всегда считал самым красивым на Кедровой улице.

— Дела у тебя, похоже, идут недурно, — сказал Олсон. — Ты в какой квартире жил?

Я пожал плечами, борясь с желанием скрыть от него информацию.

— Девять-А. Там было здорово.

— Та же квартира, которую нам с Мэллоном сдавала его девица. Девять-А — сразу в конце коридора.

— А вот сейчас ты начинаешь жульничать. Впервые об этом доме я услышал от своей жены.

Я достал ключи: мы подошли к моей красной двери.

— И с чего это ты со мной такой добренький? — раздраженно спросил Олсон. — Забудь про чушь, что я говорил насчет получения половины просимого. Ты вовсе не обязан был давать мне пятьсот баксов, и уж тем более — впускать к себе в дом. Ничего подобного я от тебя не ждал.

— Правда?

— Блин, я только вышел из тюрьмы, мы с тобой никогда не были близкими друзьями, а ты собрался пустить меня в этот шикарный дом? — Он задрал голову и оглядел кирпичный фасад и ряды сверкающих окон. — Вы с Миногой обитаете здесь одни? В таких хоромах?

— Мы живем одни.

— Только сейчас ее здесь нет.

Я не сдержался и сердито выпалил:

— Если боишься войти, перейди через Раш-стрит и зарегистрируйся в ночлежке.

Я показал вдоль по улице и на ту сторону оживленной авеню, где «яппи-бар», казалось, подпирал покосившуюся гостиницу квартирного типа для изгоев, возвещающую о себе большой неоновой вывеской «Отель «Кедр».

— Да не боюсь я твоего дома, — сказал Олсон.

Я понял, что он сказал правду, но не всю.

— Поверь мне, я в этом клоповнике бывал намного чаще, чем ты можешь вообразить. Но какого дьявола тебе все-таки от меня надо?

Я вставил длинный ключ в массивный замок и распахнул дверь в просторную прихожую со стенами палисандрового дерева, ковром из Ширази и китайской вазой с мясистыми каллами.

— Для начала, — сказал я первое, что пришло в голову, — я бы хотел послушать о Бретте Милстрэпе.

Это заявление, которое я выдал, почти не задумываясь, поразило меня самого. Если б я хоть немного поразмыслил, я сказал бы, что давным-давно забыл имя второго студента из круга обожателей Мэллона.

Олсон в ярости остановился:

— А когда я, по-твоему, мог встретить Бретта Милстрэпа?

Не в силах сдержаться, он обернулся и посмотрел на угол, из-за которого мы только что вышли: противоречие между острой потребностью скрыться в доме и нежеланием входить пригвоздило его к цементному крыльцу. Видеть это было невыносимо.

Качая головой, Дон наконец переступил порог. Цепким взглядом он окинул гостиную, зыркнул на угловую лестницу; пытается освоиться, предположил я. Теплые отблески серебра и полированного дерева манили и отталкивали его, наверное, в равной степени.

— Сколько здесь комнат?

— Двенадцать или четырнадцать, в зависимости от того, как считать.

— От того, как считать, — пробормотал он и осторожно ступил на переплетающиеся длинными стеблями тюльпаны, вытканые на ковровой дорожке.

— Скажи мне, — спросил я с верхних ступенек, — ты встречался с Милстрэпом случайно или он искал тебя?

— Все почему-то считают, что у меня есть эти ответы. А их, между прочим, нет.

Мы поднялись к оборудованному под комнату бель-этажу, обстановку которого составляли письменный стол, красивое кожаное кресло, прямоугольная ваза с живыми цветами и книжные полки вдоль лестницы на третий этаж. Полутемный, с книгами по стенам коридор вел в недра дома.

— Если вдруг попадешь в беду, — сказал Олсон, — пусть твой адвокат сделает все, чтобы добиться домашнего ареста.

Он привалился к перилам, сощурил глаза, поджал губы. Волна козлиной вони поплыла от него.

121

— Пока будешь в душе, я подберу тебе кое-какую одежду. Все, что снимешь, брось в корзину. Кстати, обувь какого размера?

Олсон опустил взгляд на свои стоптанные, заляпанные грязью кеды.

— Десять с половиной. А что?

— По-моему, этот день у тебя будет удачным, — ответил я.

* * *

Через полчаса обновленный Дональд Олсон скользнул в гостиную первого этажа с бесшумной грацией кошки. Я предполагал, он вымоет, расчешет и уложит волосы, сбреет щетину, смажет увлажняющим кремом щеки, переоденется, избавится от запаха. Результат оказался поразительным: Олсон выглядел помолодевшим, довольным и симпатичным. Он надел голубую рубаху, чуть ему великова-

тую, и зеленые штаны хаки со складками в талии и отворотами внизу. Под отворотами — пара грубоватых ботинок, с отстроченным носком, светлые, почти желтые, из материала, напоминавшего мягкую блестящую кожу. Очарованный замечательными башмаками, Олсон улыбнулся и спросил:

— Ручной работы?

— Можешь оставить себе.

— Ого, ты отдаешь свои башмаки?

— Несколько лет назад у меня ноги раздались на пару размеров. Там коробка со старой обувью — можешь подобрать себе что-нибудь.

Олсон рухнул на диван, раскинул руки и вытянул ноги. Сейчас он напоминал продавца мебели.

— Вот это комфорт. А какова комнатка? Ничего лучшего в жизни не надо, чем такая комната. — Не сгибая ног, он приподнял их, любуясь ботинками. — А вот, скажем, вошел я в самый крутой обувной магазин, во сколько эти малыши встали бы мне?

Он опустил ноги на ковер и подался вперед, приготовившись удивиться.

— Сколько они стоили? Дон, я не помню.

— Ну хотя бы примерно.

— Триста.

Я и правда не помнил, сколько они стоили, но, скорее всего, раза в два дороже.

Олсон покачал ногой:

— Вот уж не думал, что можно таскать на ногах столько денег.

Он опустил ногу и еще раз оглядел себя: разгладил ткань на бедрах, вытянув руки, полюбовался рукавами, пробежался пальцами по ряду пуговиц на рубаше.

— Я смахиваю на парня с домом за городом и вульгарным спортивным автомобилем. Винтажным¹ спортивным автомобилем, как тот, на котором каталась Мередит Брайт.

---

¹ Т. е. старинный автомобиль, выпущенный в период с 1916 по 1930 г.

Помнишь ту маленькую красную машинку? С большими хромированными «свушами»¹ по бортам?

— Никогда не видел ее машины, — сказал я. — Я даже никогда не видел Мередит Брайт.

— О, старина, ты много потерял, — загоготал он. — В те годы Мередит Брайт можно было смело называть самой красивой девчонкой в мире.

— Ты знаешь, что случилось с Мередит Брайт? Можешь помочь найти ее?

— От Мередит Брайт твоему проекту будет не много толку.

Я резко выпрямился.

— Чем она сейчас занимается?

— Она жена сенатора. А до этого была замужем за исполнителем директором «Форчун-пятьсот»². Когда они развелись, она содрала с него тридцать миллионов долларов и поместье в Коннектикуте, которое продала, чтобы купить что-нибудь побольше в Вирджинии или в Северной Каролине, не помню, в общем, там, откуда нового мужа выдвинули сенатором. Он республиканец. Она хочет сделать его президентом.

— Черта с два, — сказал я.

— У этой получится. В нее будто что-то вселилось.

Олсон покосился на стену и передвинулся, чтобы смотреть прямо. Его как будто привлекли картины. Работы Эрика Фишля и Дэвида Салле — в ту пору, когда я их покупал, эти люди были восходящими звездами. Ни за что бы не подумал, что Дон Олсон так заинтересуется ими.

— Ты имеешь в виду, вселилось тогда?

— Ну. А потом она взялась вытягивать соки из богатых парней, или черт ее знает, чем она занимается. — Он по-

¹ С вуш — узнаваемый товарный знак фирмы Nike в форме «галочки».

² Ведущий экономико-политический журнал, выходящий два раза в месяц тиражом около 700 тыс. экз. Ежегодно в мае-июне публикует статистические данные о 500 корпорациях и 1000 крупнейших акционерных промышленных корпораций.

ерзал на диване, пытаюсь сформулировать, что случилось с Мередит Брайт. — Знаешь, вот как у некоторых людей есть что-то типа внутренней температуры, внутреннего климата? У Мередит Брайт внутренний климат вампириши. Лучше, наверное, не скажу. Она заставляет тебя видеть всю идею бесовской одержимости в абсолютно ином свете. И мы любили эту женщину, старина, мы просто с ума от нее сходили. Более жуткой бабы я не видал.

— Ее мужья, наверное, так не считали.

— У миллионеров-сенаторов и исполнительных директоров свои стандарты для жен, не как у других людей. Если упаковка тянет на высокую пробу, им до лампочки, кто в ней сидит, вампир или зомби. А эта женщина может так притворяться...

— Ботик как-то говорил, что случай на лугу поломал жизни всем, кто был в группе. Я тоже вижу это в таком свете, даже если Мередит Брайт — история отдельная. Ты считаешь, что твою жизнь сломали?

— А что, разве нет? Ты вспомни ее, мою жизнь! Без твоей помощи мне снова не подняться. Я только что вышел из тюрьмы. Кстати, из «Менарда» — это ее снимали в фильме «Беглец». Исправительное заведение в городе Менард.

Я кивнул, но ничего не сказал.

Олсон щелкнул пальцами:

— Эта официантка из «Дитка» — как ее? Эшли? Знаешь, кого она мне напомнила? Миногу.

— Да, мне тоже, — сказал я. — Только Эшли не так красива, как твой друг Минога. Тебе стоит взглянуть, как она выглядит теперь.

— Только без обид, но ей же сейчас столько, сколько нам.

— Погоди.

Я вышел из комнаты, сделав жест, которым обещают собаке лакомство, если она будет исполнять команду «сидеть» достаточно долго. Через несколько минут я вернулся с чер-

но-белой фотографией в простой рамке со складной ножкой на тыльной стороне. Я протянул ее Олсону.

— Это примерно год назад. Я бы еще показал, но жена терпеть не может фотографироваться.

— Повторю, Ли, без обид, но...

Олсон развалился, откинувшись на спинку дивана и держа фотографию обеими руками.

— Постой-ка.

Он выпрямился, поставил рамку на колени и, склонившись, взгляделся в снимок.

— Погоди, погоди...

Олсон с улыбкой помотал головой.

— Эта миниатюрная седоволосая женщина... но... Она удивительна. Откуда такая красота берется?

— Иногда в ресторанах или в самолетах я вижу, как мужчины смотрят на нее, как бы спрашивая себя: «Как, черт возьми, такое случилось?» В нее влюбляются с первого взгляда официанты. Влюбляются копы. Влюбляются таксисты. Носильщики. Швейцары. Уличные регулировщики.

— Она просто... сногшибательная. Раз увидишь и никогда не забудешь. И по-прежнему похожа на себя. Седина и пара морщинок не в счет. Она по-прежнему выглядит как Минога, только выросшая в эту потрясающую женщину.

Олсон продолжал смотреть, опустив голову, на фотографию Ли Труа, на Миногу своей юности: ее сияющее лицо было обращено к небу — то ли притягивая свет солнечный, то ли отдавая собственный.

— А женушка, как я понимаю, часто тусуется? Много разъезжает? И у вас все хорошо?

— Дон, ты сейчас спрашиваешь о чем-то другом?

— А она... она, часом, не слепая?

— Совсем слепая, — ответил я. — Уже много лет. Хотя это несколько ей не мешает. Если вдруг нужна помощь, всегда рядом случается водитель такси, или швейцар, или проходящий мимо коп — чтобы протянуть руку.

Она может вдохновить с дюжину волонтеров, лишь взмахнув вот этой палочкой, прислоненной к креслу. Она называет ее веретенком.

Олсон содрогнулся:

— Правда?

— Правда. А что?

— Веретено — это чуть ли не самое безобидное орудие труда, с его помощью можно наматывать шерсть, но... Ладно, неважно. Сейчас, наверное, это просто что-то, имеющее отношение к женщинам. В общем, сам знаешь.

— Само собой. Только, по-моему, это имеет отношение к чему-то, увиденному тогда на лугу. Вот почему она ослепла: что-то увидела. Или от всего увиденного. Слепота наступала постепенно. В течение лет десяти — примерно с восьмидесятого по девяностый год. Как она говорила, ей милостиво подарили столько времени до того, как полностью ослепнуть.

126 — Я видел веретено, — сказал Олсон с чуть заметной неохотой. — В тот день. Буквально одну секунду.

Он вытолкнул себя с дивана и подошел к окну. Не вынимая рук из карманов, чуть наклонился и посмотрел на Кедровую улицу.

— У тебя, кстати, выпить не найдется? Ланч-то был давненько...

— Пойдем.

Я повел его назад в кухню. Бар располагался последним в ряду сделанной на заказ мебели, снизу — холодильник для вина, а сверху — отделение для крепких напитков, где аккуратными рядами стояли бутылки.

— И тебя с веселым Рождеством, — сказал Олсон. — Лопни мои глаза: да это, никак, вкусящая текила?

Я налил ему первоклассной текилы, а себе взял пива. Было начало седьмого, еще по меньшей мере час до того времени, когда я обычно разрешаю себе спиртное. Мелькнула мысль, что Дон Олсон станет более откровенным, если немного выпьет.

Мы сели за кухонный стол друг против друга, как обычно делали с женой. Олсон опрокинул всю текилу, прополоскал ею рот, проглотил, облизал губы, по достоинству оценив напиток, и сказал:

— Слушай, я не то чтобы хочу показаться неблагодарным или типа того, но в этом одеянии чувствую себя самозванцем, ей-богу. В голубых рубашках и штанах хаки, может, отлично смотрятся мужики типа тебя, Ли, но мой личный стиль чуть более авангардный, что ли.

— Ага, ты бы предпочел одеться во все новое.

— Вот-вот.

— Мы можем сходить в пару мест на Мичиган-авеню. Не смущайся, пожалуйста.

— Блин... ну ты прямо святой. Неудивительно, что Минога вышла за тебя.

Эти слова мне очень не понравились, но я ничего не ответил.

* * *

Мы немного посидели, потом отправились за покупками, скромно отобедали рыбой и пастой и еще поговорили, и у меня возникла странная мысль, что я становлюсь более близким другом прежнему Крохе, чем был много лет назад, когда мы виделись каждый день.

Неожиданный отъезд Олсона вечером 16 октября 1966 года мы восприняли очень болезненно, особенно потому, что уезжал он навсегда. Скорее всего, из-за обещанного «прилива», но я полагал, это смутное пророчество относилось лишь к Ботику. Однако Ботика Мэллон с собой не взял, бросив трясущимся от потрясения и потери вместе с остальными, кто выжил. По показаниям трех очевидцев, Мередит Брайт видели улепетывающей как заяц сквозь лоскуты желто-оранжевого тумана, протянувшиеся через луг. Ее исчезновение понятно: она вернулась к безопасной привилегированной жизни. С Гути все обстояло иначе. Говард

Блай, как и все мы, дитя западного Мэдисона, ушел в мир пугающе неизвестный, о котором даже думать страшно.

Эту историю, как и многое другое, мы обсуждали с Дональдом Олсоном на Кедровой улице. Наши беседы продолжались несколько дней. Я прекрасно знал: ничто не мешает ежедневно уходить в офис на пять или шесть часов, и я намеренно откладываю работу — даже моей жене очень редко удавалось заставить меня сделать это, — хотя, признаться, общение с Олсоном можно было назвать своеобразным исследованием. Это как если бы жена позволила копать в единственной запертой комнате ее души, по крайней мере единственной, известной мне.

На четвертый вечер пребывания у меня Дон Олсон вспомнил поразительную историю, из которой следовало, что не зря Ли считала Кита Хейварда опасным типом. Рассказ Олсона подтверждал гипотезу детектива Купера о том, что убитый мальчик имел отношение к милуокскому злодею по прозвищу Сердцеед.

— Гути и твоя жена частенько говорили Спенсеру, что Хейвард куда хуже, чем он думает, что довольно странно, поскольку откуда им знать, о чем Спенсер думает? К тому же полагались они только на свои ощущения и интуицию.

— А у тебя есть доказательство? — спросил я.

— Ну, доказательством это не назовешь, но выглядело оно достаточно чумовым, чтобы напугать меня.

— «Оно»?

— Место, особое место, которое себе обустроил Хейвард. Я как-то забрел на антивоенный митинг за библиотекой и увидел, что он там ошивается, пытается подцепить девчонок. Только ему, скажем так, ни черта не светило. К кому бы он ни подваливал, его отшивали. После четырех-пяти заходов его просто посылали. Даже это многое говорит об этом типе, согласен? Но он не вешал носа и не расстраивался — он бесился.

— Девушки отказывались играть по его сценарию.

— Именно. И он менялся: лицо как-то напрягалось, а глаза щурились. И быстро так озирался, не наблюдает ли кто за ним. Меня, слава богу, не засек, потому что я припарковался в укромном уголке. Я сразу понял: этот парень что-то скрывает. А когда он отчалил в сторону Стейт-стрит, я двинул за ним. Хейвард отправился напрямик к Генри-стрит, где повернул налево, резко ускорил шаги на подходе к тому незастроенному участку с тремя старыми сараями, типа небольших ангаров, в дальнем конце. Там он вытащил здоровенную связку ключей и зашел в самый последний ангар. Хоть до него было далековато, но даже со своего места я услышал, как он грохнул дверь и заперся. Я постоял пару секунд и рванул через участок заглянуть в маленькое окошко на двери.

Были у меня кое-какие догадки о занятиях Хейварда, однако я все же спросил:

— И что же он делал?

— Разговаривал с ножом, вот что он делал, — ответил Дон. — И пел ему. Пел. Стоял перед столом, брал с него здоровенный нож, как бы ласкал его и клал обратно. Я просто онемел, смысл всей затеи мне показался таким жутким... Ну какой нормальный человек будет петь ножу? Закрывшись в ангаре?

— У Хейварда были нарушения психики. Я просматривал кое-какие... Нет, об этом пока не могу.

— Твоя воля, босс. — Дон расслабленно откинулся на спинку стула и оттолкнул тарелку, та заскользила по столешнице из темно-серого камня. — Еще не слишком поздно для стаканчика на ночь?

— Ты знаешь, где бутылки.

Олсон поднялся со стула и двинулся в сторону бара.

— А, черт, — сказал я. — Захвати мне, пожалуйста, из холодильника еще пива, ладно?

Я почувствовал, что мне трудно даже говорить, и не понимал, откуда взялась эта тяжесть.

— Держи.

Олсон вручил мне пиво и снова сел. Рассказ его раззадорил, и будь он проклят, если сейчас отправится спать: Дональд Олсон всего несколько дней назад освободился, он одет с иголки и держит в руке стакан с самой классной текилой.

— Как поживает Минога?

— Что, прости?

— Как ее конференция? Или что там?..

— Да, верно. Она сказала, что собирается остаться в Вашингтоне еще на неделю. У нее там полно дел.

— Она знает, что я здесь?

— Знает. Можешь погостить еще немного, если хочешь. Есть у меня кое-какие задумки, хотелось бы обсудить их с тобой.

— Лады. Тогда получай хорошие новости, я приберег их. Отныне мне больше не придется жить на иждивении.

130

— Раздобыл денег? Как тебе удалось?

— Стребовал должок. Поможешь открыть новый счет в банке, завести чековую книжку, все такое?

— О какой сумме речь?

— Если интересно — пять тонн.

— Ты добыл пять тысяч долларов, сделав всего пару звонков?

— Немного больше, если честно. Хочешь — могу вернуть тебе пятьсот.

— Может, попозже, — сказал я, не переставая удивляться. — А пока суд да дело, давай сходим завтра в банк, положим твои деньги.

* * *

Утром я отвел Олсона в «Оук-банк» и воспользовался давним знакомством с клерками, чтобы упростить процесс оформления чекового счета на сумму 5500 долларов для моего гостя. Три отдельных чека были выписаны людьми, имена которых я слышал впервые: Артур Стэдэм (\$1000),

Филисити Чен (\$1500) и Мередит Уолш (\$2500). Олсон получил временную чековую книжку и пять сотен наличными и остался доволен. Когда я отказался взять деньги, Дон сунул половину долга мне в нагрудный карман.

Я думал, Олсон будет выписывать чеки, пока их не перестанут принимать. С кредитной картой он бы быстро прогорел, потому что Дон расценивает кредитки лишь как наличные в постоянно доступной форме. Но нет, оказалось, он возьмет кредит, за первый месяц расплатится чеком. Суть последующих операций для меня осталась не вполне ясной.

Чувствуя себя пособником в криминальной затее, я принял предложение Дона угостить меня обедом в «Полной чаше», китайском ресторане на углу Кедровой и Раш. Мы сделали заказ, и тут Олсон меня удивил:

— Ты собираешься попросить меня съездить в Мэдисон навестить Гути Блая, угадал?

Я едва не выронил палочки.

— Это еще что. А как насчет пообщаться с Мередит Брайт, хочешь? Ныне Мередит Бинэм Уолш.

— Да о чем ты?

— Если интересует, могу попробовать организовать встречу с Мередит. От Гути и слова не добьешься, но миссис Уолш может оказаться полезной. Поручиться не могу, просто предполагаю.

— Вампирша, вышедшая замуж за сенатора? И как ты это устроишь?

— Долго рассказывать, — ответил Дон. — Похоже, я ее позабавил. Ведь один из этих чеков прислала она.

Он пристально смотрел на меня, поедая суп с клецками.

— Ты ведь всерьез хочешь выяснить, что случилось на лугу. И вроде как считаешь, что все мы видели одно и то же и что каждый пережил то же, что и остальные. Так?

— Считал — поначалу. Но теперь так не считаю.

— Почему же?

— Пару лет назад случайно столкнулся с Ботиком на тротуаре за «Пфистером». Это случилось еще до того, как я начал интересоваться Сердцеедом.

Тут память подсказала одну деталь:

— Он тащил чемодан. «Ого, — подумал я, — Ботик так и не завязал». В чемодане, наверное, было полным-полно чужих наличных и драгоценностей. И того, что он прихватил «заодно».

— Надо отдать ему должное, — сказал Дон. — У парня потрясающее отношение к труду.

— Довольно однобокое, на мой взгляд. В общем, мы друг друга узнали и вроде как оба почувствовали желание пообщаться, поэтому зашли в бар отеля: в такой с большими столами, с лестницами... Я думал, Ботик занервничает, но он сказал, что это место для него абсолютно безопасное и он может провести здесь полчасика.

— Отличный план, — рассмеялся Олсон.

— Мы сидели и беседовали, как приятели, и я понял, что он, вероятно, может что-нибудь рассказать о том дне. В те годы он едва замечал меня в школьных коридорах. Гути тогда уже сидел в психушке. Ли отказывалась говорить. А ты был бог знает где.

— В паре кварталов от тебя, по крайней мере, некоторое время.

— Итак, когда мы сидели в «Пфистере», я поднял эту тему. «А у жены не пробовал спрашивать?» — поинтересовался он, и я ответил: «Пытался». «И что — не вышло?» Потом сказал, что много времени прошло и, наверное, уже можно кое-чем поделиться. «Жутко было, вот что», — сказал он. И добавил, что говорил об этом только с тобой.

Олсон кивнул:

— Пять лет назад, в Мэдисоне. Он там вроде как отсиживался в убогой комнатенке около стадиона и просто ждал, когда я появлюсь в городе. А я тогда начал проводить встречи со студентами, вроде той, в «Ла Белла Капри», на

которую ты не пошел. Ботик был потрясен — не мог выкинуть из головы увиденное тогда.

— Башню из мертвых детей с торчащими наружу ножками и ручками, — подсказал я.

— И кое-где головами. Он плакал, когда вы разговаривали?

— Значит, с тобой тоже плакал?

— Да, когда пытался объяснить мне, что большинство мертвых детей были как бы завернутыми, наподобие тако¹. «Как тако», — сказал Ботик. После этого он просто не мог говорить.

— Поразительно. В точности то же самое было и при мне. «Как тако», и — бац — он весь в слезах, его колотит, он не в состоянии вымолвить ни слова и жестами пытается показать «прошу прощения».

— Еще бы, увидишь такое... — сказал Дональд. — Но больше он не видел ничего.

— Ничего. Только высокую башню из мертвых детских тел. И ослепительное оранжевое зарево цвета «Кулэйд»².

— Так это же мои слова! Вот ведь ворюга, до мозга костей — даже чужие слова ворует. Ну, в общем, тот свет был мерзким. Нас заливало им, будто из какой-то трещины мира. И противнее вони я не встречал. Уверен, это пережили все. К твоему сожалению, однако, ничего другого мне увидеть не удалось. Хотя... было кое-что еще.

— Вот как?

— По правде говоря, еще два видения. Первое — этот пес: стоял в маленькой комнате возле шведского бюро. На нем был темно-коричневый костюм, двухцветные башмаки, галстук-бабочка. Знаешь, как иногда ребята в галстуках-бабочках смотрят на тебя, будто ты только что пукнул

¹ Тако — сэндвич из тортильи, свернутой в трубочку или конвертиком и наполненной самой разнообразной начинкой: жареным мясом, кусочками острых колбасок чорисо, луком, зеленым салатом, фасолью и даже стеблями кактуса

² «Кулэйд» (Kool-Aid) — товарный знак растворимого порошка для приготовления фруктовых прохладительных напитков

и они надеются, что ты уберешься до того, как им придется попросить тебя сделать это? Жалость и презрение. Именно так он смотрел на меня.

— А, тот плакат... — вспомнил я.

— Нет, не тот плакат, который Миноге подарил папаша. Он ничем не напоминал тех смешных барбосов. Его тошнило от меня, и он хотел, чтобы я поскорее убрался.

— А второе видение?

— Господи, да потерпи ты немного. Я к этому и веду. Мэллон сцапал меня за локоть и дернул, но я увидел, что пес пытается что-то заслонить от меня, — какие-то объекты, которые я не должен был видеть. Эти объекты очень смахивали на людей, но яркие, блестящие, словно из ртути или чего-то в этом роде. И они напугали меня до смерти. Один оказался женщиной и как бы королевой, и она держала в руке палку, а я отчего-то знал, что палка эта называется веретеном. Откуда мне это известно, я понятия не имел, но именно так эта штукавина и называлась. От всей сцены у меня поджилки тряслись. Она напугала меня. Нет, она меня ужаснула, наполнила ужасом. Если б Спенсер не оттолкнул меня, я б с места не сдвинулся.

— И об этом ты рассказал Ботику?

— Ну да. Но он заиклился на мертвых детях. Он спросил, как, по-моему, могло ли это все быть реальным. Я ответил: «В чем-то, может, и да».

* * *

Вечером мы сделали несколько необходимых телефонных звонков и забронировали номер в отеле «Перекресток», а наутро отправились в Мэдисон. Съезды к деревням и маленьким городкам, указатели миль, рекламные щиты выплывали навстречу, но самих городков не было видно, как и ресторанов, мотелей или придорожных забегаловок, только пару раз мелькнули фермы. Вдоль дороги раскинулись широкие просторы лесов и полей, лишь изредка попадались одинокие холмы. Три или четыре машины

ярдах в пятидесяти впереди были единственными нашими попутчиками.

Олсон сказал:

— Черт, сбавь скорость. Ты пугаешь меня.

Спидометр показывал восемьдесят восемь миль в час.

— Извини. — Я снял ногу с педали газа. — Не заметил, как увлекся.

Олсон погладил переднюю панель костлявой рукой:

— Блин, у тебя все такое красивое. А я гол как сокол. И мне это по душе. Если б у меня было столько всего, как у тебя, мне бы крышу снесло от забот, как все это защитить.

— К этому быстро привыкаешь.

— А сколько, кстати, эта старушка выжимает?

— Как-то ночью, часа в два, я ехал один по хайвею. Пьяный в стельку. Выжимал сто тридцать. Пока не испугался. Это был последний раз, когда я позволял себе что-нибудь подобное.

— Ты летел сто тридцать миль в час пьяный в два часа ночи?

— Глупо, знаю.

— Не только. Это выглядит очень-очень печально, старик.

— Ну...

Я не стал продолжать.

— Как говорил Спенсер, все носятся в поисках счастья, а искать надо удовольствия.

— Удовольствия надо заслужить, — сказал я.

— Знавал и я удовольствия. Только давно это было. — Олсон засмеялся. — Спенсер однажды признался: единственный раз он почувствовал настоящее удовольствие тогда на лугу, перед тем, как все рухнуло.

Олсон сидел боком, лицом ко мне, одна нога вытянута на сиденье; казалось, губы вот-вот скривятся в ухмылке.

— Неужели?

— Ну да, — сказал Олсон.

— Ты хоть раз спал с Миногой, тогда, когда мы были в десятом классе?

— С Миногой? — Смеясь, Олсон поднял правую руку ладонью наружу, как для клятвы. — Клянусь Господом, нет. Я, Ботик и Гути — мы все были по уши влюблены в Мередит Брайт. Да успокойся ты. Надо быть последней сволочью — спать с девчонкой друга. Дело принципа. К тому же я был уверен: вы с Миногой занимаетесь этим каждый день.

Лицо у меня, наверное, вытянулось от удивления:

— Не думал, что об этом все знали.

— Я не знал... Я просто чувствовал...

— Мы так старательно...

— И успешно. Никто в школе не знал, что у вас с Миногой больше секса, чем у всех остальных, вместе взятых, включая преподавательский состав.

Пожалуй, так оно и было, подумалось мне. Мы с Ли Труа вступили в связь на четвертой или, как она утверждает, пятой по счету встрече. Эти встречи и так были слишком непринужденными, чтобы называться свиданиями. В девятом классе на вечеринке мы, уже давно неразлучная парочка, набрали на пустую спальню и продолжили историю поцелуев, прикосновений, частичных раздеваний и открытий до естественного завершения. Мы были потрясающе, поразительно удачливы. Наши первые сексуальные опыты оказались почти всецело приятными. Через несколько недель они привели мою подругу к первому оргазму. Позже мы стали упоминать этот день, 25 октября, как Четвертое июля. И с самого начала знали: чтобы сохранить это чудо, надо держать все в секрете.

С долгими годами брака наша эротическая жизнь таяла, и иногда я позволял себе строить домыслы, что моя далеко и надолго уезжающая жена может иметь любовников. Я прощал ее, поскольку сам нанес тяжкий урон нашему супружеству. Когда нам было по двадцать пять, Ли загадочным образом оставила меня, объяснив потребностью в «пространстве» и «времени уйти в себя». Через два месяца она появилась вновь, без объяснений, где была и что делала.

Сказала лишь, что любит меня и не может без меня жить. Минога вновь выбрала меня.

А еще десять лет спустя долгая связь с блестящей молодой женщиной, моим литагентом по изданию «Агентов тьмы», навсегда изменила мою судьбу и сломала, как я теперь считал, нашу с Миногой семейную жизнь. Да, именно это и разрушило ее. Роман слишком затянулся, а может, и не следовало его обрывать. Может, надо было развестись с Ли и жениться на другой. В богемной среде такое не редкость: мужчины навсегда оставляли жен и приобретали «что-нибудь подороже», вскоре разводились и вновь приобретали, издатели, авторы, публицисты, агенты — все в непрекращающемся хороводе. Я, однако, слишком упорно не хотел бросать жену. Как я мог усугубить предательство, которое уже совершил? Этот единственный шаг столкнул бы нас в банальность: оставленная жена, по-новому успешный мужчина, избавившийся от надоевшей супруги ради более молодой, сексуальной женщины, способствовавшей его успеху. Я даже вообразить не мог, что наша жизнь превратится в такую карикатуру.

Тем не менее сущность нашего брака была разрушена.

Но, может, думал я, в этом сущность нашего брака и заключалась — в том, что мы прошли через такую боль, не только тогда, но и в другие периоды жизни, и смогли остаться вместе и любить друг друга, любить еще сильнее и глубже.

В тяжелые моменты я думал: не было ли наше супружество надломлено в самом начале или почти в начале, приблизительно в то время, когда я строил из себя филолога, а Ли Труа работала барменом в Ист-Виллидж? Хотя — нет, дело не в этом. Я нежно любил Ли Труа, кроме прочего, еще и потому, что она всю жизнь была со мной рядом, держалась и верила в меня.

МЭДИСОН

На следующий день

— Ну, как бы там ни было, возвращаться в Мэдисон всегда приятно, — сказал Олсон.

— Тридцать лет я не был здесь, — сказал я. — Ли пару раз навещала. Там все, наверное, изменилось. Добротные рестораны, джаз-клуб, что угодно...

На пересечении Висконсин- и Уэст-Дейтон-стрит я остановился на красный и включил поворотник. По Уэст-Дейтон я выберусь к отелю.

Загорелся зеленый. Я свернул за угол, к воротам гаража.

— Слушай, а я взял книгу, которую подписал для Гути?

— Прикинь, как мне осточертело отвечать на один и тот же вопрос сто раз?

— А я уже спрашивал?

— Дважды, — сказал Олсон. — Ты, похоже, нервничаешь покруче меня.

* * *

После того как мы заселились в номера на четырнадцатом этаже и распаковали вещи, я позвонил в больницу Ламонта и переговорил с лечащим врачом Гути. Доктор Гринграсс сообщил, что дела не так уж плохи.

— Главное, не давайте повода для волнений — тогда все будет хорошо. Удивительное дело: Говард последние восемь или девять месяцев демонстрирует заметный прогресс. Несмотря на годы, что он провел у нас, я почти с уверенностью

могу сказать... Разумеется, учитывая, что за пределами учреждения у него не осталось ни родных, ни друзей, кроме вас и мистера Олсона, в его положении больших изменений ждать как будто не следует, не так ли?

Хотя был не очень уверен, что правильно понял доктора, я согласился:

— Он демонстрирует прогресс?

Смех доктора удивил меня.

— В течение почти всего периода пребывания у нас Говард использует довольно специфичные языковые источники. Я в те годы еще не работал, но по записям в истории болезни, сделанным вскоре после его поступления в тысяча девятьсот шестьдесят шестом году, можно судить о том, что источником его словарного запаса был некий удивительный словарь...

— ...Капитана Фаунтейна. Бог мой. Я почти забыл об этом.

— Вы, конечно, понимаете, что решение ограничить себя рамками чрезвычайно невразумительного словарного запаса являлось своеобразным способом контролировать страх, который и привел его к нам. Его родители решили, что следует оставить сына под наблюдением врачей. И я полагаю, решение оказалось верным. Большинство работающих здесь, медики и обслуживающий персонал, понятия не имели, что он говорил, почти все время. Кроме того, мистеру Блаю требовалось интенсивное медикаментозное лечение, иначе он мог стать опасным для себя и других пациентов. Речь о периоде с шестьдесят шестого года до приблизительно восемьдесят третьего. Затем его лечащий врач решил, что мистер Блай готов к снижению интенсивности медикаментозной терапии, и решение это можно назвать передовым. Результаты оказались довольно обнадеживающими.

— Он начал разговаривать? И пользуется нормальным лексиконом?

Это были бы просто отличные новости.

— Не совсем. После подбора оптимальной дозы препаратов мистер Блай начал говорить длинными, красиво построенными предложениями, отрывками из диалогов и тому подобное. Мы в конечном счете обнаружили, что почти все это — цитаты из романа Готорна «Письмо Скарлет». Остальное дополнял капитан Фаунтейн.

— Он частенько цитировал «Письмо Скарлет», когда еще учился в школе, — сказал я.

— Он помнит все прочитанное?

— Похоже, что так.

— Спрашиваю потому, что он как будто добавил цитаты из книги, которую только что закончил читать. Она лежала на столе в комнате отдыха. Что-то вроде любовного романа, а может, готического. «Лунные сны», если не ошибаюсь, Л. Шелби Остин?

— Впервые слышу, — сказал я.

— Я тоже был не в курсе, но она чудесным образом повлияла на вашего друга. Говард сделался намного более выразительным.

— Он знает, что мы приедем?

— Конечно. Он очень оживлен. И крайне взволнован. В конце концов, у Говарда не было посетителей тридцать один год. Сегодня утром он несколько часов выбирал, как одеться для вас. А ведь гардероб у него не такой уж большой. Когда я спросил, как он себя чувствует, он ответил: «Анабиотически».

— Капитан Фаунтейн.

— К счастью, когда Говард поступил к нам, его мать положила словарь капитана Фаунтейна в коробку с его вещами. Она думала, что книга нам пригодится. Сказать, что так оно и вышло, — значит ничего не сказать. Долгое время это был единственный способ понимать Говарда. За эти годы книга периодически пропадала из виду, но ее всякий раз находили. Сейчас я держу ее на своем столе, так что не потеряется. Вам понятен смысл слова «анабиотически»?

— Никогда не слышал.

— Это, как вы поняли, наречие, и, насколько я припоминаю, его смысл таков: «кажущийся мертвым, но способный вернуться к жизни». Ваш визит очень много значит для Говарда.

* * *

Незнакомый с психиатрическими заведениями, я рисовал в воображении каменную готическую громаду в духе фильма «Дом ужасов Хаммера», и когда в конце извилистой подъездной дорожки перед нами вырос основательный кирпичный фасад больницы Ламонта, я почувствовал облегчение. Четырехэтажное уютное на вид здание внушало мысли о сердечном отношении, профессионализме и безопасности. Ряды больших окон выходили на просторный парк, где вдоль дорожек стояли зеленые чугунные скамьи.

— Как полагаешь, внутри этого заведения так же мило, как снаружи? — спросил я.

— Держи карман шире, — ответил Олсон.

Короткий пролет мраморных ступеней вел к хорошо освещенному вестибюлю, на стенах отблескивала штукатурка с каменной крошкой, в проемах темнели массивные черные двери. Ожидая увидеть стол и администратора за ним, я повертел головой, читая таблички. «Бухгалтерия». «Хозяйственный отдел». «Архив».

Присмирив в обстановке закрытого учреждения, Дон Олсон перехватил мой взгляд и безмолвно показал на дверь с табличкой «Приемное отделение».

— Спасибо, — сказал я, чтобы нарушить тишину.

Но Олсон только кивнул.

В приемном отделении вдоль бледно-голубой стены выстроились четыре пластиковых стула, на длинной белой стойке лежали планшеты с пришпиленными бумагами и шариковые ручки, привязанные к тонким бечевкам. Дородная женщина в очках с толстыми стеклами посмотрела на нас из-за стойки. Не успел я подойти, она сказала что-то хоро-

шенькой, с заостренными чертами лица женщине родом с Цейлона или из Индии, та проворно поднялась и скрылась за дверью в дальней стене кабинета. Рядом с дверью висела большая фотография в рамке: красный сарай в желтом поле. Вид у сарая был заброшенный.

— Вы к доктору Гринграссу или кто-то из вас поступает к нам в стационар?

— Мы к доктору Гринграссу, — ответил я.

— И пришли навестить мистера Блая. Говарда.

— Именно так, — сказал я, удивляясь, что доктор Гринграсс сообщил это персоналу.

Она просияла:

— Мы все очень любим Говарда.

Хорошенькая азиатка вернулась с толстой папкой в руке.

— Правда, мы все любим Говарда, Парджита?

Парджита вопросительно взглянула на меня:

— Ой, да мы все просто без ума от него.

Она села на место и уставилась в монитор, отрешившись от всего.

Не утратив присутствия духа, ее коллега подтолкнула ко мне планшет:

— Пока я доложу доктору Гринграссу о вашем приходе, будьте добры, заполните вот эти обязательные формы. Говард так взволнован вашим визитом! Он никак не мог решить, что надеть, для него это такое событие. Я ради этого случая дала ему рубашку мужа, и та пришлась ему впору. Так что похвалите его за рубашку.

Я подписал бланк, не читая, и передал планшет Олсону.

— Сейчас, прошу вас, присядьте, а я позову доктора.

Мы уселись и смотрели, как она звонит. Парджита хмурилась за монитором, изредка щелкая клавишами.

— А вы — его дальние родственники? — спросила женщина.

— Некоторым образом, — ответил я.

— Он был так находчив, когда просил меня ему помочь. Он сказал: «Мирабель повернулась к нему и спросила:

«Джон, это новая рубашка? Я так люблю, когда ты надеваешь все новое»».

— Это из романа «Лунные сны»?

— Можно безошибочно определить, когда Говард влюбляется в новую книгу. Это произведение он будет цитировать еще очень-очень долго.

Парджита вздохнула и вновь поднялась с места. Она исчезла за дверью рядом с фотографией заброшенного сарая.

— Милая фотография, — сказал я.

— Благодарю вас. Это сняла наша пациентка. — Тоскливое выражение промелькнуло на ее лице. — Через несколько дней после того, как повесили снимок, она покончила с собой. Бедная женщина рассказала доктору Гринграссу, что, когда увидела фотографию висящей здесь, она осознала, что никто на всем белом свете не понимал ее и никогда не поймет. Он усилил лекарственную терапию, но недостаточно, по словам Парджиты. Не сказала бы, что она эксперт.

Я не нашелся, что ответить.

143

Задняя дверь распахнулась, и в кабинет ворвался седой мужчина в прозрачных пластиковых очках, в белом халате. Он потирал руки, улыбался и переводил взгляд с Олсона на меня и обратно. Парджита явилась парой секунд позже.

— Так-так, отличный денек, добро пожаловать, джентльмены, добро пожаловать. Вы, как я понимаю, мистер Гарвелл и мистер Олсон? Ну конечно же. Мы рады приветствовать вас.

Он вышел из-за стойки, все еще пытаясь собраться с мыслями. Наконец он сделал верное предположение и протянул мне руку:

— А вас особенно, мистер Гарвелл. Я ваш большой почитатель, истинный почитатель.

Скорее всего, это означало, что он прочитал «Агенты тьмы». Мои настоящие поклонники обычно говорили что-то вроде: «Мы с женой читали «Голубую гору» друг другу вслух». Признаюсь, всегда приятно слышать, когда кто-то говорит, что с удовольствием читал мои книги, и таков уж мой характер: похвала редко кажется мне неуместной.

Я поблагодарил доктора.

— А вы, конечно же, мистер Олсон. — Он схватил руку Олсона. — Очень рад. Итак, вы хорошо знали Говарда в шестидесятых?

Из-за стойки прилетел сухой, язвительный голос Парджиты:

— Если вы еще не догадались, перед вами доктор Гринграсс, главврач психиатрического отделения и глава администрации.

Он обернулся к ней:

— Я не представился? Правда?

Парджита впорхнула на рабочее место с грацией танцовщицы. И глянула на Гринграсса.

— Они поняли, кто вы, Чарли.

Я поймал себя на том, что начинаю фантазировать на предмет отношений молодой женщины и доктора Гринграсса, и приказал себе остановиться.

— Господа, прошу меня простить. Как напомнила мисс Парминдера, это для нас в самом деле волнующий момент. Очень скоро мы отправимся в отделение навестить Говарда, но сначала мне бы хотелось недолго побеседовать с вами у меня в кабинете. Вас устраивает такая программа?

— Вполне, — ответил я.

— Тогда прошу сюда.

Он повел нас обратно в широкий вестибюль со сверкающими стенами и черными дверями. Перед самым выходом из приемной я оглянулся и заметил, что Парджита смотрит нам вслед с каким-то непонятным выражением, а женщина рядом с ней изо всех сил старается сдержать смех. Я закрыл дверь и прибавил шаг.

— Парджита Парминдера? — спрашивал Олсон.

— Именно так.

— А откуда она?

— Прямо отсюда. Из Мэдисона.

— Я в смысле, кто ее предки? Кто она?

— То есть в этническом отношении? Ее отец индус, а мать, кажется, вьетнамка. В Висконсин они приехали в семидесятых и познакомились в аспирантуре.

В конце широкого коридора он открыл дверь с табличкой «Отделение психиатрии».

— Парминдеры жили со мной по соседству много лет. Когда мои дети были маленькими, мы частенько просили ее посидеть с ними. Замечательная девушка, очень общительная.

— А вторая женщина, с челочкой?

— О да, это моя жена, — сказал Гринграсс. — Она приходит всякий раз, когда бедняжка Миртл не может утром подняться с постели.

Он проводил нас в точно такую же, как приемная, комнату. За столом едва помещалась невероятно пышная женщина чуть за сорок, с ямочками на толстых щеках. Одета она была во что-то, по форме напоминающее вигвам, с рисунком из розовых роз, а когда она улыбалась, ямочки выглядели агрессивно.

— Я буду в кабинете, Генриетта. Пожалуйста, ни с кем меня не соединяйте.

— Хорошо, доктор. Это посетители к Говарду?

— Да.

— Мы так любим Говарда, — сказала Генриетта, ямочки сделались глубже. — Он для меня воплощение настоящего джентльмена.

— Вот как, — обронил я.

— Сюда, пожалуйста. — Гринграсс открыл дверь позади стола Генриетты.

Доктор жестом велел нам садиться в мягкие кресла возле овального деревянного столика, на котором точно посередине стояла вазочка с мятными леденцами. Сам же занял кресло-качалку по другую сторону стола.

— Ну что ж... — начал он. — Как вы видели, все в этом заведении глубоко привязаны к Говарду Бляю.

— По-видимому, так, — кивнул я.

— Он наш старейший пациент, не по возрасту — кое-кому у нас уже за восемьдесят, — но по длительности пребыва-

ния здесь. Он видел, как люди поступали и убывали; Говард был свидетелем многих-многих изменений в коллективе персонала, изменений в руководстве, а сам оставался все тем же милым, добрым парнем, с которым вы встретитесь сегодня.

Доктор посмотрел в потолок и сложил перед собой пальцы домиком, будто бы в молитве. Едва заметная натянутая улыбка тронула его губы.

— Было бы неправильно сказать, что все у него здесь протекало гладко. Да... Мы видели Говарда чрезвычайно напуганным. Два или три раза — крайне агрессивным. Особенно он боится собак. Можно было бы назвать это фобией. Кинофобией, чтобы быть точным. Не сказать, чтобы от формулировок был большой толк. К счастью, мы располагаем методиками лечения панических расстройств. Кинофобия у Говарда значительно ослабела за последние десять лет.

— Вы пускаете собак на территорию? — спросил я. — Они у вас бродят по палатам?

146

Доктор Гринграсс изучающе посмотрел на меня над кончиками переплетенных пальцев:

— Как и многие заведения такого типа, наше может гордиться блестящими результатами в анималотерапии. Да, в определенные часы собаки и кошки допускаются в определенные места. Анималотерапия, в сочетании с традиционными методами лечения, способна серьезно помочь людям преодолеть себя.

Он улыбнулся и покачал головой, признавая этот этап делом прошлым.

— Говард отказался от анималотерапии. Однажды, еще до моего назначения сюда, он набросился на санитаря, который вел собаку в комнату отдыха. Сейчас собак туда не приводят, и Говард может находиться там, чувствуя себя в полной безопасности. Инциденты, правда, случались...

Доктор Гринграсс склонился над столом и понизил голос:

— Инциденты, в которых Говард оказывался в одном помещении с человеком и собакой. Винить там было некого. Просто вошел, скорее всего, с раскрытой книгой в руках,

и — вот они, прямо перед ним. Мужчина, глядящий собаку. Результат? Дикий испуганный вопль и бегство в палату, где он закрывает дверь и ложится на кровать, его трясет. А пять или шесть лет назад его должны были выписать в интернат, но это привело его в такой ужас, что он отказался даже думать о том, чтобы когда-нибудь покинуть нашу больницу.

Во взгляде доктора появилась исключительно беспристрастная, чисто научная любознательность:

— Вы — первые его посетители за тридцать лет. Можете ли вы помочь объяснить то, что я рассказал вам? Или проще: что случилось с Говардом Блаем?

— Так сразу и не скажешь, — ответил Олсон, глянув на меня. — Мы, несколько человек, сотворили кое-что на лугу. Что-то вроде обряда. Церемонии. Во время которой все вдруг потемнело, смешалось, стало жутко. То, что Гути — Говард — увидел, страшно его напугало. Может, собака или что-то, похожее на собаку, атаковало мальчишку. Я был там, но не видел, как это произошло.

— Что-то, похожее на собаку? — переспросил Гринграсс. — Что вы имеете в виду? Волк? Что-то сверхъестественное?

— Вот именно, — сказал Дон.

— Мы ведем архив. И знаем о происшествии со Спенсером Мэллоном. По-видимому, ваша группа поддалась массовой истерии. Коллективная галлюцинация. Говард Блай борется с последствиями той галлюцинации всю жизнь. Дела идут на поправку, тем не менее я по-прежнему хочу понять причину заболевания.

— Мы тоже, — сказал я.

— Хорошо. Надеюсь услышать новости от вас, мистер Гарвелл. Вы можете предположить, что могло послужить первопричиной глубокой панической реакции на собак у этого пациента?

Я задумался. Если первопричина и существовала, то это была, наверное, та дурацкая картина с играющими в покер собаками, которую папаша Миноги притащил как-то ве-

чером домой из бара. Нет, конечно же, дело не в картине. Ее просто использовали те жуткие силы, которые разбудил Мэллон.

— Ничего конкретного. На данный момент.

— Значит, вы работаете над этим вопросом, этой загадкой.

— Скорее, личное побуждение. Просто чувствую: должен знать, что там у них произошло. И полагаю, знание это будет полезно всем нам.

Доктор изучающе смотрел на меня.

— Поделитесь ли вы догадками или новой информацией, которую получите в процессе общения с моим пациентом?

— Если будет чем поделиться, — кивнул я.

— Разумеется.

Доктор Гринграсс повернулся к Дону Олсону.

— Возможно, вам удастся ответить на мой вопрос. Дважды, первый раз несколько лет назад и второй — вчера, Говард говорил мне: «Слова тоже порождают свободу, и я думаю, именно эти слова спасут меня». Поразительно, подумал я, поскольку в известной мере именно слова лишили его свободы. Известно ли вам, откуда эта цитата?

— Не из книги. Это говорил ему Спенсер Мэллон за три или четыре дня до церемонии.

— Как большинство оракулов, мистер Мэллон, очевидно, говорил загадками. — Доктор Гринграсс покачал головой. — Не обижайтесь, но на ум приходит выражение «поскрести по сусекам».

Дон промолчал. Единственное, что изменилось на его лице, — это глаза.

— Ну что ж, — вздохнул доктор Гринграсс. — Пойдемте отыщем вашего друга.

Он повел нас в вестибюль, а оттуда — по широкой лестнице на третий этаж, толчком распахнул секцию открывающихся в обе стороны дверей. За узким столом, на котором одиноко ютился транзисторный приемник, сидел коротко стриженный мужчина в белой медицинской куртке с короткими рукавами, открывавшими накачанные мышцы. Когда

мы вошли в прихожую, он выключил радио, встал и одернул куртку.

— Д-доктор, — обратился он. — Мы уже ж-ж-ждем вас.

От человека столь мощного неожиданно услышать заикание.

— Меня зовут Ант-Ант Антонио. Я это... рад вас приветствовать. Я х-хорошо забочусь о Говарде. Мы это, тут уже давно.

— Спасибо, Антонио, — сказал доктор Гринграсс. — Где он?

— П-последний раз видел его в к-комнате отдыха. Наверное, и сейчас там.

Доктор достал большую связку ключей из кармана брюк и открыл крепкую черную дверь рядом с маленьким столом.

— Я с-с вами пойду, — сказал Антонио. — Может, я... Кто его знает? Говард последнее время это... волнуется.

В сопровождении санитары мы зашагали по длинному, ярко освещенному коридору, по стенам которого тянулись информационные стенды, увешанные фотографиями, примитивными рисунками, объявлениями и листовками. Далее по левой стороне между дверями висели картины. Доктор Гринграсс открыл единственную дверь по правой стороне — с табличкой «Стационар». Мы вошли в маленький холл, украшенный рисунками в рамках, а оттуда — в помещение размером чуть ли не с гимнастический зал, разделенное на отдельные зоны игровыми столами, диванами и креслами. Вдоль стен тоже стояли кресла и скамейки. Живые яркие цвета стен и ковра будили ассоциации с детским садиком.

От тридцати до сорока мужчин и женщин всех возрастов отдыхали на мягких диванах или играли за столами в шашки. Один старичок сосредоточил все внимание на гигантском пазле. Лишь кое-кто из пациентов поднял глаза на вошедших.

— Доктор Гринграсс, — обратился высокий светловолосый мужчина с такими же рельефными бицепсами, как у Антонио. Он дожидался нашего прихода. — Мы готовы встретить вас и ваших гостей.

— О да, — сказал Антонио. — Мы готовы.

— Это Макс, — сказал Гринграсс. — Он много времени провел с вашим другом.

— Пойдемте скорее, — сказал Макс. — Он ждет не дождется.

— А где он? — спросил Дон, пробегая взглядом по залу.

Никто внешне не напоминал Говарда Блая, и никто как будто не проявлял нетерпения — так отдыхающие на курорте средней руки убивают время перед обедом. Некоторые пациенты были в пижамах, большинство же одевалось просто: штаны хаки, джинсы, платья, футболки.

— Сзади, в углу. — Макс показал большим пальцем.

— Останься здесь, Антонио, — попросил доктор Гринграсс. — Нам бы не хотелось напугать его.

Антонио неохотно повиновался, отправившись искать свободное кресло. Нас повели через комнату отдыха, негромкий гул разговоров от островков мягкой мебели летел вдогонку. Когда мы обогнули широкую голубую колонну, Макс и доктор Гринграсс разошлись в стороны, открыв взору лысого мужчину, сидевшего на краю потертого синего кресла. Руки его были сцеплены над внушительным животом, клетчатая рубашка чуть натянута на пуговицах. Круглое лицо казалось удивительно бесхитростным и равнодушным. Этот человек ни капли не был похож на Гути Блая, но его нетерпение бросалось в глаза.

— Говард, поздоровайся со своими друзьями, — сказал доктор.

Кивнув, пожилой человек перевел взгляд с одного лица на другое и обратно. Увидев недоумение в его глазах, я испугался: вдруг мы ошиблись и этого несчастного бестолкового старика не стоило беспокоить, но тут он восторженно заулыбался, быстро-быстро закивал и сделал странное движение руками, широко разведя в стороны и вновь соединив их:

— Кроха.

— Здорово, Гути, — сказал Олсон.

Доктор Гринграсс зашептал:

— Он говорит вам, что вытягивает слово из длинного предложения. Он делает это, чтобы сэкономить время.

Человек в кресле радостно посмотрел на меня, и я окончательно уверился, что мы поступили правильно. И вновь тучный старик сделал странный жест руками, добывая слово из предложения.

— Двойняшка, — закричал он. — О, Двойняшка!

Оттолкнувшись руками, он поднялся, и стало ясно — мне, по крайней мере, — что это несомненно Гути Блай: блеск в глазах, форма плеч, то, как он держал правую руку у груди, одновременно роняя левую. У меня аж слезы навернулись на глаза.

Гути шагнул вперед, и, все еще неуверенно, мы двинулись ему навстречу. Оба неловкие от переполнявших чувств, мы с Доном ухватили Говарда за руки. Говард процитировал что-то неразборчивое о тетушке Бетси, провозгласив, что это прекрасный, прекрасный день. Затем порывисто обнял Дона и покачался влево-вправо. Слезы текли у него из глаз, когда он повернулся обнять меня, так же точно покачиваясь от ликования.

151

Гути оторвался от меня, вытер руками счастливое лицо и с сияющими глазами спросил:

— «Что, жаворонок, скажешь мне?»

Я взглянул на доктора Гринграсса — тот поднял руки и пожал плечами.

Дон Олсон помог:

— Ты, наверное, не знаешь. Как-то раз Мэллон назвал Миногу своим жаворонком.

Как только он это сказал, меня пронзило яркое воспоминание о жаворонке, которого мы с женой видели трепещущим в небе над садом паба в северном Лондоне.

МЕРЕДИТ БРАЙТ УОЛШ

Мы с Доном заняли боковой столик в «Губернаторской гостиной» на двенадцатом этаже «Перекрестка». Изящный молодой человек и атлетично сложенная молодая женщина, оба светловолосые, в униформе — белая рубашка, галстук-бабочка, — устанавливали подносы с закусками в лотки на длинном столе у стены. Скушающий на вид у всех, как золотая рыбка в аквариуме, бармен в парчовом жилете отплыл к дальнему концу своего закольцованного владения. Свежая «Маргарита» красовалась на белом квадрате салфетки перед Олсоном, бокал «Совиньон Блан» — передо мной. За несколько минут до шести пополудни тень отеля пала через полупустые улицы между ним и озером Монона. На нас тень пала тоже. Многое предстояло обдумать.

* * *

Мы решили сопровождать Говарда Блая на прогулке по больничному саду — я надеялся, когда мы зашагаем по дорожкам, беседа завяжется. Но нет, прогулка закончилась суматошным бегством обратно в корпус — настоящей катастрофой, которая наверняка бы обернулась незамедлительным изгнанием двух старых друзей мистера Блая из заведения, если бы не его поразившее всех заступничество. Нам было страшно неловко. Гути начал кричать сразу, как ворвался в здание и почувствовал себя в безопасности.

Доктор Гринграсс вылетел из кабинета, воплями сзывая санитаров, — те проворно загородили пациента, словно его одежду спалили солнечные лучи.

— Из-за чего все началось? — орал Гринграсс. — Что вы ему сделали?!

Гути метался на холодном полу, во всю глотку выкрикивая премудрости из сокровищницы капитана Фаунтейна:

— Нокаут. Нонконформист. Реституция. Расторжение.

— Вы погубили двадцатилетний прогресс! — Гринграсс перекрикивал Говарда. — Убирайтесь немедленно. Я запрещаю вам визиты. Раз и навсегда.

Мы отступили к двери, ошарашенно глядя друг на друга.

Гринграсс нацелился указательным пальцем размером с сигару:

— Убирайтесь немедленно. Вон отсюда. И даже не думайте возвращаться, слышите меня?

И тут случилось нечто удивительное. Внезапно наступила тишина — маленький толстый человек, распростертый между санитарями, больше не кричал. Антонио Аргудин и Макс Байвэй ослабили хватку и выпрямились, запыхавшись.

Гути Блай, по-прежнему в центре внимания всех, включая Парджиту Парминдеру, оказавшуюся вдруг поблизости, лежал абсолютно спокойно: ладони вверх, кончики туфель нацелены прямо в потолок. Взглядом он отыскал Гринграсса.

— Не делайте этого, — произнес он. — Отмените приказ.

— Что?

Доктор Гринграсс двинулся к пациенту, и Аргудин с Байвэем, все еще стоя на коленях, чуть посторонились.

— О чем это вы, Говард?

— Я сказал, отмените приказ, — твердо повторил Говард.

— Он не цитирует, — сказала Парджита. — Вот что главное.

Прежде чем кто-то решился пошевелиться, она кинулась к Говарду и опустилась на колени перед ним. Его губы

дрогнули. Она покачала головой, но не запрещая ему, а сообщая, что не поняла.

Доктор подал голос:

— Удерживать тебя на полу, наверное, больше нет нужды, да, Говард?

Говард помотал головой. Парджита встала и отошла назад, не спуская с Говарда красноречивого взгляда, смысла которого я разгадать не смог.

— Ты сейчас говорил своими словами, Говард? Это ведь была обычная речь?

Говард отвел взгляд и сосредоточился на потолке.

— «Погубив свою душу, я все же пытаюсь делать что в моих силах для опасения других душ»¹.

Доктор Гринграсс опустил на корточки. Полы белого халата легли на кафедру. Он дотянулся до руки Говарда и погладил ее:

— Замечательно, Говард. Это из «Письма Скарлет»? Прозвучало очень похоже.

Говард кивнул:

— «Гестер, — сказал священник. — Прощай».

— Мы научились ценить «Письмо Скарлет». Замечательный роман. В этой книге можно найти ответы на все вопросы, если знаешь, где искать. Не хочешь подняться?

— Гм, — сказал Говард. — «Да святится имя его. Да будет воля его. Прощай».

— Ты с кем-то прощаешься, Говард?

— Гм, — снова хмыкнул он. — Нет, не думаю.

— Ты больше не боишься, верно?

— Нет, не думаю, — повторил он.

— Давай-ка попробуем сесть. Сам справишься?

— А как иначе-то?

¹ Здесь и далее — цитаты из романа Натаниеля Готорна «Алая буква» («Scarlet Letter»), перевод Э. Л. Линецкой (главы I—XI), перевод Н. Л. Емельяниковой (главы XII—XXIV), государственное издательство «Художественная литература». Москва. 1957.

Он протянул обе руки и ждал, как ребенок, чтоб ему помогли. Доктор Гринграсс рассерженно посмотрел на бездействующих санитаров. Антонио и Макс ринулись вперед, взяли Гути за руки и совместными усилиями привели его в сидячее положение. Гринграсс жестом отослал их и склонился ближе.

— Говард, не мог бы ты своими словами или словами Готорна, неважно, но лучше, конечно, своими, сказать мне, что тебя так напугало на улице?

Говард взглянул поверх его плеча на нас. Мне показалось, что на его лице мелькнула улыбка. Парджита затаила дыхание и ухватила себя за локти — я уловил ее смятение, но не смог представить, что тревожит ее и тревожит ли вообще.

— Может, попытаешься рассказать мне, Говард? — попросил доктор.

Говард медленно кивнул. Он не сводил с нас глаз:

— «Черты этого дьявольски-злобного, насмешливого лица были ей хорошо знакомы».

— Дьявольски-злобного, — повторил Гринграсс.

— «Он вполне, — продолжал цитировать Гути, — мог показаться им сатаной, с улыбкой злорадства поджидающим свою жертву».

— Понятно. Теперь давай попробуем встать вместе.

Антонио и Макс подхватили Говарда под локти и поставили на ноги. Доктор Гринграсс тоже поднялся, но не так быстро, и улыбнулся ему:

— Ну как, все хорошо?

— «А теперь, когда я вновь вернулась в эту спокойную обстановку, тревога почти полностью оставила меня, — сказала Миллисент. — Но я твердо верю, что вскоре я предприиму еще одну прогулку».

— А теперь мы слышим цитату из «Лунных снов» мистера Остина, — пояснил доктор. — Еще один полезный текст. Но перед этим мы слышали прямую речь непосредственно Говарда Блая, не так ли?

Говард посмотрел куда-то над головой Гринграсса и сделался бесстрастным, оцепенелым и как будто безжизненным.

— Ты просил меня отменить приказ о том, чтобы эти джентльмены покинули нашу территорию и больше никогда не возвращались. «Не делайте этого. Отмените приказ». Это говорил Говард Блай?

Говард стоял перед ним, исчезая дюйм за дюймом.

— Я позволю им остаться при одном условии: если ты подтвердишь свои слова. Скажи «да», Говард, что означает: «Да, я говорил от своего имени, да, я нашел свои собственные слова», и твои старые друзья смогут навещать тебя здесь так часто, как им захочется. Но для этого ты должен сказать, Говард. Ты должен сказать «да».

Гути начал оживать. Он, казалось, вновь полностью присутствовал, хотя и в разладе с собой. Он встретился взглядом с доктором, и щеки его густо покраснели.

— Отмените приказ.

— Ты цитируешь себя самого. Что ж, это очень неплохо, Говард. Благодарю тебя.

* * *

Немного погода лечебница Ламонта вернулась в обычное состояние. Антонио Аргудин обходил палаты и помещения общего пользования в поисках пациента, которого можно потерроризировать; заикленные на пазлах колдовали над облаками и парусниками; откинувшись на подушки, Говард Блай читал шедевр Л. Шелби Остина. Доктор Гринграсс, удобно расположившись за столом, обсуждал политику лечебницы с Парджитой Парминдерой и двумя посетителями, ответственными за недавний стремительный прогресс пациента Блая. Вполуха слушая незлые подначки бывшей няни своих детей, доктор вскоре выдал вердикт: мы можем навещать нашего друга когда захотим, за исключением отведенных ему для отдыха часов.

— Он ведь не совсем в себе, согласен? — спросил Дон. — Жутко говорить это, но, по-моему, начинать копать надо именно здесь.

— Получается, Гути в самом деле видел или думал, что видел, дьявола, или демона, или что-то в этом духе, и от этого у него ум за разум зашел?

— Ты слышал то же, что и я. Он сказал «сатаной». И еще о чем-то вроде дьявольской улыбки на его лице. Такое перепугает кого угодно. Но люди, которые видят дьявола, выскакивающего на парковые дорожки, не в своем уме, извини.

— Странно, только выскакивание дьявола на парковые дорожки, по-моему, немного отдает Готорном. — Происшествие напомнило мне эпизод из «Письма Скарлет», но я не стал заострять на этом внимание. — То есть ты, как и доктор Гринграсс, полагаешь, что Гути был напуган.

— Ну конечно. Ты же слышал его. Напуган до смерти. Не так, что ли?

— Не уверен. Шумел Гути будь здоров, верно, только он ведь не вопил.

— По мне — так вопил. А что, по-твоему, он делал?

— Ты подумал, что он испугался, поэтому тебе показалось, будто это вопли. Ну а я слышал крики. Гути не вопил, он кричал. Мне показалось, будто...

Я замолчал, не зная, как выразить мысль.

— Будто что? — спросил Дон.

— Будто он не в состоянии вынести чувства, бурлящие в нем. Да, согласен, он точно видел что-то. Но он то и дело повторял «прощай», помнишь? Я думаю, он разволновался так, что чувства захлестнули его. И еще я думаю, что Парджита тоже разглядела, что он не так уж напуган. Они вроде бы обменялись парой слов, или что-то проскочило между ними. Есть еще одно, что нужно принять во внимание.

— А именно?

— Он был встревожен и рассержен. Знаешь, что я думаю? Тебе это не очень понравится, Дон. Не исключено, что он говорил о Спенсере Мэллоне. Поскольку мы были там, он мог вдруг решить, что это Мэллон засадил его в лечебницу для душевнобольных.

— Да не Мэллон. Он никогда не назвал бы Мэллона сатаной.

— Почему ты так уверен? Ты не видел Гути с шестьдесят шестого года.

— Гути обожал этого человека, — сказал Дон. — И ты бы его полюбил, если б не струсил пойти с нами.

— Будь я уверен, что гуру сломал мне жизнь, не думаю, что продолжал бы его любить сейчас.

— Это трудно объяснить, — сказал Дон. — Сломал, не сломал... Может, она и не сломана. И не называй его гуру. Мы не были буддистами или индуистами. Он был наставником, воспитателем. Учителем.

— От одной мысли о вашем учителе у меня мурашки по коже.

— Это твои проблемы, извини. Но я понимаю. В семнадцать лет я думал точно так же, как ты.

— Неплохой у нас спор, — сказал я. — Можно его продолжать часами, но у меня нет желания защищать духовную самонадеянность. Есть вероятность, что это как-то связано с делом Сердцееда. Но лучше давай не будем об этом.

— А что?

— Может, то, что так взбесило Гути, то, что он увидел в парке, как-то связано с Китаем Хейвардом. Мне все кажется таким взаимосвязанным...

Привлеченные бесплатными едой и напитками, постояльцы набились в зал, заняв почти все кресла, диваны и места за столиками. Тучная парочка в малиновых толстовках «Университет Висконсин» устроилась на диване рядом с нашим столом. Стало шумно, и шум прилетал в основном от стойки бара, за которой почти не осталось свободных мест.

Уже совсем не скучающий, бармен улыбался и наливал, улыбался и наливал.

Дон отклонился на стуле так, что плечи коснулись стены:

— А что за Сердцеед? И какое тебе до него дело?

Я сделал большой глоток из бокала:

— Ты правда хочешь знать?

— Да так, интересуюсь, но вот скажи: это имеет какое-то отношение к Миноге?

— Нет.

На самом деле — да, однако я почему-то не желал принимать это в расчет. Именно поэтому и высказал предположение о Хейварде.

Немногие посетители обратили на нас внимание, и уровень общего гама едва заметно снизился. И почти сразу же все вернулись к беседам и напиткам. Я сделал еще один, поменьше, глоток посредственного вина.

— Виноват. Нет, дело не в Ли, хотя она имеет к этому отношение, как и все вы. Дело в том, что буквально перед тем, как появился ты, до меня дошло, что со своим романом я зашел в тупик... И еще. Там, где обычно завтракаю, я видел человека, который напомнил мне Гути... И еще я много размышлял о том копе по фамилии Купер и понял: я должен, просто обязан выяснить, что стряслось со всеми вами на лугу.

— То есть... ты решил, что должен попробовать написать другой роман? Потому что, скажем, это то, что я...

— Нет.

На этот раз большинство голов повернулись в нашу сторону, и стало почти совсем тихо. Бармен вытянул шею, вглядываясь через толпу, и посмотрел на меня с сочувствием и любопытством. Я изобразил руками успокаивающий жест.

— Это событие на лугу — нечто непонятное, жестокое, судьбоносное, что-то вроде громадного, ошеломительного прорыва... так?

— Нет, согласно Мэллону.

— Потому что он хотел еще большего. Мэллон был человеком шестидесятых. Со своеобразным духовным рвением. Он хотел изменить мир, и ведь, согласись, Дон, в известной степени ему это удалось. Только никто этого не заметил, и длилось оно, изменение, не более пары секунд. Однако он это сделал. Мне, по крайней мере, видится именно так.

Олсон посмотрел в сторону, усмехнувшись:

— А знаешь, мне нравится твоя точка зрения. Мэллон изменил мир, но лишь на пару секунд. Круто. Но только не забудь, что единственные люди, кого удалось Мэллону убедить в этом, были четыре старшеклассника, два придурка и одна девчонка, влюбленная в него по уши.

— После чего вы все очень изменились. А один из придурков умер.

— Бретт Милстрэп был хуже мертвеца.

— Как это?

— Попробую объяснить, но позже. Если смогу, в чем, правда, сомневаюсь. Ну, а что там с Хейвардом? И кто такой Купер?

— С Хейвардом... Вы, ребята, понятия не имели, с чем столкнулись. Даже моя жена и Гути толком не знали, что он собой представлял.

— Это как-то связано с его ангаром? Я тогда не говорил никому, потому что это казалось просто дичью, но, когда стоял там, у меня было твердое ощущение... будто он привязал к стулу раздетого ребенка. И именно поэтому — для ребенка — вытащил нож.

— Удивительно... — вырвалось у меня.

Мое восклицание поразило Дона больше, чем он хотел показать.

— Но ты же не хочешь сказать, что я прав?

— Ты абсолютно прав, — сказал я. — Мальчика звали Томик Миллер. Только его не было в ангаре, потому что к тому времени его не было в живых. Его труп, вернее, то, что от него осталось, был обнаружен в развалинах сгорев-

шего здания на Милуоки. В декабре шестьдесят первого. Не исключено, что Миллер был первой жертвой Кита Хейварда.

Олсон несколько раз моргнул и залпом выпил «Маргариту». Проглотив, он будто мысленно проследил движение алкоголя по пищеводу. Потом расслабился, оплыв на стуле, одна рука упала вдоль тела. Когда Дон вновь вернулся ко мне, показалось, что он вот-вот улыбнется.

— Серьезно?

— Я же сказал, удивительно.

Он покачал головой, будто бы увидел особенно убедительный волшебный трюк:

— Черт, как мне тогда хотелось стать невидимкой и тотчас выскользнуть из того жуткого сарая — оттого, что этот парень был просто гнусен. Именно этим я и хотел поделиться с Мэллоном: каким извращенцем на самом деле был Хейвард. Я слышал, как он пел своему ножу.

— Скорее всего, это тот нож, который ему подарил дядя. Тиллмен Хейвард. Как только узнаешь кое-что о Тиллмене, многое становится объяснимым.

— И что ты знаешь о Хейварде?

— За обедом, — сказал я.

* * *

— Может, есть такой ген, который отвечает за зло, — сказал я. — Отклонение в нормальной генетической структуре, которое проявляется значительно реже, чем ген кистозного фиброза или, скажем, болезни Тея-Сакса и большинства других заболеваний. С ним мог родиться Гитлер, и Сталин, и Пол Пот, да любой правитель-диктатор, который арестовывал и убивал как своих приближенных, так и обычных людей. Наверняка в каждом крупном городе живут три таких человека, в некрупном, наверное, один, и в каждом четвертом или пятом заштатном городишке — один: они считают, что другие люди — существа низшего сорта, не заслуживающие права на жизнь, и убивают, ранят, ка-

лечат или при любом случае пытаются унижить их, показать свое превосходство. Человек может превратиться в изверга из-за унижений и насилия в детстве, но мы говорим о людях, которые родились такими. Они — носители этого гена, и, к несчастью окружающих, ген активизируется. Просыпается. Называя как хочешь. Вот с чем вы столкнулись, когда познакомились с Китом Хейвардом.

— «Дурная кровь»¹, — сказал Дон.

— Именно. Другая точка зрения, которой придерживается большинство верующих: каждый человек от рождения порочен и грешен, но это изначальное зло. Изначальное зло, жестокая сатанинская сущность вечна, проистекает извне и существует сама по себе, независимо от людей. Мне же такой способ мышления всегда казался примитивным. Он избавляет от ответственности за свои действия. Хотя истинный христианин скажет, что я все переврал.

162

Мы сидели за угловым столиком в «Мурамото» на Кинг-стрит. Бармен «Губернаторской гостиной» порекомендовал нам это место и посоветовал попробовать азиатский салат из шинкованной капусты — блюдо, по виду напоминающее стог сена. Но салат оказался восхитительным, как и все остальное. Хотя к тому времени мы выпили изрядное количество первоклассного саке, я съел больше, чем мой спутник.

— Тебя малость развезло?

— Угу. Срыв Гути немного выбил меня из колеи. И все же я хотел прояснить кое-что. Зло — врожденная и чисто человеческая особенность или же это элемент окружающей среды, не свойственный человеку по природе?

— Попробую угадать. Мы с тобой за первый вариант? Поскольку мы гуманисты, к тому же гуманисты без предрас-
судков?

---

¹ «Дурная кровь» (англ. «The Bad Seed», 1956), другое название «Плохое потомство» — американский психологический триллер Мервина Лероя по одноименной пьесе Максвелла Андерсона

— Ты — может, да, — сказал я. — В последнее время я замечаю за собой некую двойственность. Хотя, что касается твоего дружка Хейварда, соглашусь: вариант номер один от начала до конца. И не только это. Хейвард, по-моему, типичный продукт передачи зла генетическим путем. Мощное психическое расстройство передается от поколения к поколению наряду с голубыми глазами и рыжими волосами. Вот, смотри, это мое, ага, у тебя тоже — что ж, добро пожаловать в семью. По-моему, именно так Джордж Купер разобрался в этом деле.

Палочками для еды я, как пинцетом, взял с черной прямоугольной тарелки крохотный деликатес такой свежести, что, казалось, вот-вот начнет извиваться.

— Так, а теперь, может, просветишь, кто такой Джордж Купер? Коп, правильно?

— Милуокский детектив по расследованию убийств, стаж работы двадцать шесть лет. Купер полностью распутал дело Сердцеда, однако так и не смог ничего доказать, к тому же у него не было ни одного свидетельского показания. Представь его разочарование.

Дон нахмурился, на лбу обозначились три глубокие морщины.

— А ты как об этом узнал?

— От самого Купера.

— Ты с ним говорил?

— Хотелось бы... Он умер лет девять-десять назад. Но я сделал кое-что получше. Поскольку считал, что смогу использовать в новом проекте его книгу, я изучил ее. Купер что-то должен был делать со своим разочарованием и потому записал все, что видел, что удалось собрать и сопоставить, все предположения, доказать которые ему не удалось.

— Вконец расстроенный коп написал книжку, утверждая, что Хейвард имел, так сказать, родственную сопричастность к Сердцедаду? Через папашу?

— Через брата его папаша, Тиллмена. Именно на это упирал Купер. Он сошел в могилу, так и не доказав, что Тиллмен Хейвард был Сердцеедом.

— А почему я никогда не слыхал об этой книге?

— Купер не настолько хорошо владел стилем, чтобы печататься. Предложения он строил так: «Во исполнение моего расследования, департамент полиции Милуоки всегда вставал на моем пути в рамках проводимой политики». За пределами круга его семьи никто, кроме меня, не слышал об этой книге. Думаю, Купер даже не пытался опубликовать ее. Он хотел только оставить записи. Книгу нашла его дочь, делая уборку на квартире Купера после его смерти.

— Ты говорил с его дочерью?

— Нет, мы пообщались по имейлу.

— Извини, но как, черт возьми, тебе вообще удалось узнать о книге, которую никто не публиковал, никто не знал о ее существовании?

— Лет пять назад я шарил по eBaу, и наткнулся: «В поисках Сердцееда», неопубликованная машинописная копия рукописи Джорджа Купера, вышедшего на пенсию детектива полицейского управления Милуоки. Шэрон Купер, его единственная наследница, думала, кто-нибудь захочет использовать книгу для исследования, и поместила объявление о продаже — как ей это удалось, знает только она. Двадцать семь баксов, торг уместен. Это был период, когда я не знал, за что взяться, и мой агент порекомендовал попробовать себя в документалистике. Вот так давнишнее дело Сердцееда пришло ко мне, все эти убийства в Милуоки, оставшиеся нераскрытыми. И ведь чисто случайно наткнулся на эту распечатку на eBaу, здорово, да? Мне никогда в голову не приходило, что преступления Сердцееда могут иметь какое-то отношение к Спенсеру Мэллону. Я связался с Шэрон, но она не смогла ответить на мои вопросы. Ее отец не только никогда не говорил о том, что писал, он вообще не говорил о работе... Купер был коп старой закалки: непримиримый, недоверчивый, несговорчивый старый лис. Наверняка за-

частую работал кулаками. Действуя своими методами, этот малый закрыл кучу дел, но дело Сердцееда не давалось ему в руки. Сводило его с ума. Он беспрестанно думал о нем.

— Но ведь он знал, что Тиллмен Хейвард виновен в убийствах.

— Настолько, насколько можно знать, не видя своими глазами, как тот совершал их.

— А что давало ему такую уверенность?

— Нутром чуял, но у Купера чутье было потрясающее. Он вышел на Хейварда, используя перекрестные ссылки и сопоставляя с датами убийств отправления и прибытия поездов и самолетов из Милуоки. Адский труд, но версии с местными подозреваемыми были тупиковыми. Выяснилось, что этот тип приезжал из Колумбуса, Огайо, на поезде и прилетал на самолете за два дня перед тремя убийствами и отбывал таким же образом спустя день или два. Оставались еще три убийства, но Купер полагал, что Хейвард заплатил наличными за автобус, либо ехал на попутке, либо брал машину напрокат.

— Больше похоже на догадки, — сказал Дон.

* * *

Так оно и было, и, чтобы сгладить это впечатление, я попытался убедительно описать ощущение мощного, исключительного упорства, которое передавала рукопись Купера. Джордж Купер был не из тех, кто легко поддавался влиянию или же своим капризам, не было у него фантазий или иллюзий. Его умозаключения и версии держались на неусыпном, упрямом и безошибочном инстинкте копа. Обратив внимание на связь между приездами Хейварда и убийствами, Купер нанял осведомителей, чтобы выяснить, когда его подозреваемый хоть раз покупал билет на любой вид транспорта в Милуоки. Сигнал поступил. Расположившись с газетой на остановке в деловой части Колумбуса, Купер стал ждать. И когда сорок человек сошли с поезда, один из них, худощавого телосложения парень в шляпе и костюме в тон-

кую полосу, будто послал Куперу электрический импульс: мелькнув над верхним краем газеты, он с шипением вонзился в лоб детектива. От молодого человека за версту веяло глумливым, чистейшей пробы беззаконием. Купер понял: вот он, мистер Хейвард. Причем, парень был из тех, что любят нагло смотреть копам в глаза. От таких вот кулаки Купера невольно сжимались сами.

Среднего роста, лет тридцати пяти-тридцати восьми, симпатичный, если бы не нос, торчащий из-под полы фетровой шляпы, Хейвард покинул поезд, весело беседуя с женщиной в очках, с квадратным лицом, которая, догадался Купер, едва его знала. Пряди ее мягких каштановых волос были зачесаны за уши, как слишком длинная челка.

Новая знакомая Хейварда, заметно увлеченная им, могла не бояться. Сердцеед ни за что не станет угрожать этой девушке, он постарается даже не прикасаться к ней, разве что прикосновения помогут ему получить желаемое. Сердцеед своеобразно относился к жертвам: если они не были привлекательными, он особо не возился с ними. К несчастью, симпатичные заслуживали самых изощренных зверств. Хейвард что-то предлагал этой машинистке или учительнице, кем бы она ни была, — по-видимому, куда-нибудь прокатиться.

Купер свернул газету и пошел за парочкой, когда та просочилась сквозь толпу, подождал, пока джентльмен позвонил по телефону и вышел на послеполуденное солнце. Скромный голубой седан Купера с небольшой вмятиной на двери со стороны водителя дожидался чуть дальше по улице. Молодая женщина пустила мистера Хейварда в свою зеленую «Вольво», и Купер облокотился на капот седана, притворившись, что разглядывает путаницу железнодорожных путей, протянувшихся на полпути к бесконечности. Когда «Вольво» стартовала, он поехал за ней через деловой район города, затем на запад, к бульвару Шермана и в обширный район для нижнего и среднего сословий, где машина остановилась напротив двухэтажного желто-коричневого дома

на лужайке с проплешинами. Усталого вида женщина и тощий мальчишка выскочили из узкой входной двери и спешно сбежали по трем бетонным ступенькам поприветствовать убийцу. Купер записал адрес и, вернувшись на станцию, нашел его в потрепанном справочнике. Еще через двадцать минут поисков он знал, что Уильям Хейвард, проживающий в желто-коричневом доме, работал в «Континентал Кен» и имел сводных сестру и брата — Маргарет Франсе и Тиллмена Брэди.

Маргарет Франсе, также известная как Марго, на криминальном учете не состояла. Чего нельзя сказать о ее младшем брате. Какое-то время Тиллмену Хейварду везло: он умудрялся не подпадать под классификацию «молодой совершеннолетний преступник», несмотря на жалобы десятка соседей о том, что сорванец занимается подозрительной деятельностью. «Этот парень плохо кончит», — было общее мнение, хотя до конкретных обвинений не доходило. На шестнадцатом году жизни судьба Тиллмена Хейварда переменялась.

167

Через неделю после своего дня рождения молодой Тиллмен попался на краже в магазинчике дешевых мелочей на бульваре Шермана: странно для человека его лет, поскольку вынести он пытался клей, гвозди, канцелярский нож и коробку кнопок. Когда полицейский, направленный к месту происшествия, спросил о цели хищения этих предметов, мальчишка сослался на домашнее задание, и полицейский, сделав предупреждение, отпустил его. Три месяца спустя домовладелец обратил внимание на движущийся свет в подвальном окне пустого двухквартирного дома на Ауэр-стрит, пошел туда и успел сцапать Тиллмена за воротник, когда тот удирал по лестнице из подвала. На этот раз его доставили в полицейский участок, больше для острастки, чтоб проникся серьезностью правонарушения. И опять обвинение не было выдвинуто.

Очередное доказательство того, что Тиллмен знал, как обезоружить стражей закона, появилось, когда разгне-

ванная домовладелица на 41-й Вест-стрит сообщила, что подросток только что украл с заднего двора ее обожаемого абиссинского кота Луи цвета апельсинового джема. Через несколько минут два полисмента, выйдя из патрульного автомобиля, остановили мальчишку, торопливо шагнувшего по бульвару Шермана с извивающимся мешком в руках. Ох, сказал парень, разве этот кот из того дома? Он был уверен, что этот убежал у женщины, которая живет сразу за бульваром Шермана, на 44-й Вест-стрит, и именно туда и направлялся, когда офицеры остановили его. О пропаже кота он узнал из объявлений, расклеенных на столбах, офицеры разве не заметили их? Прямо наказание какое-то, эти сбегające коты...

На том все бы и закончилось, если б один из полисменов, человек несомненно жесткий и подозрительный, не приписал бы пары слов: «Понаблюдать за молодым человеком».

168

Прежде чем Тиллмен Хейвард навсегда исчез из полицейских протоколов, он был замечен еще в двух преступлениях: попытке изнасилования и скупке краденого. Альяма Вестри, молодая женщина, обвинившая Хейварда в нападении на нее, сняла свои претензии за день до передачи дела в суд. Двое полицейских, которые инкриминировали Хейварду хранение сетки с краденными норковыми шубами, своими руками погубили уголовное дело процессуальными нарушениями, и разгневанный судья снял все обвинения. Тогда ему был двадцать один год. По-видимому, Хейвард осознал, что ему несказанно повезло, и в дальнейшем успешно старался не привлекать внимания властей.

По-моему, детектив Купер был немного сумасшедшим. А после того как увидел Тиллмена Хейварда сходящим с поезда из Колумбуса, и вовсе сделался одержимым. Купер не накопал ничего, что могло бы убедить судью, но стал тратить едва ли не половину рабочего дня и большую часть свободного времени на поиски малейшей зацепки, которая помогла бы уличить единственного подозреваемого. В начале следствия Купер выдернул Хейварда прямо с улицы

и привез на допрос, но тот проскальзывал сквозь каждую словесную ловушку. Он улыбался, был вежлив и терпелив, выказывая желание помочь следствию. Допрос, похожий на фарс, тянулся два часа и не принес никаких результатов, разве только дал понять Тиллмену, что милуокский детектив страстно желает засадить его за решетку. Впоследствии Купер довольствовался только наблюдениями.

Оба его шефа — отдела расследований и отдела полиции, — возможно, полагали, что их ведущий детектив допустил просчет, но доверяли его чутью и долгое время позволяли Куперу делать что хочет. Когда сытый по горло напарник Купера попросил перевода, они отдали его в пару к другому детективу, разрешив Куперу работать в одиночку. Сердцеед был высшим приоритетом отдела по расследованию убийств, и, понадеявшись на методы Купера, начальство решило ждать и наблюдать.

У детектива Купера выработалось чутье на те дни, когда Тиллмен Хейвард планировал показаться в доме брата. Интуиция порой гнала его к желто-коричневому дому, чтобы увидеть непринужденно прогуливающуюся фигуру в брюках и белой майке, вороватый силуэт в шляпе, мелькнувший в проеме окна или пересекающий задний двор. К глубокому огорчению Купера, эти мимолетные видения являлись, по сути, единственными результатами наблюдения, которое ему разрешили вести. Хейвард тоже обладал великолепными инстинктами. Он знал, когда не надо высовывать носа из своей комнаты, а когда — из дома. Засев на чердаке в доме напротив, Купер проводил двенадцать, пятнадцать часов в день, напряженно вглядываясь вниз — на унылый задний двор и выходящие на него окна, но его цель появляться отказывалась.

Старый коп был уверен, что Хейвард пользовался задней дверью и узеньким проулком. Порой детективу удавалось заметить силуэт, стремительно мелькнувший в пролете двери и растаявший в темноте двора. Но куда он уходил, что его манило? Джордж Купер побывал в каждом баре, закусоч-

ной, буфете в радиусе мили, показывал фото Хейварда полутора сотням барменов. Кое-кто сказал: мол, точно, время от времени вижу этого парня, заходит раза три в неделю, потом пропадает на месяцы. Или: о, этот? Любит дамочек, да и у них успехом пользуется.

Как-то раз оживленным вечером в забегаловке «Щедрая рука» на Брэди-стрит бармен, вглядевшись в толпу, подметил знакомый нос, торчащий из-под полей знакомой шляпы. Он вспомнил просьбу детектива, порылся в ящике, отыскал визитку, набрал номер и доложил, что человек, которого Купер искал, у него в баре. Поскольку мобильных телефонов тогда не было, бармен набрал указанный на визитке номер убойного отдела центрального управления. Когда Куперу сообщили о звонке, он находился в помятом голубом седане на пути из своей квартиры к дому с чердаком, сердитый и мрачный, как никогда.

Купер выплеснул ругательства на руль, лобовое стекло и ошеломленного диспетчера. Продолжая изрыгать проклятия, он развернулся на 180 градусов через четыре ряда возмущенно загудевших машин. За пятнадцать минут до того, как он резко затормозил перед «Щедрой рукой», подозреваемый отбыл, сопровождая в неизвестном направлении перебравшую молодую дамочку. По счастью, бармен знал ее имя — Лайза Грюн. Разумеется, в соседнем доме, где мисс Грюн снимала квартиру на пару с другой аспиранткой университета Висконсина, ее не оказалось, а соседка понятия не имела, куда она могла пойти. Кое-кто из посетителей бара видел, как новый приятель Лайзы усаживал ее в машину, но никто не смог припомнить, какую именно, разве что цвет назвали — то ли темно-синий, то ли черный или темно-зеленый. Чувствуя себя позорно провалившимся, холодея от мысли, что через день-другой труп Лайзы найдут на ступенях Центральной библиотеки, детектив Купер несколько часов дотошно допрашивал посетителей «Щедрой руки», раздражение у всех росло с каждой минутой. Некоторые припомнили, что встречались с Тиллом. Тилли, под-

ходящее имечко для парня, он немного старше завсегдатаев бара и не так прост, только, пожалуй, грубоват немного.

Утром Лайза Грюн позвонила в полицию. Что за дела? Все ее друзья перепуганы до смерти — она испортила им вечер. Когда же детектив Купер появился у нее на квартире, он ее просто потряс. Девушка почувствовала себя не в своей тарелке. А ему только этого и надо было: Купер обожал создавать неудобства.

Нет, она никогда не встречала Тилли прежде, но он, безусловно, милый парень. После джина она немного расслабилась, и он вызвался отвезти ее домой. Ну хорошо, не прямо домой, и что с того? Он не позволил себе никаких гадостей, она уверена в этом.

Одиннадцать часов из жизни этой девушки исчезли, и их потеря ни на секунду не насторожила ее. Что он делал с ней, куда возил? Это оставалось тайной.

Разумеется, ей не описать машину. Помнит, был руль, было заднее сиденье. А часа в три-четыре утра головная боль, сухость во рту и жжение в животе разбудили ее. Она села и высунулась в окно. Перед глазами все поплыло. Ее провожатый открыл заднюю дверь, помог выйти и придерживал за талию, пока ее, согнутую пополам, рвало. Все еще хмельная, она попросила разрешения поспать несколько часов, и он участливо помог вернуться и лечь на мягкое сиденье. Когда она очнулась во второй раз, было десять часов воскресного утра. Он спросил ее, не хочет ли она домой. Она ответила: неужели ты меня хотя бы завтраком не накормишь? Какой джентльмен. Повез меня кормить куда-то далеко, на запад, кажется, в Батлер, что ли, — кто бы мог подумать, что в Батлере есть закусочные? — и взял мне яичницу-болтуню, тост из непросеянной муки и крепкий-крепкий кофе.

Через два дня один возможный ответ, что происходило в эти пропавшие из жизни Лайзы часы, подсказала зловещая находка на парковке страховой компании «Проспект Аве-ню». Двое бездомных развернули пыльный ковер, лежав-

ший рядом с мусорным контейнером, и обнаружили в нем обнаженное тело пятой жертвы Сердцееда. Администратор отеля Соня Хиллари, тридцать один год. Фотографии, позже полученные от ее мужа и родителей, давали ясно понять, что при жизни она была интеллигентной, стильной и привлекательной женщиной. Сердцеед потратил часы, а может, дни, трудясь над трупом, и от ее красоты не осталось и следа.

Джордж Купер задавался вопросом: мог ли Тилли Хейвард уложить на заднем сиденье отключившуюся Лайзу Грюн до того, как схватил Соню Хиллари прямо на улице? Если так, то когда? После того как он справился с Хиллари, ему ведь пришлось где-то прятать тело, пока создавал себе алиби, нянчась с Лайзой Грюн. И если наутро Лайза гасила похмелье в Батлере, значит, Хейвард, вероятно, снимал какое-нибудь укромное местечко в западных пригородах или маленьких городишках: Марси, Ланноне, Миномони Фолз, Ваукиша, наконец, в крохотном Батлере.

172

Купер отправился в Батлер и показал фотографию Хейварда в закусочной — официантки припомнили его и спутницу, девушку-блондинку, страдавшую похмельем, но никто не заметил машины или чего-то другого, заслуживающего интереса. Купер медленно проехал по главной улице Батлера в один конец, потом обратно, вокруг старого отеля, поколесил по немногочисленным переулкам. Ничего, никаких зацепок. Купер весь кипел. Ему покоя не давала мысль о том, что, пока Тилли Хейвард кормил сонную девчонку яичницей с беконом, на каменном разделочном столе или на полу в подвале мертвая женщина дожидалась его возвращения.

Ярость толкнула Купера дальше по магистралям — в Колумбус, Огайо, далеко за пределы своего района, туда, где его навыки и неотступные мысли не нужны никому, кроме него самого. Шеф местного отдела расследования убийств не проявил желания помочь и заявил: «Все сведения о Тилмене Хейварде можно узнать по телефону». — «Я должен видеть это сам», — ответил Купер. «Что видеть-то?» —

«Как он здесь живет». — «Вы, наверное, от безделья маетесь, — заметил местный коп. — Мистер Хейвард — добропорядочный гражданин». Он показал Куперу досье: женат, три дочери, нет даже предупреждения за превышение скорости, даже штрафного талона за парковку; к тому же вместе со своей супругой Хейвард — совладелец четырех жилых домов. «Если есть желание узнать что-то еще об этом примерном жителе Вестервилля, живописнейшего пригорода Колумбуса, — а господин Хейвард вдобавок является достойным подражания спонсором полицейских благотворительных организаций, — то, детектив Купер, самым благоразумным для вас будет прямо сейчас отправиться восвояси, поскольку ловить вам в Колумбусе нечего».

Пообещав вскорости убраться восвояси, Купер взял с информационной стойки карту и поехал в Вестервилль, где отыскал адрес, который запомнил, листая досье, и припарковался на другой стороне улицы, в двух кварталах от дома. Это был именно тот тип дома, улицы и квартала, который он терпеть не мог. Все вокруг будто пело в уши: «Мы богаче и благороднее, чем ты, и не бывать тебе нам ровней»... Окна сверкали; трава на лужайках лоснилась. Яркие клумбы вились между солидными и красивыми особняками. Думая о том, кого и почему ищет здесь, Купер чувствовал, что это место вызывает у него стойкое желание настрелять дырок в протянувшихся вдоль улицы больших почтовых ящиках с нарисованными вручную собачками да уточками.

Дверь гаража в доме Хейварда поплыла вверх, выпустив бледно-голубой «универсал». На заднем сиденье, жестикулируя и щебеча все разом, сидели три маленькие девочки. Водитель, предположительно миссис Тиллмен Хейвард, оказалась «хичкоковской блондинкой», с гладкими золотистыми волосами и правильными чертами лица. Когда женщина проезжала мимо Купера, взгляд ее холодных голубых глаз хлестнул по нему отвращением и подозрением. «Бог ты мой, — подумал он, — неудивительно, что убийство стало таким процветающим ремеслом».

Вскоре после возвращения в Милуоки, в унылую комнату, из окна которой он наблюдал в бинокль за мрачным двором Хейварда, Купер стал свидетелем несущественного на первый взгляд события, которое в скором времени показалось ему столь же значительным, как открытие нового заболевания. Жилистый мальчишка лет одиннадцати-двенадцати с темными мутными глазами и узким лбом, сын Билла Хейварда Кит, сидел такой печальный — каким печальным может быть только мальчик в одиннадцать или двенадцать лет — на старом обшарпанном кресле из гостиной, которое хозяева вытащили летом на свою плешистую лужайку. Он навел детектива Купера на мысль о каком-то отклонении: такое ощущение, будто у этого ребенка нет никаких эмоций. Куперу хватило лишь нескольких беглых взглядов, чтобы понять: его жизнь похожа на непрекращающийся спектакль, словно Кит постоянно играет роль мальчика вместо того, чтобы им быть. Купер не мог объяснить, почему он так думал, и не мог полностью доверять этому ощущению: оно словно кипело на медленном огне где-то там, на задворках рассудка.

174

И вот сейчас старый детектив вновь почувствовал, будто Кит чем-то неподдельно раздосадован и старается это выразить. Сама игра, вдруг подумал Джордж Купер, имела прямое отношение к обиде и оскорбленной невинности. Своим поведением он будто со сцены заявлял о том, что его не понимают и недооценивают. Для кого еще предназначен спектакль, как не для матери? Кит вздохнул, откинулся на спинку кресла так, что спина прогнулась, голова свесилась назад, бледные руки безвольно повисли, как пруттики; потом театрально бросил тело вперед и сел, согнувшись над коленями, свесив руки почти до земли. Блестяще изображая негодование, он выпрямился и вновь согнулся, подперев щеку одной ладонью, а локоть этой руки — другой.

Задняя дверь открылась, и все изменилось.

Мальчик вдруг сделался одновременно более настороженным и более открытым, под тонким слоем притворства заинтересованный тем, что вот-вот должно произойти. Че-

ловеком, появившимся из кухни желто-коричневого дома, была не Маргарет Хейвард, а ее деверь и объект пристального внимания Джорджа Купера — Тилли. У Купера даже перехватило дыхание. Коп до мозга костей, он тотчас распознал, что в этой пьесе все неправильно.

И тут он понял: перед дядей Кит позволил проявиться своему «я».

В майке и шляпе, в брюках с кожаными подтяжками, Тилл опустился на корточки рядом с племянником. С улыбкой он сплел пальцы рук — образ нежно любящего дядюшки. И это тоже насторожило детектива. Хейвард по-прежнему излучал притворство, как тогда, на железнодорожной станции, но таким искренним Купер никогда его не видел. Эти двое имели тесную духовную связь. Их движения, взгляды, едва уловимые жесты давали понять Куперу, что мальчик сделал что-то, понравившееся ему самому, но из-за этого попал в немилость в семье. Тилл что-то советовал мальчику, и его совет основывался на уловке, хитрости или же лицемерии. Блеск в глазах, затаенная улыбка делали это очевидным. Подтверждала это и реакция мальчика: он был в восторге.

Это было чудовищно даже для детектива Купера. А может, именно для детектива Купера. Он понимал: разврат здесь ни при чем, хотя это первое объяснение, которое приходит в голову. Все гораздо хуже: от приветствия, совершенно естественного, до чего-то вроде наставничества. Худшим из худшего было само наставничество, совет данный и принятый. Тиллмен вытащил из кармана большую связку ключей и протянул племяннику, в качестве — подумалось детективу — инструмента и метода решения. Ключ означал обособленность, замкнутое пространство, а на большой связке ключей могли висеть те, что открывали самые потайные и сокровенные уголки души. Цветные бирки, словно сигнальные флажки, говорили: «Здесь. Сюда». Тиллмен Хейвард рассказывал племяннику об удовольствиях и радостях того, что называется своей комнатой, личной территорией.

* * *

— Звучит знакомо? — спросил я. — Кит, безусловно, принял совет дяди близко к сердцу. И задолго до того, как обустроился со столом и ножами за закрытой дверью ангара, который ты видел в Мэдисоне, он, скорее всего, присвоил себе подвал брошенного здания на бульваре Шермана в Милуоки, кварталах в пяти от своего дома. Ему было, наверное, одиннадцать или двенадцать, когда он начал убивать и расчленять мелких животных, по большей части кошек, которых отлавливал в своем районе.

* * *

У Купера резко кольнуло в сердце, когда он вспомнил обеих: Соню Хиллари, которую много дней избивали, резали, кололи и сдирали кожу, и бедную, неумную и непривлекательную Лайзу Грюн, которую накормили завтраком в закусочной, — и понял, что видит там, внизу, отмеченный ярким клочком пряжи ключ, открывающий частную преисподнюю в Брукфильде или Миномони Фолз, в Суссексе или Ленноне, каком-то из этих крохотных городков. И мальчик Кит вскоре окажется там и будет жадно вглядываться в происходящее, словно готовя себя к наводящей ужас взрослой жизни.

* * *

— Учти, — сказал я, — этот Купер был боец старой закладки, коп из тех, кого называют «бык». Он видел и делал такое, что удивить его было почти невозможно. Но от того, что он разглядел в отношениях между Тиллменом и Китом Хейвардами, у него мороз побежал по коже. В своих записях он использовал слово «зло».

— Однако дядю ему так и не удалось засадить. Чем там в итоге закончилось?

— Тиллмена Хейварда застрелили за «Щедрой рукой» — тем баром, где он подцепил свое прикрытие, Лай-

зу Грюн. Для Купера гибель Хейварда стала страшным ударом. Ведь он настаивал, чтобы дело отдали ему, и официально так его и не раскрыл, даже не приблизился к раскрытию. Это была катастрофа. И он точно знал, кто убил Хейварда.

— Знал?

— Отец Лори Терри, одной из жертв Хейварда, пенсионер, бывший регулировщик движения, Макс Терри. Купер показал ему фотографию Хейварда, и старый Макс заявил, будто видел его где-то, и все. Позже Терри вспомнил, что видел Хейварда, когда тот заглянул в ресторанчик на Уотер-стрит, где его дочь содержала бар. Было это за пару дней до ее смерти. Тот парень в шляпе и с длинным носом сидел в конце барной стойки, заигрывал с ней, как это делает миллион парней каждую неделю. Как только вспомнил, он все понял. Если этот парень не Сердцеед, почему тогда коп показывает фото? По меньшей мере это подозреваемый. В общем, старик позвонил в полицейский участок, спросил детектива Купера. «Детектив, — сказал он, — мне бы еще разок взглянуть на тот снимок, с парнем в шляпе». Купер поехал к нему, опять показал снимок. «Нет, — сказал Терри, — не уверен. А как, говорите, его зовут?» — «Тиллмен Хейвард, — ответил Купер. — Первоклассный сукин сын. Только, пожалуйста, никаких глупостей».

177

Выяснилось, что Макс Терри начхать на советы копов из убойного отдела, которые не смогли раскрыть убийство его дочери. Он начал бродить от одного кабака к другому в надежде наткнуться на Хейварда, всегда держа в кармане пистолет. Приблизительно неделю спустя благодаря потрясаяще счастливому — или несчастливому — случаю Терри забрел в «Щедрую руку» и заметил Хейварда, болтавшего с двумя девицами. Терри раздумывать не стал. Он направился прямо к своей мишени и сказал: «Эй, я знаю этого парня, он проиграл пари и должен денег». — «Ты обознался, приятель». — «Разве ты не Тиллмен Хейвард?» — «Ладно, давай выйдем на задний двор, обговорим все».

В своей рукописи Купер предполагает, что Хейварда, возможно, позабавила ситуация: маленький старый мужичок пытается развести его на деньги. Он, наверное, улыбнулся, писал Купер; улыбался он, наверное, пока старик не вытащил револьвер и, даже не целясь, выстрелил сначала в адамово яблоко, потом, шагнув вперед, когда руки Тилли взметнулись к горлу, — в гениталии и в живот и, наконец, когда Хейвард рухнул на асфальт, — прямо в правый глаз, положив конец активности этого деятельного мозга.

— Терри признался Джорджу Куперу, — сказал я. — Рассказал обо всем, как я сейчас рассказываю тебе. Шаг за шагом. И единственное, что сделал Купер, — записал его рассказ. Разумеется, он не собирался арестовывать старика. Просто отобрал у него оружие и велел отправляться домой и держать язык за зубами. Затем поехал к мосту на Черри-стрит и бросил пистолет в реку Милуоки, подумав, что там, на дне, наверное, не один такой. Это же бандитский район, или как?

— Или как, — сказал Олсон. — Купер, наверное, был такой же расист, каким в те годы становились большинство копов его лет.

— Помимо единственного комментария, из книги Купера этого не понять. Расовый вопрос не всплывал ни разу. А вот что всплыло на самом деле, так это ваш старый дружок Кит.

— Наш дружок, — хмыкнул Дон. — Едва ли.

— Тем лучше, поскольку настоящие его друзья, похоже, закончили не так уж счастливо. Бретт Милстрэп будто растворился, никак не могу его найти...

— Неудивительно.

— Во всяком случае, первый и лучший друг в жизни Кита Хейварда, возможно друг настоящий, паренек по имени Томек Миллер, был обнаружен изувеченным и убитым в том самом подвале на бульваре Шермана — именно так о подвале и узнали. У Купера не было ничего, кроме подозрений, но зато их — в избытке. Друг Кита Миллер, наверное, про-

шел через ад, прежде чем умер. Его тело сильно повредил огонь. Тем не менее вскрытие обнаружило множественные свежие повреждения на оставшихся тканях и костях. Купер был уверен, что мальчика убили Тилл и Кит, а может, сам Тиллмен, позволив Киту нанести *coup de grace*¹, или как там у них было... Потом они подожгли здание, чтобы уничтожить улики. И почти преуспели. Купер пару раз видел мальчишку в тех местах, но не имел ни одного доказательства, которое могло бы «привязать» его к тому зданию. Однако попытаться стоило. Пока здание не сгорело, Купер понятия не имел, где Кит обустроил тайное логово. Оно могло быть в любом из двадцати-тридцати домов на бульваре Шермана или поблизости от него. Купера здорово бесило, что он много раз шел следом за Китом и Миллером до того квартала, только им удавалось ускользнуть и скрыться в норе. Он был твердо уверен, что Миллер для Кита служил кем-то вроде раба. Смешной на вид паренек, маленький, очень бледный, с большими глазами, большим носом и длинными руками. Купер писал, что он напоминал Пиноккио. По всем статьям подходящий объект — ребенок, который предлагает себя на роль униженного и оскорбленного. С Китом он держался почтительно, чуть ли не подобострастно. Другие ровесники не общались с Китом вовсе... Если хочешь знать, Купер допрашивал Кита дважды. Без толку. Парень заявлял, что с дядей его связывает бейсбол. Им обоим очень нравится третий бейсмен из «Брэйвз», Эдди Мэтьюз. Классный, мол, парень. Купер просто взбесился. Он посмотрел на Кита и увидел юного Тилла. Ему стало тошно.

— Немудрено, — сказал Олсон.

— По словам мальчишки, он понятия не имел, что Миллер делал в подвале. Ну да, они дружили, но Миллер был ничтожеством, и никто по нему особо плакать не будет. От родителей тоже никакого проку. Польские эмигранты, которые здесь изменили фамилию, — они боялись всех и вся. Особенно их испугал Купер. Их сын знал Кита Хейварда, им

¹ Удар милосердия

знакомо это имя, и все, больше слова не вытянешь. Двое съезжившихся от страха, запуганных людей, он — рабочий польской булочной, она убирается в домах, денег нет, убитые горем от необъяснимой потери единственного ребенка, сидят недвижимо на краешке дешевого дивана, напуганные до смерти, словно разбитые параличом... Они хотят, чтобы он объяснил им случившееся, потому что сами точно не в силах это сделать. У них в голове не укладывается, Америка им непонятна и чужда, она отобрала у них сыночка.

Я поднял плечи, изобразив «что тут поделаешь», и вновь принялся за еду. Вскоре я понял, что хочу задать Олсону конкретный вопрос.

— Дон, а как ты считаешь, Кит Хейвард заслуживал смерти?

— Да кто его знает. Гути и твоя жена считали, что заслуживал.

Я кивнул.

— Однажды спросил об этом Ли, и она сказала, что Хейвард был не таким уж отпетым.

— Минога сказала так?

— И еще сказала, что не бывает на свете людей абсолютно плохих. Однако добавила, что по-прежнему убеждена: Кит Хейвард заслуживал смерти. Я тоже так думаю... А знаешь, если Купер был прав насчет того мальчишки, смерть Хейварда, наверное, спасла жизни очень многим молодым женщинам.

— Я тоже об этом подумал, — кивнул Олсон.

— В общем, некая сила возникает ниоткуда, из другого измерения или из-под земли, не знаю, и рвет парня в клочья. Может ли эта сила быть злой? Я бы скорее назвал ее безразличной.

— Безразличной.

— Возможно, женщина, которую Хейвард убил бы, остался он жив, совершила бы какое-нибудь великое дело. Возможно, она, или ее дочь, или, например, сын сделали бы великое открытие в медицине или в науке или кто-то из

них стал бы великим поэтом. Может, в более далеком будущем: например, если женщина, которую убил бы Хейвард, или кто-то из ее потомков в сколь угодно далеком будущем собрался бы совершить что-то пустяшное, незначительное, что в конечном счете принесло бы колоссальный волновой эффект. Убийство Кита Хейварда было бы средством защиты вот такого вероятного эффекта.

— Выходит, эти существа защищают нас?

Я обдумал его слова.

— Или стоят на страже нашего неведения. А может, мы оба с тобой абсолютно не правы и Хейварда убило что-то совершенно иное, какое-нибудь демоническое создание, которое вызвал Мэллон.

— Не видел я никакого демонического создания, — проворчал Олсон. — Да и было ли оно... А что случилось с твоим детективом, с этим Купером? Мне кажется, он вырыл себе глубокую яму и прыгнул в нее.

Я рассмеялся.

— Ну да, примерно так. Он нарушал закон, уничтожал улики и препятствовал процессу. Единственное, на что ему оставили право, — следить за Кита Хейвардом, чем он и занимался, и дал пацану понять, что тот у него под наблюдением. При этом сознавал, что сломал себе жизнь. Он дошел до точки. Он не сводил глаз с Кита Хейварда двадцать четыре часа в сутки и не смог бы прожить достаточно долго, чтобы следить за его детьми. Испорченный ген, или как там его, оставался недостижим. Купер был не в состоянии пресечь это на корню. И весь его опыт здесь не помощник.

— И что он сделал? Пулю в рот?

— Спился. До смерти. Разумеется, уволился из полиции. Сдал личное оружие вместе со значком. У него, правда, был еще пистолет, отобранный у бандита, но он никогда не носил его с собой и не пользовался. Купера просто грела мысль о том, что пистолет у него есть. Жил он в районе за Влайет-стрит, и в обоих концах его квартала располагались

бары. Он года два, наверное, был занят тем, что курсировал от одного к другому и обратно.

— Он и об этом написал в своей книге?

— Для него это было концом дела Сердцеда и жизни детектива, который таскал все материалы в голове, блуждая между двумя пунктами — притонами «Морской черт» и «Тэд и Мэгги». Ему хотелось писать об этом, и он, кстати, мог поведать несколько интереснейших деталей. И жутких притом. Это напоминало жизнь в полной темноте. Будь он профессиональным писателем, от книги было бы не оторваться.

— Да? И что же он такого сказал?

— Чтобы хоть как-то приблизиться к сути сказанного, необходимо понять, что он был пьян, когда писал это.

— А ты в состоянии припомнить хоть немного?

— Я, конечно, не Гути, но кое-что смогу.

— Выкладывай.

— Хорошо. Он написал: «Мне потребовалось почти шестьдесят лет, чтобы узнать, что в этой жизни, кроме дерьма, нет вообще ничего».

Мне удалось воскресить в памяти и такое определение зла от старого сыщика:

— В другом месте он написал: «То, что не страдание, то всего лишь проволочная вешалка. Я предпочитаю страдание».

Я улыбнулся, припомнив еще кое-что.

— Уже ближе к концу он писал: «Для кого я работал все эти годы? Была ли моим настоящим боссом проволочная вешалка? Я не живу, я протираю и изнашиваю реальность».

— А при чем здесь проволочные вешалки?

— Единственное, что мне приходит в голову... Дело, наверное, не в вешалке как таковой. Это скорее метафора, чем реальный предмет.

Принесли счет. Я отдал кредитку, подписал чек и с большим облегчением почувствовал, что настало время отправиться пешком обратно вокруг площади и вернуться в

отель. Мы поднялись из-за стола, благодарно помахали рукой официанту, кивнули улыбающимся суши-поварам и направились к выходу.

Мы вышли в теплую ночную темноту, прошитую мириадами звезд над головами. Кинг-стрит катилась под уклон, подсвеченная окнами баров и театральной маркизой. Крошки слюды, как слезки, поблескивали на тротуаре. Я подождал, пока Олсон поравнялся со мной, и едва слышно вздохнул.

— Думаю, коктейль-бар еще открыт, — сказал Олсон.

— Посмотрим. — Я взглянул на своего спутника. — После всего этого, надеюсь, я не услышу больше ни слова о Ките Хейварде и его чудовищном дядюшке. Честно говоря, я рад, что оба мертвы.

— Я выпью за это.

За последние дни Дон растерял почти весь тюремный жаргон. Грубая, самоуверенная напористость, по-видимому служившая ему защитой в Менарде, но мешавшая на Кедровой, поблекла настолько, что следующие девяносто минут я без всякого напряжения запросто трепался с другом. Даже походка Олсона стала нормальной, почти не напоминала прежнюю. Как, думал я, ему удалось вытрясти пять тысяч долларов из едва знакомых людей?

23.00 — 03.30

Дверь выбрана; дверь не выбрана и осталась нетронутой; ответ на вопрос не получен. Все пережитое за день проплывало в памяти, пока я раздевался, вешал одежду, чистил зубы, умывался и забирался в уютную постель гостиничного номера.

Я остановил руку на пути к выключателю высокого прикроватного торшера, опустил ее на сложенную кремовую простыню, а голову — на подушку.

Минога без меня пошла на луг, и мне никогда не изменить выбор, который я сделал тогда, никогда не развязать тот узел.

Ну а свет пусть остается включенным.

* * *

— Все предельно просто, — сказал я Дону Олсону.

Поздно вечером мы сидели в «Губернаторской гостиной». Одиноким в своем «аквариуме», дружелюбный бармен, которого мы порадовали сообщением о том, что посетили рекомендованный им ресторан, казалось, пребывал в глубокой медитации. На длинном диване перед камином молодая пара, прижавшись плечом к плечу, шептались, будто влюбленные шпионы.

— Сомневаюсь, — ответил Олсон. — На себя посмотри.

— У тебя не было так, что засядет в голове песня и никак от нее не избавиться?

— Ты все усложняешь. Начни с простого. Когда это случилось?

— В тысяча девятьсот девяносто пятом, — сказал я, удивившись, что так быстро и отчетливо вспомнил дату. — Осенью. Кажется, в октябре. Ли вызвали в Рихобот Бич, Делавэр, по довольно странному делу, почти детективному. Под конец детективом она и заделалась и даже поймала преступника!

* * *

Лежа в кровати, скрестив руки на груди, при свете торшера, я мысленно возвращался к нашему разговору — слово за слово, слово за слово...

— Вызвал? Кто вызвал?

— АФС. Американская федерация слепых. Твоя старинная подруга Минога сейчас совсем рядом с делавэрским филиалом федерации. В Рихобот Бич.

185

* * *

Порой мне казалось, что красавица Ли Труа была одним из основателей делавэрского филиала, но это, конечно же, неправда. Просто она там всех знала. Как так получилось? Ли помогала организовывать этот филиал, вместе с первыми участниками создавала его структуру. А пригласила ее давнишняя подруга из Нью-Йорка, Мисси Лэндрию, — имя это я, разумеется, вспоминаю не всегда и не сразу; я вообще, кажется, порой едва замечал ее друзей. В общем, хотя ни она, ни ее друзья никогда не жили в Рихобот Бич, штат Делавэр, — а я, эгоцентричный трудоголик, даже никогда не бывал там, — бывшая Минога крепко привязалась к этому симпатичному приморскому местечку, где часто устраивали встречи сотрудников. Здесь ее любили и уважали, возможно, даже больше, чем в каком-либо другом отделении общества слепых. И конечно, для маленького отделения в небольшом штате Восточного побережья очень

много значила дружба с членом национальной организации. Они считали Ли Труа доверенным лицом. Так вот, подруга Мисси, еще одно доверенное лицо и член правления, хотя зрячая и сказочно богатая, как героиня у Генри Джеймса, обратилась к бывшей Миноге за помощью в довольно скользком деле, касавшемся ее любимого филиала, не считая, конечно, родного отделения — чикагского.

Скользкое дело имело отношение к фондам, загадочным образом тающим по паре сотен долларов в месяц. Служащие заметили это, лишь когда сумма недостачи превысила десять тысяч.

* * *

186

В то время странность делавэрского отделения заключалась в том, что все его служащие были женщинами. Для начала они решили не сообщать в полицию, а обратиться за советом в национальный офис. В ответ национальный офис направил из Чикаго Ли Труа — любимую, уважаемую и мудрую — решить проблему до того, как она станет достоянием общественности.

Имена всех имеющих доступ к счетам были известны: девять женщин, большинство проживают в районе Балтимора. Я лежал в кровати номера на двенадцатом этаже и вспоминал, как поведал Дональду Олсону о том, что сделала Минога: она пригласила их всех в отель «Золотые пески Атлантики», расположенный на набережной Рихобот Бич. Здесь частенько проходили конференции АФС, региональные и национальные, и отель был знаком всем.

— Что важно для слепых, — припомнил я свои слова.

* * *

— Что ты имеешь в виду? — спросил Олсон. — Хорошая осведомленность важна для любого, хоть и я это говорю.

Ох, ответил я, если человек слепой или видит совсем плохо, то ему намного удобнее в хорошо знакомом месте. Он

может расслабиться, потому что знает наизусть, где что — от ящиков в шкафу и кранов в ванной до лифтов, ресторана и конференц-залов.

И Минога рассчитала в высшей степени верно. В таком знакомом месте, как «Золотые пески Атлантики», моя жена двигалась плавно, плыла, скользила — шагала безошибочно по коридорам, через бескрайнее фойе, по многочисленным комнатам, отличающимся только табличками, ориентировалась в просторных помещениях, где ряды складных кресел обращены к трибунам с микрофонами. Она двигалась как зрячая, потому что изучила подобные места и ощущала их всем телом.

Я видел отели для конференций в Чикаго и Нью-Йорке, видел, как изумительная Минога, когда называли ее имя, встает со стула рядом со мной, делает шаг назад, гордо поднимает голову, улыбаясь в ответ на аплодисменты, и уверенно направляется вокруг длинного, задрапированного белым стола прямо к трибуне поблагодарить представившего ее и произнести свою речь. Она видела — вот что понял ее бдительный муж, она видела своим особым зрением.

Олсон одарил меня смиренным взглядом и расслабленно откинулся на спинку кресла.

— Говоришь, собрала вместе этих женщин? Держу пари, что Минога все сделала как толковый сыщик.

— Ли блестяще провела работу, — сказал я. — Первым делом она собрала их в маленькой кофейне на набережной, где они сто раз бывали прежде, и объявила, что национальная организация прислала ее посоветоваться с выдающимися членами делавэрского филиала о том, как разрешить проблему, которую нью-йоркский офис рассматривает как угрожающую. Ли планировала поговорить с каждой индивидуально, и АФС попросила ее использовать для этого самый официальный из всех залов гостиницы, Директорский салон, как выяснилось, единственный конференц-зал отеля, которым АФС никогда прежде не пользовалась.

Вот только в Директорском салоне, призналась Минога, она почти всегда ощущала присутствие какого-то неведомого существа, будто бы привлеченного роскошью помещения, которую мог ощутить даже незрячий. Если войти в салон и тихонько постоять, впитывая атмосферу, можно почувствовать, что стены покрыты панелями дорогого темного дерева, прекрасные старинные картины и гобелены висят под маленькими лампами с мягким светом, а ноги твои стоят на цветастом персидском ковре.

— Понимаешь? — спросила Минога. — Обстановка будит в тебе вибрации, ты чувствуешь присутствие картин, чувствуешь светильники над ними, текстуры холстов и тканей, едва уловимые изменения в давлении воздуха: старинные и ценные вещи влияют на атмосферу совсем не так, как новые или сделанные менее искусно, что с этим поделаешь? Все вызывает движение. Но в той удивительной комнате столько всего происходило: отчетливо ощущаешь, будто невидимое, непроявленное всегда здесь, ждет тебя — ждет, чтобы присмотреться, распознать и раскусить тебя! Естественно, зрячим людям эти ощущения неведомы. Мне вообще порой кажется, что зрячие зачастую бывают просто слепы.

И что она сделала, рассказывал я старому другу, — она уселась там и ждала, пока женщины подходили одна за другой, робко стуча в дверь. Их нерешительность росла оттого, что они чувствовали солидность двери, вес и плотность дерева; слышали, как Ли Труа приглашает их войти, ощущали массивную дверную ручку в ладони и входили, окунаясь в море неожиданных впечатлений, пробираясь едва ли не на ощупь через насыщенную тишину, пока Ли Труа вновь не подаст голос, предлагая им занять место за столом. Когда все уселись, к компании будто бы присоеди-

нился кто-то еще: возможно, персонаж с портрета; известно, что в комнате его нет, но он тем не менее присутствует — местный призрак. В итоге им пришлось иметь дело не только с Ли, но и с этой иллюзией, плодом воображения. Трудно сказать, что воздействовало сильнее.

* * *

Мягкий желтый свет торшера растекался по сложенной простыне и таял к границам полукруга, а я мысленно рисовал тусклый, неотчетливый абрис лица, неподвижно зависшего рядом с моей женой в роскошной комнате. Образ этот мог и не иметь отношения к призраку, будившему воображение обеспокоенных гостей Миноги, однако на угольки моей тлеющей тревоги словно кто-то подул. Они — он и она — были вместе в закуской на Стейт-стрит, в подвале итальянского ресторана, снова на Горэм-стрит, еще раз на Гласхаус-роуд и дважды на лугу. Дважды. Омерзительный, тошнотворный Хейвард был так близко, что мог держать ее за руку. И когда она нашла ему место, он вернулся к ней. Я знал, что произошло в той комнате, и мне стало тошно.

189

* * *

— Приглашенные стучали в дверь и заходили, — рассказывал я Олсону. — Рассаживались за столом напротив Ли. Очень немногие могли отличать свет от тьмы. Думаю, пара женщин крайне неотчетливо, туманно, частично видели, да и то одним глазом. Остальные же не видели ничего, кроме полной темноты. Но они не могли не чувствовать постороннее присутствие: призрак, вызванный обстановкой комнаты, с самого начала поджидал их там.

Вот что Минога рассказала мне.

* * *

Так я лежал с непогашенным светом и неожиданно осознал, что ко мне вернулась старая привычка называть жену давнишним прозвищем. Сколько раз я уже сделал это? Три, четыре? Если так — битва проиграна.

Начала она мягко, рассказывала Минога. Женщина напротив нее почувствовала, что это собрание таит какой-то подвох, и насторожилась.

— Расскажите мне о себе, — мягко потребовала Минога. — Расскажите что угодно — неважно. Я хочу послушать, как вы говорите. Порадуйте меня. Порадуйте меня. Разозлите меня. Ужасните меня. Прошу только об одном: не дайте мне заскучать.

И они начали говорить, эти женщины, одна за другой, прокладывая дорожку к тому, чего, по их представлению, ждала Минога. Поначалу это были рассказы о местах, где они росли, о родителях, о том, как они учились в школах и как выходили замуж. Таким образом я был вовлечен в АФС.

— Можете рассказать что-нибудь еще? Например, то, о чем никто не знает?

Призрачное лицо дрогнуло, отразив интерес, и чуть приблизилось. Оно знало все о неизвестном, ведь именно там, в неизвестном, оно обитало.

— Удивите меня, — сказала она. — Именно за этим мы здесь.

— У меня нормальная ориентация и была такой всю жизнь, мне нравится секс с мужчинами, но вот сейчас больше всего на свете мне хотелось бы лечь с вами прямо на этот стол и обнять так крепко, как только могу. Это достаточно потрясаяще для вас, Ли Труа?

— Я слепа с двух лет и росла в доме с тремя зрячими старшими братьями. Старшего убил пьяный водитель, второй покончил с собой вместе со своей подругой на переднем сиденье нашей семейной машины, они были всего лишь старшеклассниками. Самый близкий мне по

возрасту, Мерл, который должен был погибнуть, как другие два, но не погиб, частенько отводил меня в поле за домом и заставлял играть со своей противной штуковиной. И кое-что похуже. Родителям и в голову не приходило, что он может делать что-то неправильно, они считали Мерла едва ли не Иисусом. В восемнадцать я вышла замуж, так что он больше не мог меня насилловать. Сейчас у меня три мальчика, и единственное, что я могу сделать, чтобы не возненавидеть их, — это на время выходить из дома. Вот, пожалуй, главная причина, почему я работаю в АФС.

Призрак задрожал от удовольствия. Холодной змеей его рука обвила плечи Миноги.

— Хотите ужаснуться, мисс Труа? Я, пожалуй, попытаюсь ужаснуть вас, если вы именно этого хотите. Вы приехали сюда и собрали нас в этом отеле вовсе не из-за какой-то непонятной проблемы, которую нью-йоркский офис назвал «назревающей». Все куда более конкретно, не так ли? Власть имущие очень хотят, чтобы вы расследовали факт сексуального домогательства в этом филиале. Характер сексуального домогательства. Или, чтобы быть более точным, мисс Труа, они хотят, чтобы вы спрашивали тут и там, только осторожненько — так, чтобы не всплыла ненароком какая-нибудь грязь, — и через пару дней вернулись и доложили, что все сплетни беспочвенны. Но они не беспочвенны. Одна дама серьезно отравляет жизнь некоторым женщинам помоложе, работающим под ее руководством. Я все ждала, что кто-то придет к нам разобраться с этим, и вот вы здесь, и я говорю: да, это отвратительное поведение продолжается. Но ее имени я не скажу. Это ваша работа, мисс Труа.

— Хотите, чтобы я поведала вам о том, чего никто не знает? Пожалуйста, Ли. Почему бы нет? Вы же не собираетесь передать это полиции или еще кому? Это ведь как упражнение в доверии? Я знаю, как это работает. И не думаю, что вы осудите меня.

Незримый наблюдатель еще крепче сжал плечи Ми-ноги; а я, лежа на скользких белых простынях, слишком напуганный, чтобы выключить торшер, закрыл глаза.

— Меня обвинять вы не станете, поскольку хотите понять, что я сделала, даже если вам не удастся взлезть в мою шкуру. Я потеряла зрение примерно в том же возрасте, что и вы, чуть за тридцать. Вернее, не так чтобы просто потеряла. На меня напал и ослепил человек, с которым я только что порвала. Роберт не хотел, чтобы я смотрела на других мужчин, и сделал так, чтобы я никогда больше не видела. Я сдала его полиции, и выступала свидетелем на суде, и помахала ему ручкой, когда он отправился за решетку. Ему светило от пятнадцати до двадцати пяти, только вышел он через семь. И знаете, что сделал? Позвонил моей матери и сказал, что хочет извиниться передо мной и, мол, не будет ли она так добра сообщить ему номер моего телефона. Он заплатил свой долг обществу, он стал другим, теперь ему необходимо мое прощение. Она, как дура, дала ему номер.

192

Он звонит мне, спрашивает: можно подъехать? Нет, говорю. Конечно нельзя. У меня от тебя мурашки по всему телу. Он умоляет меня встретиться где угодно. Пожалуйста. Мол, хочу сказать только пару слов, и больше ты никогда меня не увидишь.

Хорошо, говорю, встретимся в кафе «Цветик», и объяснила, как туда ехать.

Я не сказала, что «Цветик» в полуквартале от моего дома. Я в основном только там и питаюсь, все там знают и меня, и мою историю. Пит, сын владельца, всегда с душой заботился обо мне, присматривал, чтоб все было в порядке. Знаете, мне было тридцать девять, тогда еще неплохо выглядела, как говорили, Питу двадцать восемь, и почему бы ему не увлечься женщиной постарше? В общем, когда он вел меня к столику, заметил, что я как будто немного напряжена, «Что-то не так?» — «В принципе, ничего особен-

ного, говорю, хотя...» Я объяснила ситуацию, и он сказал, что глаз не спустит с моего столика.

Встреча проходила нормально. Голос Роберта звучал совсем не так, как я помнила, чуть ниже, мягче. Приятней. Это немного сбilo меня с толку — я попыталась припомнить его лицо, но тщетно: какое-то розовое пятно. Он понимает, что совершил ужасное, понимает, что такое не прощается, но для него крайне важно, если я всего лишь скажу, что больше не ненавижу его. Это не так просто, ответила я.

Мы поговорили еще немного, и Роберт съел гамбургер и выпил чашку кофе, а я — салат из тунца и колу, и тут он говорит мне, как трудно найти работу, если ты бывший зэк, но у него есть неплохая зацепка. Его инспектор по надзору за условно-досрочно освобожденными очень рад за него. Это правда, что я работаю с... Ну, ты понимаешь. Да, говорю, работа моя связана с фондом, жизнью довольна, это больше похоже на борьбу, но я стараюсь не жаловаться, даже себе самой. Восхищаюсь, говорит, тобой. Слушай, говорю, очень мне нужно твое восхищение и твое уважение! Не заблуждайся на этот счет.

Роберт проглотил это или сделал вид. После этого все пошло удивительно хорошо. Он сказал, что нас с ним многое связывает, мы доставили друг другу неприятности, он понимает, что я была вынуждена обратиться в полицию, он понимает, что сам бы пошел и во всем признался, но ситуацию осложнили именно мои показания. Я с интересом слушала все это.

Я настояла, чтобы мы заплатили каждый за себя, после чего Роберт спросил, не буду ли я против, если он проводит меня до дому, только проводит. Прощальный жест, как он это назвал. Ладно, пойдем, ответила я, сделай свой жест. Если ты так этого хочешь. Дура я, дура. Между моим домом и «Цветиком» широкий пустырь, который опускается к большому оврагу, и ког-

да мы прошли примерно половину пути, Роберт сказал, что хочет пойти в обход, и, прежде чем я успела ответить, старый добрый Роберт зажал мне рукой рот, другой обнял за талию и потащил на пустырь. Как я ни пыталась вырваться, ничего не выходило. Мерзавец поволок меня вниз, в овраг, швырнул на землю, прыгнул сверху и придавил руками к земле мои плечи. Я была уверена, что он собрался изнасиловать меня, и говорила все, что приходило в голову, но в основном умоляла не делать этого. Орать бесполезно, никто не услышит.

«Заткнись, — сказал он. — Не собирался я тебя насиловать. Просто хотел хорошенько напугать, чтоб знала, как я себя чувствовал почти каждый день все семь лет. Напуганным до смерти. Слепота не так плоха, как кое-что, приключившееся со мной. Я всего лишь сравнивал счет. А теперь вставай и проваливай отсюда. Видеть тебя больше не хочу!»

194

Я села, и под рукой оказался камень — не знаю, откуда он там взялся. Он словно сам прыгнул в ладонь.

Призрак, маячивший позади Миноги, довольно хихикнул. Я видел упыря, обнимающего за плечи мою жену.

— ТЫ не хочешь больше видеть МЕНЯ?

И тогда, именно тогда, я почувствовала кого-то рядом, рассказывала Минога. Это был не тот призрак, присутствие которого ощущали остальные женщины. Это было что-то мерзкое, отталкивающее... То, что мы называем злом, потому что других слов подобрать не можем.

— Я была в ярости. Я замахнулась на голос, а Роберт, наверное, отвернулся, потому что не перехватил мою руку и не пригнулся, и я почувствовала, как камень ударился обо что-то твердое. Я закричала, но не смогла остановиться и ударила снова — что-то треснуло, будто яичная скорлупа, а руки вдруг стали влажными. Я попробовала шуметь — не визжать, не плакать, просто подать голос, — господи, я же была

на дне оврага и только что убила человека, который когда-то без памяти любил меня. И знаете что? Я была рада, до безумия рада, что Роберт мертв.

Мерзкое существо, державшее за плечи Миногу, содрогнулось в экстазе и исчезло, получив то, чего хотело.

— Затопали шаги: кто-то спускался в овраг, и я закричала и попыталась подняться на ноги. Это, должно быть, коп, и меня отправят в тюрьму на куда более долгий срок, чем этого урода. Человек говорил: «Боже мой, боже мой», повторял и повторял, и я поняла, что это не коп. Это был Пит из кафе. Он вышел убедить-ся, что со мной ничего не случилось, и, когда не увидел меня на улице, побежал на пустырь. Вскоре он услышал шум, и — вот он, мой спаситель. Пит отвел меня домой незаметно для посторонних глаз и велел переодеться в чистое. Окровавленную одежду он сунул в мешок для мусора и сказал, что сожжет, а тело оттащит по-дальше в овраг и закидает чем-нибудь или спрячет в пещере. Думаю, он хорошо постарался, потому что тело Роберта до сих пор где-то там. Я не слышала, чтобы хоть один полицейский расспрашивал о нем. Убийство сошло мне с рук. Ну как, мисс Труа, хорош секрет?

Следующая дама сказала:

— Так странно... Когда я думаю об этом, каждый раз улыбаюсь. Порой в жизни происходят такие странные вещи. Ну да ладно. Когда я была маленькой девочкой, мать частенько брала меня в свои любимые магазины, чтобы я воровала для нее.

Так Минога нашла своего вора.

* * *

— Минога добила-сь от нее признания? — спросил Дон, сидя возле темного окна бара.

— Вот именно.

Я припомнил ее слова и неотвязное ощущение: где-то близко, слишком близко бьются огромные крылья.

— На это у нее ушло двадцать минут. Женщина раскололась. Сказала, что воровала всякий раз понемногу и даже не заметила, как выросла сумма. И ей стало страшно, но как остановиться, она не знала. «Вы уже остановились, — сказала Ли. — Все кончено». Они разработали график выплат, не стали привлекать полицию — разрешили всю проблему за полдня. Дама отправилась домой потрясенная, но исправившаяся. Представляешь, она продолжала таскать из магазинов всю сознательную жизнь. Как Ботик.

— Ну да, как Ботик, — сказал Олсон. — Только эта дама попалась.

Он улыбнулся и задумался.

— Когда, говоришь, это было?

— В девяносто пятом. В октябре, кажется.

— Интересно. Если не ошибаюсь, в октябре девяносто пятого мы со Спенсером приезжали в гости к его покровительнице, пожилой леди по имени Грейс Фэллоу. Она была богата и любила, когда Спенсер приезжал к ней и давал консультации. Именно так в последнее время я с ним и работал.

— Понятно. И?

* * *

«Понятно. И?» — значит: «Какое отношение имеет это ко мне?»

* * *

— Грейс Фэллоу жила в Рихобот Бич. Она поселила нас в отеле «Променад Плаза».

* * *

Грейс Фэллоу жила в Рихобот Бич... «Променад Плаза».

* * *

— Так мы ж могли встретиться с Миногой. Разве не странно?

— Может, и так.

Дон посмотрел на меня, хмурясь:

— Да ладно, это совпадение. Мы никогда не видели ее, и, насколько я знаю, она не видела нас. Но может, знаешь, как бывает, мельком увидела его, и накатила ностальгия. Это было прекрасное время в нашей жизни. И с датой я могу ошибаться.

Он помедлил.

— Да, скорее всего, я ошибся. Кажется, Грейс Фэллоу попросила нас приехать в октябре не девяносто шестого и не девяносто пятого. Это был восемьдесят шестой год.

* * *

«Ну, разумеется», — пробормотал я. В баре я тогда ничего не сказал, просто кивнул.

197

Много времени прошло, прежде чем я почувствовал, что могу выключить торшер и впустить в комнату будоражащую память темноту.

* * *

Наутро мы вновь отправились в больницу Ламонта и стали участниками события огромной важности. Но прежде чем я объясню, какого именно, мы перескочим сразу через четыре последующих дня, тоже напичканных событиями, пусть и менее значительными, но не менее поразительными для тех, кто при них присутствовал. Но на пятый день — из тех, которые мы пролистываем, — еще одно изумительное событие, точнее, несколько имели место, и все началось с объявления, которое сделал Дон Олсон за столиком в баре, поедая подрумяненные рогалики. Он сказал, что Говарду Блаю, источнику сенсаций, упомянутых выше, сообщили, чтобы не ждал сегодня своих друзей. В ответ на мой вопрос

Олсон заявил, что у него для меня сюрприз. Но для этого мы должны ненадолго съездить в Милуоки.

— Что же за сюрприз?

— Узнаешь на месте. У нас есть небольшое окно. До Милуоки часа полтора езды, но на самолете — полчаса. Так вот, хоть и терпеть не могу летать, я забронировал дешевые билеты на эту новомодную авиалинию, «Изет Флайт Эйр». От тебя требуется только доставить нас в ближайшие сорок минут в аэропорт и заплатить денежки. В Милуоки можем взять машину напрокат. По идее, выиграем как минимум полчаса, и, если не ошибаюсь, ты уже почти согласился.

— С чего вдруг такая спешка?

— У человека, с которым мы встречаемся, мало свободного времени.

— А кто этот человек, ты сказать не хочешь.

— Теряешь драгоценные минуты, — сказал Олсон, поднимаясь и вытирая губы салфеткой.

198

Через пять минут мы ехали в аэропорт «Дэйн Кантри», а через двадцать пять я стоял в очереди у стойки регистрации и был единственным пассажиром без багажа. Все необходимое — маленький ноутбук и авторучка — уместилось в карманах куртки.

Дон Олсон из тех людей, которые умирают от страха с момента отрыва шасси и до приземления. Он исчез в недрах терминала в поисках конфет и журналов или еще чего-то, способного заглушить ужас. Поскольку было раннее утро, я надеялся, что таким средством не окажется пара стаканчиков виски. Или хотя бы не более пары.

Очередь ползла со скоростью фута в двадцать минут. Кассиры почти неотрывно таращились на мониторы. С их лиц не сходило выражение озадаченности. Они щелкали клавишами, качали головами и шептались. Время от времени щелканье, шепот и качание головами прекращались, и пассажирам вручали билеты и направляли к охране и зоне посадки. Я терпеливо ждал.

От нечего делать я развинтил авторучку, дабы убедить-ся, что она почти полная. Нагруженная тремя огромными сумками пара отчалила от стойки, и я продвинулся на полтора фута. Я сунул руки в карманы и посмотрел, не пора ли почистить туфли. Пока нет. Я выпрямился, глубоко вдохнул и выдохнул. Оба юноши за стойкой провели руками по стриженным бобриком головам, по-прежнему удивленные и озадаченные. Недобрый знак. Один долго стучал по клавишам, а потом наклонился к невидимому монитору и покачал головой.

Я обернулся и взглянул на людей в зале. Пассажиры входили и выходили, болтали по мобильным телефонам, стояли, опираясь на колонны, или сидели на своих сумках. Почти у каждого на спине или в руке был рюкзачок, и почти каждому на вид было лет сорок. Я попытался отыскать взглядом Олсона, но конфеты и журналы, по-видимому, продавались в другом конце терминала. Оглядев группу неопрятного вида молодых людей, занявших ряд кресел, я задержал взгляд на худощавом старике в черной кожаной крутке, легком свитере с завернутым высоким воротником и в джинсах. С первого взгляда я понял, что старикан не прост. Внешностью он немного напоминал актера. Густые седые волосы были зачесаны назад и падали ниже воротника куртки. Загорелое скуластое лицо, глубоко посаженные голубые глаза, а лет, наверное, от семидесяти до восьмидесяти пяти. И смотрел он на меня. То, что я заметил это, нисколько старика не взволновало. Он как ни в чем не бывало продолжал разглядывать меня, спокойно и невозмутимо, будто животное в зоопарке.

Я не понимал отчего, но взгляд старика досаждал мне и беспокоил. В его беззастенчивом внимании чудилась дерзкая снисходительность. Я чувствовал себя неловко и униженно, очень хотелось, чтобы он нашел себе другую жертву. Вид он сохранял предельно самоуверенный. Пронзительно-синие глаза бесцеремонно пытались поймать мой взгляд.

Когда я отвернулся, показалось, будто оборвался провод под током. Молодые люди за стойкой вручили билеты и посадочные талоны двум девушкам. Очередь сократилась, к стойке пошел высокий длинноволосый мужчина с плохо замаскированной плешью. Шестифутовый рюкзак катился за ним на удобных колесиках, напоминая собаку на поводке. Я продвинулся еще на фут. Беспокойная семья — двое грузных родителей и четверо раскормленных отпрысков — с множеством набитых до отказа дорожных сумок с трудом протаскилась через открытое пространство, окружила меня и тотчас начала препираться и спорить.

«Еще раз скажешь так, я уйду... Да я только пытаюсь... Почему ты никогда не слушаешь... Молли, если ты не прекратишь вякать... Зачем прекращать, если я не хочу... Да мне плевать, что при детях... Это, кстати, все из-за них...»

Спрятавшись за семейку, я проверил, смотрит ли еще на меня седовласый. К моему облегчению и удивлению, перед большими окнами его уже не было. Но я уловил движение, и сердце едва не выпрыгнуло из груди: старик шел ко мне. Он остановился и поднял руки.

— Вам что-то от меня надо? — спросил я. — В чем дело? Кто вы, Распутин?

Семейка почуяла разборку и притихла.

Мужчина улыбнулся. Улыбался он красиво:

— Вы ведь писатель Ли Гарвелл?

Изумленный, я кивнул:

— Это я, верно.

— Я читал все ваши книги. Прошу вас, позвольте мне извиниться. Я, наверное, показался вам очень невежливым.

— Что вы, все хорошо. Спасибо, что объяснились.

Пока мы разговаривали, молодые люди выдали еще один билет, и я продвинулся вперед. Седоволосый украдкой бочком подобрался поближе. Жуткая семейка волоком передвинула багаж, глаза на мужчину так, словно ожидала от него потрясающего фокуса. Он чуть склонил голову набок и уставился на меня выразительными глазами. Губы его скри-

вились, лоб прорезали морщины. Я подумал: «Это еще не все, продолжение последует. Мог бы и догадаться». Я оглядел терминал, но Олсон, по-видимому, где-то нашел текилу.

— Я должен переговорить с вами, — мягко сказал человек. — Не могли бы мы отойти в сторонку? Это конфиденциально.

— Я никуда из очереди не уйду.

— Это вопрос вашей безопасности.

Прежде чем я успел возразить, мой почитатель опустил одну руку мне на локоть, вторую — на поясницу и сдвинул меня на полтора фута в сторону так легко, будто я был на колесах.

— Ну-ка стойте, сэр, — сказал я, пытаюсь оторваться от него.

— Да я и так стою, — с улыбкой сказал мужчина.

С той же непринужденной властью он чуть надавил мне на поясницу, удерживая рядом. Он подался ко мне и прошептал, буравя взглядом:

— А глазел я на вас, потому что у меня очень серьезное предчувствие на ваш счет. Не летите этим рейсом.

— Вы спятили, — сказал я.

И вновь почудилось, будто моя рука привязана к электрической изгороди и чистая энергия пронизывает тело. Я попытался отстраниться, но ладонь, вроде бы просто лежащая на спине, крепко удерживала меня.

— Прошу вас. Если вы подойдете к стойке и купите билет у этих двух балбесов и полетите рейсом «Изет Флайт Эйр» 202, последствия могут быть катастрофическими.

— А вы откуда знаете?

— Знаю. Если полетите в Милуоки, потеряете все. Машина у вас есть? Поезжайте на ней, и все будет хорошо.

— Все будет хорошо?

Мужчина резко убрал руки. Ощущение освобождения от сильной, но невидимой энергии было таким отчетливым, как если бы резко наступила полная тишина.

— Подумайте хорошенько, Ли.

— Как ваше имя?

Красивую улыбку на его лице сменило жесткое выражение.

— Распутин.

Он отступил на шаг. И через несколько секунд скрылся из виду.

Между мной и стойкой регистрации оставались две пары и мужчина, похожий на отставного военного.

Я взглянул на кассиров, внезапно будто осознал их тупость и непрофессионализм, и спросил себя: «Что, если все служащие этой авиалинии такие же?» Сколько успешных рейсов умудрилась сделать «Изет Флайт Эйр»? И где, кстати, Дон Олсон?

Как только беспокойство за друга вытеснило другие мысли, Олсон возник из толпы, в которой только что растворился «Распутин». Возможно, он даже видел этого странного и впечатляющего типа.

Дон подошел с журналами «Ярмарка тщеславия» и «Новая республика», благоухая бурбоном, и я спросил, заметил ли он удивительного человека в черной кожаной куртке, с седыми волосами до плеч и лицом вождя апачей, если только апачи были БАСПами¹. Дон моргнул и спросил:

— Что?

Я повторил.

— Похоже, не заметил.

— Идиот, такого просто нельзя не заметить. Это как не заметить горящего здания.

Дон снова моргнул.

— Говорю, не заметил. А что? Он что-то натворил?

— Он велел мне не лететь этим рейсом.

Мы переместились еще на восемнадцать дюймов и стали третьими в очереди.

---

¹ Белый англо-саксонский протестант, от англ. WASP — «белая кость» (истинный американец, американская аристократия американцы англо-саксонского происхождения и протестантского вероисповедания)

Олсон спросил, почему незнакомец отговаривал от полета, и выслушал ответ, как мне показалось, невозмутимо.

— И что ты решил?

Глубоко в душе он, по-моему, был доволен.

— Я ждал тебя, чтобы спросить.

— Я сделаю так, как решишь ты. Если решишь правильно.

Я с раздражением посмотрел на него.

— Стыдно сказать, но я хочу ехать на машине.

— Решение правильное. Пошли отсюда.

— Хорошо, — ответил я и понял, что вправду могу вот так просто взять и уйти.

Семейка вновь начала ссориться, и я спросил стоящих передо мной, не в Милуоки ли они летят.

Мужчина из первой пары ответил:

— Нет, в Грин-Бэй.

Женщина из второй пары ответила:

— В Терре-Хот. А что?

Похожий на отставного военного улыбнулся и сказал:

— Мне намного дальше.

Я спросил, не собирается ли он делать пересадку в Милуоки.

— В Сент-Луисе.

Я развернулся к семейке. Родители вместе весили, наверное, фунтов семьсот. Они недовольно наблюдали за детьми, а те ходили вразвалочку кругами и постоянно канючили. Пара заметила, что я смотрю на них, и удивленно примолкла. Никто с ними обычно не заговаривает вот так, решил я.

— В двух словах, — сказал я. — Вы летите в Милуоки или транзитом через Милуоки?

— Мы — что? — спросила жена.

— Нет, — ответил муж.

— Что «нет»? — спросила она. — Не говори ему о наших... Он не... Не смей... Ты вечно... Ты никогда...

Мы пошли прочь от заскандалившей пары через широкое пустое пространство и выбрались на парковку.

— Так и подмывает сказать... — начал было Олсон, и я попросил его: не надо.

* * *

Как только мы вырулили на длинный прямой хайвей, Олсон включил радио и настроился на новостную станцию WTMJ, милуокское отделение NBC, и следующие два часа мы слушали «Полдень с Джо Раддлером». В студию звонили очень немногие, потому что ведущий, мистер Раддлер, бывший спортивный обозреватель в Миллхейвене, штат Иллинойс, предпочитал говорить сам. Раддлер любил орать, реветь и напыщенно разглагольствовать. Ему нравилось ссылаться на этапы своей карьеры спортивного комментатора, например «когда мое имя было на слуху» или «когда я был в зените славы». Дон в свое время понял, что, слушая такие программы в дороге, получаешь бездонный источник знаний о жизни людей в том месте, где в этот раз собираешься заниматься своим необычным ремеслом. Мэллон, сказал Дон, поступал точно так же.

Джо Раддлер кипел негодованием по поводу телефонного счета. Со своего городского телефона он сделал всего пять звонков, общая сумма которых двадцать два цента. Однако счет прислали аж на тридцать два доллара семь центов. Как эти клоуны умудряются такое вытворять?? Возмущение Джо Раддлера выплескивалось фонтаном.

Когда до Милуоки оставалось миль сорок, Раддлер приглушенным голосом объявил: «У нас только что появились мрачные новости, друзья, и я позволю себе поделиться с вами. Я делаю фальстарт, упреждая официальное сообщение властей, но для такого старого телерадиоведущего, как я, новости есть новости, и их надо выкладывать точно и правдиво, своевременно, без отсева и прикрас, не пиаря их так и этак, пока черное не побелеет, а белое не почернеет».

— Нет, — сказал я. — Не может быть.

— Чего не может быть?

«В общем, прошу простить, если испорчу вам день, мои дорогие, прошу меня простить за приглашение госпожи Смерть на наше ток-шоу. Лучше бы нам, конечно, не пускать ее, но когда в комнату входит госпожа Смерть, люди, как правило, уделяют ей все внимание, потому что она чертовски влиятельная дама. Итак, приготовьтесь уделить все свое внимание, друзья... Около двадцати минут назад прямо с неба упал самолет, рухнув на поле фермера близ маленькой деревушки Уэльс, неподалеку от хайвей I-94. Выживших нет. По крайней мере, не наблюдается».

— Нет, нет. — Дон замотал головой. — Это же...

Я шикнул на него.

«Самолет авиакомпании «Изет Флайт Эйр», выполняя очередной рейс 202 из Мэдисона в наш славный город, рухнул, так сказать «воткнулся», как когда-то говорили летчики, погибли все находившиеся на борту пассажиры и экипаж. Всего семнадцать душ, леги и джентльмены».

Дон застонал и опустил лицо в ладони.

«Случались и более крупные авиакатастрофы, с большим числом загубленных душ, но речь не о них. Это происшествие — прекрасная возможность для размышления, философии, и, я полагаю, нам следует этим воспользоваться. Задумайтесь: семнадцать человек, превратившихся в головешки, кости переломаны, тела расплющены — почему они? А? Верно? Вы слышите меня? Эти люди умерли все вместе. Мой вопрос к вам: объединяло ли их что-то до того, как они встретили свой рок? Было ли у них хоть что-нибудь общее? Потому что сейчас оно у них есть. Если вы оглянетесь и посмотрите на эти семнадцать хрупких человеческих жизней, хорошенько посмотрите, в микроскоп, — думаете, увидите связующие нити? Клянусь: да. Дженни знала Джеки по начальной школе, Джеки была сиделкой у Джонни, Джонни задолжал много денег Джо. И таких наберется большинство. Но копнем глубже.

Подойдем к вопросу с другой стороны. Погибли четырнадцать пассажиров и три члена экипажа. Но на рейс было забронировано шестнадцать билетов, и два не были выкуплены. Два человека решили: «Спасибо, не надо, я не полечу добрым старым рейсом 202 из аэропорта округа Дэйн в Митчел Филд, благодарю, но — нет». Они собирались лететь этим рейсом, но передумали. Оба. Почему? Я хочу знать, я очень хочу это знать. Почему? А? Верно?»

С грустью и смущением я посмотрел на Олсона и увидел на его лице те же чувства.

«Вопрос вот в чем: что это означает? Имеем же мы право задуматься о значении, верно?»

— Я торможу, — сказал я. — Больше не могу. Руки трясутся, и такое чувство, что кишки тоже.

Я свернул на аварийную полосу, заглушил двигатель и устало откинулся на спинку. Джо Раддлер продолжал орать: «Потому что вот я вам что скажу: правда, которая видится мне, правда истинная, точка. Хоть убейте. Вот вам мое слово, черт возьми, можете отнести его в банк. Джо Раддлер не лжет вам, люди. Джо Раддлер порой кажется самую чуточку простоватым, однако говорит правду, и таким он был всю свою дурацкую, блин, жизнь. Вот чем он занимается — не сет людям свою дурацкую правду. О как. И что я вам сейчас скажу, друзья. Эти два человека, которые отказались лететь рейсом 202 компании «Изет Флайт Эйр», — это судьба. Да-да. Они были спасены с какой-то целью. Скорее всего, они предполагают, что им просто повезло. Да, так оно и было, точно говорю вам, а знаете почему? Им повезло потому, что...»

— Потому, что... — прошептал я.

«...что это судьба. На свете есть только одна сила, более могущественная, чем судьба. Эта сила — смысл. В их жизнях есть смысл, они окутаны смыслом».

Я больше не мог ни секунды выносить этот бред — ударил по кнопке, и радио умолкло.

— Выходит, я баловень судьбы? — Олсон дернулся, как от удара. — Боже, ты только посмотри.

Он ткнул указательным пальцем вперед и вправо. В нескольких милях от нас в небо поднимался столб плотного черного дыма. Наверное, если бы не горлопан Джо Раддлер, я и сам заметил бы его.

— Бог ты мой... — проговорил Олсон.

— Бог ты мой... — повторил я. — Господи.

— Сколько, он сказал, погибло?

— Кажется, семнадцать. Включая членов экипажа.

— Ох... Жуть. Мы кого-нибудь видели, как думаешь?

— Не у билетной стойки. Хотя кое-кто из тех, что стояли передо мной, могли быть... Может, те девушки... И парень с намечающейся лысиной...

— Ли, я больше не могу пялиться на этот дым. Понял?

— Меня мутит.

— Поехали отсюда скорее.

Я подчинился приказу, и мы помчались дальше.

Минут через пятнадцать Олсон спросил:

— Ну как, получше?

— Вроде да. Не по себе, но получше.

— Мне тоже. Не по себе, но получше.

— Камень с души.

— Точно.

— Это как обратная сторона комплекса вины спасшегося.

— Эйфория спасшегося.

— Блаженство спасшегося.

— Ха.

— Черт возьми, мы же могли сейчас лежать там бездыханные. Или раздавленные в лепешку, или сожженные — как он сказал, «головешки»?

— А ведь едва не... Так близко.

— Промахнулись на пару долбанных дюймов.

— Миллиметров.

Дон ударил по «торпед», уперся ладонями в люк и поднял его.

— Эх, классное чувство, а?

— Еще бы. Мы остались живы.

— Эти семнадцать несчастных сукиных сынов мертвы, а мы еще поживем.

— Именно. Только так, и никак иначе.

— Чувствовать себя живым чертовски приятно, а?

— Чувствовать себя живым — это круто, — сказал я с ощущением, что выражаю словами абсолютную, но малоизвестную правду. — Это... это просто здорово. И мы обязаны всем тому дяде. Если это вообще был дядя. А не какой-нибудь ангел.

— Твой, кстати, ангел.

Я вопросительно взглянул на него.

— А что нам известно о нем? Два факта: он знал тебя и не хотел, чтоб ты погиб в авиакатастрофе.

— Значит, это был мой ангел-хранитель?

— Так или иначе — да. Точно. Эй, вспомни-ка, что ты говорил о женщине, которую так и не смог убить Хейвард, потому что убили его самого? Про ее ребенка или внука? Волновой эффект?

Я кивнул.

— Тот дурачок из ток-шоу, Джо Раддлер, разорвался о судьбе. Это ведь то же самое?

— Да брось ты, — сказал я.

— А тот тип спросил тебя, собираешься ли ты лететь двести вторым рейсом?

— По-моему, да. Да, точно. Погоди. Нет, он просто подошел и сказал мне, что у него предчувствие: если я полечу двести вторым рейсом, последствия будут страшными.

— Выходит, он знал, каким рейсом ты собирался лететь.

Плечи мои опустились. В конечном счете, возможно, и мне придется стать баловнем судьбы.

— Так или иначе, все дело в тебе, Гарвелл. Согласись.

Лучше бы Олсон не озвучивал мои мысли. Восторг по поводу удивительного спасения испарился, оставив, однако, отчетливое послевкусие.

— А я прямо сейчас приступаю к чтению «Ярмарки тщеславия», — заявил Олсон.

Он перегнулся через спинку, покопался в сумке, выудил купленный в аэропорту журнал и, развалившись на сиденье, принялся листать.

— До чего ж красивые рекламы, — сказал Дон.

И после этого молчал, пока мы не достигли выезда из деловой части Милуоки, где велел съезжать с хайвея и двигаться к «Пфистеру».

— Так и знал, — сказал я. — Все почему-то думают, что в Милуоки один-единственный отель.

— Мой сюрприз не касается «всех», — ответил Олсон. — Когда подъедешь к отелю, заруливай на парковку.

* * *

209

Дон подошел к ряду телефонов позади стола консьержа, позвонил, мы заняли кресла в фойе «Пфистера» и наблюдали, как люди, в основном семьями, выходили из лифтов, сходили по ступеням в фойе и выстраивались у длинной стойки дежурного администратора. Какие-то мужчины после регистрации собирались маленькими группами, тыча друг друга кулаком в плечо и гогоча во весь голос.

— Они вроде как занимаются одним делом, — заметил Дон. — И приехали сюда поэтому. Может, из какой-нибудь ассоциации или клуба? Или просто работают в одной компании?

— Большинство из них — наверняка, — ответил я. — А мы чего ждем? Что к нам сюда спустится твой сюрприз? Почему ты не говоришь, кто это?

— Потому что тогда сюрприза не получится. Мы ждем человека, который будет выходить из отеля.

— Чтобы пойти за ним. За ней — это женщина.

— Не-а. Абсолютно, безнадежно неверно. Давай ты просто посидишь и подождешь, хорошо?

Я скрестил ноги и привалился к подлокотнику кресла, готовый прождать здесь целую вечность. Если проголодаемся — можно заказать сэндвичи и напитки у фланирующих по фойе официантов. «Пфистер» напоминал любезную пожилую гранд-даму. Лихой консьерж носил кавалерийские усы с закрученными кончиками, а невозмутимо-сдержанные и почтительные клерки за стойкой регистрации наверняка отлично справлялись бы и в отеле «Савой». Только спортивные рубашки, штаны цвета хаки и мокасины гостей удерживали фойе в этом времени и месте.

— Никак не могу понять, что творится с Гути, — сказал я.

— Ты не одинок: не могут понять и доктор Гринграсс с этой горячей малышкой Парджитой.

— «Горячей»? Мне Парджита показалась на удивление холодной и надменной.

210

— Ты, похоже, не очень разбираешься в женщинах. Парджита — извращенка. Причем настолько, что Гути ее просто с ума сводит.

— Ну и ну...

Мне вспомнилось, какое у нее было странное выражение лица, когда Говард лежал на полу. Когда Гринграсс попросил его говорить своими словами, Парджита едва сдержала улыбку. Какими бы ни были ее чувства, внешне они совсем не напоминали сексуальное возбуждение.

— Вспомни, девчонки всегда обожали Гути.

— Когда он был похож на молодого блондина из «Шейн».

— Хорошо, что ты пишешь беллетристику. Если решишь обрисовать реальный мир, никто его не узнает.

— Согласись, Дон, не получится рассказать хорошую историю, когда кто-то держит у твоего виска пистолет. С Мэллоном именно так и было.

— Ага, вот он, наш первый спор.

До меня дошло, что я более раздражен, чем думал. Люди Мэллона устанавливали свои правила всюду, где появля-

лись, заносчивые, самонадеянные попрыгунчики, зависевшие от всех и каждого, кто их кормил, одевал, снабжал наркотиками и алкоголем, и слушал их бредни, и раздвигал ноги по первому желанию Мэллона и мэллонитов...

В голове вдруг мелькнул образ старика из аэропорта, а следом — конкретная жуткая перспектива. А в следующее мгновение все испарилось.

— Успокойся, — сказал Дон. — По лицу видно, как тебя корежит. Помни, что я не делаю тебе одолжение. О, гляди-ка, похоже, нашелся ответ на наш вопрос.

Я посмотрел в направлении его взгляда: удостоенная улыбки «кавалериста», по ступеням в фойе спускалась кучка людей разных возрастов — и все как один в синих джинсах, крепко обтянувших заметные животики и пухлые бока. В центре группы двигалась круглолицая молодая женщина, голову которой венчало нечто вроде широкой марлевой повязки. Это была семья: мать и отец, дяди и тети, сыновья, дочери, кузены, жены и мужья и даже парочка пухлых детишек, бегających туда-сюда среди всеобщей неразберихи.

— Что за свалка? — спросил Олсон. — Ты только взгляни на нее. Она же вылитая пчеломатка.

Гудящий рой подкатился к столу дежурного администратора, где разбился на части — на одиночек и пары, а «пчеломатка» протянула руки и двинулась вперед неторопливым и величавым шагом. Двое тучных мужчин приблизительно ее возраста приготовились принимать объятия. Марлевая повязка на голове молодой женщины оказалась фатой, откинутой назад, на замысловатую, зафиксированную лаком прическу. Помимо фаты на невесте была серая толстовка «О-Клэр», такого же типа джинсы, как у всех остальных родственников, и — замечательный штрих — изрядно поношенные ковбойские сапоги почти до колен, с гофрой, наборными каблуками и прострочкой. Она спустилась вместе с семьей встречать прибытие жениха и шафера, его брата.

— Похоже, сегодня ночью спать не дадут, — заметил я.

Из ближайших лифтов появились четверо мужчин в строгих темных костюмах и ослепительных манишках, прошагали мимо свадебной команды к выходу на Джефферсон-стрит. Они перемещались быстрым, плавным шагом, решительно и целеустремленно двигались к своей цели, абсолютно равнодушные к происходящему вокруг, словно собаки, бегущие по следу. У вожака этой стаи была идеальная прическа исполнительного директора, седеющие виски, широкое загорелое лицо с глубокими лучиками-морщинами вокруг глаз и такой вид, будто он только что купил отель и направлялся к выходу, чтоб прикупить еще два-три, а то и больше. За ним шел худощавый, бдительно-настороженного вида человек в очках в черной оправе, он прижимал к себе локтем черную кожаную папку. Замыкала шествие пара высоких атлетов, за ушами у них виднелись завитки белых проводков, исчезающие под воротниками.

212

С раскрытым ртом Олсон проводил их взглядом. Через автоматические двери отеля стая вытекала из здания, теперь напоминая акул, рыскающих в поисках добычи.

Олсон повернулся ко мне и легонько постучал пальцем по плечу:

— Время для большого сюрприза, приятель.

Он встал. Я тоже.

— Так это мы их выхода ждали?

— Ну да.

Олсон, лавируя между предметами мебели, устремился к лифту, из которого только что вышли те четверо. Я следовал за ним по пятам.

— Человек, владеющий миром, его адвокат и охрана.

— Ты не узнал его.

— Я не читаю раздел деловых новостей.

— А там обычно пишут о других.

Олсон добрался до лифта и нажал кнопку костяшкой пальца. Дверь раскрылась.

— Ладно, сдаюсь, — сказал я, входя в лифт и наблюдая, как Олсон вновь костяшкой пальца жмет кнопку пятого этажа.

— А что это ты все костяшкой? Брезгуешь?

— Ты правда его не узнал? Не исключено, этот человек когда-нибудь станет президентом, если нам здорово не повезет.

Я щелкнул пальцами.

— Ты не хочешь оставлять отпечатки пальцев. Этому трюку тебя научил Ботик.

— Чего ради их всюду оставлять? Можно использовать локоть, а не руку. Сустав, но не палец. Или носить перчатки. В нашем мире тайна частной жизни исчезает сотней маленьких путей, но можно найти способы маскировки. Поди спроси сенатора, что он думает о тайне частной жизни. У него с этим все отлично, вот что он думает. Этому парню и таким, как он, конфиденциальность просто необходима: и чем ее больше, тем больше они могут отобрать у нас.

— А он сенатор?

— Первый срок, но он развернется. У них большие планы, грандиозные.

— У них? У него и тощего адвоката, что был с ним?

— У него и его жены.

Лифт остановился на пятом этаже. Я вышел вслед за Олсоном, и, когда мы повернули в коридор, меня осенило.

— А фамилия этого сенатора Уолш?

— Сенатор Райнхарт Уокер Уолш от Уокер Фармс, Уокер Ридж, штат Теннесси.

— В настоящее время приходящийся супругом...

— Бывшей Мередит Брайт. Той самой, оставшейся в живых после не то церемонии, не то опыта, не то прорыва Спенсера Мэллона на экспериментальном поле агрономического факультета. Той Мередит, с которой ты так и не познакомился.

— Как и с соседом Хейварда — Бреттом Милстрэпом.

— Считай, повезло. И Мэллона ты напрочь забыл.

— Хочешь сказать, он не умер?

Новость потрясла меня: это как услышать, что Минотавр все еще живет в сердце своего лабиринта. Внезапно

я ощутил омерзительный привкус и прилив горячей волны, прокатившейся от живота к глотке.

— Ну конечно не умер. Живет себе в Верхнем Вест-сайте Нью-Йорка и честно зарабатывает на жизнь как медиум. Классный, кстати, медиум. Хочешь с ним повидаться? Могу дать адрес.

Я попытался представить, как давяю кнопку звонка у двери Мэллона, и с отвращением содрогнулся.

— Значит, все это время эта сволочь живет и в ус не дуется. — Верилось с трудом. — Господи. Знаешь, там, в аэропорту, мне пришла в голову эта жуткая мысль, и я...

— Соберись-ка, Ли, — сказал Дон. — Мы сюда не загорать приехали.

В конце коридора он постучал в дверь с табличкой «Маркетт-люкс».

Дверь распахнулась. Перед нами, намереваясь отступить назад, стоял высокий, сутулый, бледный как мертвец, одетый во все черное мужчина лет тридцати пяти. У него были темные волосы, падающие на лоб, темные блестящие глаза и длинный подвижный рот.

— Да... — произнес он, изобразив небрежный поклон. — А, Дональд, это вы, да.

Он резко сунул Дону вялую руку, которую тот взял и тотчас выпустил, не пожав. Мужчина повернулся ко мне. Его глаза блеснули. Это напоминало знакомство с сотрудником похоронного бюро из старого черно-белого фильма.

— А это, должно быть, мистер Гарвелл, наш знаменитый писатель. Какая честь...

Я принял в ладонь его пальцы, холодные и словно безжизненные, и тут же отнял руку.

— Меня зовут Вардис Флек, мистер Гарвелл, я помощник миссис Уолш. Прошу вас следовать за мной в гостиную.

Мы очутились в прихожей или приемной, где большое овальное зеркало в золоченой раме смотрело на высокий стол с огромной икебаной, раскинувшейся крыльями сте-

бельков и веточек. Позади Флека в углу обнаружились две двери. Он скользнул к той, что справа, и распахнул ее.

— Прошу, — повторил он, улыбаясь одним ртом.

— Надеюсь, вы все так же готовите на всех конфорках, Вардис, — сказал Дон. — И в королевстве царит мир.

— Когда вы рядом, скучать не приходится ни секунды, Дональд.

Флек проводил нас в просторное, строго оформленное помещение с диванами и креслами вокруг столов темного дерева. Голый камин в стене справа; на левой стене — черная консоль с выключенным телевизором и секция выдвижных ящиков возле мини-бара. Вазы из граненого стекла на двух столах держали пышные, торчащие во все стороны цветочные икебаны, отражающиеся в зеркалах — точных копиях того, что в фойе.

— Поверьте моему слову, готовлю я на каждой имеющейся в моем распоряжении конфорке, — добавил Флек. — В этом суть моей должности. Хотел бы добавить, что вы в полном смысле слова неординарный знакомый моей дорогой госпожи. Вы единственный, кто способен требовать денежного пожертвования, только освободившись из тю-р-р-рьмы.

Вялым взмахом руки, похожей на сломанное птичье крыло, он указал нам на диваны перед камином.

— Она сделала пожертвование с той же радостью, с какой я его получил.

— Мистер Флек, — сказал я, устраиваясь на жесткой диванной подушке, — можно поинтересоваться, откуда вы родом? Ваш акцент необычайно мелодичен, но мне никак не удастся привязать его к какой-то местности.

— Если постараться, привязать можно, — ответил Флек.

Чуть склонившись, он отступал к роскошной двери, увенчанной карнизом и пышным антаблементом, в левой половине комнаты. Точно такая же дверь украшала стену справа от нас. За ними наверняка было множество сообща-

ющихся комнат, таких же холодных и лишенных индивидуальности, как эта.

— История непр-р-ростая, если позволите. Родом я из Эльзас-Лотарингии, но детство провел в Веспреме, Трансданубия, Баконьские горы.

— Флек, если не ошибаюсь, венгерское имя?

Улыбка Флека сделалась жутковато зубастой, а влажные глаза оставались холодными.

— Да, мое имя и в самом деле венгерское, как вы заметили.

Он склонился еще ниже и потянулся за спину, нажал на ручку двери и, когда та открылась, исчез за ней, пятясь. Мы слушали, как удаляются шаги. Вдруг они резко стихли, будто Флек взмыл в воздух.

— Ты часто с ним встречался?

216

— Не повидеашь Вардиса — не повидеашься с Мередит. По-моему, даже сенатор вынужден устраивать детские праздники или званые обеды через этого типа.

— Сенатор в курсе твоих визитов?

— Конечно нет. Иначе зачем, по-твоему, мы ждали его ухода?

— Ну, значит, она смелая женщина.

— Думаешь, она чем-то рискует? Мередит Уолш плевать хотела на риск, у нее сила воли домушника. Погоди, она идет.

За массивной дверью слева по деревянному полу процокали каблук.

— Я думал, она придет с другой стороны, а ты? — спросил я.

Олсон приложил палец к губам, уставившись на широкую дверь, будто в ожидании чего-то восхитительного или ужасного.

Когда дверь открылась, первой моей мыслью было: «Что ж, теперь я могу смело сказать, что видел по крайней мере двух невероятно красивых пожилых дам».

Вошла роскошная женщина в коротком черном платье с низким вырезом, элегантно нежно-голубом жакете, черных туфлях-лодочках на трехдюймовых каблуках. Высокая, со стройными ногами, она выглядела непристойно молодой. Пышные волосы как будто мерцали и переливались — от светло-русых к серебристо-белым и наоборот. Все это, конечно же, произвело сильное впечатление, но что заставило сердце встрепенуться, а глаза — затуманиться, — это ее лицо.

Импульсивность, и страстность, и самообладание, горячность и дразнящая холодность, достойное остроумие и глубокая уравновешенность отражались на ее лице наряду с сотней других обещаний и возможностей. Казалось, она способна понять все и объяснить терпеливо и простыми словами. Бесспорная привлекательность этой зрелой женщины наводила на мысль, что молодость всего лишь куколка, из которой должна вылупиться великолепная бабочка. Ее ошеломляющая внешность, очевидный интеллект, горячность, сексуальность, остроумие — все это смутило и потрясло меня, и, когда великолепная, сексуальная, остроумная Мередит Уолш каким-то волшебным образом возникла рядом с моим креслом, я уже безумно хотел, все равно как, забрать ее домой, в постель, и часами заниматься с ней сексом, а потом жениться на ней. Машинально я вскочил, чтобы поздороваться, и почувствовал облегчение от того, что она протянула руку, а не потянулась поцеловать в щеку: оказаться так близко от нее было бы слишком.

— Ли Гарвелл, вот это да, — заговорила она. — Я так рада, что Дон смог устроить нашу встречу. Садитесь, пожалуйста. У нас всего лишь час, может, даже меньше, но провести его следует в комфорте, не правда ли?

Она решила сесть где кресла не было, но в мгновение ока оно там появилось.

— Да, конечно, — услышал я свой голос. — Я очень хотел бы, чтобы вы чувствовали себя удобно.

Я поймал себя на том, что рассматриваю ее макушку, и до меня дошло, что давно пора тоже сесть. И почему Дональд Олсон делает такие абсурдные выводы об этой женщине?

Я сел и почувствовал, как ее взгляд обволакивает меня.

— Кстати, Дон, ты хорошо выглядишь, наверное потому, что теперь отпала нужда потреблять однообразную пищу? Ты остановился у мистера Гарвелла?

— Он весьма добр ко мне.

— Это замечательно, Дональд. Не хотите выпить чего-нибудь? Скотч, водка, мартини, джин с тоником? А может, кофе или чай? Вардис с радостью приготовит все, что пожелаете. Себе я попрошу воды.

Мы оба ответили, что тоже хотели бы воды. Мерedit Уолш повернулась и нажала кнопку на замысловатом телефоне, о существовании которого мы догадались, только когда она протянула руку.

218

Не поднимая трубки, она проговорила:

— Вардис.

Через пару секунд Вардис скользнул в дверь, через которую недавно вышел. С низко опущенной головой, со сложенными у груди пирамидкой ладонями, он выслушал приказ и произнес: «Три воды, да». И вновь отворил дверь, не оборачиваясь, и выкатился спиной вперед.

В голове немного прояснилось, и я увидел, что Мерedit не избежала пластической хирургии лица, и, возможно, неоднократной. Кожа над скулами казалась чуть-чуть перетянутой, а на лбу и в уголках глаз совсем не было морщинок. Она выглядела вдвое моложе истинного возраста, а была на три-четыре года старше меня.

— Вы учились вместе в средней школе, — сказала она и подарила нам возможность полюбоваться ее изумительными глазами. — Как я понимаю, мистер Гарвелл — Ли, если позволите, — вы из той славной компании, с которой я познакомилась в маленькой закуской на Стейт-стрит. И вы интересуетесь событиями того жуткого вечера на лугу.

— Совершенно верно, — ответил я. — Долгие годы я избегал этой темы, но наконец решил разобраться. Ко мне попала информация о Ките Хейварде, и я стал все больше и больше узнавать о Мэллоне и его эксперименте на лугу.

Я ждал, что скажет на это Мередит Уолш, но ответом была лишь легкая улыбка.

— Полагаю, мой интерес во всем этом скорее личный, чем профессиональный.

Она улыбнулась открыто.

— Так я и думала. Конечно, я пригласила вас, чтобы помочь, если смогу, удовлетворить ваш личный интерес и рассказать о нас тогдашних. Дональд всегда чрезвычайно осмотрителен и тактичен в наших контактах, и я обещала предоставить вам час, когда мужа не будет дома. Вот сейчас у него началась или вот-вот начнется беседа о ралли с местным членом его партии, после чего мы встретимся на одном мероприятии.

Мне показалось, я уловил в красивой улыбке оттенок грусти и сожаления. «Вот оно», — подумал я, готовясь к тому, что нас скоро прогонят.

— Мой муж — влиятельный и амбициозный человек, и я собираюсь помочь ему на пути к президентству. Он ничего не знает о том странном инциденте шестьдесят шестого года и о моих недолгих взаимоотношениях со Спенсером Мэллоном. Он никогда не должен узнать об этом, как, разумеется, и пресса. Мы отправились на луг, и там произошло убийство молодого человека. Страшное убийство, должна добавить. К несчастью, все случившееся отдает колдовством, оккультизмом, черной магией — просто немыслимо, чтобы люди моего положения были связаны с чем-то подобным.

— Вы хотите сказать, что бы вы ни поведали мне, это не может быть использовано в моей книге.

— Нет, это не так. Я не хочу препятствовать вам в написании этой книги. Вы широко известный автор. Если эта книга добавит вам славы, вам, возможно, даже удастся оказать публичную поддержку кандидатуре моего мужа. Все, о

чем я прошу вас: оставить в тайне мою личность и хранить эту тайну настолько долго, насколько ваша история будет оставаться кому-то интересной.

— Скорее всего, я так и поступлю. — Я немного опешил от ее невозмутимой холодности. — Например, предложу вам другое имя, вы можете быть брюнеткой, студенткой первого курса, а не второго, или кем вы тогда были.

— Третьего, — подсказала Мередит. — Но в тот же вечер со страху бросила факультет: собрала кое-что в маленькую сумку и сломя голову — домой, в Фейетвилл.

Ее ясные глаза позвали меня и потребовали сдаться. Наверное, в ее власти было делать все, что вздумается.

— Фейетвилл, что в Арканзасе.

— Вот как... — проронил я, будто знал все об арканзасском Фейетвилле. — Конечно.

220

— Я заработала достаточно в местном модельном бизнесе, чтобы переехать в Нью-Йорк, и уже через две недели стала сотрудником агентства Ford Models. В колледж больше не возвращалась, о чем жалею. И уже никогда не прочитаю массу великих книг — об очень многих я, наверное, даже не слыхала.

— Я пришлю вам списки, — сказал я. — Можем организовать свой книжный клуб.

Она улыбнулась.

— Ли, кое-что у меня вызывает недоумение. Могу я спросить вас об этом?

— Ну конечно.

— Когда сегодня утром я говорила с Дональдом...

Дверь в правой половине комнаты открылась, впусив Вардиса Флека, сгорбившегося над серебряным подносом с серебряным ведерком со льдом, тремя маленькими бутылочками «Эвиан» и тремя искрящимися стаканами.

— Вот и ты тоже припозднился, Вардис, — сказала Мередит Брайт, чуть подпустив холодка в тон. — Что-то все сегодня утром как заторможенные.

— Мне пришлось исполнить кое-какие обязанности, — сказал Флек.

— Обязанности? Ну да, конечно... Твои обязанности мы обсудим позже.

— Слушаюс-сь, — просвистел Флек.

Серебряными щипцами он бросил кубики льда в стаканы, отвинтил пластиковые шляпки и опорожнил ровно наполовину каждую бутылочку. Потом составил стаканы на красные бумажные салфетки, которые будто вытянул из рукава, и торопливо удалился.

— Прошу, извините меня, пожалуйста, за этот тон, — сказала Мередит, обращаясь только ко мне. — Вардису следовало бы помнить, что в нашем доме для гостей все в первую очередь.

— Поверьте, мы едва ли чувствуем себя обойденными вниманием, — сказал я.

— Однако если решите оторвать бедолаге голову, — вступил в разговор Олсон, — позаботьтесь пришить ее под тем же углом.

— Дональд, прошу вас. Итак, джентльмены. Сегодня утром, Дональд, мы с вами договорились, что вы с вашим другом прилетите на самолете из Мэдисона, возьмете машину в аэропорту и прибудете сюда вскоре после того, как я уверюсь, что сенатор уходит на встречу. Сенатор же ввел меня в заблуждение и отбыл почти на час позже, чем я рассчитывала. И хотя в итоге наша встреча состоялась, я тем не менее не понимаю... почему вы не прибыли к оговоренному сроку?

— А вы что, новостей не слушаете? — спросил Олсон.

— Я никогда не слушаю новостей, Дональд, — ответила она. — Я слышу более чем достаточно о текущих событиях за обеденным столом. А что такое? Что-то произошло?

Он объяснил, что их предостерегли, уговорив не лететь самолетом, который впоследствии разбился, а все находившиеся на борту погибли.

— Потрясающе, — проговорила она. — Только представьте, несчастные люди. Вы спаслись чудесным образом. Нет, правда, потрясающая история.

Мередит Уолш, однако, совсем не выглядела потрясенной, и не похоже, что сообщение о трагедии нашло отклик в ее душе. Наоборот, показалось, что она пыталась подавить веселье. Глаза блестели, щеки приобрели восхитительный нежный румянец, она поднесла руку ко рту, будто пряча улыбку. Но тут же на лице Мередит появились удивление и сожаление, заставив почувствовать, сколь жестокосердно и неверно такое истолкование ее настроения.

— Вы никогда не слушаете Джо Раддлера с местного филиала NBC?

— Слушала его, когда мы в последний раз приезжали сюда. Он, конечно, болван, но старается говорить правду.

— О катастрофе мы услышали от Раддлера. Он уже знал, что два человека забронировали билеты и отказались лететь в последний момент. Он особенно подчеркнул, что эти двое были спасены с какой-то целью.

Хотя сам не верил, что фантазии Раддлера представляют какую-то ценность, проговаривая это, я чувствовал, будто окутан золотистым светом.

— Какая глупость, — сказала Мередит.

— По его словам, у наших жизней теперь появился Смысл.

— Да не существует никакого смысла. Хочешь быть полным эгоистом — будь им, только не притворяйся, что весь мир тебе по душе.

От ее слов ощущение окутанности теплым золотистым светом улетучилось. И еще обратил внимание, что следы косметической хирургии вовсе не были едва заметными. И красота Мередит уже не казалась безупречной — мне удалось уловить горечь на ее лице. Горечь убивает красоту.

— Самое интересное в вашей истории, — продолжила она, — что вас предупредили. Кто же это сделал?

— Я того типа не видел, — ответил Дон. — Он подходил к Ли, когда я был на другом конце терминала.

Чары Мередит Уолш рассеялись, но не до конца. И вот опять изумительные, глубокие, теплые, игриво-лукавые глаза ухватили меня и проглотили целиком:

— Расскажите об этом, Ли.

Она придумала игру — только для нас двоих.

— Выглядел этот человек необычно. Одет во все черное. Длинные седые волосы, рельефное лицо. Мелькнула мысль, что это дирижер оркестра или какой-нибудь легендарный мошенник. Он подошел ко мне и заявил, что ему нравятся мои книги. Извинился за бесцеремонность. Потом сказал, у него предчувствие, что я не должен лететь этим рейсом. Мол, если я полечу, то рискую потерять все. Я спросил, как его зовут, он ответил «Распутин». Потом повернулся и ушел.

Улыбнувшись, Мередит Уолш соединила ладони с едва слышным хлопком.

— Может, это был гость из будущего, направленный спасти вас! Может, это было ваше еще не рожденное дитя.

223

— Сомневаюсь, — ответил я.

— Нет, задумайтесь: будущий ребенок, которого вы подарите новой жене. Ли Труа, очаровательная малышка, которую все звали Миногой, наверное, уже миновала детородный возраст. Вы ведь женились на Миноге, Ли?

— Да.

— Значит, если она поменяла фамилию, вы оба носите имя Ли Гарвелл?

— Да.

Мне не нравились ее вопросы.

— Она здорова — Минога?

Тут до меня дошло, что Мередит Уолш почему-то ненавидит Ли Труа.

— Да.

— Мы... если можно, я скажу «мы», подразумевая еще и Спенсера Мэллона, человека, которого мы все любили, а ведь мы правда любили его, верно, Дональд?

— Еще бы, — откликнулся Олсон.

— Мы никогда не видели вас, не встречались с вами, хотя кое-что о вас слышали. Вы и Минога были так похожи друг на друга, что вас даже звали Двойняшкой, помните?

— Меня звали Двоняшкой, — согласился я.

— Вы, наверное, были очаровательны. А вы на самом деле были так похожи?

— Говорят, да.

— А как вы полагаете, Ли, вы самовлюбленный человек?

— Понятия не имею, — ответил я.

Руки и шея Мередит были жилистыми, на ладонях уже заметно увядание. Лет через десять они будут напоминать обезьяньи лапки.

— Вы должны обладать здоровым нарциссизмом, чтобы заботиться о себе, дабы как можно дольше хорошо выглядеть. Но вы, наверное, полагаете, что человек, супруга которого внешне похожа на него, вынужден быть всегда чуточку настороже. Как долго ваша супруга слепа? Я спрашивала Дональда — он не в курсе.

Я глянул на Дона, тот пожал плечами и опустил взгляд на маслянисто блестящие туфли, которые я отдал ему в первый день нашей встречи.

— Полностью ослепла? Году в девяносто пятом. Уже давно. Зрение терять она начала постепенно, лет с тридцати, так что, как она говорит, для приобретения нужных навыков времени было достаточно. Ли в отличной форме, много путешествует самостоятельно.

— И вы не волнуетесь за нее?

— Немного, — ответил я.

— Вы даете ей много свободы. Я бы на вашем месте очень беспокоилась.

— Да я вообще беспокойный, — сказал я с улыбкой. — Это моя волшебная тайна.

— А может, просто недостаточно беспокоитесь, — сказала она.

Глаза ее были яркими, но не ясными, лоб — гладким, без морщинок, но не молодым, улыбка прекрасна, но абсо-

лютно неискренна. Под оценивающим взглядом Мередит Уолш, невозмутимым, беспощадным и ничего не упускающим, я понял, что, когда она переступила порог комнаты, я ненадолго, но полностью потерял рассудок.

— Какое странное предположение, миссис Уолш.

— Такая красивая девочка, с такой забавной привлекательностью девчонки-сорванца. — Показав когти, она вновь тешила свое любопытство. — Еще одним красивым ребенком в вашей компании был Гути. Честное слово, Гути был таким аппетитным, просто конфетка. Голубоглазая фарфоровая куколка. Как он поживает?

— Гути долго и очень серьезно болел, но последние несколько дней заметно пошел на поправку. Все это время он жил в психиатрической лечебнице, но теперь появилась надежда, что он сможет перебраться в реабилитационный центр.

— У него, ей-богу, настоящий прорыв, — сказал Дон. — С того самого дня на лугу Гути разговаривал только цитатами из «Письма Скарлет». Потом добавил еще пару книг, но своими словами заговорил, только когда доктор попытался вытурить нас.

— Надо же, — проговорила Мередит, изобразив заинтересованность. — Гути, наверное, хотел, чтобы вы побыли с ним.

— Если разобраться, это замечательный компромисс, — сказал я. — Гути понял, что помнит каждое слово каждой прочитанной книги, а это означало, что он может передать цитатами буквально все, что хочет сказать!

— Как трогательно, — сказала Мередит. — Ли, а вам никогда не хотелось присоединиться к нам?

— Честно говоря, — ответил я, — не хотелось бы, чтобы ко всем остальным добавилась еще и моя версия случившегося.

— Окажись вы там, могли бы присмотреть за своей подружкой.

— В каком смысле?

Мередит Брайт отвела глаза. Движением головы и выражением лица она неожиданно напомнила мне суровую и

жестокую старуху, которую я несколько раз видел на рынке на Турецкой улице. Обильно накрашенная, она сидела, сгорбившись за прилавком, заваленным браслетами и сережками: уличная торговка, ловец удачи.

— Мне ничего не стоит выбросить что угодно, — сказала Мередит. — Мне не жаль, если вещи ломают или отказываются от них. Это вопрос выбора, способ выразить чувства. Ювелирные украшения, дома, дорогие машины, люди, называющие себя друзьями, люди, которые могут оказаться любовниками, — я все это выбросила. Без тени сожаления. Но знаете, что я ненавижу? Я ненавижу терять. Потеря сродни оскорблению, она как рана. Женщина, такая как я, никогда ничего не должна терять.

Мередит вновь взглянула на меня, глаза ее сверкнули:

— Прежде я была совсем не такой, как сейчас. Верите или нет, когда-то я была просто девочкой. Застенчивой, робкой. Доверчивой. Минога была не такой?

226

— Не такой. Хотя она, конечно, тоже была очень молодой. И невинной.

— Я помню ее невинность. Девочки ее лет так же невинны, как желтые нарциссы, как поденки. И я была такой, хотя считала себя опытной оттого, что спала со Спенсером и несла вздор об «играх разума». Игры разума... Спенсеру следовало бы познакомиться со стратегом нашей компании, вот кто на самом деле знает, как играть в игры разума.

Она улыбнулась — не нам и без намека на теплоту.

— Забавно: все, что мы делаем сейчас, и есть игры разума, суть которых всего лишь в том, чтобы вести счет. И как только ты все для себя просчитаешь, ничего в душе не остается.

Она умолкла, словно оценивая сказанное и придя к выводу, что оно достаточно неприятное, чтобы быть правдой.

— Когда вы все просчитали? Когда вышли за первого мужа? Когда развелись с ним? Когда оказались вовлеченной в политику?

С поразительной готовностью, в порыве ярости и предвкушения, Мередит движением плеч и наклоном головы швырнула в меня заряд своей духовной и эротической мощи. Я с удивлением подумал, исчерпается ли эта способность в течение долгой избирательной кампании.

— А как, по-вашему, я вышла замуж за Лютера Трилби? Остановилась перед его лимузином и хлопала глазами? Как, по-вашему, я продержалась замужем за этим мерзким психопатом целых двенадцать лет?

— Понимаю, — сказал я.

Это было душераздирающим: с ней не должно происходить ничего ужасного.

— Неужели? — спросила она, ненасытная до последнего.

— Там. На лугу.

Я удивил ее, а сюрпризов Мередит не любила. Ее лицо вытянулось, губы сложились в самую скупую улыбку, какую мне только приходилось видеть.

— Возможно, вы не полный идиот. Дональд бы никогда не догадался, да, Дональд?

Ей необходимо было отомстить кому-нибудь, а Вардис Флек прятался где-то в укромном уголке.

— Я знаю только то, что должен знать, — ответил Дон.

Он был абсолютно спокоен: Мередит Брайт Трилби Уолш больше не могла навредить ему. Они преодолели все это десятки лет назад.

— Пора отдать то, за чем вы пришли. — Голос Мередит был ровным, холодным и решительным — стальным, но совсем не женственным. — В конце концов, в этом я должна быть лучшей.

— Прошу вас, — сказал я, гадая, в чем же она считала себя такой выдающейся.

ВЕРСИЯ МЕРЕДИТ

Нельзя сразу рассказывать о церемонии, нужно заходить с самого начала.

Тупой и надменный, Мэллон по зову своего маленького сердца поражал воображение последователей показушным фейерверком, который надеялся состряпать. Типы вроде Мэллона жадны до поклонения, они глотают всю любовь, а потом скулят, что ничего не осталось. И что бы ни говорили, они от этого тащатся.

И чем талантливее эти люди, тем больше вреда наносят.

Так что, прежде чем перейти к случившемуся на Юниверсити-авеню и в окрестностях, я расскажу про тот день.

В то воскресенье с самого утра все как-то не задалось. Что бы там ни болтал Мэллон о великом дне, он откровенно трусил. Заявления, будто у него предчувствие, что на этот раз все его труды и изыскания должны окупиться сполна каким-то невиданным образом, только усиливали беспокойство. Можно рассчитывать, что студенты колледжа придут в назначенное время, но как насчет этих балбесов-старшеклассников? Они скачут туда-сюда, как резиновые мячики, их жуткие родители не потрудились привить хотя бы понятие дисциплины своим детям. Из класса в класс им удавалось переводиться лишь по одной причине: они переходили из помещения в помещение, подчиняясь жестким школьным порядкам, кроме, разумеется, тех дней, когда прогуливали

уроки, тайком выскальзывая через двери или окна, и «зажигали» на воле.

Чтобы обеспечить участие школьников в ритуале, Мэллон велел им встретить его на южной стороне капитолия в полдень, и — чудо из чудес — настолько велико было их обожание, что они явились. Он отвел их к старому кинотеатру на площади, купил билеты на «Русские идут! Русские идут!»¹, проводил до буфета, разрешил заказать себе конфеты, попкорн и безалкогольные напитки по желанию, провел к незанятому ряду и велел рассаживаться и обжираться своими конфетами. «Твизлерс» и «Гуд энд Плэнти» на ланч — вот везуха, правда? Им велено было отсидеть два сеанса, после чего выходить. Он будет ждать их, все вместе они отправятся встречать остальных на Университи-авеню.

Мэллон честно отсидел перед сеансом оглушительно-ошеломительное выступление органиста на огромном «Вурлитцере», который выплыл из оркестровой ямы. Ребята были в восторге от того, как маленький лысый человечек размахивал руками и раскачивался, а громадный орган выл, мычал и вопил так громко, что стены и пол дрожали. А когда не перестававший молотить по клавишам лысый человечек вновь погрузился под сцену, свет погас и поднялся занавес — все это гуру описал Мередит, когда они выбрались на дорогу, — великий учитель сообщил возбужденным детишкам, что ему надо кое о чем позаботиться, но они увидятся перед кинотеатром меньше чем через четыре часа. Наслаждайтесь фильмом.

Мэллон выскочил из зала и, тряся своим хозяйством в штанах из чертовой кожи, напрямик рванул на квартиру Мередит Брайт на Джонсон-стрит, где попытался отвлечься от все возрастающих тревог сбрасыванием одежд и затаскиванием ее в постель. А она не так уж и сопротивлялась. Мэллон был тогда ее обожаемым наставником, Учителем. Из-за чрезмерного нервного напряжения он кончил слишком быстро, а Мередит была тогда еще такой дурочкой, что

¹ Кинокомедия времен холодной войны (1966)

обвинила в этом себя, поэтому раскрутила его на второй раунд, куда более успешный, после чего он заснул так крепко, что пустил струйку слюны на подушку. Ох, Маэстро.

Он спал, она гладила его красивые волосы и перечитывала «Тело любви». Совокупившись дважды, Мередит изучала главу о том, что документы создают внутреннее противоречие между фетишизмом и волшебством, а противоречие естественно приводит к мыслям о прообразе и осознании, что ничто и никогда-никогда не происходит в первый раз. Поскольку все в мире строится на бесконечно повторяющейся революции, обновления — как спенсеровские! — происходят снова и снова во все времена. Когда ее возлюбленный потянулся и причмокнул губами, она очень постаралась осуществить еще одно обновление, но Спенсер, который был сейчас такой благородный, его пенис такой шелковисто-нежный и спокойно-обвисший, грудь такая широкая и мужественная, руки — такие красивые и сильные, отбил у нее желание, заявив, что должен отправиться куда-нибудь перекусить, а потом встретить ребят после второго просмотра «Русские идут! Русские идут!». Прошу прощения, Учитель пребывал в состоянии «я должен побыть один», под воздействием заклинаний типа «моя душа принадлежит одному мне», всегда таких пленительных, когда используются против других людей.

Оставшись в одиночестве, она заметила, что в квартире бардак и грязь, а без ровного дыхания Спенсера рядом «Тело любви» казалось лишь нагромождением несвязанных предложений. Мередит отложила книгу на кресло, а потом в приливе отвращения сбросила на пол. Поцелкала пультом телевизора, но нашла одни мыльные оперы, смотреть которые было невозможно: настолько они похожи на ее жизнь, хотя кое-кто из актеров чудо как хорош. Мередит Брайт никогда не впадала в кому, не страдала амнезией и не узнавала о существовании близнеца-злодея, но ей всегда отчего-то казалось, что происходящее вокруг слишком напоминает сериал: мальчишки падали перед ней ниц как минимум три

раза в год, думали, что они неотразимо оригинальны, когда бренчат на гитарах под окном, сходили с ума прямо на глазах; сказать по правде, девчонки — тоже частенько, в том или ином смысле. А что касается родни, забудьте об этом, они даже выглядели как авторитетные фигуры из мыльных опер: исполнительные директора корпораций, комиссары полиции, старший медперсонал и красивые, но ненадежные дедушки с бабушками. В конце концов Мередит примирилась с ничтожностью своего существования и вышла побродить, чтобы убить время до назначенной встречи.

Она прошла совсем немного по Стейт-стрит, когда услышала шум и крики: где-то неподалеку проходил антивоенный митинг или акция гражданского неповиновения.

Втайне от всех Мередит не любила даже само слово «инакомыслие», оно вызывало у нее почти болезненное отвращение — из-за этого столько грязи, буйства, жестокости. Только когда злилась на Спенсера Мэллона, она могла себе признаться, насколько глубоко ей безразличен Вьетнам, тягостна тема прав негров. В Арканзасе никто из ее знакомых не безумствовал по этому поводу; почему же люди настолько безрассудны здесь, в Мэдисоне? Почему не могут просто предоставить событиям течь своим чередом?

Голоса, искаженные мегафонами, скандирование, полицейские сирены, гул толпы и топот ног по мостовым — очаг хаоса очень близко, она ощущала его, даже не видя. Мередит пошла в обход, подумав, что Мэллону наверняка понравился бы этот рев и уж точно он заявил бы, что это знак.

Она шла на запад, пытаясь определить, где заварушка. Митинг, несомненно, начался где-то за библиотекой, между Стейт-стрит и Лэнгдон-стрит, как обычно, хотя, признаться, протесты и демонстрации, пикеты, сборы подписей под петициями, диспуты-семинары и забастовки происходили на всей территории кампуса и окрестностей. Никогда не знаешь, где нарвешься на человека с мегафоном, мрачную

толпу, перекрывшую вход в учебный корпус, ряды раздраженных полицейских, сдерживающих бородатых юношей и крутящихся рядом в трико и «данскинах»¹ девушек. Или конных полицейских, глядящих, как надзиратели, на шеренгу белых висконсинских хиппи в джинсовых куртках и молодых негров в коже и черных очках — держащихся за руки и раскачивающихся в искусственном, как считала Мередит, экстазе.

232 Миновав следующий поворот, она наконец начала понимать, что происходит. Насколько хватало глаз, улица и тротуар завалены смятыми и разодранными плакатами и листовками. Расщепленные доски — остатки то ли стола, то ли заградительного барьера. Там и здесь среди разбросанных бумаг валялись предметы одежды: футболки, толстовки, кеды. Мередит прибавила шаг, понимая, что движется прямо к эпицентру беспорядков и насилия. Крики становились громче. Она подходила к перекрестку в одном квартале от места встречи, к углу Университи-авеню и Норт-Чартер-стрит. И тут небольшая группа ребят, человек шесть, со всех ног кинулись в переулок. Некоторые рыдали на бегу. У одного мальчишки голова была повязана рубашкой с расцветающим кровавым пятном. Мередит окликнула их, спросила, что случилось, но они не обратили внимания.

Полиция разгоняла проходившую вне территории учебного заведения демонстрацию, так называемую попытку «выйти в народ», о которой Мередит что-то где-то слышала. Вместо того чтобы прекратить сопротивление и разойтись, толпа демонстрантов шагала по улице, вынуждая полицию к атаке. В итоге студентам пришлось бежать по Университи-авеню, а помахивающим дубинками копам — гнаться за ними. Шум доносился именно с того места, где была назначена встреча группы Мэллона. Мередит окатило страхом и раздражением, отвращением и паникой. Вопреки инстинкту самосохранения, она все же заставила себя свер-

¹ Danskin — женская спортивная одежда.

нуть с Университи-авеню. Когда она дошла до Норт-Чартер и страшный шум обрушился на нее, Мередит собрала всю решимость и стала пробираться через толпу бегущих навстречу студентов.

Вокруг царил ошеломляющий хаос. Улица была усыпана невероятным количеством мусора: длинные полосы, оторванные от плакатов, бутылки, банки из-под пива, разодранные книги, щепки и доски. Кое-где лежали человеческие тела, их окружили студенты с развевающимися волосами и в расклешенных джинсах. Они стояли, не сходя с места, и орали на разъяренных полицейских в «космических» шлемах с защитными масками, а те орали в ответ, угрожая поднятыми дубинками. Молодые люди, упавшие от ударов полицейских или сбитые толпой, силились уползти незамеченными. Копы с открытыми лицами шныряли среди побоища, отлавливали ребят и тащили в черные фургоны с беспощадностью роботов.

233

Мередит взглядом выхватила из толпы Хейварда и Милстрэпа, они с вытаращенными глазами наблюдали за разверзшейся перед ними преисподней. Огромный коп на монументальном черном коне пронесся по улице с поднятой, как сабля, дубинкой, разбрасывая молодежь, словно ветер — конфетти. В дальнем конце он развернулся и двинулся обратно, решительно гася оставшиеся очаги сопротивления. Глядя ему вслед, Мередит увидела, что Хейвард и его сосед заметили ее и делали знаки: мол, стой там, мы проберемся к тебе.

— Выходит, в тот день была мощная акция протеста студентов, которая переросла в массовые беспорядки? — вырвалось у меня. — Как же так получилось, что я впервые слышу об этом?

— Да потому, черт, — ответил Олсон, — что протесты, демонстрации и бунты в те дни были повсюду. Они нас просто немного задержали. Подумаешь. Даже «Кэпитал Таймс» не особо распространялась об этом. Пару абзацев.

— Потому что «Кэп Таймс» хотела сгладить и приглушить все антивоенное, неужели не понял? Вы настолько закопались в своем мирке, что даже не замечали, как все вокруг разваливается на части, вам было наплевать, что мы настолько не вписываемся в схему.

— Какую такую схему? — искренне изумился Олсон.

— Нет, ты просто невыносим! — взвизгнула Мередит.

Открылась дверь, и в щель просунулась блестящая лысина Вардиса Флека. Госпожа отослала его небрежным взмахом руки. Я припомнил кое-что из скупых рассказов жены о днях, проведенных под чарами Мэллона перед обрядом в низине.

— Да, схема была, — сказал я.

Мередит Уолш повернула ко мне искаженное яростью лицо и просверлила меня вопросительным взглядом.

— Вы хотите сказать, что составили гороскоп группы и определили время и место события. Предполагалось, что вы начнете до... Не помню. Семи тридцати?

— Точно, — сказала она. — Дональд, помнишь? Ли помнит, а ведь его там не было. Знаешь, сколько трудов стоило это все, как трудно было просчитать звездную карту и составить гороскоп? Я сделала это за спасибо, ради любви, и ни один из вас, болванов, не воспринял это всерьез.

— Да ладно, не кипятись, — сказал Олсон. — Как сложилось, так сложилось.

— Нет, ты не помнишь. Нас держали минут девяносто, а то и больше. А потом все изменилось. Благоприятное время ушло. Надо было отложить, надо было перенести дату мероприятия. Надо было убираться домой в свои хибары и ждать, пока я разработаю новую схему и у нас появится новая возможность достичь успеха.

— Какие-то паршивые полтора часа... — проговорил Дон.

— Даже час имеет значение, Дон.

— Если помнишь, у Спенсера на этот счет были сомнения.

— К несчастью, — ответила она.

Когда группа наконец воссоединилась, Мэллон отказался слушать Мередит. Ну, не то чтобы отказался — просто не принял во внимание ее тревоги и пропустил мимо ушей советы. Отшил ее — вот что он сделал. А ведь когда они собрались среди грязи и обломков после разгона демонстрации, было уже полвосьмого и быстро смеркалось. Все расчеты полетели к черту, а если она правильно понимала астрологические знаки, положение стало угрожающим. Если вы пропустили «окно», если оно захлопнулось перед вашим носом, лучше переждать пару дней. Во всяком случае, именно так она объяснила ситуацию. Пока все стояли и болтали на потемневшем от воды тротуаре, усыпанном мокрыми листовками, Мередит поняла, что ее предостережения для Спенсера — пустой звук. Он неудержимо рвался вперед, и ничто не могло его остановить.

Если ищите виноватого — выбирайте его.

* * *

235

Студенты разбежались, копы и пожарные наконец разбрелись по участкам и станциям писать рапорты и оформлять арестованных. Мэллон и старшеклассники появились из-за бетонных стен многоэтажной парковки, где пережидали заварушку. Мередит заметила, что, за одним исключением, все были подавлены. Кита Хейварда — то самое исключение — будто бы развеселило бесплатное зрелище. Насилие будоражило парня, походка становилась легкой, в глазах зажигались искорки. В таком вот задорном, энергичном настроении, подметила Мередит, Хейвард совсем не выглядел противным. И мог показаться даже отчасти привлекательным в своей экстравагантности. Такое преображение немного напугало ее, но больше заинтересовало. Оно навело на мысль о губительной, неожиданной силе Хейварда, наверняка связанной с «секс-гнездышкой», о котором он пару раз намекал ей.

Он старался держаться как ни в чем не бывало. Когда она махнула рукой на Мэллона и повернулась к разоренной

улице, он встретился с ней глазами — только представьте, Кит Хейвард смотрит ей в глаза, видимо, вновь вспомнил «секс-гнездышко». А почему нет? Может, стоит подумать. Мередит не сомневалась, что ей удастся управлять Хейвардом, независимо от того, что у него на уме, и, если повернуть так, будто он ее приглашает, будто у них свидание, Спенсер Мэллон сразу заметит — вот и отлично.

Она обнадежила Кита Хейварда легкой улыбкой и проследила, как та попала точно в цель.

Мэллон выступил перед ними с краткой речью, попросив успокоиться, собраться с мыслями и подумать о стоящей перед ними задаче, отвести от себя отрицательную энергию. «Даже ты, Кит», — сказал он. При этом Хейвард надулся, Милстрэп фыркнул, а она осознала, что Милстрэпу нравилась отрицательная энергия Хейварда, вот подонок. Там, на лугу, им надо быть сильными. Способны они на это? Способны они выбросить из головы эту неуместную задержку? Врал, конечно. Сам-то он уже давно все решил. Он посмотрел на Дональда и спросил: «Ну как, готов, Кроха? Можем мы собраться с силами?» Ошарашил его, дал понять, что Дональд, а не этот пацан Ботик был лидером маленькой группы. И Дональд сказал... Помнишь, что ты сказал, Дональд?

— Я сказал, что мы уже собрались, — мрачно ответил Дон.

Вот-вот. Дональд высказался, Дональд дал ему то, чего он хотел. Спенсер от удовольствия чуть слюнки не пустил. О'кей, говорит, тогда — вперед, наш караван? Он не смотрел на Гути и Миногу, но Мередит — смотрела, и, надо сказать, оба выглядели слегка осунувшимися. Малость выпотрошенными. Особенно Гути. За всю жизнь Мередит очень редко ощущала в себе материнские порывы, она, простите, немножко из другого теста, но тут она едва не подхватила Гути, чтобы утащить прочь. Странное дело: хотя Мере-

дит знала, что Гути по уши влюблен в нее, как большинство мальчишек, весь этот жуткий день он не сводил глаз с Миноги — она что-то значила для него, это точно.

И вот они потопали через город, и, чем дальше удалялись от Университи-авеню, тем быстрее таяло волнение. Все казалось абсолютно нормальным, и не верилось, насколько диким стал мир. Некоторые жилые районы Мэдисона напоминали Новую Англию или пригороды Сан-Франциско. Солидные дома, деревья вдоль тротуаров — в таких местах чувствуешь себя хозяином жизни. Вот по этим милым «профессорским» улицам они неторопливо шагали за своим дубоголовым вождем к краху и гибели. Вскоре начались дома поскромнее и более удаленные друг от друга, а потом группа пошла мимо литейных цехов, механических мастерских, магазинов автозапчастей, заборов из сетки-рабицы, преграждавших подход к грязным окнам, в которые и так никто и никогда не захочет заглянуть... И наконец выбрались, или вышли, или с гордым видом появились на Глассхаус-роуд.

237

Инстинктивно ребята подтянулись ближе друг к другу. Спенсер перебрался в хвост процессии, как бы защищая с тыла, и проворковал что-то вроде: «Топаем, ребятки, вперед, мои хорошие, бояться нечего, разве только папа Миноги захочет выйти еще на один раунд кулачного боя...»

Что доказывало: Мэллон не был настолько искренен и оптимистичен, как пытался изобразить. Кто и когда слышал, чтобы Спенсер Мэллон нес слащавую чушь типа «ребятки, мои хорошие», — логично? Гути что-то шепнул Миноге. Неудивительно после такого идиотского прокола. Не то чтобы Мередит питала особую симпатию к Миноге, ведь та совсем недавно несколько раз по вечерам ходила на свидания со Спенсером... Кстати, интересно, Ли Гарвелл, «двойняшка» девушки, в курсе?

Вы потрясены? Потрясением это было для Мередит, уверяю вас: любовник, Учитель, наставник предал ее в известной степени, притащив сюда эту школьницу после того, как они поцапались — отгадайте: из-за чего, из-за кого? — из-

за этой же самой школьницы. Мередит мечтала, что он останется с ней или заберет ее с собой, если и правда уедет после обряда, как планировал. А предатель отправился на свидание с этой девчонкой, которая, если честно, была прелесть какой хорошенькой, этакой личинкой Одри Хепберн. Мало того, он пригласил ее в лучший ресторан в городе, «Водопад».

Вы разве не знали об этом, Гарвелл? В «Во-до-пад».

Я повернулся к Дональду и увидел на его лице ответ на вопрос, который не успел задать.

— Не знал. А ты знал.

Олсон помялся и сказал:

— Да. Спенсера тянуло к ней.

— «Спенсера тянуло к ней», — передразнила Мередит. — Разве? По-моему, его тянуло ко мне.

— Хм, — сказал я. — Водил в «Водопад»? Она не рассказывала.

Олсон скривился, будто укусил что-то твердое и услышал хруст — не исключено, собственного зуба.

— Все это было так давно, — сказал я, отрекаясь от бессонных часов предыдущей ночи. — Нет, я, разумеется, удивлен, только сейчас это не имеет абсолютно никакого значения.

— Мне вот что интересно, — подала голос Мередит. — Рассказала ли вам ваша подружка что-то в ту ночь, когда вернулась домой, или, может, на следующий день? Вы ведь наверняка спрашивали.

— В ту ночь я ее даже не видел, да и днем, насколько помню, мы почти не разговаривали. Вечером у нее дома никто по телефону не отвечал. Как выяснилось, она сбежала с луга с Ботиком — Джейсоном Боутменом — и всю ночь пролежала у него на диване. Когда я пришел к Ботику, он меня не пустил. Сказал, все паршиво, он не может сейчас говорить об этом, а Минога только что вырубилась, не хочет никого видеть, даже меня.

— Но когда вы наконец встретились и смогли поговорить наедине, что она рассказала?

— Ничего. Сказала, что ничего не может мне рассказать. Бесплезно расспрашивать, поскольку, раз она сама ничего не поняла, я тем более не пойму. Ли страшно злилась на Мэллона — единственное, что было ясно. Я думал, оттого, что он удрал и оставил их расхлебывать случившееся. А еще потому, что увел Дона, ее лучшего друга. Нашего лучшего друга.

— Как мило, — вставил Олсон. — Но, Мередит, давай дальше.

— Да, прошу вас, продолжайте, — сказал я. — Я хочу услышать, что происходило во время обряда.

— В добрый час, — сказала Мередит. — Я там едва не рехнулась, на этом лугу. Народ болтает о горах трупов, миллионах собак, стаях чудовищ, вылетающих из оранжевых облаков... Ничего такого я не видела. Сказать по правде, увиденное мне даже немного понравилось. Оно меня ни капельки не испугало. Именно там и именно тогда я начала понимать многое. Именно там. Королева сделала мне подарок, и это изменило все.

239

Так вот, приближаясь к лугу, они и впрямь мысленно сплотились еще больше, как выразился Дональд. Но чудилось, что-то должно случиться на пути по Глассхаус-роуд. В первый и последний раз в жизни Мередит ощущала себя частичкой единого целого, активным участником группы, наполнявшей смыслом ее личность. Как пчела в улье или шорт-стоп в бейсбольной команде. У команд есть капитаны, у пчел — пчеломатки, а у них — Спенсер Мэллон. Полное доверие, абсолютная вера. Часто ли вы чувствуете такое? Спенсер Мэллон собирал невинных, хорошо, но Мередит никогда бы не подумала, что сможет вот так слиться с другими.

Придурок...

Ну ладно. И вот она, наивная молодая дурочка, по уши влюбленная в своего авантюриста-философа-колдуна, топает по Глассхаус-роуд с людьми, внезапно ставшими ей невероятно близкими, с ощущением угрозы в душе — поначалу крохотным, едва заметным, но растущим с каждым шагом. Нечто наблюдало за ними. Потом сзади стали доноситься едва слышные шорохи, все ближе и ближе, а группа, дыша как один, продвигалась вперед с Мэллоном во главе. Звуки не напоминали шелест шин по асфальту, они были какие-то нечеловеческие. Никто не оглядывался, даже Хейвард, даже Милстрэп, который в кои-то веки перестал глумиться. Он посмотрел на Мередит — проверить, как она держится, а может, просто поглазеть, не задираются ли у нее шорты, — и лицо у него было белым, как творог.

240

Кто первым обернулся, она не помнит, а потом начали оглядываться все. Кроме нее. Мередит продолжала движение, она решила, что преследователи хотели именно этого, так что нет нужды расстраиваться. Она шла позади Мэллона, Дона и Миноги, и ей показалось, что они оглянулись одновременно — Минога тотчас отвернулась, а Спенсер и Дон смотрели чуточку дольше, и их лица стали такими же бледными, как у Милстрэпа. Оба заглянули ей в глаза, будто проверяя...

— Да не проверял я тебя, — сказал Дон. — Просто захотелось на тебя посмотреть.

— ...или просто хотели на меня посмотреть, неважно. Мэллон сказал: «Вперед, мое войско, нет там никого, да и выглядят они совсем по-другому».

Она вновь прервала рассказ:

— А как они на самом деле выглядели, Дон? Я ведь так и не знаю.

— Собаки-байкеры. Как собаки в байкерских косухах, — ответил он, едва не хихикнув над сочетанием реальной угрозы и нелепого образа. — Большие, свирепого вида, рычат, ходят на задних лапах. Я был слишком напуган, чтобы долго разглядывать их, но, если не ошибаюсь, вместо лап у них были ноги, обутые в мотоциклетные башмаки.

— А Мэллон шел не останавливаясь, — продолжила она. — До сих пор не верится: неужели этого было недостаточно, чтобы попросить его остановиться? Нет, он же вообразил, будто собирается изменить мир, взглянуть на то, что «по ту сторону». Они хотели, чтобы он продолжал идти, а знаете почему? Я потом догадалась. Никто из них не имел понятия о том, что должно произойти.

Мэллон собрал их и заставил сделать то, что он хотел, то есть достичь конца улицы, перелезть через бетонный забор и выйти на луг. Причем даже не задумываясь, что их гонят непонятные силы, подконтрольные кому угодно, только не ему! Мэллон думал, что он венец творения и все, что он затеял, непременно получится, особенно в тот вечер. А вечер уже наступил, пали сумерки, темнело. Мередит не смогла бы найти место, которое они выбрали, но Дональд вроде бы помнил и хорошо ориентировался, и Мэллон на него полагался. Он оглянулся только раз, и лицо его расслабилось, тогда и Мередит посмотрела назад. Одинокий пьянчужка выплелся из «Дома Ко-Рек-Шуна» и побрел, запинаясь, по опустевшей Глассхаус-роуд. «Вот он, старый мир, — сказала себе Мередит, — тот, что мы оставляем позади: такой же бесполезный и жалкий. А каким будет новый?»

Мэллон сказал: «Вот и все, ребята, вам осталось только сосредоточиться и сыграть каждому свою роль. А сейчас давайте отыщем место».

И Дональд вывел нас прямо куда надо. Ты ведь знал место? И голос твой победно звенел, когда ты объявил:

пришли, это здесь, вниз по склону, или в низине, или как там ее. Ты так гордился собой. Не подумай, я не подкалываю, просто ты сказал то, что было надо, вот и все. Они получили краткий миг тщеславия, самодовольства, и все это благодаря Мэллону. Так или иначе, Дональд был прав. Конечно, они стояли у края этой низины, и даже в сумерках был виден белый круг, который нарисовали Дональд с другом или, чтобы быть точными, намалевали, выливая краску.

И знаете что? Этот белый круг светился... нет, правда, светился. Что это было, как по-вашему — отражение лунного света? Или звездного? Что бы, черт возьми, ни было, это работало — заставляло всех чувствовать, что перед ними нечто этакое, будто предстоит посвящение, и именно здесь им сейчас и надлежит быть. «Все вниз, спускайтесь, — манил светящийся круг, — давайте начинать». До этого Мерedit не замечала, что Мэллон прихватил большой портфель. Раньше она даже не знала, что у него есть портфель.

242

— Так у него и не было раньше портфеля, — встрял Дон. — Потом он сказал, что «позаимствовал» его у того парня с рыжей бородой. «Все принадлежит всем», помнишь?

— Такое забудешь... — ответила она.

Необычное чувство единения и взаимосвязанности обострилось, и правда, было какое-то чудо в том, как все там воспринималось — минут пятнадцать, прежде чем у всех поехала крыша.

«Мы с вами на пороге неизведанного, — сказал Мэллон. — Я чувствую это. Никому не смей даже заикаться об этом, чтоб не сглазить».

Все-все вокруг, особенно луна и мириады звезд, выглядело ярко и торжественно. Фары машин на далеком шоссе как бриллианты, но бриллианты живые! Мерedit так не хотелось идти вместе со всеми, но Бретт и Кит вновь окатили

ее голодными, ошалело-влюбленными взглядами, в которых читалась надежда: вот сейчас эта лошадка рванет наутек, а они завалят ее и прижмут к земле, не успеют даже спутаться пряди медовых волос. Минога и старшекласники смотрели только на Мэллона, а Гути один раз встретился с Мередит глазами и продолжил внимательно разглядывать Миногу, будто готовился отвечать на вопросы о ней.

Они спустились и выстроились около Мэллона, а тот встал на колени, открыл портфель, вытащил и раздал свечи и спички. Они снова проделали трюк с веревками, смотав их в петли перед кругом на случай, если что-то произойдет и они не смогут просто перескочить через него.

Представляете, каково это, когда чувствуешь, будто все выходит на следующий уровень? Именно так и было после того, как упали веревки. Воздух вдруг сгустился, стал плотным, а луна и звезды сделались ярче. Расстояния между ребятами, стоящими там, схлопнулись. И отчего-то невозможно стало вздохнуть полной грудью.

243

Одну за другой зажгли и подняли свечи. Вы ведь знаете, как мы стояли, нет? Мэллон в центре, лицом к линии круга. Ботик и Дональд — по бокам, футах в шести от него, ближе, чем вчера. Слева от Ботика — Гути, Минога и Мередит, Гути в центре. Минога и Мередит не нравились и не доверяли друг другу, но остались вместе в этой группе, потому что не хотели быть рядом с Хейвардом. Он и его сосед по комнате стояли в стороне, по правую руку от Дональда. Эти двое казались более расслабленными, чем остальные.

Ботик... Он разбил сердце Мередит тем, как страстно желал заделаться любимчиком Мэллона, тем, который будет с ним, «когда начнется прилив». Он бы украл купол капитолия штата, если б думал, что Мэллон это одобрит. Хейвард же — у этого парня было что-то иное на уме. Он то и дело украдкой пялился на Мередит.

Когда Мэллон призвал к молчанию, даже Хейвард угомонился. «Поднимите свечи в правой руке, — сказал Мэл-

лон. — Сосредоточьтесь на дыхании. Освободите рассудок от мыслей. Нам понадобится много времени. Освобождая умы, созерцайте белый круг. Затем я начну произносить слова, которые придут на ум. Они будут на латыни, и я молю, чтобы это были правильные слова. От них и от того, что мы принесли сюда, на луг, зависит, что здесь произойдет».

Гути пробурчал, мол, опять они здесь, не нравятся мне они, я не хочу, чтоб они здесь были.

Мэллон сказал: «Пока никого с нами здесь нет, Гути, пожалуйста, помолчи».

А этот милый сумасшедший Гути ответил: «Что мне остается — упасть на этом месте и умереть?»¹ Если мне память не изменяет.

«Тихо», — велел Мэллон.

«Маленький Готорн», — процедил Хейвард.

«Захлопни рот, — сказал Мэллон. — Пожалуйста».

«Можете закрыть глаза», — сказал Мэллон.

Мерedit так и сделала. И была тишина — долго-долго. Странное дело, мину-другую спустя Мерedit мысленно увидела всех с поразительной ясностью: как если бы они стояли близко-близко, она ощущала их дыхание и мерзкую, ужасную вонь — отвратные выдохи Кита Хейварда. Вот Гути крепко сжимает нежные, как бутон розы, губы и изо всех сил старается смотреть на сияющий круг; вот Минога широко распахнула глаза, раскрыла рот, откинула голову и выгнула спину так, чтобы смотреть не на белый круг, а на сверкающие звезды. Мерedit подумала: «Что эта соплюха там углядела такого, чего не вижу я?» Минога постепенно выпрямилась и пристально уставилась вперед, на склон футах в девяти-десяти справа от круга, где не было ничего, кроме грязи и коричневой, высушенной солнцем травы, и даже это трудно разглядеть — темнело прямо на глазах. Свеча в руке Хейварда тряслась; полуприкрыв глаза, он довольно улыбался, будто увидел что-то приятное. Мил-

¹ Цитата из «Письма Скарлет».

стрэп откинул голову и прищурился, словно созерцал нечто странное. И Мэллон, любимый, вероломный Мэллон с высоко поднятой свечой и блестящими от слез удивительными глазами, его совершенная красота ощущается как заряженное поле вокруг него, вот он поднимает голову и готовится то ли говорить, то ли петь.

За бесконечно долгое мгновение до того, как Спенсер Мэллон заговорил-запел на латыни, мир изменился. А дальше пылкие слова молитвы парили рядом, и высказанные, и еще не произнесенные, но тем не менее присутствующие. В повисшей тишине Мередит могла отслеживать изменения стихий представшего перед ней мира, уплотнения и разрежения воздуха. Их окутала оболочка, кое-где неплотная и упругая, а кое-где крепкая и неподатливая. Когда Мэллон поднял огонь и ждал, пока из глубин души придут слова, Мередит почувствовала, как задрожала под ногами земля, и тотчас ощутила запах — свежий, терпкий, душисто-сладкий и сексуальный. Раздавленный мандарин, тростниковый сахар, нарезанный перец Хабанеро, шкворчащий на сковороде, губы Бобби Флинна — ее первого парня, — свежая кровь, бьющая из раны, пот, мясистые белые лилии, сперма, мягкий разрезанный инжир — ароматы плыли к ним из огромного бурлящего мира за воздушной оболочкой, мира, который она хотела одновременно и объять, и спастись от него бегством.

Мередит еще видела их: старшекласников, светящихся ужасом — нет, это Гути, его страх она обоняла отдельно от сексуального запаха за разбухающей капсулой, заключившей в себя всех, — Гути словно излучал страх. И маленькая Минога тоже излучала, но не страх, а сияние, что ли, — Мередит Брайт нашла это поразительным, нет, более чем поразительным и изумительным: с распахнутыми глазами, душой, открытой для каждого, кому захочется взглянуть, девчонка-сорванец в огне. Мередит решила, что больше не может смотреть на нее такую, но тут все стало меняться, темнеть. Бедный Ботик не сводил глаз с круга, будто сквозь

него вытекала его жизнь, а еще будто подозревал, что когда-нибудь ему придется украсть и это. Мэллон продолжал выкрикивать слова, которые приходили из таинственного внутреннего источника. С крепко зажмуренными глазами, с поднятой свечой, как с факелом статуи Свободы, Мэллон, казалось, парил выше птиц, выше облаков, настолько возбужденный, что даже появилась эрекция. Каждый сосуд, каждый нерв его тела трепетали от ожидания, предвкушения и предчувствия: все готово вот-вот измениться, прямо сейчас, сейчас, остался лишь миг, самый красивый, последняя капля и аромат того, что было прежде, того, что мы вот-вот потеряем...

Мерedit с закрытыми глазами видела Дональда: такой симпатичный, не сводящий глаз с Мэллона — вот так же «пасет» президента секретная служба, — со своими потаенными мечтами, сжигающими сердце, и талантами, о которых он не подозревал, поскольку был еще совсем птенчик. А в нескольких футах робко поднимали свечи мальчишки-студенты, такие неприятные — как она могла умудриться хоть на мгновение посчитать Кита Хейварда привлекательным? — они выглядели загнанными, растерянными, попавшими в ловушку. Хейвард косился на Мерedit, его тупая животная похоть настолько уродлива по сравнению со странной, изумительной, сладкой сексуальной силой, летящей к ним из отдаленной точки за пределами закручивающейся спиралью воздушной оболочки, из точки, которая наконец привлекла внимание обреченного Бретта Милстрэпа, и он из кожи вон лезет, чтобы взглянуться, рассмотреть ее, шею выгнул, голова запрокинута, и струйка пота бежит от острого черного «вдовьего пика»...

Только тогда Мерedit осознала, что видит все это с плотно закрытыми глазами.

И вот когда слова начали срываться с губ Мэллона, когда она услышала его красивый голос и поняла, что он поет, и более того, поет на латыни, она открыла глаза и увидела, что творится в низине.

* * *

Но поначалу ее поразило совсем иное. Маленькие сценки, очаровательные и волнующие, разворачивались на пологом склоне. Едва просматривались и круг, и никому не нужные веревки: видения и образы невозможно привязать, невозможно подчинить. Они не были вещественными — скорее явления, чем существа. Ей удалось как следует разглядеть только то, что происходило перед ней, Миногой и Гути. На белой земле перед огромным можжевельником стояли старик с длинной бородой и старуха, опирающаяся на палку. Это не палка, шепнул бесстрастный внутренний голос, это называется посох. Рядом с ними развалились невероятных размеров свинья и маленький чешуйчатый дракон с поникшими крыльями, который подозрительно косился из-под кожистых век на Мэллона, словно в ожидании команды. Как только старики заметили, что за ними наблюдают, их головы повернулись, явив затылки со вторыми лицами с длинными крючковатыми, как клювы, любопытными носами и мерцающими глазами.

247

— Погоди, — сказал Дон с легкой обидой в голосе. — Ты правда видела всю эту ересь? А собаки, ну, эти твари, на собак похожие?

— А ты можешь потерпеть и послушать? В любом случае собаки не так важны, чем бы там Мэллон ни соблаговолил поделиться с тобой.

— Вот они-то как раз очень важны, — возразил Олсон, пожалуй, чуть громче, чем следовало.

Она может продолжать? Чуть выше по склону, напротив Ботика, вроде бы стоял краснолицый мужчина в окровавленных лохмотьях и размахивал мечом, но Мередит видела его не очень четко. Какое-то животное маячило за его спиной. Может, даже олень, рога напоминали оленье. Видения были как бы за стеклянной витриной, за огромными звуконепроницаемыми окнами. В каждой сценке — своя

погода. Позади большого дядьки с мечом беспрестанно били молнии, но люди около Мередит, эта жуткая пара стариков, пришли из абсолютно белого мира, шквальный ветер трепал бороду старика и волосы старухи.

Перед Мэллоном она мельком увидела обнаженную женщину — удивительно, не правда ли? — но успела разглядеть, что тело у нее бледно-зеленоватого цвета. У нее тоже было животное, какое-то странное, не передать словами. Голубь метался в небе над бледно-зеленой, трупного цвета женщиной...

Знаете, вот сейчас она думает об этом, и такое чувство, будто они тогда попали в музей. Сценки напоминали диорамы, только живые, сдвигающимися фигурами. А там, где стояли Дон и мальчишки-студенты, она видела какое-то безумие, дикую вечеринку. Верхом на медведе катался король, размахивал руками и молотил всех на своем пути, а разъяренная королева орала, тыча во все стороны длинным жезлом, — Медвежий король и Буйная королева, как прозвала их Мередит. У них была большая собака какой-то охотничьей породы, а сами они будто отлиты из сверкающего серебра, вместо лиц — гладкие блестящие поверхности. А позади резвились какие-то другие непонятные фигуры, и знаете, в том мире было шумно...

248

Дональд бегал кругами, Мэллон застывшим взглядом смотрел исключительно перед собой, словно его вот-вот хватит удар, Кит Хейвард не обращал никакого внимания на суету, происходящую у них перед носом, как, впрочем, и Милстрэп. Кит смотрел только на Мередит, и его жуткое лицо — потому что оно было жутким, и все, что она о нем до сих пор думала, было абсолютно неверным — напоминало цементную маску, висящую перед пылающим огнем. Мередит сказала себе: «Лучше уж пусть стоит где стоял, потому что у него напрочь снесло башню».

Мир Медвежьего короля и Буйной королевы выплеснулся из своего пространства и покатился через другие, затопляя их. Всюду закружились серебристые люди, разгла-

гольствуя сами с собой и рассекая воздух пьяными жестами. Мередит увидела в этом какую-то зловещую привлекательность, особенно когда королева повернулась к ней и подняла над головой жезл.

С конца жезла сорвался луч и ударил Мередит в лоб с силой летящего мотылька, пронзил кость черепа и вошел в мозг, где сделался коротким, холодным прутиком. Прутик вздрогнул разок и растворился, впитавшись.

Великое блаженство было даровано и получено.

Король помахал пивной кружкой и шлепнул свое средство передвижения по голове, а Буйная королева нацелилась веретеном, как показалось Мередит, в Миногу. Потом Мередит не обращала внимания ни на кого и ни на что, будь то иллюзорный персонаж, иллюзорное животное или обыкновенный человек, поскольку все ее внимание заняли три великих принципа, начавшие укореняться в сознании: именно тогда они, образно говоря, прочищали глотки и готовились зазвучать. И зазвучали — заговорили, но не тоном южного политика или актера-любителя, как она ожидала в свете царящей суматохи, а негромким, спокойным женским голосом.

249

И вот тогда, джентльмены, Мередит Брайт начала наконец-то постигать суть происходящего. Великим блаженством было видение нового неба и новой земли. Только новые небо и земля оказались совсем не такими, как представляли люди, нет-нет-нет. Мередит хихикнула над несоответствием мира — каким он на самом деле был и каким почти все, включая и ее прежнюю, представляли себе. Последствием эпизода с веретеном была мудрость — мудрость трех великих принципов.

Да, Мередит знает, Мередит понимает: сидящим перед ней мужчинам интересно послушать об этой мудрости, которая пришла из потустороннего королевства, но придется подождать, потому что им предстоит много чего узнать о событиях того жизненно важного вечера.

Случилось столько всего... Ребятам грозило навеки застрять в хоррор-шоу — сумасшедшие актеры стремились

окружить их, однако продвинулись лишь на малую долю сантиметра, скажем, на минимально возможное расстояние, чего никто, кроме Мередит и, наверное, Миноги, даже не заметил. Тут как раз и собакоподобные наострили уши и оживились, когда этот идиот Кит Хейвард, конечно же не замечая опасности, которой вот-вот подвергнется, выпрыгнул со своего места и бросился со всех ног к Мередит. Он собирался схватить ее и утащить — Хейвард хотел похитить ее, она поняла это: ей были абсолютно ясны его намерения. Она светилась в его жутких, жутких глазах, эта цель. Или желание — называйте как угодно. Он слишком долго жаждал ее и наконец решился.

Бретт Милстрэп как будто разобрался с той странной точкой пространства, на которую так долго в недоумении пялился. Он сосредоточивался так усердно, что даже не заметил, как его дружок удрал, бросив его одного. Пока Хейвард бежал к Мередит, Милстрэп нагнулся и схватился за край шва, как бы соединяющего безумный мир с нашим. Сунув пальцы в трещину, он с силой потянул. Мускулы, о существовании которых у мальчишки Мередит и не подозревала, рельефно округлились, и он принялся за работу. Четырехфутовая секция диорамы отогнулась, как гибкий экран, и король с королевой повернулись взглянуть, что делает студент. Король вонзил каблуки в медвежий бока, а королева в ужасе заорала и замахала жезлом — они хотели, чтобы он остановился...

Больше Мередит не видела ничего: темная тень возникла перед ней, закрыв обзор. Поначалу она решила, что это собакоид, поскольку эти твари как раз начали выдвигаться вперед, чтобы, как поняла Мередит, защитить людей от счастливых туристов вечности, или как их там. Но это было нечто более крупное, к тому же от него воняло, причем воняло так мерзко, что даже возбуждало... Нет, правда, если сделать духи с таким запахом, некоторые женщины будут постоянно душиться ими, а многие — может, раз в год, когда предстоит маленькое, но очень серьезное дело. Это

зловоние, этот странный аромат кружил голову Мередит, зрение затуманилось, и полагаться на него она бы не стала: откуда ж знать, правильно ли ты видишь окружающее, когда земля колыхнется, колени будто тисками сжало, а в голове все плывет.

Правда? Я о том, что уверенности не было никакой.

Тем не менее, пока Мередит пыталась справиться с воздействием странного аромата, который очень напоминал так понравившийся ей сырой, горячий, сексуальный запах раздавленного мандарина за нижней губой Бобби Флинна, ей показалось, что заслонившее обзор существо медленно-медленно повернулось к ней и подарило блаженную улыбку, только чуть подпорченную тем, что улыбающиеся губы были красными от крови Кита Хейварда, и тем, что бесчувственное тело Кита Хейварда, без головы и правой руки, свисало из лап огромного существа. Правда, ту тварь она описать не в состоянии. Что-то вроде оборотня, постоянно меняющего облик: от низкорослого Кинг-Конга до громадного обнаженного старика с развевающимися седыми волосами, с набитым плотью и раздробленными костями брюхом, превращающегося в мультяшную фиолетовую химеру, выплевывающую красные и белые ошметки Кита Хейварда, одновременно улыбаясь Мередит. Впрочем, все они улыбались Мередит Брайт: и огромный примат, и обнаженный гигант, и мультяшная тварь — улыбались, и недожеванные объедки Кита Хейварда вываливались и вытекали из трех ртов, которые на самом деле были одним.

* * *

Я ощутил странное чувство: Мередит рассказывала правду о тех улыбках, но, возможно, неосознанно лгала о чем-то таком, что я воспринял как нечто непристойное. Мередит Уолш, напомнил я себе, обитала в своей невообразимой моральной сфере. Я задал ей вопрос.

* * *

Нет, улыбки не удивили Мередит, с чего бы? Несколько десятков лет все, с кем ее сводила судьба, включая даже людей, которые смотрели на нее с противоположной стороны улицы, прибавьте сюда водителей фургончиков развозки пиццы на улицах Мэдисона, Фейетвилла, Коннектикута и так далее, — все эти люди, эти тупые мужики, улыбались ей до боли в мышцах лица. Вот как это было. Если бы у Медвежьего короля и Буйной королевы имелись лица, они бы тоже ей улыбнулись. Скорее всего, хоть их лиц и не было видно, они наверняка ей улыбались.

Мередит улыбнулась в ответ, конечно же, из вежливости, и тварь исчезла. Ей удалось поймать взгляд Бретта Милстрэпа, принявшего непоправимое решение, если она верно поняла. Может, это был заскок, может, даже случайность. Милстрэп умудрился отогнуть длинный сегмент суматошного мира Медвежьего короля, обнажив бездонную черноту, разрезанную ослепительно-белым, будто лазерным, лучом. Вот и все, что она смогла там увидеть. Милстрэп наклонился в провал, и его тут же всосало. До того как провал затянулся, Мередит видела его далеко-далеко в бурлящем мире блестящих людей и сияющих предметов. Он махал руками. Он знал, что Мередит видела его, и звал на помощь! Бретт Милстрэп опустил руки, наклонился вперед и бросился бежать изо всех сил, словно надеялся обогнать судьбу. Однако не успел он сделать трех больших шагов, как пропал из виду.

Мередит искала глазами спутников, гадая, видели ли они это, и, к изумлению, обнаружила, что каждый видит свое. Сейчас она не вполне уверена, как ей удалось понять это. Сопереживание никогда не было ее сильной стороной. Однако, глядя на Ботика, она откуда-то знала, что он видел себя поднимающимся на ноги на усеянном трупами поле, близ высоченной башни, стены которой сложены из мертвых детей. Дональд и Мэллон видели потоки ниспадающего оранжево-розового света и ходящих на задних лапах собак

в человеческих одеждах, только Мэллон видел еще и других собак, пострашнее этих. Они хотели убить его за смелость и некомпетентность, и ему пришлось в спешке бежать оттуда. Спешить надо было еще и потому, что Мэллон тоже видел, как Кита Хейварда разорвало в клочья какое-то огромное и свирепое существо, определить которое он не смог, хотя сам вызвал его сюда, в низину.

Когда Мередит перевела взгляд на Гути, огромное пламенеющее солнце, битком набитое словами и предложениями, привело ее в ужас. Она подумала, это могло быть лицо Бога, на котором горят роящиеся, сворачивающиеся в клубки предложения и абзацы, требующие к себе внимания и все как один священные... Гути слишком много значил для нее. Она понимала: если еще хоть ненадолго задержит взгляд на широком, заполненном словами лице Бога, она треснет и разлетится на куски, как разбитый сосуд, поэтому бросилась бежать. Мэллон и Дональд еще пробивались через потоки неоновового света, так что она, наверное, вырвалась первой. Во всяком случае, первой, кто остался в живых и на этой земле.

И сейчас, думается Мередит, Дональд, конечно же, хочет, чтобы она хоть что-то разъяснила ему о собаках. Он ведь что-то слышал? Давным-давно кто-то из его дружков упомянул собаку или маленькая Минога сказала что-то про собаку, а он тогда не понял, верно? И он, неглупый парень, кое-что смекнул. Итак, слушайте. Существа, которых эти люди называли собаками, а Ли Гарвелл написал об этом в своей интересной книге, — нет, разумеется, она не читала ее, но слышала о романе достаточно, чтобы оценить труд... Так вот, они не были собаками, или агентами, или чем-то подобным. Они не давали нам увидеть то, чего нам не положено видеть. Все люди команды Мэллона помечены, и собаки не спускали с них глаз, заботясь не об их безопасности, поскольку безопасность людей им до лампочки — Мередит думала, они воспринимали людей как мусор, — но чтобы убедиться, что никто из них не зайдет вновь слишком далеко

за черту. Мередит видела наступление собакоподобных на вечное царство хаоса и знала, как они на самом деле выглядят, но она не могла, ну никак не могла описать их. Наши слова не годятся для этого, простите.

* * *

— Ах да, три великих принципа, — спохватилась Мередит Уолш, наслаждаясь моментом, даже несмотря на неприязнь к тем, с кем его приходится делить. — Вы хотите знать, что они собой представляют? Вам интересно узнать, что такого послала мне чокнутая королева, полностью изменив мою жизнь?

— Да, будьте добры, расскажите, пожалуйста, — попросил я.

— Вы умираете от любопытства. И точно умрете, уж поверьте. Три принципа — вот они. Первый. Если что-то можно взять за так — бери. Второй. Другие люди существуют для того, чтобы их использовать. Третий. Ничто на земле не значит ничего или может означать что угодно, кроме того, что оно есть на самом деле.

Мередит прошлась взглядом по нашим лицам, чтобы убедиться, что мы постигли ее мудрость. Увиденное удовлетворило ее. Она поднялась и холодно улыбнулась:

— Время нашей встречи истекло. Вардис проводит вас. Всего хорошего.

Повинуясь непостижимому вызову, Вардис Флек скользнул в комнату, потирая руки и кивая некоему предложению, которое слышал лишь он один. Подобострастным жестом он указал на дверь, и мы направились к ней.

— Дональд, — догнал нас голос Мередит. — Должно пройти немало времени, прежде чем ты вновь попросишь у меня денег.

ТЕМНАЯ МАТЕРИЯ

— Какая же она пустышка, — сказал я Дону, когда мы повернули к I-94 на обратном пути в Мэдисон. — Самое пустое человеческое создание в моей жизни. Ничего за душой, кроме жажды манипулировать людьми.

— А я что тебе говорил?

— Когда она только вошла в комнату, клянусь, я влюбился в нее. Минут через двадцать я думал, что она привлекательная ведьма с обширной пластической хирургией. Не сказать, что мне стало неинтересно, потому что интересно было, но под конец нашей встречи я думал: скорее бы унести от нее ноги. А еще не оставляло чувство, будто она что-то недоговаривает.

— Ну да. Она всегда так. И что, по-твоему, она скрыла?

— Она не рассказала нам, что увидела, когда посмотрела на Ли.

— Сказать по правде, не думаю, что она вообще смотрела на Ли. Не уверен, что она была в состоянии. Слишком много ненависти.

Я озадаченно взглянул на него:

— Тебе не кажется, что это немного выходит за рамки?

Олсон не ответил.

— Ладно, на самом деле я хотел сказать, что она недоговаривает об этих чокнутых короле и королеве, скрывая, что не знает, кто они такие.

— Она много чего не знает, — сказал Олсон. — Все эти личности и диорамы не что иное, как духи, которые, по утвер-

ждению Генриха Корнелиуса Агриппы, можно вызвать заклинаниями в ходе определенных обрядов. Медвежий король и Буйная королева с веретеном — демоны Меркурия, которые, по Агриппе, сеют ужас и страх в тех, кто их вызывает. Мередит говорит, они улыбались ей, но, по ее же словам, Джек Потрошитель ей бы тоже поулыбался. Обнаженная зеленая девушка, верблюд и голубь перед Спенсером были воплощениями демонов Венеры, которые, по идее, должны соблазнять и провоцировать. Рыжий тип и прочая чертовщина перед Ботиком — воплощения духов Марса, предвестники беды.

— Может, вопрос покажется глупым, но зачем кому-то надо вызывать этих существ?

— Во-первых, для того, чтобы показать свое могущество, познания, власть. Во-вторых, чтобы заставить их что-то сделать для тебя. Все существа, которых видела Мередит, — злые духи, и, когда вызываешь их, у тебя должны быть наготове пентаграммы и оккультные знаки с их изображениями. Пентаграммы и сиклы — письменные знаки или священные рисунки, вписанные в двойной круг и окруженные библейскими стихами и именами ангелов. Магические амулеты специально подбираются для того результата, какой ты хочешь достичь.

— Но Мэллон ничего подобного не делал. У него были только веревки.

— Да, но еще и заклинания, вот только он ничего не знал о том, что я только что рассказал тебе. Это все из книги Корнелиуса Агриппы «Церемониальная магия», которая увидела свет не ранее тысяча пятьсот шестьдесят пятого года, через тридцать лет после смерти автора. Мэллон и те немногие, кто всерьез изучал его деятельность, сталкивались только с трактатом «Оккультная философия», потому что считалось, будто «Церемониальная магия» — это фальсификация. Ну, не Алистер Кроули, хотя ни один ученый не воспринимал всерьез Кроули¹.

---

¹Алистер Кроули (урожденный Эдвард Александр Кроули. 1875—1947) — один из наиболее известных оккультистов XIX—XX вв., основатель учения телемы, автор множества оккультных произведений.

Мы выбрались за пределы Милуоки, и солнце щедро заливало неоглядные поля по обеим сторонам шоссе.

— Раньше я никогда не слышал о Корнелиусе Агриппе. В шестнадцатом веке он был известной личностью? Знаменитым философом?

— Вполне возможно. Для таких, как мы со Спенсером, Агриппа был величайшим магом Возрождения. Он прожил удивительно полную жизнь. Был солдатом, ученым, дипломатом, шпионом, доктором с нулевым медицинским образованием, лектором, к тому же был много раз женат. Ради сохранения клиентуры и распространения своих идей Агриппе приходилось колесить по Германии, Франции и Испании. Зачастую ему не платили. Наверное, главным в его жизни был день, когда он стал профессором теологии в возрасте двадцати трех лет. Разумеется, где бы он ни появлялся, духовенство обвиняло его в ереси, потому что он, видите ли, интересовался магией, Раймондом Луллием¹, каббалой, астрологией. Огромных усилий Агриппе стоило находить возможности публиковать свои книги. Его как-то швырнули в брюссельскую тюрьму за долги, а доминиканские монахи в Лёвене обвинили его в безбожии. В те времена за такое казнили. Другие монахи заявляли, что он изготавливает золото, следовательно, состоит в сговоре с дьяволом. Агриппа говорил, что видел и знает, как это делается, но ему самому не по силам. Когда ему исполнилось сорок девять, император Германии объявил его еретиком, он бежал во Францию, а там заболел и умер. Он написал почти миллион текстов и прожил пять или шесть жизней.

— Так он наверняка был кумиром Мэллона.

— Точно. Моим, кстати, тоже. Его «Оккультная философия» в четырех томах — наиважнейшая книга оккультной мудрости в мире Запада. И то ли благодаря этому, то ли вопреки, Агриппа умер в нищете и одиночестве, в окружении врагов. Похоже, магия под конец побеждает тебя.

---

¹ Раймонд Луллий (ок. 1235 — ок. 1316) — испанский философ-мистик, писатель, поэт, миссионер.

Я уклончиво хмыкнул. Дональда Олсона это как будто не задело. Я выставил локоть из окна, разогнал машину до семидесяти и умудрился сохранять скорость всю дорогу до Мэдисона. Возвращение наше оказалось спокойным. За деревней Уэльс черный дым уже не стелился по полю, не было его и в небе.

— Черт, — ругнулся Дон. — Миллион долларов отдал бы, чтобы узнать, что цитировал на лугу Мэллон. И знаешь, что самое странное? Он сам понятия не имел, что это было. Он рассказывал, что текст сам собой сложился в голове, и потом, как ни силился, ни черта не вспомнил из того, что говорил.

— И слава богу, — вздохнул я.

* * *

На скорости семьдесят миль в час мы въехали в Мэдисон и, обогнув площадь, спустились на парковку под моим домом. Мы освежились и встретились в гостиной, я достал айфон и долго беседовал с женой. Минога — а я мысленно вновь стал называть ее так — вывалила на меня ворох новостей о своих друзьях и коллегах в АФС, городских впечатлений — игра Тины Хоу, Девятая симфония Малера в исполнении Национального симфонического оркестра в центре Кеннеди, обед со старыми друзьями; и планов на ближайшие несколько дней. Люди из Рихобот Бич и Мисси Лэндрю просили ее председательствовать на собрании в следующую среду, и она подумывает принять это предложение. Она уже так долго в отъезде, что еще пара дней ничего не значат. Ли возьмет билет на субботу. Кстати, Мисси удивительная, с ней обхочешься, и, как она всегда считала, в Мэриленде лучшие в мире крабовые котлетки. Ты ведь не будешь против? Она полагала, что Дон Олсон все еще у меня на иждивении.

— Да, он по-прежнему живет у меня, но не совсем на иждивении. Когда он только появился, я дал ему немного займа, но он почти сразу же вернул долг. Дон здорово помогает мне в новом проекте.

У Ли Труа были сомнения по поводу моего нового проекта.

— Сегодня утром мы встречались с Мередит в девичестве Брайт. Она крайне неприятная, но рассказала преинтереснейшую историю о случившемся в тот день.

Ли Труа предположила, что Мередит Как-ее-там-сейчас нынче смахивает на бета-версии программ обработки текста для слепых — тех, что перевирали каждое третье слово и превращали скучные отчеты в сюрреализм.

— Ладно, когда вернешься, расскажу, что она выдала. Например, я не знал, что ты наткнулась на антивоенный бунт, когда шла к лугу.

— Ой, подумаешь. Мы спрятались за стеной парковки, и нас никто даже не заметил. Одна только Мередит возмущалась, что мы опаздываем, не вписываемся в ее схему, остальные не считали это важным. Так, а теперь объясни мне про Гути.

Все, что касается Гути, или нынешнего Говарда, удивительно, сказал я. Нервный срыв на прогулке в саду в тот день, когда мы с Доном посетили его впервые за несколько десятилетий, привел к колоссальному прогрессу. Четыре дня Говард Блай, наш добрый старый Гути, делал один за другим гигантские шаги. А началось все, когда он, лежа на больничном полу, проговорил что-то очень простое. Сказал: «Не делайте этого. Возьмите свои слова обратно». Это первые его собственные слова, не цитата, за тридцать семь лет в Ламонте. Эта девушка, которая работает там, подошла — мы тогда не знали, что она много с ним общалась, — и опустилась подле него на колени, а он что-то прошептал. Ни за что не догадаешься, что он ей сказал.

Минога согласилась, что не догадается. А поскольку не догадается, почему бы не сказать ей?

— Гути прошептал: «Она наш жаворонок, и я это знаю». Парджита спросила у меня, есть ли смысл в этих словах. И я ответил: «Еще какой».

— Да, — проговорила жена с заметной неохотой. — Очень большой смысл, и знает это только он. Отлично знает.

Я помедлил, прежде чем задать вопрос, который она когда-то отметала с болезненным ожесточением.

— Сегодня собираюсь поговорить с Говардом о том, что произошло в низине. Он в курсе и готов к этому. Может, в один прекрасный день и ты расскажешь, что думаешь о случившемся?

Минога тоже нерешительно помедлила, пауза получилась дольше моей.

— Спустя столько лет... попробую. Кроха там будет?

— Не исключено. Пока не знаю. Думаешь, я пойму, почему ты так долго молчала?

Задавая вопрос, я подразумевал одно; своим ответом: «Конечно, поймешь», — она подразумевала другое.

— То, что ты собираешься рассказать, вряд ли будет таким уопомрачительным по сравнению с признаниями Мередит Уолш.

Она хихикнула:

— Это настолько за пределами уопомрачительного, что как минимум на уровне открытия Америки. Помни... Я ведь жаворонок.

— Я это знаю, только не знаю откуда.

— Иногда мне приходит в голову мысль, что у тебя очень странный брак.

— Браки все странные. Надо просто дать им достаточно времени.

— Или, может, просто у тебя очень странная жена.

У меня внутри слова поднялись с того места, где они соединялись прямо с чувствами, и я сказал:

— Все дело в том, что я женился бы на своей жене снова и снова.

— О, Ли. Ты сказал невероятно приятные слова.

— Тебе очень надо возвращаться в Рихобот Бич?

Минога вздохнула, и я уже знал, что она собирается сказать.

— Нет, конечно нет, но хотелось бы. Это недалеко от Вашингтона, и я ненадолго.

— И планируешь пробыть там со следующей среды до субботы.

— Да, если ты не против. Остановлюсь, наверное, где всегда.

Я уловил ее желание сменить тему:

— Знаешь, я бы тоже хотела повидаться с Гути. Помню его таким красивым мальчиком...

— За последние сорок лет он немного изменился.

— Для меня так и останется красивым. Если ему и правда удастся выбраться из этой лечебницы, он мог бы приехать в Чикаго? Со временем?

— Ты это всерьез?

— Я ему кое-чем обязана. Когда-то могла его навестить, но меня не пустили. Потом мы уехали в Нью-Йорк, жизнь закрутилась, и я оставила его в прошлом. И все эти годы он жил там, в этом ужасном месте. Каково ему будет во внешнем мире? Насколько он травмирован, сможет ли когда-нибудь жить в городе?

— Конечно же, он далеко продвинулся, и в очень короткий срок. Знаешь, Гути, по-моему, отчасти сохранил очарование. И эта молодая женщина, которая работает в Ламонте, Парджита Парминдера, любит его. Они друзья. Даже когда он может говорить только цитатами из «Письма Скарлет» и любовного романа, который он нашел в больнице, они подолгу беседуют обо всем на свете.

— И Парджита, конечно, хороша собой.

— Не то слово. Поначалу я решил, что она любовница ведущего психиатра, однако выяснилось, что она работала у него няней.

— А как Гути выглядит сейчас?

Я попытался подобрать слова и неожиданно нашел то, что нужно:

— Знаешь, напоминает персонажа из «Ветра в ивах». Наверное, Крота.

— Как мило.

— Он и правда милый. Поразительно. Проторчал там всю жизнь, но не накопил ни капли обиды. Он считает, что это место для него самое подходящее. Говорит, ждал, когда поправится достаточно для того, чтобы мы могли приехать и помочь ему выздороветь.

— Ты веришь в это?

— Сам не знаю, во что я теперь верю.

— Ты ведь будешь поддерживать связь с Гути?

— Минога, я не собираюсь бросать его в беде.

— Ты назвал меня Миногой.

— Прости. Дон искренне пытался называть тебя по имени, но все время впадал в грех. А потом и я стал этим страдать.

— Мне вообще-то все равно. Минога была хорошей девочкой, если я правильно помню. Но Миногой называй меня только в присутствии Гути и Дона.

— Договорились.

Ли Труа выждала немного и сказала:

262

— Дон, похоже, тебе нравится больше, чем поначалу.

— Мы много времени провели вместе. Знаешь, как это бывает: пообщаешься с человеком пару дней и ждешь не дождешься, когда он уедет. С ним по-другому. Мне нравится, когда Дон рядом, и, честно говоря, он мне очень помогает.

— То есть твоему новому проекту.

— Ну да. Он, помню, был приличным парнем и, думаю, таким и остался.

— Ты жалеешь, что тогда не пошел с нами? Ты хотел бы познакомиться со Спенсером Мэллоном?

«У меня такое ощущение, что я познакомился с ним сегодня утром», — подумал я и ответил:

— Нет.

— Ты сейчас говоришь неправду.

— Будь я там с вашей бандой, я не смог бы думать обо всем в нужном аспекте. Мне нравится моя собственная скромная точка зрения. Это как стоять на тротуаре, смотреть сквозь чье-то венецианское окно и пытаться найти смысл в том, что разглядел.

Она задумалась над моими словами, и я представил, как Минога стоит с телефоном в руке в темном номере отеля, невидяще глядя перед собой, ее силуэт наполовину скрыт в тени. Она наконец заговорила, и я с удивлением почувствовал тепло в голосе:

— Когда-нибудь я тоже попытаюсь помочь, но мне нужно время, чтобы подготовиться к этому.

Мы попрощались, и тут до меня дошло, что я ничего не сказал о чудесном спасении от смерти в авиакатастрофе. Вот и хорошо, подумал я. Об этом она знать не должна.

* * *

Когда мы заехали на парковку Ламонта, кто-то вышел нам навстречу из-под большого орехового дерева. Я забеспокоился, но в солнечном свете смутная тень превратилась в Парджиту Парминдеру.

— Привет, — сказал я.

Я понял, что Парджите сейчас не до светских условностей. Пока она решительно шагала к машине, стало ясно, что в эти минуты ее больше всего занимал разговор с друзьями Говарда Блая.

— Да, привет, — ответила она и остановилась прямо передо мной. — Извините. Просто должна сказать... Я ждала на улице: почему-то была уверена, что вы вернетесь примерно к этому времени.

— И давно вы здесь стоите? — спросил я.

— Это неважно. Минут двадцать...

— Вы стояли под тем деревом двадцать минут?

— Пожалуй, даже полчаса. Прошу вас. Я была уверена, рано или поздно вы вернетесь, и хотела объяснить кое-что, прежде чем мы войдем. Я не хочу, чтобы вы думали, что я ужасный человек.

— Нам бы такое и в голову не пришло, Парджита.

— Хорошо, но вы видели мое лицо, выражение моего лица, которое даже я не знаю, что означало. Но вы видели его.

— Я не понимаю, о чем вы, милая.

— Я видела, вы обратили внимание. Когда Говард сидел на полу, а доктор Гринграсс говорил с ним.

А ведь я знал, что так всполошило ее. На лице Парджиты я тогда заметил что-то тревожное и противоречивое, и она была права, решив, что это обеспокоило меня.

— А, да... — проговорил я. — Верно.

— И вы знаете, о чем я.

— Ага, он-то, может, и знает, а... — начал было Дон, но тут же умолк, когда я раздраженно зыркнул на него.

— Ничего серьезного, — сказал я.

— А для меня серьезно. Я чуть с ума не сошла, ломая голову, о чем вы могли подумать. Я не плохой человек. Говард замечательный, и я обожаю его, но не хочу заставлять его оставаться здесь навсегда.

— И вы сразу же поняли, что он собирается уехать.

— Так он говорил не цитатами. И дважды повторил «прощай».

— Вы правы.

Парджита решила, что прощальные слова Гути адресовались ей. Она всплеснула руками, лицо скривилось:

— Ну почему я единственный человек, который всегда слышит его? Говард вам все расскажет, надо только постараться понять его речь.

— Вы не хотите терять друга? Теперь, когда стало легче понимать Говарда, он сможет переехать в реабилитационный центр.

— Да, — сказала она. — Вы понимаете.

— И, что еще хуже, вы действительно им гордитесь.

— Еще б не гордиться. Это фантастика, как он заставил себя вновь заговорить. И все благодаря вам. Стоило вам появиться, и он расцвел!

— Главную работу проделали вы, а мы появляемся и снимаем сливки.

— Да, только я не чувствовала, будто работаю. — Она смахнула слезы.

— Говард многим обязан вашей дружбе. И знает это.

— Говард хочет повидаться с Миногой. Это ваша жена? У нее была кличка Минога, а у него — Гути.

— Вы и впрямь о многом с ним говорите.

— Да, пока могу, — вздохнула она. — Но, правда, я бы очень хотела, чтобы он увиделся с вашей супругой, пожалуйста.

— Тогда мы должны быть уверены, что в день встречи вы тоже будете здесь.

— Ли, по-моему, нам пора, — сказал Дон.

* * *

Доктор Гринграсс позвал нас в кабинет и предложил сесть. Прогресс всеми любимого пациента развивался поразительными темпами, хотя сегодня, в отсутствие друзей, появились некоторые признаки рецидива. Легкое уныние, потеря аппетита и пара эпизодов «знаков кавычек» — жестов руками, обозначающих, что он выбирает фразы из текста.

265

— Похоже, все, что Говард говорит сейчас, исходит из еще более широкого контекста многочисленных источников. Едва ли не бесконечного количества. Представить не могу, каким образом человеческая память может удерживать так много, да и вообще, в пределах ли это человеческих сил. Такое впечатление, что Говарду нет нужды рыться в этих своих ментальных документах в поисках какого-либо выражения — они у него наготове всегда, на любую тему.

— Вы полагаете, он жульничает? — спросил я с улыбкой.

— Я полагаю, он по-прежнему может нуждаться в поддержке «исходного» текста, даже если текст представляет собой бесконечную мозаику, которая... более умозрительная, чем реальная.

— А может, мы просто не понимаем, как работает его память.

— Согласен с вами, — сказал Гринграсс. — По моему мнению, было бы предпочтительней, если бы Говард просто делал вид, что цитирует из неисчислимого множества доступных текстов. На практике, конечно же, различие небольшое или его нет вообще. Я лишь хочу, чтобы вы знали: очень похоже, что Говард делает куда большие успехи, когда знает, что вы где-то поблизости.

— Он расстроился, когда мы уехали из города?

— Скажем так, это задело его. Мы не против идеи перевода Говарда на лечение в реабилитационный центр, но в первую очередь мы должны удержаться от поспешности и от малейшей, даже призрачной возможности навредить Говарду.

— Мы разделяем вашу заботу, — сказал я, а Дон кивнул. — И я рад, что вы не против идеи о реабилитационном центре.

— Да, вот только они заметно отличаются от «домов на полпути»¹, вы в курсе? Не могу утверждать, что Говард приобретет для себя что-то новое, если продлит пребывание здесь, в Ламонте. Я ведь не первый год думаю, что он, скорее всего, получит существенные преимущества, просто-напросто попав в иную, новую среду, но Говард никогда не подавал мне даже намека на надежду. Он просто закрылся от меня. До сегодняшнего дня.

— Очень интересно, — сказал я.

Гринграсс вскинул голову и сунул шариковую ручку в рот, что-то обдумывая:

— Помните, вы обещали, что поделитесь любой информацией о причинах патологии Говарда?

— Будь у меня что-то, что вы сочли бы проливающим свет, вы б уже знали об этом.

— Но вы ведь наверняка обсуждали инцидент с участием мистера Мэллона.

— Мы решили попробовать сегодня.

---

¹ «Дом на полпути» (halfway house) — учреждение для реабилитации отбывших наказание заключенных, вылечившихся наркоманов, алкоголиков, психически больных

— Что ж, тогда не смею вас задерживать. — Гринграсс улыбнулся и начал вставать.

— Сначала позвольте сделать вам предложение, — сказал я. — А вы скажете, существует ли хоть какая-то возможность.

— Прошу вас. — Гринграсс вновь уселся.

— Наше присутствие как будто влияет на Говарда положительно?

— На его успехи, да.

— По каким критериям вы будете подбирать Говарду лечебный центр? Существуют ли какие-то конкретные ограничения?

— Вот так вопрос. Да, прежде всего, разумеется, наличие свободных мест. Пригодность. Общее состояние отделения лечебного заведения.

— А расположение — проблема?

Доктор Гринграсс качнулся на стуле и внимательно посмотрел на меня.

— Так что за предложение, мистер Гарвелл?

— Я подумал, не будет ли лучше Говарду переехать в Чикаго? Я несведущ в подобных делах, но моя жена знакома по работе с людьми, которые могли бы помочь с размещением Говарда.

— В Чикаго.

— Первое, что Говард сказал Парджите, — он хочет видеть мою жену.

— Миногой он называет вашу жену?

— Это ее кличка еще со школьных лет. Зовут мою жену Ли, если прочесть наоборот...

— Значит, у вас с женой одинаковые имена?

— Вроде того. Вы из этого делаете какие-то психологические заключения?

— Никаких. А почему вы спрашиваете?

— Один человек, с которым мы встречались утром, намекнул, что это нехорошо.

— Имена людей имеют очень мало общего с их романтическими привязанностями, — сказал Гринграсс.

— Добавлю, что в те годы мы и внешне были очень похожи, как двойняшки.

— Неудивительно, что вы полюбили друг друга!

Психиатр склонил голову и улыбнулся. Мне подумалось, что он тоже напоминает персонажа из «Ветра в ивах». Когда мысли Гринграсса вернулись к предыдущей теме, улыбка увяла:

— По-моему, едва ли существует серьезное препятствие для переезда Говарда в Иллинойс. Будь мы лечебным заведением штата, разумеется, это было бы невозможным. Однако их правила и ограничения на нас не распространяются. Как я уже объяснил, мы бы с радостью проводили Говарда в хороший центр. Поскольку лично для меня, а в этом деле я хочу быть с вами предельно откровенным, главное — это ваше участие в лечении Говарда. Насколько вы преданы делу Говарда? Вопрос к вам обоим. И каким вы видите участие в нем вашей супруги, мистер Гарвелл?

268

— Мы сделаем все, что в наших силах.

— И я, — сказал Дон. — К тому же мне давно пора осесть на месте, и Чикаго для этого вполне подходит. Никакого желания помереть в нищете и забвении.

Я повернулся к Дону и с удивлением взглянул на него. Он пожал плечами:

— Я это к тому, парень, что становлюсь слишком стар, чтобы продолжать жить как жил. Единственное, надо найти маленькую квартирку и дать объявление о наборе учеников. Думаю об этом все время, пока живу у тебя, Ли. Мэллон соскочил, а я чем хуже?

— Ты сможешь зарабатывать себе на жизнь таким способом?

— Конечно, черт возьми, смогу. Это будет скромный доход, дружище, модный таунхаус на Золотом берегу не купить, но на жизнь хватит. Сказать почему?

— Почему?

— Если торговать мудростью, покупатели всегда найдутся. Я напечатаю парочку буклетов, раскидаю в барах, ап-

теках и библиотеках, и у меня будет пятьдесят-шестьдесят запросов в месяц.

Дон развернулся на стуле лицом к Гринграссу.

— Я посчитаю за честь поддерживать отношения с Гути, в смысле с Говардом. Да я готов приходить к нему каждый день, пока ему самому не осточертеет.

— И еще мне потребуются подробные, добросовестные отчеты по этому пациенту. Скажем, ежемесячные. Первые, по крайней мере, двадцать четыре месяца.

— Вы хотите ежемесячные отчеты? — спросил Дон. — Тпру, Нелли. Думаю, это мы поручим нашему писателю.

— Не уверен, что доктор имел в виду нас с тобой.

— Верно, мистер Гарвелл. Я планирую получать отчеты из реабилитационного центра, который примет Говарда. Ведь Говард в определенном смысле всегда будет оставаться моим пациентом. И вполне естественно, чтобы меня постоянно держали в курсе его состояния.

— Ну, в этом-то препятствий быть не должно?

— Не должно, — сказал доктор Гринграсс и положил руки на стол. — Самая большая проблема, что мы все страшно расстроимся, когда и если Говард уедет от нас. Особенно Парджита.

— Я пообещал ей, что она сможет приезжать к нам, — сказал я.

— Вы очень добры, мистер Гарвелл. Ну что ж, пойдете к нашему пациенту?

* * *

В помещении, окрашенном так же ярко, как классная комната дошкольного учреждения, на краешке аккуратно заправленной кровати сидел Говард Блай, одетый в красную рубашку поло, чуть ему маловатую, полосатый комбинезон, застиранный до такой степени, что деним стал мягким, как кашемир, и сияющие желтые грубые башмаки «Тимберленд». Выглядел он прекрасно. Редкие волосы зачесаны

назад и приглажены, безмятежные голубые глаза светятся радостью и возбуждением.

— На тебе башмаки, которые ты надеваешь в день рождения, — заметил, улыбаясь, Гринграсс и повернулся к нам. — Мы выдали их Говарду в прошлом году. Он надевает их в исключительных случаях.

— Да, именно так, — проговорил Говард. — Я люблю свои «тимбы».

— Ты можешь отправиться в сад, посидеть за столом для пикника. Хорошее место для беседы.

— Я сегодня буду говорить, — сказал Говард, просяв. — Я буду рассказывать вам. Это будет не как в прошлый раз.

— Теперь ты себя лучше чувствуешь, — сказал Гринграсс.

Мы стояли, выстроившись вдоль кровати Гути, как доктор на обходе.

270

Гути кивнул:

— Кроха и Лиминоги вернулись, живые и здоровые.

— Кроха и кто?

Говард Блай широко улыбнулся.

— Говард, как ты называл мистера Гарвелла?

Улыбка стала еще шире:

— Лиминоги. Потому что он такой и есть. Он был Двойняшкой, а теперь он Лиминоги.

— А, — дошло до меня, — понял. Я — Ли Миноги.

— Ну конечно, вот ты кто сейчас, — сказал Гути. — И мне лучше, потому что ты и Кроха вернулись в Мэдисон. Но сейчас, пожалуйста, пустите меня на улицу с моими друзьями.

— Говард, ты что-то скрываешь от меня?

Говард моргнул и улыбнулся:

— «Не более чем легкое мерцание сумерек».

— Откуда эта цитата?

— «Пари миссис Пемброук», Ламар Ван Гунден. «Перманент Пресс», «Нью-Йорк, Нью-Йорк», тысяча девятьсот

пятьдесят седьмой год. Я нашел ее за диваном в комнате отдыха, но когда заглянул туда позже — книги не было.

— Думаю, вам, джентльмены, пора проводить вашего друга в сад, — сказал доктор Гринграсс. — Когда он начинает придумывать книжки, это значит, я ему надоел.

* * *

— Он думает, я сочиняю, но книга «Пари миссис Пемброук» существовала, — сказал Говард. — Я никогда не выдумываю книги. Чтобы их выдумывать, надо быть писателем.

Мы неторопливо шагали под теплым солнышком к столу для пикников, укрывшемуся в тени мощного дуба с раскидистой кроной.

— Ты волновался за нас? — спросил Дон.

— Конечно, волновался. Вы же едва не погибли.

Говард забрался в дальний конец стола и уселся в тенечке так, чтобы видеть весь сад Ламонта. Дон устроился рядом. Вдвоем они смотрелись как фермер и ковбой на одной скамейке: озорной, забавный фермер и обветренный, поджаренный солнцем старый ковбой, чем-то крепко озабоченный.

— Едва не погибли? — переспросил он.

— Да, о чем это ты? — подхватил я, усевшись напротив и поставив локти на стол.

— Я о том, что вы были на пороге гибели, но не погибли, потому что погибнуть не могли. Хотя это, конечно, не совсем «едва не погибли». Верно, верно ведь?

— Мне кажется, я ухватил твою мысль, — сказал я. — Но как ты узнал? Тебе птичка напела?

— «Легкое мерцание сумерек», — ответил Говард. — Я как-то нашел ее за диваном, но когда потом заглянул туда, ее уже не было.

— Так, Гути, — сказал я. — Давай договоримся: больше никаких «едва не», которые «не совсем», и ни слова о том, что было за диваном в комнате отдыха. Хорошо?

— «Она со мной», — ответил Говард.

На этот раз я почти почувствовал цитату: словно из когда-то отложенных в памяти деталей, подробностей и персонажей соткалась призрачная книга. Я отвернулся и обвел взглядом больничный сад.

Прекрасный зеленый ковер, спускающиеся уступами террасы. На этих широких ухоженных площадках по ровным черным асфальтовым дорожкам вдоль аккуратных четырехфутовых ограждений двигались мужчины и женщины в креслах-каталках. По середине террас тянулись длинные яркие цветники, обрамленные с каждого конца полукруглыми клумбами. Необходимое количество дубов и кленов отбрасывало ровно столько тени, сколько требовалось. Легкий ветерок играл фонтанами, разбрасывая водяные искры. Идеальное место, чтобы закончить жизненный путь, невольно подумалось мне. В больничном корпусе уюта, разумеется, меньше. Мне показалось удивительным, что в таком месте имеется такой великолепный сад. Я догадался, что он появился здесь позже, его вырастил кто-то, понимавший, что большой сад послужит выздоровлению пациентов Ламонта.

272

Не оглядываясь, я проговорил:

— Гути, когда ты сюда приехал, здесь было так же?

— Тогда здесь было совсем противно, сержант.

— Сержант?

— Не обращай внимания, — ответил Гути. — Ни на что не обращай внимания. Я же не обращаю.

— Ты по-прежнему говоришь цитатами?

— Все, что я говорю... — начал было Гути.

Короткая заминка, не дольше взмаха птичьего крыла, словно он что-то искал в своей удивительной памяти.

— ...состоит из множества цитат. Как... как в блендере. Понимаешь, Джейк? Предложения, которые никогда прежде не встречались, соединяются, крича «ура». Мой доктор не верит, но это правда, и ничего тут не поделаешь. Он хочет, чтобы я черпал слова исключительно в незаимствованной речи, а я предпочитаю обратное. Никто не пользуется

абсолютно незаимствованной речью, никто не разговаривает исключительно своими словами. К тому же говорю я абсолютно свободно.

— Это хорошо, что ты перестал цитировать одного Готорна, но в душе, наверное, не предал его забвению?

— «Что касается литературного языка — это так», — сказал Гути, довольно улыбаясь.

— А почему ты так делаешь? — спросил Дон. — Понимаю, звучит эгоистично, но это из-за нас?

— Я помню уроки английского в школе. — Он прикрыл глаза и сдвинул брови. — То есть я вспоминал, что помнил их. И все эти удивительные книги, которые мы читали. А вы помните? Помните?

— Да, наверное, почти все, — ответил я.

— А я читал от силы половину, — сказал Дон. — Поскольку был более типичным старшеклассником, чем вы, ребята.

— «Над пропастью во ржи», — стал перечислять Гути. — «Убить пересмешника». «Повелитель мух». «Приключения Тома Сойера». «Приключения Гекльберри Финна». «Последний из могикиан». «Алый знак доблести». «Моя Антония». «Гамлет». «Юлий Цезарь». «Двенадцатая ночь». «Большие надежды». «Повесть о двух городах». «Домби и сын». «Рождественская песнь». «Рыжий пони». «Гроздь гнева». «О мышах и людях». «И восходит солнце». «Прощай, оружие». «Сепаратный мир». «Медведь». «Роза для Эмили». «Победитель на деревянной лошадке». «Небесный омнибус». «У нас в Мичигане». «Большая река двух сердец» и около полусотни других коротких рассказов. «Черный». «Смерть коммивояжера». «Пигмалион». «Человек и сверхчеловек». «Ребекка». «Четыреста пятьдесят один градус по Фаренгейту». «Зов предков». «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый». «Скотный двор». «Куда боятся ступить ангелы». «Гордость и предубеждение». «Итэн Фроум». «Эмма». «Ярмарка тщеславия». «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». «Джуд Незаметный». «Великий Гэтсби».

Начало «Кентерберийских рассказов». А сколько поэзии! Элизабет Бишоп, Роберт Фрост, Эмили Дикинсон, Теннисон, Уитмен. И еще много-много... Просто ради удовольствия я прочел пять романов о Джеймсе Бонде и помню каждое слово каждой книги. «Харрисон Хай» Джона Фэрриса. Вся наша банда читала его.

— Все эти книги у тебя в голове. — Я ощутил нечто вроде благоговения.

— И они, и многие другие. Л. Шелби Остин. Мэри Стюарт. Д. Р. Р. Толкиен. Джон Норман. Э. Ф. Оппенгейм. Рекс Стаут. Луис Ламур и Макс Брэнд.

— Я и забыл, сколько ж всякой муры мы читали в школе, — вставил Олсон.

— «Должен констатировать очевидное: только не я». — Гути вновь улыбался.

— Чисто из любопытства: это откуда?

274 — «Лунные сны», — сказал Гути. — Сильная книга. Честное слово. Но ты задал мне вопрос, и я хотел бы ответить на него. Да, полагаю, это из-за тебя. Из-за вас обоих. После того как вы пришли ко мне, и я кричал, и мы говорили, я вспомнил, что знал. Я вспомнил, что знал «все это время, каждую минуту все эти долгие годы, эти милые, дурацкие годы, эти длиннющие, пропащие годы».

— Оттуда больше никогда не цитируй, — попросил я. — Меня такое писательство просто бесит.

— Извини, — сказал Гути. — Думал, тебе понравится. Ты спрашивал про сад. За все, что вы видите перед собой, в ответе добрый доктор и его красивая жена. Многие они посадили своими руками, но и садовников тоже нанимали.

— Откуда были эти «садовники»?

— Навскидку, по меньшей мере, из пяти или шести книг. Если будешь продолжать спрашивать меня об этом, сам поедешь кататься вокруг клумбы.

— Я тебе не верю, — сказал я. — И согласен с Гринграссом. Порой — да, ты цитируешь, но большую часть времени ты разговариваешь точно так же, как все люди.

— «Вскройте жаворонка. Там музыка скрыта — лепесток в лепестке из серебра»¹. «Солнце взошло над безмятежной землей и осияло с высоты безмятежный мир, словно благословляя его»².

— Эмили Дикинсон, познакомьтесь с «Приключениями Тома Сойера», — сказал я. — Я в курсе, ты мастак на такие фокусы. Можешь не стараться мне это доказать.

— Мне без разницы, цитатами он говорит или нет, — сказал Дон. — Важно, что переводчик ему больше не требуется. У него речь как у нормального человека, ну, почти.

Он повернулся к Говарду и положил руку ему на плечо. Гути взглянул на Дона с выжидательной улыбкой, будто знал, что тот собирается сказать. Говард Блай подготовился встретить неизвестное с безукоризненным самообладанием.

— Гути, прежде чем ты начнешь рассказ о событиях на лугу, мы с Ли хотели спросить тебя кое о чем.

— Ответ «да», — кивнул Гути.

— Погоди, ты же не знаешь, что у нас на уме.

— Как хотите, но ответ все равно будет «да». — Он украдкой глянул на меня. — Это мои слова. И те тоже. И в дальнейшем.

— Благослови тебя Бог, — сказал я.

— Мы тут кое о чем договорились, Гути. Мы разговаривали о тебе с доктором Гринграссом. И все трое задались вопросом: как бы ты отнесся к тому, чтобы переехать отсюда — сменить обстановку?

— Я уже сказал. Да. Думаю, что мог бы... «Туда, где ты? А где это?» — Он посмотрел на меня через стол с озорными огоньками в глазах. — «А где ты живешь? Чем занимаешься?»

— Перестань-ка, ты опять цитируешь, — сказал я. — Живу я в Чикаго. Что была за цитата?

¹ Эмили Дикинсон, стихотв. № 861, перевод Веры Марковой.

² Марк Твен, «Приключения Тома Сойера», гл. IV.

— «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». Если я поеду в Чикаго, я смогу увидеться с Миногой? Смогу видаться с вами обоими?

Я кивнул.

— А Кроха? Где живешь ты? Чем занимаешься?

— Да я птица перелетная, но могу осесть и в Чикаго, почему бы нет? — ответил Дон. — Классный городишко.

Гути кивнул:

— Я слышал о Чикаго.

— Мужчина не может вечно оставаться подростком.

— Как и маленьким мальчиком.

Сказав эту милую фразу, которая могла быть и не цитатой, Гути задал очередной сногшибательный вопрос. Его глаза оставались такими же безмятежными и светло-голубыми, как и сорок лет назад:

— Минога ведь слепая?

Я долго вглядывался в его лицо. Говард Блай не моргнул.

— А как тебе удалось узнать об этом, Гути?

— Это была сверкающая дама с жезлом. Все это я видел. Вы не знаете, что я видел. Даже я сам не знаю.

— Но ведь ты попытаешься нам рассказать?

— «Вот почему мы здесь». — Еще один стремительный взгляд на меня. — «Вот почему маленькая «Нухива» за нами гонится».

— Джозеф Конрад.

Гути хихикнул и прижал ладонь ко рту. Я его насмешил.

— Джек Лондон. Вы готовы?

— Если изволите.

Гути прикрыл глаза и откинул голову. Со временем — и со скоростью Гути — явилась и его история.

ИСТОРИЯ ГУТИ

Это было самое лучшее время, это было самое худшее время; это было в высшей степени темно и ослепительно светло. Они знали лишь то, что думали, будто знают, и ничего больше. О Единодушии. О Всеобщности. Когда Спенсер стоял перед ними, когда Спенсер раскрыл свои прекрасные уста и заговорил, Гути Блай услышал хор ангелов. Но с Китом Хейвардом, который появился в тот день, когда Мередит Брайт украсила своим присутствием обед в «Тик-таке», а он пришел спустя пару минут после ухода этой ослепительной богини... с Китом все полетело вверх тормашками, обнажив кишасших клопов и сплетающихся змей. Кит имел какое-то отношение к явлению богов и демонов в финале, вот и все, что знал Гути, а Мэллон слишком любил ритуалы Корнелиуса Агриппы.

Видите ли, не всякий встреченный вами в психушке — псих. А если вы в таком месте, как Мэдисон, даже психи в местной психушке могут поведать кое-что интересное. Чтобы прочитать книгу, нет нужды становиться профессором. Эти сверкающие, словно из ртути, люди не были полной загадкой для человека, который крутился около тех же библиотечных развалов, что частенько навещал Мэллон, когда не был занят соблазнением студентов, а то и кого помоложе.

Гути всегда знал.

Некоторые утверждают: старый Корнелиус Агриппа открыл нечто такое, что потрясло его и повергло в ужас, и он отступился и заделался истовым католиком.

И мы были напуганы в те дни, помните? Все мы, вся страна. Человек вроде Мэллона мог почувствовать, как все потихоньку катится к большому взрыву. Редкий дар, уверяю вас. Он предвидел, что большие люди будут застрелены, он знал, что безумие с ревом несется на нас... Джон Кеннеди, Мартин Лютер Кинг, Роберт Кеннеди, Малкольм... Всякий раз, когда случалось такое событие, Гути Блай думал о Ките Хейварде и говорил себе: «Это уже было; это не в первый раз». Джон, Мартин, Роберт, Малкольм, любые трагедии на ваш выбор. А когда взорвали здание на территории кампуса и убили студента магистратуры? Кажется, будто весь мир в огне, дым валит, раненные вопят. Вот что в душе творится, даже если все вокруг стоят, не в силах вымолвить ни слова. Вот что в душе творится, когда ощущаешь себя в водовороте войны. Когда чувствуешь: вот он, конец света. Чтобы оказаться на войне, не нужны оружие и форма.

Вот в тот жуткий день Спенсер скакал, как кузнецик. Он проводил веселую банду детей в старый кинотеатр послушать древнего органиста и посмотреть убогий фильм и бросил их там. Чтобы заняться своими тайными делишками. А когда он с этим покончил и завершился сеанс, он встретил их на улице и повел прямо в бой. Считал ли он случайностью, что мир сам себя рвал на куски на том же самом углу, где назначили встречу с Хейвардом и Милстрэпом? Задумывался ли вообще об этом возлюбленный наставник Гути? Нет, он просто завел их за бетонную стену и дожидался конца. И когда все закончилось, к огромному облегчению Гути — поскольку Гути был не как Хейвард, он ненавидел жестокость, суматоху и беспорядки и когда все вокруг вопят, как сумасшедшие, — установилась если не полная, то относительная тишина. Не слышно стало шума воды, гвалта отступающих толп и ударов о стены камней и пивных бутылок.

Они, крадучись, выбрались на заваленную мокрым мусором улицу и кого же увидели? Пританцовывая на ходу, дорожку переходил старый добрый Кит. Радостно оживленный. Глаза его сверкали.

Хотя главное — это Минога. Позже Гути Блай видел, как она *путешествовала* — так никто никогда не путешествовал, ни до, ни после. И Спенсер Мэллон видел то же, и это было для него почти невыносимо. А вот для бедного Гути не было никакого «почти». Для Гути оказалось слишком много. Он этого не вынес. Нет, не так. Хуже. То, что он не мог этого вынести, не главное. Он не попытался приблизиться к этому. Он съежился, пал духом, он потерялся.

Однако именно тогда, когда они собирались посреди разгромленной улицы, Гути взглянул на Миногу, а Минога в ответ посмотрела на него и улыбнулась, весь мир будто выплеснулся из ее глаз и обнял его... теплый, и темный, и милый, способный поддержать и заставить идти дальше... Не обращайтесь внимания, что плачу, это не последний раз, точно. Она сделала это для Гути, и это был всего лишь первый удивительный поступок, который она совершила в тот день.

И вот они шли и шли, пока наконец не выбрались на ту жуткую улицу, Глассхаус-роуд, где жили тролли и гоблины, жили весь тот бесконечный день, и там они были не одни. Гути не сводил глаз со своей обожаемой Миноги, но Минога обернулась через плечо, и Гути был твердо уверен, что Мэллон тоже обернулся, и по тому, как напряглось ее лицо, став каким-то скучным, Гути все понял. Идти он мог до тех пор, пока шла она, но никто не мог заставить его смотреть. Он слышал шуршание кожистых крыльев и шорох шагов... Это были не собакоподобные, он точно знал. Несобаки. Грустная правда в том, что после всего случившегося в тот день прошло очень много времени, прежде чем Гути стал маломальски привыкать к собакам.

Люди в Ламонте, соседи по палате частенько заводили животных в качестве компаньонов — так это называется? Почему? Разве они не знали? Что угодно могло принять облик собаки, разве они не понимали этого? Эти твари, эти несобаки, эти как-бы-собаки — Спенсер ненавидел их, а они, в свою очередь, терпеть не могли его. Бывали дни, когда Гути казалось, что они вообще никого не любили, просто

шлялись, как злющие копы, готовые вышибить мозги первому встречному. А в другие дни он думал, что они ни в грош не ставили людей, мы для них лишь часть какой-то работы, которой никогда не поймем, потому что это далеко за пределами нашего понимания.

И вот теперь Гути... Гути страшится выглянуть утром, поздним утром, выглянуть из окна своей комнаты и увидеть на лужайке такую тварь — она смотрит снизу на него... и говорит: «Может, все и забыли о тебе, да только не мы». И тогда весь день Гути не сможет есть. А ночью глаз не сомкнет.

Он бы предпочел пожать руку Киту Хейварду, чем оглянуться назад, шагая по Глассхаус-роуд.

* * *

280

И вот они вышли на луг, и все пошло не по плану, потому что стало темнеть. Мередит Брайт бесилась из-за гороскопа. Гути расстроился, поскольку твердо верил, что прекрасная Мередит всегда должна быть счастливой. Но когда прибыли на место, они убедились, что белый круг виден отчетливо. Он сиял. Сиял? О, круг просто манил к себе. А Мередит, все еще злая, хотела отменить действие, но все остальные — о, все остальные были в деле, даже Кит и Милстрэп.

Если честно, когда они шли по лугу, белого круга не было видно. Чтобы увидеть его, надо спуститься в небольшую низину, или впадину, а там — раз, и он прямо перед глазами, на пологом травянистом склоне. Только — и это самое странное, — прежде чем они добрались туда, они вроде как увидели его. Они видели что-то, какое-то сияние, будто кольцо белых искр над темной землей — знак. Им указывали путь.

Потом им велели подготовить веревки. Потом со свечами в руках надо было стать в определенном порядке напротив светящегося белого круга. Мередит и Минога злились друг на друга, и Гути поставили между ними вместо барьера, а он и не возражал. Рядом с Миногой проще приглядывать за ней. А вот Минога, о, Минога внимательно наблюдала за

всеми: за Мэллоном точно, и Ботиком, и Крохой, но еще и за Хейвардом с Милстрэпом.

Эти двое были сами по себе. Словно говорили: вы занимаетесь своим делом, а мы — своим. У нас тут особый интерес. Во всяком случае, так казалось со стороны. Все были взвинчены, увлечены церемонией, и лишь эти двое выглядели так, будто участвуют в розыгрыше. Странно, когда думаешь о том, что случилось с ними, — они ведь насмехались над Мэллоном. От этого у Гути похолодело в животе, потому что презрению не было места здесь. Единственное, что требовалось, — любовь и уважение друг к другу, а тут... наглые усмешки! Внутренний голос нашептывал Гути: «Уноси-ка ты лучше отсюда ноги, потому что ничего путного здесь не будет, взгляни, уже все плохо». Никогда не отмахивайтесь от сообщений, которые шлет вам встревоженная душа. Он отмахнулся, и это означало, что маленький Гути согласился принять ужасную дрянь, что поджидала его. Он сказал: «Не уйду, не могу, я остаюсь здесь, что бы ни случилось, я не покину Спенсера Мэллона».

281

И как накануне, в ту минуту, когда Спенсер велел достать спички, зажечь свечи и держать в поднятых руках, их окружили существа. Словно тучи ночных бабочек, тускло-серых и уныло-бурых, только это были не бабочки. Дрожащие огоньки свечей выхватывали из темноты лапы, морды, заостренные зубы, блестящие пуговицы на жилетах и пиджаках. Сатиновая лента на шляпе отразила вспышку спички и исчезла в кишашей нечистью темени. Прибывали другие, еще и еще, и прятались среди прямоходящих несобак. Мерзкие твари. «Не нравится мне это, — сказал он. — Они опять здесь».

Мэллон шикнул на Гути, и у того непонятно отчего развернулась в голове и сорвалась с губ горькая строчка из «Письма Скарлет»: «Что мне остается — упасть на этом месте и умереть?»

Мэллон вновь шикнул на него, а Хейвард обругал, и Мэллон шикнул на Хейварда.

Кит с гадкой ухмылкой нацелил было взгляд исподлобья на Мередит, но маска отвращения на лице девушки отразила его. Мередит не подозревала о существах, Кит тоже. Лишь Минога знала все, потому что уже была в другом мире, точно говорю, Минога сделала шаг туда. Его бедное сердце заходилось и сжималось от боли, потому что он никогда не сможет последовать за ней. Но оно трепетало и от любви к чудесной Миноге, которая смогла познать такую свободу. Ее голова все больше отклонялась назад, темные распахнутые глаза сияли, губы тронула легкая улыбка. Вот что произошло: именно тогда, понял Гути, Минога превратилась в Жаворонка, как и говорил Мэллон. Она взлетала, она пела, но он не мог ее слышать, настолько земным и несовершенным был его слух.

Зато он услышал какой-то утробный звук — его издал готовый вот-вот заговорить Мэллон. Это был великий миг. Волнующий. Пьянящий, ошеломляющий. Как невидимый сполох молнии, мощный, но неслышный раскат грома. Спенсер Мэллон вздохнул, и воздух изменился. Мэллон стоял на своем месте, со свечой в поднятой руке, с закрытыми глазами, красиво очерченный рот едва начал приоткрываться, чтобы произнести священные слова, — как вдруг воздух уплотнился и обернулся вокруг них. Вокруг Гути Блая точно. Как ткань, как простыня, мягкая, скользкая, прохладная на ощупь. А поскольку это был всего лишь воздух, вещества и существа продолжали двигаться в нем, хотя и с некоторым усилием.

Окружив ребят, темные силуэты скользили с той стороны отрезавшей их оболочки. Спенсер вздохнул еще глубже и задрожал, наполненный силой. Мир вокруг потемнел, и маленький Гути начал понимать: что-то затаилось, поджидает их — исключительно враждебное. Стоило ему отметить смутное присутствие существ, притаившихся в засаде, как он начал ощущать горячее, невыносимое зловоние. Острая вонь плыла к нему, вкручивалась в ноздри, набивалась в пазухи носа, больно жала, и кисло соскальзывала в глотку.

А Мэллон пел. Может, более верное слово — читал нараспев. Оперенные музыкой, слова вылетали и взрывались в атмосфере — Гути так и не удалось уловить перехода от неистовой тишины к медно-трубному триумфу: он чувствовал, будто секунда или две вырезаны из фильма его жизни. А потом они прорвались.

Удалось лишь мельком увидеть их — рыжего гиганта с мечом, огромную свинью, старика со старухой, пьяного короля из жидких зеркал. От ужаса он закрыл глаза. От страха за Миногу и Мэллона снова открыл. Не мог он сунуть голову в песок, когда эти двое в опасности.

* * *

Казалось, будто все — кроме Миноги — провалились в ад. И хотя уже настала ночь, низко над землей вновь зависло солнце, неправдоподобно огромное и красное.

На темном склоне футах в десяти справа от нарисованного круга показывалось и тотчас исчезало что-то неясное, темное и пугающее. Над ним кружили мухи, привлеченные невыносимой вонью козлов, свиней, нечистот, смерти — всем сразу и ничем конкретно: вонью полной пустоты, полного отсутствия. Вонючее создание не хотело, чтобы его заметили. В отличие от ужасных демонов, скакавших вокруг него — эти-то словно требовали внимания, — извивающаяся, мерцающая тварь старалась скрыться из виду. Она делает свое дело, когда невидима, понял Гути. Существо создано какой-то зловещей силой, чтобы ускользать из поля зрения человека.

Когда это понимание пришло к нему, Гути открылось другое, много-много хуже, и пригвоздило к месту, словно сверхъестественная рука повернула кран и вся кровь вытекла из тела. Гути застыл в противостоянии с абсолютной пустотой, в которой любое действие, слово, чувство — мощное или утонченное — не имели значения. Все уничтожил внезапный удар хвоста этого существа, если у него был хвост; движение его глаз, проникновение сквозь сопротив-

ляющийся воздух его нечестивой силы. Все было уничтожено, размолото и превращено в соль, в дерьмо.

У Гути подкосились ноги, и он, сдаваясь, рухнул на колени, а демоническая тварь судорожно дернулась и исчезла. Кружащие мухи и приближающаяся полоса примятой травы подсказали Гути, куда направлялось это ужасное непотребство. Как и огромное солнце, существо действовало как бы само по себе. Гути чувствовал, что не сможет даже двинуться, не сможет перевести ни слова из триумфальной латыни, срывавшейся с губ Мэллона. Демон полудня, Полуденный демон — вот кого напоминало чудовище, — скользнул еще на два фута ближе. Никто, кроме него и Миноги, не видел этого.

У меня осталось несколько секунд, подумал Гути. С другой стороны от Спенсера Мэллона, которого, как понял Гути, он сейчас потеряет из-за простой уловки смерти, нет, не смерти — стирания, надменные, порочные соседи поддались своим стремлениям. Мерзкий Кит Хейвард бежал к Миноге. Глаза его превратились в черные камни, руки вытянуты вперед, как клешни. Бретт Милстрэп, все еще делая вид, будто воспринимает происходящее как легкий абсурд, умудрился оторвать край ткани сумасшедшего мира. Гути мельком увидел бездонную черноту и одинокий луч неприятного, неживого света.

Гигантская сфера ночного солнца, окрасившись желтым, потом красным и снова желтым — так, догадался Гути, проявлялось ее нечеловеческое сознание, — качнулась в небесных глубинах и придвинулась ближе к лугу.

В последнюю секунду жизни Говарда Блая, одновременно с исчезновением Бретта Милстрэпа из нашего мира, Кит Хейвард столкнулся с невидимой тварью. Сквозь фонтан крови, взметнувшийся на месте безумца, Гути увидел пульсирующий, размером с луну шар, с грохотом мчащийся к нему, и понял, что это смертельно опасно. Он догадался, что сфера представляла собой не одно целое, а средоточие великого множества слов и предложений: раскаленных слов,

кипящих предложений — многие и многие тысячи фраз, мечущиеся и извивающиеся, как чудовищные, бесконечно длинные, сцепившиеся змеи. И он знал их все: они хранились у него в памяти.

Ему никогда не удалось бы описать начавшуюся суматоху. Когда солнце из кипящих фраз врезалось в него, он растворился в нем и исчез из этого мира. Он покинул свое уничтоженное тело и вплелся в уютную последовательность «подлежащее-сказуемое-дополнение»; а оттуда — в цепочку разрозненных предложений, укрывших его в гудящем рое точек с запятыми. Он сделался индейцем в огромном лесу, и звали его Ункас. Скучающие и безразличные чиновники под личинами собак на задних лапах в старомодных одеждах наполовину тащили, наполовину провожали, поддерживая, его в унылую комнату с единственным высоким окном, где бросили на тонкий соломенный тюфяк, раскатанный вдоль дальней стены. Кто-то, он не разглядел, принес ему суп. Кто-то невидимый так напугал его, что он обмочился. Несколько сложных предложений подхватили его, затащили в зиму и швырнули на заднее сиденье пикапа, за которым гнались волки. Он сказал: «Мне не нужно лекарство», его голос дрожал сильнее, чем прежде. Из испанского форелевого ручья выпрыгнула рыбка и шлепнулась в плетенную из камыша корзину. Свиного вида женщина в длинном черном вечернем платье стремительно метнулась к нему от огромного распахнутого окна, за которым просматривалось горбатящееся скалами корнуоллское побережье. Не изволит ли он прыгнуть? Спенсер Мэллон разбил его сердце навеки своим бегством — даже не оглянулся, не сказал ни слова! — в клубящееся желто-оранжевое облако, вонявшее мертвечиной, нечистотами и вечностью. Женщина с грязным лицом кастрировала визжащего поросенка и швырнула в него отрезанными гениталиями. Кролик сдох. Щенок сдох. Император тоже. Он был влюблен в сиделку-итальянку и после ее смерти побрел домой под дождем. Книжная полка упала на неприятного бедняка и убила его. Человек

в униформе швырнул очередной том в погребальный костер из горящих книг. Рыдая, Гути Блай вновь обмочил штаны и пополз незнамо куда под внимательными взглядами недособак, собак-пугал и собак-вешалок.

Восемнадцать часов спустя почувявший неладное сторож нашел Гути под трибунами стадиона «Кэмп Рэндалл» среди гор оберток от жвачки и пачек из-под сигарет, пыльных использованных презервативов и разбитых полупинтовых бутылок. Как он с луга агрофакультета добрался до футбольного стадиона, Гути понятия не имел. Похоже, он вслепую искал убежища и случайно забрел на территорию спортивного комплекса. Сторож потолкал его в плечо и велел проваливать, Гути же в ответ поморгал и выдал цитату из Готорна: «Придерживаясь уединенных троп, он тем самым собирает-ся сохранить в себе простоту и ребячество... с благоуханной свежестью и незапятнанной чистотой помыслов...»¹

Сторож притащил его в свою каморку и вызвал полицию.

* * *

В седьмом часу мы с Доном вернулись в гостиницу и на несколько минут разошлись по номерам. Приветствуя в баре Дона, заказывая бокал вина, болтая с барменом, неся напитки через все помещение, чтобы занять наш маленький круглый стол, я раздавал извиняющиеся улыбки и упреждающие взгляды, выдававшие озабоченность важной новой информацией.

Мы сели, и Дон сказал:

— Давай выкладывай, а то лопнешь.

— Знаю, знаю, — ответил я. — Похоже на полное совпадение. Только ты не поверишь.

— Уже не верю.

— Придется. — Я помедлил. — В номере на автоответчике было сообщение. От Ботика. Он позвонил мне домой, и моя ассистентка, которая только что вернулась из Италии,

¹ Н. Готорн, «Алая буква».

сказала ему, где мы. И знаешь, где Джейсон Боутмен сейчас живет?

— Конечно, — ответил Дон. — Если не ошибаюсь, в Мэдисоне. В своем маленьком схроне.

— Значит, переехал. Нынче Джейсон живет минутах в десяти-пятнадцати езды отсюда. В восточной части, где-то в районе Вилли-стрит. Говорит, у него потрясающие новости, и хочет поделиться при личной встрече.

— Какой у него был голос?

— Голос у него был... Я б сказал... радостный был у него голос.

— Здорово, — сказал Дон. — А как он узнал, что мы здесь? Как узнал, где мы обитаем?

— Именно это я и спросил у него. Но если задуматься, узнать о нас он мог только одним путем.

— Хочешь сказать... ему позвонила Минога? Хотя с чего это я удивляюсь. Она ведь и мне позвонила, помнишь?

— А может, послала ему имейл, — предположил я и добавил, что понятия не имею, с кем она общается.

— Ты что, правда не знаешь? — спросил он.

Инструкции Боутмена привели нас к просторному двух-этажному каркасному дому на Моррисон-стрит. Вряд ли это здание можно назвать красивым, как и похожим на «схрон». Дорожка из растрескавшейся брусчатки вела к трем деревянным ступеням и длинному крыльцу, нуждающемуся в шлифовке и покраске. Весь дом, когда-то славного цвета листвы, казался немного желтушным. Чахлые, увядающие папоротники свисали с цементной облицовки по обеим сторонам ступеней. Следы шин вели к гаражу, готовому в скором времени развалиться. Напротив дома, через улицу, заросший утес обрывался на пятнадцать или двадцать футов к берегу озера Монона. Это строение и соседствующие с ним, да, пожалуй, и весь квартал словно отреклись от изначальной респектабельности среднего класса в пользу малобюджетного жилищного строительства. Когда-то давно

вдова или мать-одиночка сдала пару комнат аспирантам — для студентов район располагался слишком далеко от кампуса, — а со временем примеру последовали тысячи, и как грибы стали расти на первых этажах продовольственные лавки, магазинчики, плохие рестораны национальной кухни и забегаловки с привлекательными названиями. Что в подобном месте делал Джейсон Боутмен?

Мы поднялись по ступеням и нажали на кнопку звонка рядом с забранной сеткой дверью. Вскоре дверь из дома на крыльцо распахнулась, явив нечеткий из-за сетки силуэт дородной старикинской фигуры. Силуэт двинулся вперед и потянулся к ручке сеточной двери. В нем уже можно было узнать Джейсона Боутмена. Он улыбался, и для нас обоих, Олсона и меня, непринужденность и дружелюбие улыбки свидетельствовали о том, что внутренний стержень в этом человеке сломан. Пожар затих. Человек у порога был слишком расслабленным для Джейсона Боутмена, а еще — старым и толстым: реденькие седые волосы зачесаны назад, глубокие морщины на тревожно бледном лице, небольшой, однако заметный животик, катившийся по миру перед хозяином.

Ботик распахнул пыльную сеточную дверь со словами:

— Парни, как здорово, что вы приехали. Ну, давайте, проходите.

Он приветствовал нас совершенно не в духе прежнего Джейсона Боутмена, замкнутого, напряженного, а зачастую мрачного. Тот Джейсон наверняка бы выдал что-то вроде: «А, явились. Наконец-то». Прежде чем шагнуть на крыльцо, Олсон бросил на меня взгляд, словно спрашивая: «Что этот тип сотворил с Ботиком?»

— Господи, вы оба здесь, у меня, как же здорово. — Источая вместо беспокойства любезность, Боутмен отступил и распахнул внутреннюю дверь с жестом «после вас, джентльмены». — Входите, друзья. Добро пожаловать в мой замок.

Они сразу попали в гостиную, где только ряд крючков для пальто и секция напольной плитки обозначали зону прихо-

жей. Далее проход вел к меньшим помещениям. В большой комнате удобная низкая коричневая мягкая мебель окружала деревянный кофейный столик. Телевизор занимал большую часть передней стены. Стену справа и полстены, отделяющей гостиную от обеденной зоны и кухни, занимали полки из темного дерева, населенные лишь небольшим количеством СД-дисков, несколькими маленькими статуэтками и глиняными горшками. Несмотря на широкие окна, в гостиной было темновато из-за крыши веранды, перекрывавшей солнечный свет. Джейсон поманил нас к креслам и дивану.

— Садитесь, ребята, садитесь. Фух, даже не верится, что вы у меня. Вы остановились в «Перекрестке»?

— Да, — ответил Дон. — Приехали повидаться с Гути.

— Ну да, она вроде говорила мне...

Джейсон опустился в кресло, вновь указав нам на диван, и, прежде чем я успел заговорить, выпалил:

— Черт, что это с моими манерами? Ребята, выпить хотите? По-моему, самое время, а? В холодильнике есть пиво, немного водки, вот, пожалуй, и все.

Мы попросили водки.

— Если, конечно, хватит, — сказал я. — Нет — так пива. Здорово, что Ли отправила тебе имейл и нам удалось собраться. Не знал, что она с тобой общается.

— Да не сказать, что общается. Получаю от нее имейл раз, может, в год. Минога всегда будто знает, где меня найти, ума не приложу, как ей удастся. А насчет водки не переживай, у меня полно. Сам-то я, пожалуй, выпью пива.

Мы уселись на диване, а Ботик поднялся, чтобы отправиться на кухню.

— Как у Гути дела? Я вот почему-то не догадался навестить его. Думал, мало ли, вдруг он говорить не может или еще что...

— Не совсем так. — Я объяснил ему прежний способ общения Гути Блая. — Но надобность цитировать Готорна отпала, поскольку теперь его память в очень необычном состоянии: каждое предложение, каждое слово из всего прочитанного до-

ступно Гути, и он может комбинировать их как ему заблагорассудится. Одним словом, сейчас у Гути абсолютная вербальная свобода. И, по-моему, в половине случаев он жульничает — говорит от себя, делая вид, будто что-то цитирует.

— Но это же грандиозный прорыв. Мне, наверное, тоже можно повидаться с ним?

— Конечно, — сказал Дон. — Только поторопись. До конца года он переедет в реабилитационный центр в Чикаго.

— Ого. Это вы постарались?

Мы переглянулись, и я ответил:

— Пожалуй, можно сказать, мы положительно повлияли на него. Я очень рад, что мы съездили в Ламонт, уверен, Дон — тоже.

— Безусловно, — кивнул Дон.

— Вот так новости, — сказал Джейсон. — Только успевай удивляться. Ладно, ребята, схожу принесу нам выпить.

290

Было слышно, как он гремит кубиками льда, выставляет стаканы на стойку. Пока он возился в кухне, я сделал о другие школьных лет два вывода. Во-первых, самый неприкаянный и отвязный из моих друзей, более беспризорный, чем Дон Олсон, уgomонился. Олсон частенько делил жилище со своими последователями, Боутмен же постоянно менял один сомнительный отель на другой.

Во-вторых, я угадал: что-то безвозвратно ушло из Ботика, и это — страсть. В старших классах мы все были страстно увлечены очень многим: музыкой, спортом, книгами, политикой, друг другом, нашими по большей части ужасными родителями... Спенсером Мэллоном. Но страсть Джейсона Боутмена почти целиком состояла из яростного недовольства. Его запросы были неутолимы, потребности невыполнимы, а желания направлены внутрь, где не могли найти удовлетворения. Во всяком случае, страдания Ботика привлекали к нему ровесников. Мы ошибались, вот и все, что могу сказать. Пылкий гнев покинул Боутмена, и результаты оказались исключительно благотворными. Единственный минус: Ботику, похоже, грозило стать разжиревшим занудой.

Джейсон появился из кухни и обошел стол, держа над выдающимся брюшком металлический поднос с тремя стаканами, бутылкой «Будвайзера» и двумя вазочками. Когда он выставил вазочки на кофейный столик, мы увидели, что в одной — черные блестящие оливки, а в другой — жареные орехи: арахис и кешью. Боутмен отоваривался в студенческом магазине; не исключено, что он даже состоял в продуктовом кооперативе.

— Немножко вкусненького на закуску, — сказал он и поднял бутылку с пивом. — Доброе здоровье, джентльмены.

Мы пробормотали взаимности и отпили из наполненных до краев стаканов.

— Нет, правда замечательно, — сказал Боутмен. — Знаешь, Ли, порой мне хотелось встретиться с тобой, поговорить, повидаться после стольких лет... Я думал об этом. Это приходило мне в голову.

— Что же тебе помешало?

— Ну, прежде всего, до того как мы тогда столкнулись в Милуоки, я понятия не имел, как тебя найти. Твоего имени нет ни в одном телефонном справочнике.

— Зато есть множество издательских и авторских справочников с адресами — моим или моего агента. А в некоторых даже есть номер моего телефона. Мог поискать меня в «Кто есть кто». Там все.

— Такие, как ты, есть в «Кто есть кто». Такие, как я, даже не в курсе, где кого искать. Как он, кстати, выглядит?

— Красный толстый двухтомник, похож на энциклопедию.

— Даже в глаза не видел.

— Мог спросить в местной библиотеке. Вспомни, Ботик, когда я давал тебе свою визитку, разве не сказал, что можешь звонить когда захочешь?

— Сказал, только я подумал, это ты так, из вежливости. Но была еще одна проблема. До этого последний раз я видел тебя, когда вы с Миногой вот-вот должны были уехать в Нью-Йорк поступать в колледж, и все такое. С тех пор ты стал знаменитостью. Твое лицо на обложке «Тайм». И у

тебя денег куры не клюют. С какой стати кто-то вроде тебя захочет говорить с таким, как я? Блин, да когда я думал о тебе, я чувствовал себя таким зашуганным.

— Напрасно.

В глубине души, однако, я не особо расстраивался, что Ботик не набрался смелости пойти на сближение. И тут кое-что пришло мне на ум.

— К тому же у тебя был номер моего телефона, его дала тебе Ли, верно? Ты просто не захотел позвонить.

— Нет. Минога никогда не давала мне твоего телефона, только адрес. Но я даже ей писем не писал.

— А что так?

— А оно ей надо? — Он сказал так, будто это очевидно даже для такого олуха, как я.

Джейсон повернулся к Дону Олсону:

— Как ты его нашел?

— Я ж сидел. А в библиотеках многих тюрем есть эти писательские справочники. В нем не было номера его телефона, зато был адрес его агента. Ну, я написал агенту, тот, наверное, позвонил Ли, а Ли сказал: «Это классный мужик», и агент написал мне в ответ, присовокупив нужную информацию. И все дела.

— Ну, я рад, что сегодня это наконец произошло. А вы, ребята, поди, не знаете, что я завязал лет пять-шесть назад.

— Завязал? — переспросил Дон. — Зашибись.

— Мне осточертело воровать всякую дрянь, я начал чувствовать, что моя превосходная репутация вот-вот треснет. И устроил себе маленький тест.

— Что за тест? — спросил я.

— Зашел в канцелярский магазинчик и попытался стянуть степлер, поскольку мой старый сломался. И чуть не попался. Не заметь я менеджера, пялившегося из-за витрины, меня б наверняка сцапали. Вот так я понял, что пора менять род занятий.

Боутмен недолго жил в нищете в поисках себя, читая объявления о работе. Вскоре он понял, что умеет только

одно. Конечно, он мог бы показывать владельцам магазинов или менеджерам способы уберечься от таких, как Джейсон Боутмен, и тем зарабатывать. Он мог бы научить людей закупоривать дыры, через которые такие, как он, проползают порой в буквальном смысле слова.

— А дело было так, — рассказывал Боутмен. — Прихожу в университетский кооператив. Говорю менеджеру: стойте и наблюдайте за мной. Вы, черт возьми, глазам своим не поверите. Ставлю его на втором этаже у касс, напоминая, чтоб глядел в оба, и берусь за дело. Он, значит, глядит на меня в оба, а я брожу туда-сюда, что-то беру, потом кладу на место. У меня на спине рюкзачок, но со стороны не понять, сую я туда что-то или нет. Через пятнадцать минут подхожу к нему и спрашиваю: «Ну как?» «Что «как»? — говорит. — Вы ж ничего не делали». — «Интересно, — говорю, — я ж только что умыкнул вашегохлама на пять сотен баксов». И начинаю выгружать карманы, вытаскиваю товар из-под рубахи, из штанов, носков, башмаков и, наконец, из рюкзачка. Книги по искусству, руководство по отчетности, авторучки, шарфики с барсуком¹, лампа-барсук, галогеновые лампочки: можете пересчитать и вернуть на полки. Возможно, меня больше не хранила магия Спенсера Мэллона, но никто не скажет, что я был плохим вором. «Боже, — говорит этот тип. — Вы украли все это прямо у меня на глазах?» — «Ничего я не крал, — говорю. — Я просто показал, что мог бы. В прежние времена, еще за три менеджера до вас, я частенько выходил из этого магазина с двойным набором того, что сейчас перед вами. И пока я учил вас жизни, заметил двух пацанов, занимающихся тем же, только не так ловко. А еще ваш кассир как-то странно обращался с выдвижным ящиком кассы». И я показал ему, о чем речь. Мы шуганули малолетних воришек из-за стеллажей, подонок-кассир двадцать минут спустя уже двигался в сторону КПЗ, а я получил должность на шесть сотен долларов в неделю. В общем, тот менед-

¹ Барсук — символ штата Висконсин

жер, вне себя от счастья, написал рекомендательное письмо, выбил мне должность консультанта в большом супермаркете и сети бакалейных магазинов, так что теперь я президент ООО «Держи вора».

Закончив рассказ, Боутмен спросил меня:

— А над чем ты сейчас работаешь?

Самый невинный вопрос, с которым люди обращаются к писателям, когда едва знают их и не имеют ни малейшего понятия, что сказать этим странным созданиям.

— Если, конечно, хочешь говорить об этом, — добавил Боутмен, словно исправляя оплошность.

Что сказать, как ответить? Я выбрал самый простой, урезанный вариант:

— Какое-то время я подумывал написать документальную книгу о том убийце из Милуоки, Сердцееде. Потом пробовал работать над новым романом. Продвигался он с натугой. Наконец произошло кое-что, напомнившее мне о Гути, и прошлое нахлынуло на меня. Случившееся тогда на лугу, по-моему, оказалось настолько жизненно важным для всех нас, что я не могу не заняться этим. Я понял, что обязан разобраться. Очень кстати появился Дональд, едва выйдя из тюрьмы. Мы договорились, что он немного поживет у меня — пока не обустроится, — если расскажет все, что удастся припомнить о том дне. В основном о Мэллоне.

В задумчивости я сделал большой глоток из стакана.

— И Дон очень помог: устроил встречу с бывшей Мередит Брайт.

— О, Мередит, — вздохнул Боутмен. — До сих пор голова кругом, когда думаю о ней.

— Боже тебя упаси встретиться с ней снова, — сказал я. — А если придется, распрощайся как можно скорее. Кстати, она по-прежнему производит потрясающее впечатление. На первый взгляд.

— Ну и как, она рассказала тебе все, что помнит о том дне?

— В деталях, — ответил я.

— И Гути тоже?

— И Гути поведал кое-что интересное.

— Да, хотелось бы и мне припомнить еще что-нибудь об этом, но, по-моему, без толку. Я рассказал все, что помню, когда мы с тобой встретились у «Пфистера».

— Да. Мертвые дети.

— Мертвые дети повсюду. Высоченная башня из детских тел...

Он скривился и прикрыл лицо ладонью.

— Не надо напоминать... Всегда было тяжело держать это в голове. Теперь, когда думаю об этом, кажется странным... Я спрашивал себя, что же обрету, если завяжу с воровством и займусь антикриминальным бизнесом. Покой, представьте себе. Я ведь всю жизнь даже не подозревал о его существовании, думал, это такая сплетня, которой кормят сосунков, а как только начал превращаться в старика и перестал вламываться в магазины и гостиничные номера, — вот он, покой!

295

— А не угостить ли нас обедом этого божьего одуванчика? — предложил Олсон.

— Хорошая мысль, — согласился я.

Будто не услышав нашего обмена репликами, Джейсон Боутмен обмяк в кресле, опустил взгляд на руки, сомкнувшиеся вокруг стакана — уместившийся на складке живота, он напоминал кружку для подаваний. Начинало темнеть, и редкие волосы на бледной коже головы Джейсона казались серебряными.

— Погодите. Когда очень волнуюсь, я вспоминаю о том случае, — обратился Боутмен к своим рукам, стакану и животу. — Не каждый раз, но иногда. Было в этом что-то поистине ужасное.

Он посмотрел на нас.

— Мое название всему этому... Я назвал это...

Он покачал головой, поднял стакан, опустил, не отпив. Снова помотал головой. Будто странный, дрожащий дух вошел в Боутмена, меняя его черты, замораживая язык.

— И как ты назвал это? — спросил я.

Дрожащий дух перевел глаза Ботика на меня, набрал полный рот пива, проглотил и вновь стал Джейсоном Боутменом:

— Темная материя.

— Темная материя? Это же научный термин — невидимая субстанция?

— Нет, тут другое.

Боутмен скорчился в кресле и медленно обвел взглядом комнату, будто убеждая себя, что его горшочки и шестидюймовый рядок компактов на своих местах.

— Я ни в чем до конца не могу быть уверенным, когда дело доходит до этой... м-м-м... темы. Я о том, что произошло со мной на озере Мичиган и позже, на берегу. Я так до сих пор и не знаю, где именно. Случившееся нельзя назвать даже странным, это по ту сторону понятия «странное».

Он повернулся ко мне:

296

— Это пришло ко мне из того самого места, откуда и башня мертвых детей, но чуть дальше — от самого конца, с самого дна, где все-все, что мы знаем или о чем беспокоимся, вытекает тоненькой струйкой и уже больше не значит ничего. Вот что меня сломило. Я понял, что ничто не значит больше, чем все остальное.

Ботик повернул голову к Дону:

— Это о тебе. Тебе и Мэллоне. Ты знаешь, как страстно мне хотелось того, что получил ты. Я бы все отдал за то, чтобы Мэллон выбрал меня. В ту единственную ночь в Милуоки я чувствовал, что в самом деле мог бы получить вторую возможность. Хочешь послушать, что случилось? Ли, это пришло с луга, я уверен. Просто путь туда у меня получился намного, намного дольше, вот и все.

— Пожалуйста, расскажи, — сказал я.

— С тем, что получил я, жить тоже было не просто, — сказал Дон. — Чтоб ты знал.

— Заткнись и слушай, — скомандовал Ботик.

ТЕМНАЯ МАТЕРИЯ

Прежде всего, нам необходимо понять, начал Ботик, что у него свои отношения с озером Мичиган. Для Ботика озеро неразрывно связано с отцом, но не в хорошем смысле. К озеру Мичиган отец уезжал на работу, а его жена и сын оставались в Мэдисоне: озеро отнимало у него папу. Частенько по вечерам Чарльз Боутмен звонил и говорил, что слишком устал, чтобы ехать домой, и завалится спать в мастерской. Иногда папа был пьяным, когда звонил оттуда, пьяным и радостно возбужденным — старик был настоящим жизнелюбом. Изредка, когда трубку снимал Ботик, он слышал фоном за нечеткой речью отца музыку и смех. Естественно, иногда Джейсону разрешали приезжать в Милуоки и околачиваться у эллинггов, которые арендовал отец. Без Ширли папа держался намного раскованней, и с ним было весело тусоваться. Чарли Боутмен строил лодки и продавал их богатым заказчикам, но по-настоящему любил он только тусоваться. Так что озеро Мичиган символизировало и отсутствие отца, и бурный, бесшабашный разгул, в который пускался старик на его берегах.

Да и само озеро казалось Ботику каким-то особенным. Оно совсем не походило на озера Мендота и Монона, рядом с которыми он рос, озеро Мичиган напоминало океан. С того берега Мендоты, где находился кампус, просматривались шикарные дома на другом берегу, а у Мичигана будто не существовало противоположного берега вовсе. Оно

просто уходило дальше и дальше, мило за милей, бледно-зеленое у берега и матово-голубое, холодное на глубине. Там озеро Мичиган переставало притворяться славным, дружелюбным водоемом, как Мендота или озеро Рэндом, и являло истинное лицо, зверское, лишенное всяких чувств, кроме тупого упорства. «Я, я, я». Вот что оно твердило, когда ты заплывал настолько далеко, что терял из виду берег. «Я, я, я. А не ты, не ты, не ты». Не придашь этому значения — пропадешь, без вариантов.

В Милуоки был случай — погиб ребенок, оставленный на Мичигане без присмотра на ночь в парусной шлюпке весной 1958 или 1959 года. Ботик припомнил рассказ отца о том, что нужно делать, чтобы не попасть врасплах, как тот несчастный малыш. Вот только знаете что? Почти такая же чертовщина приключилась с Ботиком Боутменом на одиннадцатом году жизни, через пару месяцев после того, как Чарли Боутмен ошарашил известием о том, что любит эту девицу, Брэнди Брубейкер, и отныне намеревается жить с ней и лишь изредка приезжать в Мэдисон. Гром среди ясного неба. С отчаяния Ширли несколько лет крепко пила, а маленький Боутмен оказался предоставлен самому себе.

Как-то ночью он совершил поистине идиотский поступок: вышел на дорогу и вытянул руку с поднятым большим пальцем. Бог милосерден к дуракам, и с двумя пересадками он доехал до Милуоки. Беда в том, что Ботик толком не знал, где находятся отцовские мастерские и навесы для лодок, поэтому начал искать их в нескольких милях севернее, у причалов для яхт в самом Милуоки, а не в Кадахи, месте не столь шикарном. Одиннадцатилетний Ботик полагал, что, если доберется до места, где есть лодки, он увидит эллинги отца или спросит кого-нибудь, где они. Ведь все знали Чарли Боутмена. Эй, ведь этот парень — душа компании и первоклассный корабел. Вот только Ботик никак не мог найти кого-нибудь, кто знал его папу. Темнело, хотелось есть, в душе росло отчаяние. Он решил позаимствовать маленькую яхту с какого-нибудь причала, выйти на озеро и двигаться

вдоль береговой линии до тех пор, пока не покажутся знакомые здания. Он протопал по берегу огромного озера несколько миль — как выяснилось, не в ту сторону — и наконец набрел на швербот «Санфиш», пришвартованный на частном причале у подножья крутого утеса с длинным пролетом вырубленных в камне ступеней.

Ботик спрыгнул на причал, отвязал яхту, наладил парус и сразу же поймал умеренный бриз, который вывел его на открытую воду. После этого все пошло не так. Хотя мальчик был неплохим моряком, он слишком удалился от берега и в сгущающихся сумерках потерял его. Городские огни служили грубым ориентиром, но через пару часов бесцельного лавирования галсами ему показалось, что он видит маленькие яркие искры, подмигивающие со всех сторон. Пал туман. Ботик знал, что отошел далеко в открытые воды озера, но не имел понятия насколько, к тому же, как последний идиот, забыл взять с собой компас. Наконец он убрал парус, лег на неудобное дно швербота и, обессиленный и переволновавшийся, впал в забытие. Холод и голод по капельке вытягивали из него жизнь. Каждый раз, когда он просыпался, его одолевали галлюцинации. Ему грелилось, что его заперли на ночь в большом универсаме, «Санфиш» несет его меж обильных рядов, а он выхватывает с полок рубашки и свитера, лампы и подносы для посуды, дуршлага и горшки.

Наутро, в десять часов, из густого тумана выплыл патрульный катер, трогая пространство лучом поискового прожектора, как щупом, и передавая звуковые сигналы, которых Ботик не услышал, пока поисковое судно едва не врезалось в швербот. Офицер патрульного катера спустился к мальчишке, завернул его в одеяло цвета тумана и передал напарнику. Тот сказал:

— Эх, дурилка, надеюсь, ты когда-нибудь оценишь, как крепко тебе повезло.

Две ночи в больнице, и такое чувство, будто силы вытекали из него густой тягучей струей, как масло из маши-

ны. Отец рвал и метал, а мать прямо в тапочках примчалась на автобусе в Милуоки и увезла его. Он и вправду оценил везение: семья, которая жила в особняке над утесом с высеченными ступенями к пирсу, из сострадания к мальчику не стала предъявлять обвинение в краже яхты. Когда люди интересовались мотивами его поступка, он всегда отвечал:

— Да просто, наверное, хотел еще раз увидеть папу...

* * *

— И до сих пор это единственное объяснение, — сказал Боутмен. — Но когда я второй раз вышел на озеро Мичиган в украденной лодке, сюрприз для папы в мои планы не входил. Я полагал, мне удастся воссоединиться с тобой, Кроха, и Спенсером Мэллоном. Я думал, что мне дадут вторую возможность!

Он поднялся.

300

— Если собираетесь угостить меня обедом — не будем откладывать. Я проголодался, а на Вильямсон-стрит есть славное местечко под названием «Солдат Боб». Карибская еда. К тому же можно немного размяться — прогуляться туда пешком.

* * *

Когда мы входили в «Солдат Боб», я подумал, что как раз из-за таких заведений я добавил «плохие рестораны национальной кухни» в список учреждений, массово расплодившихся в подобных местах. Аспирантка, подрабатывающая официанткой, встретила нас, и мне вдруг стало не по себе: почудилось, будто она прочитала мои мысли. Продолжая улыбаться, девушка провела нас к столику в дальнем углу.

Боутмен жестом предложил нам садиться лицом к большому окну с видом на полное людей патио.

— Ребята, заказать вам что-нибудь выпить? Вас, по-моему, жажда одолевает.

Мы удивили официантку, уловившую запах алкоголя. Она приняла нас за потешных старых выпивох, прожигающих свои закатные годы. Мы расселись, и окно за спиной Джейсона Боутмена превратило его в темный силуэт.

— Мне только воду, — попросил я. — И плесните туда немного водки.

Блестяще изобразив услужливое повиновение, которое никоим образом не подразумевало, будто она нашла в этом что-то смешное, официантка повернулась к Боутмену.

— «Багровую жадину», — сказал он.

— Что? — спросил Дон.

— То, что здесь подают, — ответил Ботик. — Фруктовые напитки. Вкуснятина. А еще обожаю «Анестезию».

— Спасибо вам, добрый господин, — сказала официантка. Она решила, что мы все трое идиоты.

Я сказал:

— Ну, если здесь пьют это, тогда я поменяю заказ и попрошу то же, что и моему другу. «Багровую жадину». Справитесь?

— Конечно, сэр. — Ее улыбка словно застыла.

— Тогда и мне, — подал голос Дон. — Только мне «Анестезию».

— Через секундочку принесу меню, — сказала она и умчалась.

— Хорошо хоть, не сцапал ее запястье, как в наручники, и не требовал назвать свое имя, — сказал я.

— Я бы попросил в моем присутствии избегать слова «наручники», — сказал Ботик.

— Я проделал большой путь, — объяснил Олсон застывшей тени, в которую превратился Ботик. — Как только добрался до Чикаго, позвонил Ли и спросил, можем ли мы встретиться у «Дитка». Таким вот был мой первый день на свободе, и я, пожалуй, был грубоват с нашей официанткой. Такая симпатяга. Вот как эта крошка.

— Знаете, что я понял буквально на днях? — спросил Ботик. — Все молодые красивы.

Оттого, что видна была лишь половина его лица, заявление прозвучало загадочно.

— Верно подмечено. И пожалуй, так оно есть.

Девушка вернулась с напитками и меню, а чуть позже мы заказали фриттер с моллюсками, жареную зубатку, жареных креветок и вяленую свинину.

— Итак, мы славненько устроились. Джейсон, можешь рассказать, как во второй раз украл лодку и отправился в плавание по Мичигану. Почему ты полагал, что тебе удастся увидеться с Мэллоном и Доном? Ты был пьян?

— Ничуть. Хотя тогда я поддавал будь здоров. Но только не в тот вечер. Я жил в «Пфистере» и работал там. Как-то вечером после ужина захотелось просто прогуляться по берегу. Стояло лето, дни были долгими, и у меня еще оставался час светлого времени. От «Пфистера» я поднялся по Висконсин-авеню, прошел мимо памятника жертвам войны через парковку и свернул к пристани для яхт, которая виднелась вдалеке. Не успел я дойти до нее, как понял, что со мной происходит что-то странное.

Голос Джейсона, почти такой же, как в юности, плыл от чуть размытого силуэта на фоне светлого окна. Отдельные черты становились отчетливыми, лишь когда он поворачивался к кому-то из нас или наклонялся вперед. Мне отчего-то подумалось, что Ботик облачен в саван и пытается скрыть свой печальный образ.

ТЕМНАЯ МАТЕРИЯ II

Голоса летели к нему с воды, рассказывал Ботик, словно где-то стал на якорь океанский лайнер и все пассажиры высыпали на палубы и радостно галдели. Определенно это был шум большой толпы, шум вечеринки. Такое ни с чем не спутаешь. Хотя все неправильно; так не бывает. Звук далеко разносится над водой, это знает каждый, но не настолько же. Он не видел судна, значит, до него не меньше мили. На таком расстоянии можно что-то услышать, но не так отчетливо, а лишь едва-едва. Однако сквозь шум пробивались голоса, и он мог даже различить отдельные слова. Женщина что-то кричала и смеялась, мужчина снова и снова повторял звучным тенором приказ или команду. Все остальные болтали и невнятно тараторили во всю силу своих легких. Пронзительный смех резнул слух совсем рядом, будто лайнер подошел ближе. Ботик услышал, как звонкий мужской тенор произнес: «Мне надо то же, что и тебе», и голос унесся назад к воде.

Вечеринка закончилась. Лайнер ушел. Что бы это ни было, все исчезло, упала тишина.

«Мне надо то же, что и тебе»?

Ботик пошел дальше. Причал казался недостижимо далеким. Слуховая галлюцинация, если это была она, растревожила его. Он остановился на объяснении, что ветер или необычное свойство воды каким-то образом принесли голоса за десять-пятнадцать миль. Он слышал вечеринку на пароме, а не на океанском лайнере, люди веселились, входя в

раж и понемногу теряя разум. Такое бывает на праздниках, но Ботик чувствовал в этом веселье что-то дьявольски безрассудное, даже демоническое. И обрадовался, что он не на том пароме сейчас.

И вот Ботик достиг дальнего узкого конца огромной автостоянки за музеем искусств. Оставалось миновать полосу садов, зеленую лужайку и пруд с утками. Далее начиналась гавань для яхт — сложная система длинных изгибающихся причалов, усеянных сотнями прогулочных катеров: некоторые с тонкими мачтами, другие более массивные, широкие, несущие рулевые рубки, как строгие белые шляпы. Лодки покачивались на ветру, которого он не ощущал. Озеро Мичиган накатывало синими волнами, увенчанными барашками сверкающей пены. Ботик переступил бетонное ограждение стоянки и опустил ногу на пружинистую траву.

304

Рев голосов взорвал воздух, истерически, жутковато засмеялась и взвизгнула женщина. Мужской тенор медно протрубил: «Мне надо то же, что и тебе».

Ботик застыл на месте — звуки исчезли. Воровское чутье подсказывало вернуться в отель, собрать вещички и двигать из этого города.

Он опустил на траву вторую ногу. Джейсон Боутмен не позволит шуткам природы пугать его. Вид множества причалов воодушевил его, напомнив папу: яхты Чарльза Боутмена были красивыми, каждая — Ботик теперь понял это — произведение искусства, как гитара ручной работы из красного и орехового дерева, в каждый блестящий дюйм которой вложен уверенный и кропотливый труд. Будет настоящий кайф увидеть парочку таких, покачивающихся у причала на частной — разумеется — пристани. Почему бы не взглянуть?

Инстинкт самосохранения настойчиво призывал его вернуться в отель, выписаться и сесть на первый же поезд, отправляющийся из города. Ну не странно ли? Какие-то дикие непонятные звуки, прилетевшие с воды, и он чуть не сбежал отсюда.

В каждом из нас сидят два человека: один говорит «нет», а второй — «да»; один говорит: «О господи, не вздумай ходить туда, даже не прикасайся к этому», а сожигатель, что порисковее, говорит: «Да ладно, все у тебя выгорит, не дрейфь, попытка — не пытка». Ботик обычно слушался второго, хотя первый четыре или пять раз удерживал его от попадания в ситуации, схожие с зыбучим песком. Его долгая карьера на темной стороне закона подкреплялась убеждением, усвоенным в юности: никогда не ввязывайся в дело, не будучи уверенным, что сможешь вовремя выскочить. Взвесь все «за» и «против»...

Однако на этот раз он ничем не рисковал, а значит, и терять нечего. Странные звуки разбудили мистера Пошли Скорей Отсюда, но беспокойство этого парня было преувеличенно и бессмысленно. Ботик решил не обращать внимания на его истерические вопли и разобраться с ним — если удастся — попозже.

Нельзя отрицать, что трубный глас и визгливый смех затронули его более осторожное и, наверное, мудрое «я», молчаливое, забившееся в угол шкафа. Его растревожил внезапно налетевший и тут же исчезнувший запах: озон, и мокрый гранит, и едва уловимый душок разлагающейся плоти, а еще тонкий аромат, навевающий мысли о бескрайних просторах незнакомых мест, об электричестве, пронизывающем черноту далекого космоса...

В свете угасающего дня, решая, как поступить, Ботик подумал: «Черт, что-то в этом озере не так». Однако он двинул к отдаленному причалу, на ходу составляя план: угнать яхту, которую построил его отец, выйти на большую воду Мичигана, который однажды едва не погубил его, и там, вдали от берегов, принять то, что его ждет. Ботик оглянулся через плечо и увидел, как из стремительного завихрения воздуха возник человек, знакомый по вечеринке в доме «Бета Дельта» и по самому знаменитому роману Ли Гарвелла.

Появление из ничего и ниоткуда, из завихрения воздуха, из бескрайнего черного космоса, запах которого Ботик толь-

ко что уловил, настороженного человека в опрятном сером костюме и стрижкой «под ежик» лишь подстегнуло Ботика. Лежавшая рядом с незнакомцем большая темная собака с толстым черным кольцом шерсти вокруг шеи и хвостом, как сабля, вскочила и повернула голову, чтобы ухватить Ботика взглядом внимательных сверкающих глаз. Он мог сколько взлезет думать о сборе пожитков и о том, чтобы поспеть на поезда к сытым, сонным маленьким городам, но вернуться в «Пфистер» он не мог. Пути назад не было.

И вот агент, можно называть и так, наблюдал за Ботиком, а собака совсем не напоминала настоящую. Если вы спросите Ботика, это его порядком напугало. Агент и его шавка взялись оттуда же, откуда и шумы, что могли — или не могли — доноситься с палубы крупной частной яхты, на которой народ пустился в пьяный разгул.

Если человек кричит: «Мне нужно то же, что и тебе», значит ли это «ты мне нужен»? Означают ли его слова «я хочу тебя»?

Ботику пришлось обойти пруд. Трава казалась жесткой, как щетина. Когда он подошел, утки захлопали крыльями, а когда миновал пруд и оглянулся, они продолжали так же плавать — с поднятыми крыльями, будто пластмассовые игрушки. Агент фланировал в сорока футах позади, уделяя внимание не столько Ботику, сколько свирепого вида собаке.

Небо потемнело. Облака прекратили стремительное скольжение и сразу стали казаться нарисованными на ровной, жесткой поверхности. Уходящий свет, такой тусклый, что виделся почти голубым, не хранил ни капли тепла. Воздух вокруг причалов будто застыл. Трава под ногами стала сухой и ломкой. Сделав еще два хрустящих шага, Ботик удивленно наклонился и присмотрелся.

Словно сошедшие с конвейера, стебельки торчали из чуть выступающих шишечек-конусов темно-коричневого пластика. Закругленными вершинами конусы напоминали крошечные вулканы. Ботик аккуратнo, чтобы не порвать, потянул травинку из конуса. Однако зеленый стебель от-

делился легко, с металлическим шелчком, а из кратера вылетело крохотное облачко. Он поднес к лицу выдернутый стебель и смотрел, как тот съеживается в руке. Когда травинка сделалась похожей на пожеванную зубочистку, Ботик бросил ее, поднялся и продолжил с хрустом шагать, пока не достиг белого бетона на краю пристани.

Сойдя с лужайки, он заметил, что оставленный след становится бледно-коричневым, и оглянулся. Вдоль всего берега утинового пруда его путь был отмечен мертвой, песочного цвета травой. На тротуаре тип в сером костюме раскрыл ладонь параллельно земле и приподнял на пару дюймов над землей. Огромная собака, выполняя команду, задрала хвост, обнажила острые зубы и побежала. Будто выжженная, фальшивая трава умирала под лапами, аккуратные следы потянулись к Джейсону Боутмену. В двадцати футах от него собака остановилась. Тусклой, неподвижной синевой застыл воздух. Большим усилием воли заставив себя стоять на месте, Ботик разглядывал зверюгу. Она напоминала набивное чучело на колесной тележке. Жесткий воротник шерсти казался искусственным, вот только Ботик отчетливо видел каждый жуткий белый зуб в розовой пасти, совсем не походившей на резиновую.

Воздух разбудили хлопанье крыльев и птичья песня, и Ботик посмотрел вверх. Над головой плыл жаворонок, держа курс на него. От пылающей жизнью, победоносной, пылкой и трепетной песни у Ботика едва не остановилось сердце, он лишь успел подумать: «Эта проклятая жизнь полна счастья». И тотчас, так же внезапно, как и появился, жаворонок исчез.

А как, спросите вы, он узнал, что это жаворонок? Наверняка скажете, он ошибся. Этот Ботик ведь был конченным бандитом, а не орнитологом. Он разве не знал, что на этом континенте жаворонков никогда не видели? Что здесь они просто не водятся? Он видел ласточку-касатку. Ну-ка, еще раз отгадайте, ребята. Когда Ботик наконец вернулся домой после встречи с темной материей, он поискал в энциклопедии слово «жаворонок». Птичка с удлинненным коричневым

тельцем, черными полосками над крыльями и серовато-белым брюшком. Прилагалась и картинка, и это была птица, которую он видел, точь-в-точь. И знаете, та песня, та мелодия, которую пел жаворонок... В общем, все, что он мог сказать, — он слышал ее, и это было *что-то*, вот такие дела.

«Как жаль, что меня там не было», — подумал я.

В синеватых сумерках под слепящим солнцем, с тающим воспоминанием о жаворонке Ботик вышел на длинный изгибающийся слип и через несколько минут высмотрел отцовскую яхту — маленький шлюп с ярко-желтым нейлоновым треугольным парусом, обвисшим на мачте. Чтобы убедиться в своей правоте, он опустил на корточки у края причала и присмотрелся к самой верхней секции корпуса. На положенном месте обнаружилась отцовская, чуть выгоревшая метка «Ч. Боутмен, 1974» рядом с его товарным знаком — буквами «Ч» и «Б», начертанными без пробела так, что смахивали на литеру неизвестного алфавита. Но на самом деле особой нужды искать логотип не было: шлюп имел хорошо узнаваемый опрятный вид в стиле «немецкий порядок во всем», свойственным изделиям Чарли Боутмена. Стоит увидеть хоть одно, и точно знаешь: суденышко вдобавок ко всему будет дьявольски проворным. Странно, если задуматься. Человек, жизнь которого представляла собой шумный праздник, человек, который пребывал в крепком подпитии день напролет, не признавал авторитетов и относил себя к рабочему классу, — создавал совершенные суда, становившиеся, по сути, игрушками для богатых людей. Бедные могли научиться ходить под парусом, если росли в правильных местах, но, чтобы купить изделие Чарльза Боутмена, нужно иметь много денег.

Шлюп удерживал только один швартов. Спинакер следовало спустить и уложить в небольшой мешок, называемый «черепашей», однако вместо этого он свисал с мачты, как тряпка. Хозяин, по-видимому, в спешке вернулся к причалу,

выскочил, привязал швартов и рванул куда-то, намереваясь вернуться к своей посудине как можно скорее. Но где же грот? Спешащего хозяина не наблюдалось. Да и вообще, не видно ни души, кроме странного существа с внимательной собакой: оба по-прежнему не сводили с Ботика глаз.

Мир вокруг казался неправильным. По Мемориал-драйв не летели машины, на дорожке не видно бегунов, утки испуганно замерли под изломами крыльев, и, насколько мог видеть Ботик, город выглядел вымершим. Огни светофоров горели красным. А вся громадина озера налилась густой синевой, как кровоподтек.

Он вспомнил, как в детстве украл швербот с частного причала, как искал отца, и ему снова захотелось бежать прочь.

Словно из распахнувшегося в пространстве окна, на него выплеснулся хриплый шум вечеринки: жуткий визг-смех, голос с интригующим, агрессивным заявлением. Когда он протрубил ту же фразу, все вновь исчезло, будто окно захлопнул ветер или гигантское радио внезапно потеряло сигнал. В наступившей тишине зазвучали два голоса. И хотя Ботик не мог разобрать слов, голоса показались знакомыми, более чем знакомыми — дорогими и близкими, голоса ангелов-хранителей его детства. Ботик понял, что нельзя упустить ни одного слова. Их появление означало: они вернулись ради него, они разыскивали его. И поэтому просто необходимо расслышать, что они говорили.

Собака шагнула вперед, умирающее солнце окрасилось ржавым. Более низкий голос произнес: «Тебе не кажется... (невнятное бормотание)... что нам надо?..» Второй голос ответил: «...Мне надо то же, что и тебе...»

В голове у Ботика что-то щелкнуло и встало на место, и он понял, кто разговаривал там, на озере. Первый голос принадлежал Спенсеру Мэллону, а второй — Дональду Крохе Олсону.

— Он такой неопытный, — сказал Мэллон.

— Мы — как раз то, что ему нужно, — сказал Кроха.

Не раздумывая, Боутмен отвязал швартов, шагнул с причала на палубу и оттолкнулся. Будто со стороны он увидел, как делает это, потом проделал это шаг за шагом, не заботясь о последствиях. Когда шлюп должен был остановиться, потеряв инерцию, неизвестно откуда взявшийся ветерок в странном маленьком мире вокруг него надул желтый спинакер и, к изумлению Ботика, вывел лодку в озеро.

Его нельзя назвать никудышным моряком, он знал и умел достаточно, чтобы не завалиться на борт и добраться до места назначения, но сейчас Ботику препятствовали два серьезных обстоятельства. Из-за отца он не любил плавание под парусом, поэтому у него недоставало опыта; и еще он никогда не выходил на паруснике, оснащенном одним только спинакером. Насколько он знал, не выходил никто, по крайней мере добровольно. Спинакер — парус дополнительный, с ним быстрее можно идти по ветру, но грот он не заменит.

310

Ботику пришлось править, пользуясь и рулем и спинакер-гиком, но сначала он уравновесил парус — невыполнимая задача в условиях безветрия. Когда ударил подходящий бриз, пришлось карабкаться, чтобы зацепить фал и шкоты за три угла, и, пока он тянул за шкоты, лодка опасно кренилась и отчаянно кружила на месте, едва не черпая бортом воду. Ботик подумал, что здесь нужны три человека: одному рулить, второму следить за креном, третьему управляться с мачтой. В одиночку же пришлось биться, чтобы хоть как-то управлять яхтой. Пока Ботик, откинувшись назад, тянул изо всех сил веревки, причалы исчезли, и он понятия не имел, куда его снесло. Воздух становился все синее и синее, хотя оставался прозрачным. Солнце пропало, и вода стала казаться почти черной.

Внезапно шум вечеринки обрушился на него будто из-за угла, если бы на озере существовали углы. Визжащая женщина, орущий безумец, суматоха тараторящих голосов: Ботик приветствовал их возвращение. Он рассматривал его как приказ, как призыв к оружию. Когда свежий ветерок наполнил парус, он потянул шкот, и, словно рванувшая из-за

калитки борзая, шлюп устремился к невидимой вечеринке. Иногда шум пропадал, и два знакомых голоса звучали в тишине. Он выхватывал интонации, но слов не разбирал.

Ботик увидел длинный пляж, окаймленный деревьями: остров, но как будто нарисованный. Вдоль края песчаной полосы низким облаком плыл тусклый туман, обтекаая стволы. Промедли Ботик — вылетел бы на мель и угробил шлюп. Из всех сил он налег на румпель, и суденышко развернуло бортом к ветру. Желтый парус обвис. Все вокруг замерло.

Сквозь оглушительные удары сердца Ботик расслышал голос Спенсера Мэллона:

— Тигр — это принцесса, а принцесса — это тигр, но об этом никто¹...

Не задумывается? Не понимает?

Боутмен скользнул в воду и почувствовал, как коченеет от холода. Что-то скользкое, вроде гниющих водорослей, обвилось вокруг лодыжек и опалило ступни. Лишь огромным усилием он высвободил ноги из жгучей хватки, и так — с каждым шагом, пока двигался к берегу, толкая суденышко к пляжу. Когда киль царапнул дно, он вырвался из водорослей, шагнул на песок и вытащил лодку на три четверти корпуса из воды.

Ботик был почти уверен, что голоса доносились из леса. Едва различимые звуки, которые запросто могли быть головами людей, по-прежнему слышались из-за деревьев. Как только он миновал полосу песка, низко стелющийся туман вдруг полетел с удвоенной скоростью и окутал его, закрыв видимость. Ботик закричал:

— Спенсер! Спенсер Мэллон! Помогите!

Никто не ответил, и он побрел вперед; настроение прыгало от надежды к отчаянию. Его завлекли на этот остров, поскольку наверняка на береговой линии озера Мичиган между Милуоки и Чикаго такого места нет. Мир сделался

¹ Сказка-загадка Фрэнка Стоктона «Принцесса или тигр?», 1882 г.

мрачным и мертвым, и мертвый мир захватил его в плен. Он вытянул руки в стороны, сделал шаг, другой...

Туман охлаждал кожу и просачивался в нос и рот. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким потерянным. Что с ним произошло?

Когда безумные голоса прилетели через водное пространство, мир вокруг него изменился. Трава, которая не была травой, умирала под ногами, озеро сделалось гигантским кровоподтеком, солнце остыло и окрасилось в ржавый цвет, эта жуткая неживая собака... Темнеющий мир уговорил его взять шлюп без грота и завел в свое ужасное сердце, на этот «как бы остров», где он ничего не мог разглядеть из-за тумана с запахом аммиака и привкусом хлора.

Он велел себе хотя бы двигаться вперед. Протянув руки, кашляя, Ботик сделал шаг и почувствовал, как пальцы коснулись ствола дерева. Он вел себя как последний дурак, и вот он, тупик. То, что он угнал отцовскую яхту, казалось ему жестокой шуткой.

312

Голос Спенсера Мэллона — точно он! — вновь раздался в глубине леса, и Ботик пошел на звук. Толстая ветка оцарапала лицо, запустила пальцы-прутики в волосы. Ботик изо всех сил постарался не вскрикнуть, хотя кричать ему сейчас хотелось больше всего. Он высвобождал волосы и слушал, как Мэллон говорил — по-видимому, вел беседу. Прикрывая голову руками, Ботик двинулся мелкими шажками к неумолкающему голосу. Глаза щипало, он болезненно жмурился и видел перед собой лишь плотную вату тумана.

Голос Мэллона говорил: «...Подобрал отрезанную руку и отшвырнул в угол... собака... утатила руку на двор, кисть раненого... отпил из стакана...»

— Липкого от его же крови! — закричал Ботик, вспомнив, что его кумир рассказывал в нижнем зале итальянского ресторана. — Стакан был липким от его собственной крови.

Сценка в нижнем зале вспомнилась ему от начала до конца, будто сохраненная под стеклянным колпаком. Он видел коварного красавца Мэллона за столом в окружении

эффектных женщин. Ботик мысленно всматривался в четкую картину, всплывшую в памяти. Мэллон резко повернул голову и сощурился на что-то, видимое только ему: фигуру, внезапно появившуюся и почти мгновенно исчезнувшую. Ботик спросил: «Вы видели собакоподобных?»

Из-за дальних деревьев, тоже окутанных туманом, прилетел голос Крохи: «...Что нужно ему, то нужно всем нам, что надо сейчас...»

— Кроха! — заорал Ботик. — Блин, да вы двое — именно то, что мне нужно!!!

«...Липкий от его собственной крови, чувак... а собака разодрала руку в клочья...»

Глаза по-прежнему жгло, и глотку словно ободрало туманом, которого он наглотался. Серые клочья вились вокруг мощных деревьев, зависали между стволами паучьими сетями. Ботик углублялся в лес, туман таял.

«...клочья... суставы и хрящи... капали с черной морды...».

Ботик ощущал, что его цепко держат два противоречивых состояния. Он ликовал и был почти счастлив, но чувствовал, что его вот-вот вырвет. Над его ликованием, казалось, насмеялась какая-то скрытая, неявная ошибка, циничная и издевательская темнота, как-то связанная с картиной отсеченной человеческой руки, истекающей кровью в жуткой пасти.

— Эй, я здесь! — крикнул Ботик, недоумевая, почему его не слышат.

Продираясь через тонкие низкие ветки, он сделал еще пару шагов вперед и был вынужден остановиться, открыть рот и согнуться. Желудок больно сжался, но ничего не вышло наружу. «Это отравленный туман, — подумал он и тут же сказал себе: — Нет, туман не ядовитый, и не от него меня рвет».

Тошнота прошла.

«...Этот безрассудный молодой идиот, — говорил Мэллон. — ...мудрости, капелька ее дала о себе знать».

— Нет, — сказал Ботик, — вы имели в виду другое.

«Насилие вплетено в ткань нашего времени...»

«Рождение есть насилие».

— «Божественные искры стремятся к воссоединению»¹, — процитировал Ботик и пригнулся под ветки и редящий туман. — И ведь так оно и есть?

Мягкий нежно-голубой свет заливал небольшую поляну в зарослях, видимую лишь в те мгновения-вспышки, когда между деревьями мелькал человек со светлыми волосами, говоривший: «Мы живем во время глобальной перемены».

Сердце Ботика разрывалось от любви:

— Спенсер. Спенсер Мэллон. Оглянитесь!

Скорее всего, Мэллон слышал его голос, однако не обратил внимания. Ботик опрометчиво прибавил ходу, наталкиваясь на стволы деревьев и спотыкаясь о корни, похожие на змей. Он разодрал веткой лоб, струйка крови скользнула по щеке. Ладонью он размазал кровь по лицу, вытер руку об рубашку, оставив широкий неровный мазок. Не дойдя футов десяти до поляны, Ботик увидел основу и смысл своей жизни — Спенсера Мэллона, спиной к нему, в джинсах, хлопчатобумажной рубашке, куртке-сафари и башмаках Dingo. Его волосы, жесткие на вид и чуть длинноватые, покачивались в такт шагам. Даже со спины он выглядел потрясающе молодым.

Джейсон Ботик Боутмен достиг возраста сорок пять лет, еще через несколько долгих и одинаково скучных лет он случайно наткнется на Ли Гарвелла, знаменитого писателя, у бокового входа в отель «Пфистер».

Дональд Кроха Олсон оказался даже более молодым. Сидя спиной к дереву, с сигаретой, скорее всего, «Тэрейтон» в руке, одетый в школьную форменную футболку, потертые джинсы и мокасины, Дон Олсон выглядел молоденьким, потому что было ему всего лишь восемнадцать.

Ботик забыл, каким симпатичным мальчишкой был Кроха. Он мог бы податься в артисты или что-нибудь в этом роде.

¹ Франц Харман, «Магия».

— Ну да, точно, — сказал Олсон. — Только не сложилось.

— С тобой — нет, — сказал Ботик. — Зато со мной — да.

Постаравшись как следует вытереть кровь с лица, Ботик подобрался к краю поляны и остановился меж двух кленов. Голубоватый свет, лишенный тепла, осыпал искрами его руки и ноги. Он прижал грязный носовой платок к ране, пульсирующей на лбу.

— Эй, народ, — позвал он. — Слышите? Ни черта не пойму, что за фигня здесь творится. Мы что, вернулись в прошлое?

Кроха посмотрел на него и поднес сигарету к губам. Затянулся и выпустил тонкую быструю струйку дыма. На лице застыла маска скуки.

Мэллон обернулся, медленно, с почти балетной сосредоточенностью. Сейчас, поскольку Ботик был намного старше Спенсера, он увидел в лице кумира качества, которые ускользнули от него в школьные годы: лень, тщеславие, эгоистичность и сознательную готовность к обману. И еще кое-что: врожденную бдительную настороженность истинного позера. Он отчетливо разглядел не только эти черты, но и кое-что необычное. Когда Мэллон скрестил руки и склонил голову, отчего волосы очаровательно свесились на сторону, Ботик понял, что Мэллон наделен особым качеством: казаться чем-то большим, чем был на самом деле. Этот человек был прирожденным магом, припомнил он с безнадежной любовью.

— Не совсем так, Джейсон, — с улыбкой произнес Мэллон, который уловил все ощущения Ботика. — Я тоже рад тебя видеть. Но это невозможно. Никто не может вернуться в прошлое. Время нелинейно. Оно движется не вперед-назад, а растекается во все стороны. Время есть безбрежное пространство одновременности событий. Один участник моей веселой маленькой банды выучил свой урок, я б сказал, труднейшим способом, но, наверное, лучше бу-

дет сказать, что он выучил его основательно. Я, разумеется, о Бретте Милстрэпе, соседе Кита. Я считал, Кит подавал колоссальные надежды, будучи таким грешником, но Бретт меня никогда особо не заботил. Полагаю, ты порой видишь-ся с ним.

— Да, — ответил Ботик. — Вижусь. Но... сейчас-то ведь это я в своем времени, а вы и Кроха — в шестьдесят шестом, и от этого у меня просто крыша едет, сказать по правде... Черт, простите, кровь хлещет, я ударился головой о ветку там... Я что хочу сказать: я всегда надеялся снова увидеться с вами, потому что верил, что вы сможете мне все объяснить.

— Размечтался, — процедил Кроха скучно и враждебно.

— Хочешь остановить кровь? Нет проблем. — Мэллон ткнул указательным пальцем Ботику в лоб, рана перестала пульсировать. — Ну вот, уже лучше. И выбрось этот жуткий носовой платок.

Ботика его распоряжение немного удивило, ну да черт с ним, это ж 1966 год. Загрязнение окружающей среды еще не изобрели. Он отнял платок ото лба и выкинул за спину.

— Полегчало?

— Я б не сказал... Так что происходит?

— Боже мой, малыш. Ты наконец увидел нас через столько лет — и это все, что ты можешь сказать? Хорошо. Объясню еще раз.

Мэллон шагнул вперед и выбросил перед собой правую руку:

— Представь, что это хайвей. Во времени. Широченный хайвей, бегущий через все времена. Понятно?

Он вытянул левую руку в сторону и держал ее неподвижно, сделавшись похожим на чокнутого копа-регулирующего.

— А это автострада поменьше и поуже, масштаба штата, не федеральная. Они пересекаются во мне, я в этом месте — перекресток. Когда ты приближаешься ко мне, ты можешь свернуть, можешь ехать куда глаза глядят, потому что таких перекрестков полно везде.

— И вот так я попал к вам?

Мэллон опустил руки и улыбнулся, но улыбка у него получилась не теплой и не дружеской:

— Скорее, это мы «вот так» попали к тебе, Ботик.

Он отвернулся и театрально взмахнул рукой:

— Кровь стекала с челюсти собаки. Пасть была измазана ею. Кровью был залит весь пол в баре. Не думаешь ли ты, что это знак?

— Вы посылаете мне знак? — спросил Ботик.

Вокруг него вдруг загрохотала вечеринка, злая, безумная и глумливо-враждебная. Невидимая толпа вопила и хихикала, невидимая женщина визгливо смеялась. Словно уловив в грохоте команду, Кроха поднялся на ноги, а густой, настойчивый тенор протрубил сквозь окружающую какофонию:

— МНЕ НУЖНО ТО ЖЕ ЧТО И ТЕБЕ МНЕ НУЖНО ТО ЖЕ ЧТО И ТЕБЕ МНЕ НУЖНО ТО ЖЕ ЧТО И ТЕБЕ!..

Мэллон вновь повернулся лицом к Ботику, взмахом руки отпуская его.

— Ты что, не слушал? Возвращайся и начни все сначала, — сказал он.

Из-за гвалта голос был едва слышен.

* * *

Оглушительный шум прекратился; голубой свет потускнел. Мир в пространстве трех измерений погрузился в темноту. За почти неуловимое мгновение все полностью исчезло.

* * *

Клены закрыли от Ботика поляну, хотя его по-прежнему не оставляло чувство, будто она опустела. Отсюда он должен был хоть краешком глаза заметить фигуры тех, чьи голоса завели его так далеко, однако все, что ему удалось разглядеть меж стволами, — залитый солнцем пятачок высоких трав, сразу за которым плотной стеной вставал лес.

— Спенсер! — закричал он. — Кроха! Где вы?

«...Подобрал отрезанную руку и отшвырнул в угол... — донесся голос Мэллона. — ...собака... утащила руку на двор, кисть раненого... отпил из стакана...»

— ...липкого от его собственной крови, — прошептал Ботик. — Стакан был липким от его крови.

Откуда он знал эти слова?

Что-то на земле рядом с мощным обнажившимся корнем, похожим на прикопанный пожарный рукав, привлекло его внимание — красно-белая тряпица. Ботик нагнулся и поднял ее. Просто невероятно, она очень напомнила один из его собственных никчемно больших и исключительно мягких носовых платков, которым он находил множество применений. Ботик почти готов был поклясться, что платок принадлежал ему, только бросил его здесь и замарал кровью кто-то другой. Сам-то он на этом острове — берегу? — не бывал ни разу в жизни. Ботик бросил сырой платок рядом с шишкой на корне, и клочок ткани свернулся сам по себе, как утка-оригами, прячущая голову под вытянутое крыло.

Он вспомнил, где слышал слова Мэллона:

— Вы говорили это в «Ла Белла Капри», в...

Голос Крохи перебил его, и он не успел сказать «в подвале».

«...Что ему надо, надо, вот все, что он знает, все, о чем думает, он любит это с подростковых лет... Мне надо, мне надо, мне надо, да хватит уже, другим людям тоже много чего надо, да только они не идут воровать, чтобы обеспечить себе пропитание...»

Голос Мэллона ворвался, заглушив голос Крохи: «...Собака разодрала руку в клочья... сустав и хрящ... кровь капала с этой дьявольской черной морды...»

Ботик вышел из-за деревьев и дико огляделся вокруг, хотя знал, что поляна пуста. Когда иллюзия, что он может засечь своих мучителей, подглядывающих за ним из-за деревьев на другой стороне поляны, рассеялась, на него вдруг нахлынуло жуткое разочарование, необычное и знакомое

одновременно. Боутмену казалось, будто он таскает это чувство, как старое пальто, всю жизнь. Теперь голос Спенсера Мэллона звучал из невидимого источника, а Мэллона здесь не было, Мэллон был отсутствием, которое выворачивает самое себя наизнанку.

Голос Мэллона произнес: «Насилие вплетено в ткань нашего времени...»

— Да вы все время это повторяете, но что хорошего в этом? — спросил Ботик, подходя ближе к месту, откуда, казалось, шел голос.

Высокие горчичного цвета травы поредели, сотворив поляну посреди поляны. Из этой дыры лился голос Спенсера Мэллона: «...Этот безрассудный молодой идиот... мудрости, капелька дала о себе знать».

Ботик склонился над круглой проплешиной в траве. В семи-восьми дюймах от пушистых колосков торчал неправильной формы пенек с зазубренным краем в том месте, где надломился ствол дерева. Голос Спенсера Мэллона, доносившийся из маленького аппарата на пеньке, вещал: «Оно двигается не вперед-назад, а растекается во все стороны».

Ботик протянул руку и взял магнитофон. Изготовленная в Германии техника работала безупречно. Задолго до того как выработает свой ресурс, аппарат будет считаться устаревшей игрушкой, которой никто не сможет воспользоваться с целью транспортировки звуков во времени.

— Выбрось ты этот жуткий платок, а? — попросил Мэллон.

— Уже, — ответил Ботик.

Он осмотрел почву вокруг пня и футок в четырех заметил торчавший из травы крупный камень: на острых гранях поблескивали крапинки слюды. Ботик сделал шаг и поднял черный магнитофон над землей.

За секунду до того как он разможил германский аппарат о камень и навсегда уничтожил его бесполезное совершенство, он услышал голос Мэллона: «Последний шанс, осто-лоп».

* * *

Еще один пробел — провал в абсолютную темноту.

* * *

На этот раз он вынырнул из тьмы в полном смятении, одурманенный и сбитый с толку, будто им только что выстрелили из винтовки и он летел, как пуля, на огромное расстояние с невероятной скоростью. Все тело ныло, особенно ноги и грудь. Вялые руки казались макаронинами, голова гудела. До него постепенно начало доходить, что он с помощью проволоочной вешалки тащит треугольник полированного дерева с длиной основания футов в пять по пыльному бетонному полу, недавно покрашенному в темно-темно-синий цвет. Крючок вешалки зацеплен за отверстие в этой треугольной штуковине, а его пальцы — за угол вешалки. Ничего не понимающий и измотанный Ботик остановился и попытался выяснить, где находится.

320

Итак, он стоял на темно-синем полу. Там, где синий цвет заканчивался, пол был выкрашен светло-коричневым и тянулся, наверное, десять футов, после чего цвет менялся на сочно-зеленый. Из трех участков синий был самым большим, светло-коричневый — самым маленьким. Ботик ничего не понимал. Он уверенно помнил, что был на острове и Спенсер Мэллон отправил его обратно в... просторный подвал? На заброшенную фабрику?

Ботик разжал пальцы, тяжелый деревянный треугольник рухнул на пол, и он заметил хорошо знакомый символ. Торговая марка отца — переплетенные «Ч» и «Б». Немного в стороне валялся листок, вырванный из блокнота, такими Ботик пользовался в старших классах. Он поднял бумажку с синего пола и увидел на ней два слова: «Озеро Мичиган».

— Озеро Мичиган, — проговорил он вслух и уронил листок.

Ботик развернулся и посмотрел на широкую желто-коричневую полосу ярдов двадцати длиной. Выходит, он пытал-

ся вытянуть деревянный треугольник с синего на коричневое. Второй листок из блокнота лежал на коричневом участке, а следующий, подальше, — на зеленом. Он с трудом добрал до коричневого и наклонился за бумажкой. Большими печатными буквами на ней было написано: «Отмель или Берег».

— Так, — проговорил он. — Вроде дошло.

Он перебрался через нарисованный пляж и вошел в зеленый сектор, дотащился до того места, где лежала третья записка. Кто б сомневался: «Лес». Он выпрямился и увидел, что комната, и так огромная, еще увеличилась. Далеко впереди три складных стула окружали небольшой объект, который разглядеть не удалось. Раньше, как он помнил, стены подвала были сложены вроде бы из бетонных блоков; сейчас никаких стен не было — ничего, что определяло бы границы пространства, в котором он очутился.

Ботик понял: это ничто. Место, где ничто было ничем и все было всем.

Внезапно перед глазами Джейсона Боутмена возник образ — лицо Кита Хейварда на лугу агрофакультета, появляющееся и исчезающее в неровном свете огонька свечи, с гримасой болезненного нетерпения. Видел ли он это тогда? Ботик не был уверен, но вот же оно — лицо Хейварда, пристально глядящего на что-то; Хейварда, охваченного дрожью нетерпения, алчно выжидающего какого-то чудовищного момента. Ботик думал, он знал, на кого смотрел Хейвард с таким выражением лица. И это не тот, на кого ты подумал, нет, не тот.

Ботик решил, что надо подойти к стульям. Ноги отказывались повиноваться, а в голове надсадно пульсировала боль. Грудь болела так, словно кто-то очень разозленный и сильный несколько раз ударил его. Не хотелось никуда идти, но в этом месте, где все было всем, нет «никуда», потому что все точки одинаковые.

Уныло и горестно он шагнул вперед, и невидимая ветка хлестнула его по лбу, оставив рану, пульсирующую и кровоточащую. Белая карточка на полу гласила: «ПЛАТОК».

— Ага, спасибо, — сказал Ботик и прижал ко лбу рукав.

Капая кровью на крашенный бетон, Ботик оставил «пляж» и пересек границу зеленой зоны, которая теперь тянулась до горизонта. Он оглянулся через плечо и увидел, что то же произошло и с синей секцией пола: она обрела простор озера — глаз не хватало, чтобы охватить ее размах. Ботик повернулся и заковылял к стульям.

Записка на одном: «МЭЛЛОН». Две другие: «КРОХА» и «БОТИК». За стулом Крохи появилась бумажка со словом «ДЕРЕВО». Глядя на то, вокруг чего были расставлены стулья, Ботик уселся на листок со своим именем, положил ногу на ногу и сцепил ладони. Шесть или семь старых, потрепанных кукол, полностью раздетых и сложенных штабелем одна на другой. Глаза на круглых головах закрыты, но две куклы тарасились вверх неусыпно — и бдительны, и слепы в своем бессмертии. Бесполое тела, бесполое физиономии. На пластмассовых лицах засохла грязь, керамические головы в трещинах и сколах. Почти у всех кукол волосы или выдраны, или сожжены.

— Вот и славно, — сказал он. — Ребенок ведь то же, что и кукла. Они ничего не значат. Это дерьмовый старый мир.

Именно так оно и было, решил Ботик. Ноющее тело, пустая комната, штабель потрепанных старых кукол. Записки, оставленные раздраженным божеством. Смысловая пародия, пустая насмешка, начисто лишенная юмора. Ничто не значило больше, чем проволочная вешалка, которой он тянул свою «лодку» к «отмели или берегу». Вешалка говорила о безысходности страданий. Простертые в бесконечность на все стороны Страдания окружали его.

Порывисто, зная, что ему не позволят последнего слова, Боутмен наклонился к другому стулу рассмотреть записку и увидел, что, пока он тут размышлял, старые потрепанные куклы превратились в мертвых детей. Прямо под его протянутой рукой оказалась уменьшенная копия того, что он видел на лугу. Не в силах вздохнуть от потрясения, Ботик отдернул руку. Кровь с ладони капала на маленький штабель

тел, лежавших с раскрытыми ртами, откинутыми головами, безвольными пальцами; ряды мелких зубов, таких белых по сравнению с тускло-красными ртами, мертвенно-бледная, в синяках и коросте кожа, крохотные белые пенисы, маленькие складочки-щели... Почему-то именно зубы ужаснули его больше всего: такие беззащитные, неживые...

И тут превращение произошло в обратном порядке, и он вновь очутился перед кучей обнаженных кукол в унылом мертвом мире проволоочной вешалки. Даже мимолетное облегчение обернулось мерзкой несмешной шуткой.

Боутмен вновь протянул руку над грудой кукол с лицами мертвецов, только помедленнее, чем в первый раз, и стал наклоняться, пока не коснулся карточки с надписью «Мэллон». Он взял ее за уголок, поднес к лицу и увидел, что сквозь имя просвечивает надпись на обороте.

Ботик медленно перевернул листок. На обратной стороне прописными заглавными буквами было аккуратно выведено: «ПОЗДРАВЛЕНИЯ».

ЯВЛЕНИЕ СВЕТА

Неделю спустя

Плохо соображая, что творю, я взял красную «Хонду Аккорд» в бюро проката регионального аэропорта Солсбери-Оушен Сити Уикомико, добираться до которого пришлось несколькими неудобными и беспричинно задерживавшимися перелетами. В этом автомобиле я доехал по Оушен-хайвей до U-13, а уже оттуда — в Рихобот Бич. Время от времени я говорил исполнителям госпелов и торговцам спасением, которых преподносило мне радио: «Я знаю, что не должен этого делать, что это глупейшая затея в моей жизни». В поисках муниципальной автостоянки я вел машину по улицам с односторонним движением мимо магазинов подарков, кафе, мотелей «кровать и завтрак»; проехал по инерции Лэйк-авеню, и Лэйквью-авеню, и Гренобль-плейс. Двадцать минут спустя, окончательно заблудившись, я притормозил рядом с полицейским — тот поедал мороженое в вафельном стаканчике, не слезая с велосипеда, — и спросил его, нет ли парковки поблизости от гостиницы «Золотые пески Атлантики» и конференц-центра и где сами эти заведения находятся. Полисмен ответил:

— Вам повезло, сэр. Добро пожаловать в наш город.

И показал в сторону пустой парковки на другой стороне улицы.

— Это длинное здание перед нами и есть именно то, что вы искали, наш красавец «Золотые пески Атлантики».

— Можно, я здесь развернусь, офицер?

— Только один раз, в виде исключения, — сказал полицейский.

И оказал содействие нарушителю: прислонил велосипед к фонарному столбу, вышел на середину улицы, повелительно поднятой рукой с вафельным стаканчиком останавливая редкие приближавшиеся машины. Я быстро вывернул руль и пересек два пустых ряда, сдал назад и проскочил на стоянку. Выбрался из машины, повозился со счетчиком времени и крикнул:

— Спасибо!

Я окинул взглядом корпус отеля и пожалел о порыве, что привел меня сюда, — история Джейсона Боутмена побудила меня заказать билеты и выкинуть этот фокус. В 1994-м, испорченный пожизненным воровством, Ботик имел возможность полюбоваться на доведенный до крайности универсальный цинизм Мередит Брайт. В их душах поселилась бессодержательная пустота проволоочной вешалки. Джордж Купер подошел к той же самой безрадостной пустоте, и это отравило ему остаток жизни. В таком мире очень немного принималось во внимание, и лучшим из этого была правда.

Я хотел понять, чем на самом деле являлось мое продолжительное супружество, увидеть его истинный образ. Было ли это повестью о психологической совместимости и компромиссе, как я считал раньше, или моя роль в нем — лишь второго плана, поскольку очень давно — возможно, с самого начала — главная роль узурпирована другим? Разве не стоило это прояснить для себя даже спустя столько лет?

После того как мы с Олсоном вернулись на Кедровую, я некоторое время спорил сам с собой, потом позвонил в отдел бронирования отеля, перед которым сейчас стоял. Когда служащий снял трубку, я попросил соединить меня с гостем по имени Спенсер Мэллон. Портье сообщил, что приезд мистера Мэллона действительно ожидается, но никак не в ближайшие двадцать четыре часа. Да, мистер Мэллон — частый гость в «Золотых песках Атлантики», радостно поведал он. Мистер Мэллон — прекрасный джентльмен, он

произвел глубокое впечатление в неформальном мире, коим является Рихобот Бич.

— Аристократ, — сказал я.

— Должен признаться, вы дали очень тонкую характеристику этого джентльмена, — сказал портье.

Не мог бы служащий заодно проверить, не ожидается ли в это же время приезд миссис Ли Труа?

— О, госпожа Труа, — воскликнул он. — Ее знают все, она потрясающий человек. Мы здесь все так любим ее, честное слово! Ох, разболтался я, прямо как сорока. Нет, она — это что-то. И если вы с ней знакомы, то вы знаете, о чем я.

— О да, — сказал я.

— Мы даже называем наш отель вторым домом миссис Труа, она так часто с нами... Сейчас гляну... Нет, бронирования на ее имя нет, думаю, она это сделает заблаговременно перед тем, как нам посчастливится увидеться с ней снова. Могу ли я еще чем-нибудь помочь вам, сэр?

— Нет, но спасибо, что предложили.

Где же еще остановиться Миноге на время пребывания в этом пляжном землячестве, если не в отеле, в котором все ее просто обожают?

Пожалуй, был у меня обоснованный ответ на этот вопрос. Я перезвонил и спросил: не бронировала ли номеров на ближайшие несколько дней АФС? «Нет, сэр, — последовал ответ, — АФС ничего не бронировала на период до их очередного симпозиума в мае следующего года». Так что захлопнулась и эта дверь. Минога сказала, что остановится там, где всегда, теперь меня будоражил вопрос, остановится ли она там одна или с кем-то.

Я позвонил жене на мобильный — телефон не ответил. Через три часа позвонил снова — с результатом лишь чуть более утешительным. Она очень занята и перезвонит попозже. Где она в Рихобот Бич остановилась? Нет, она туда еще не доехала, она же уезжает из Вашингтона завтра. Тогда где она живет в Вашингтоне? Где? Этот вопрос я зада-

вал очень редко. Но если я и впрямь хочу знать, она оставалась в комнате для гостей у ее подруги по АФС Хейди Шумахер, которой принадлежал красивый дом в Джорджтауне, она у нее как у тебя — Кроха. А что до Рихобот Бич, здесь предполагалась пара вариантов. А что происходит, я волнуюсь за нее? Да просто любопытно, сказал я. «Я маленькая слепая женщина и не в состоянии пуститься в какие-то безумства, — сказала она. — Не переживай, не волнуйся ни о чем. Держись, после уикенда я буду дома, и займемся делами Гути».

«Позвони, когда приедешь в Рихобот Бич», — попросил я Миногу. Она обещала и позвонила, но связь была такой плохой, что я с трудом разбирал слова. С тех самых пор — ничего. Не в силах удержаться, я сказал Дону, что должен выехать по делам из города и вернусь через день-два. Мой бухгалтер, мой агент, слишком скучно объяснять... в общем, ехать надо. И после этого я дозвонился, собрал вещи и в отчаянии уехал.

Я знал, что веду себя как безумец. Единственное утешение: если Ли Труа пройдет по набережной, когда я буду ее там выслеживать, она не узнает о моем позоре. Я стоял рядом с уродливой маленькой машиной, глядя на отель, в котором моя жена была желанным гостем, и пытался убедить себя, что еще не поздно повернуться спиной и к зданию, и к неразумному плану. Все, что надо сделать, — сесть обратно в автомобиль, завести двигатель, поехать в аэропорт Уикомико и дожждаться самолета, который унесет меня туда, где живут вменяемые люди. Почему я здесь? Потому что решил, будто обязан жизнью человеку, который наставил мне рога и чувствует себя виноватым? Потому что моя жена даже не позаботилась придумать подходящего повода для приезда в этот маленький прибрежный городок? Потому что узнал, что Спенсер Мэллон до сих пор жив и здоров и имеет подходящий повод приезжать сюда?

Я запер машину и прошел мимо отеля, чтобы, обогнув его, выйти на набережную. Случайно встретить их, думал я,

можно только там, и впервые понял: если жена не сможет видеть меня, Мэллону это точно удастся.

На набережной я пережил второй за день неприятный сюрприз: оказывается, на дворе ранний июнь и, хотя берег Делавэра горяч, подернут дымкой и такой же влажный, как Нью-Йорк в разгар июля, сезон здесь еще не начался. Немногочисленные туристы и любители удовольствий входили-выходили из магазинов и закусочных, однако их намного меньше, чем ожидалось. Казалось, я пойман в луч прожектора. Чтобы остаться незамеченным, необходима маскировка.

В первом же заслуживающем доверия магазине я изучил стеллаж с головными уборами и заплатил 32 доллара 99 центов за широкополую шляпу с бахромой из неподрубленной соломы. В этом же магазине приобрел за двадцать долларов «пучеглазые» солнцезащитные очки, такие темные, что сам едва разглядел дорогу к выходу. Чуть дальше я купил в автомате газету и отправился к скамейке у перил над пляжем. Несколько очень загорелых пар, некоторые — с книгами — распростерлись на полотенцах и шезлонгах.

Я уселся на скамейку, раскрыл газету, откинулся на спинку, сквозь фиолетово-черные окуляры из-под болтающейся соломенной завесы оглядел набережную и устался на широкие стеклянные двери отеля, где моя жена стала такой желанной персоной.

Вот так, шурша газетой и осматриваясь по сторонам, поглядывая на длинный пляж и один раз сбегав в туалет, я и провел следующие пять часов. В шесть вечера, умирая от голода, я сложил и сунул под локоть газету, вытащил чемоданчик из багажника машины и прошел через главный вход отеля регистрироваться.

Номер мне дали на пятом этаже, и у меня мелькнуло смутное воспоминание — не об увиденном, но услышанном, о какой-то истории или анекдоте. Я отчетливо вспомнил слова: «Смотришь, как поднимается светящийся ползунок и останавливается на пятом этаже... Опускается следующий

лифт и раскрывает двери, и ты прыгаешь в него и нажимаешь кнопку «пять» и «закрытие дверей», прежде чем кто-то еще успеет вскочить в кабину». Анекдот или рассказ имел отношение к Спенсеру Мэллону и какой-то околесице, которую он выдавал за мудрость. Я решил, что это абсолютно бессмысленное совпадение.

Лифт благополучно доставил меня на пятый этаж. В полной тишине, мире и спокойствии я последовал указаниям стрелок на стенах, несколько раз повернул и нашел свой номер 564. Раньше коридорный включал свет, раскрывал дверцы шкафов и показывал расположение ванной комнаты, а теперь уставший гость проделывал все это самостоятельно, тем самым экономя округу расходы на симпатичную сумму в пять долларов. Продолжая ощущать себя в обстановке умиротворения, уюта и тишины, я снял шляпу и очки, расстегнул молнию чемодана, выложил одежду на комод и отнес туалетные принадлежности в ванную, где безразличный взгляд в зеркало положил конец миру и уюту, а заодно и тишине. То, что показало зеркало, вынудило меня застывать.

329

Я будто состарился на десять лет. Сморщенный, разбитый старик смотрел на меня. Это был Ли Гарвелл, но не в том виде, в котором хотелось бы предстать перед кем бы то ни было. Глаза ввалились и покраснели, налились кровью. Морщины изрезали лицо, а волосы сделались тусклыми и приобрели свинцовый оттенок. Вся голова будто бы усохла, а зубы пожелтели и жутко выпятились. Сгорбленные плечи нависали над впалой грудью. Прежние обаяние и привлекательность обернулись страшной пародией на самих себя. И даже отличное самочувствие несколько секунд назад сейчас изумило меня: совершенно очевидно, что я едва ковылял, на пределе изнурения.

Зрелище повергло меня в ступор: вот, полюбуйся, что ты сделал с собой.

Стараясь не видеть своих налитых кровью глаз, я плеснул холодной водой в лицо и растер его: на ощупь лицо ка-

залось нормальным. Когда я опустил руки, загнанное и умирающее животное смотрело на меня из зеркала. Я бросился в комнату, подхватил на ходу темные очки и нацепил их до того, как добрался до лифта.

Я съезжился в углу, гадая, как скоро мне понадобится палочка. Лифт остановился на третьем этаже, и две стройные светловолосые девушки, почти подростки, вошли в кабину вместе с матерью, такой же стройной и светловолосой и, как и дочери, одетой в плотно облегающую футболку и джинсы. Шлепанцы не скрывали маленьких алых ногтей после свежего педикюра. Девчонки удостоили меня надменными, раздраженными взглядами, мать вообще не обратила внимания. Из лифта они бросились как от жуткой вони.

Внимательным взглядом обведя фойе, я заметил несколько ступеней, поднимающихся к арке темного дерева — входу в «Океан», главный ресторан отеля.

330

В темных очках при неярком освещении в ресторане я с трудом разглядел чучела гигантских рыб на панельных стенах, а вместо старшей официантки на ее подиуме, подсвеченном снизу, я увидел только парящую отрубленную голову. Женщина удивленно взглянула на мои очки, но от вопроса из вежливости удержалась. Я почувствовал себя престарелым вампиром.

Из бесконечного меню я заказал французский луковый суп, жареного цыпленка с грибами, соус из кедровых орешков и бокал пино-нуар и принялся осторожно осматриваться в поисках двух лиц, которые, я был уверен, прожгут мрак, как огни прожекторов. В поле зрения попадало много седых голов, но я не нашел ни Ли Труа, ни таинственного существа, заговорившего со мной в аэропорту «Дэйн Каунти».

Принесли суп. Он оказался более чем приемлемым, а вот цыпленок не вдохновлял. Грибы и кедровые орешки, разложенные на сухой пережаренной грудке, никак не сочетались друг с другом. Очень голодный, я потрудился съесть все до крошки, подписал чек и вышел из-за стола.

Со ступеней я оглядел фойе. Мне вдруг все надоело, да и кедровые орешки в желудке продолжали ссориться с грибами. Вестибюль стремительно пересек священник в сутане, его преследовала рыдающая дама. Что бы это значило? В облачке рассыпчатого смеха из открывшегося лифта выпала стайка подростков и резко свернула в сторону выхода на набережную. Очередь мужчин и женщин с расстроенными лицами дожидалась регистрации. Группка людей направилась к лифту, только что покинутому тинейджерами, и среди них приметный седоволосый мужчина в просторной черной одежде. Когда двери кабины начали закрываться, он развернулся к холлу лицом. Я заметил только его выдающиеся скулы. Были ли его волосы необычно длинными для человека таких лет, был ли он зрячим? Три или четыре женщины, которых я толком не разглядел, стояли рядом с ним. Я быстро спустился по ступеням, наблюдая за красными цифрами индикатора поднимающегося лифта.

331

Не было ли среди тех женщин маленькой, седовласой, потрясающе миловидной? Той, кого обожали портье и горничные?

Когда в окошечке появилась цифра 5, я вспомнил всю историю про лифт. Рассказ Миноги о Спенсере Мэллоне. Мэллон описывал безымянного ученика, сопровождавшего его в комнату на пятом этаже, где он скрывался за одной из двух дверей: ты должен выбрать дверь и решить, постучать или нет. Если угадаешь, Мэллон наградит тебя — наделит мудростью; если нет — навлечешь страшные беды на своих любимых. Ты выбрал; постучал, неважно в какую дверь, потому что ты уже допустил зло в уравнение. В общем, как-то так. Конец рассказа в точке, которую воспринимаешь как начало, — когда дверь открывается.

Вернувшись в номер, я почувствовал, что слишком взволнован, чтобы лечь спать. Снял трубку и попросил соединить меня с номером мистера Мэллона. Долго слушал неприятно резкие и тревожные гудки, пока наконец автоот-

ветчик не предложил оставить голосовое сообщение. Я дал отбой.

Я пошел в ванную и включил все светильники. Выглядел я не сказать чтобы нормально, но моложе и здоровее. Глаза красные, но не налитые кровью, щеки не ввалившиеся и не изрезанные морщинами. Волосы здоровые, свинцовый оттенок исчез. Зубы, конечно, не сверкали, как у кинозвезды, но это были обычные зубы, а не клыки. Я снова плеснул холодной водой на лицо, вытерся полотенцем и стал таким румяным, будто охотился на куропаток в вересках Шотландии. Плечи все еще казались сутулыми. Я заставил себя выпрямиться. Больше я не походил на вампира. За это я решил наградить себя походом в бар. За обедом я выпил только один бокал вина, к тому же еще не было и девяти. Вдобавок мне нравилось читать в барах, и прошло уже несколько месяцев, как я последний раз баловал себя этим.

332

В лифте я ехал один и на всякий случай проверил волосы и осанку в дымчатых зеркалах. Что ж, вот он я, вернулся, живой, энергичный и бдительный.

Бар «Прибой» прятался за пролетом ступеней, поднимающихся к ресторану «Океан». Стеклопанельная стена с распашными створками двери, длинное полутемное помещение с расставленными бессистемно столиками и диванами и ярко освещенной стойкой в самом конце. Парочки в легких одеждах, развалившись на диванах, оживленно разговаривали, размахивали руками. За двумя столиками атлетичного вида молодые люди пытались очаровать привлекательных молодых женщин. Несколько одиноких скучающих мужчин вертели в руках стаканы с пивом: пережидая паузу в путешествиях, дожидались очередного приключения. Я пожелал им удачи.

У стойки я занял стул, положил рядом книгу и, когда ко мне подошла с улыбкой оживленная, лет сорока блондинка в голубой блузке «шамбре» и черном жилете с вышивкой «Прибой» на груди и поинтересовалась, что я буду пить, назвал первый пришедший на ум сорт односолодового виски.

Проследив оценивающим взглядом, как она шла вдоль рядов бутылок, я подвинул книгу к себе и раскрыл.

Вернулась барменша и спросила:

— Хорошая книжка?

— Пока да, — ответил я. — Не кусается, не курит, всегда опускает сиденье унитаза.

— А еще любит посидеть в барах, — подхватила она. — Никогда не знаешь, что выкинет: в тихом омуте...

— Может, и так. — Я показал ей обложку. — Принимая во внимание первоисточник.

— Моя мама — большой фанат Тима Андерхилла.

— Хорошо. Мы с Тимом друзья.

Она сделала шаг назад, наигранно вытаращила глаза, усмехнулась и наклонилась ко мне.

— А... А какой он?

— Станный, — сказал я.

Гадая, как бы поизобретательнее описать воображаемую странность Андерхилла, я глотнул виски и взглянул на стеклянную стену, уродливые «салунные» двери и вестибюль за ними. Мимо проходил, уже скрываясь из виду, седоволосый мужчина во всем черном, которого я видел с лестницы. Рядом с ним торопливо семенил человек пониже ростом — женщина.

Я соскользнул со стула и выудил двадцатидолларовую банкноту:

— Упс, надо бежать, простите.

Я выскочил в просторный пустой вестибюль. Пара только-только входила в лифт. Женщина скрылась, я не успел толком разглядеть ее. Следом забралась семья из трех человек в шортах и футболках, и я лишь мельком увидел мужчину, когда он потянулся нажать кнопку этажа. Потом он встал рядом со своей спутницей в глубине кабины.

Мужчина в лифте запросто мог быть как Спенсером Мэллоном, так и всего-навсего седоволосым незнакомцем. Я чувствовал, что, скорее всего, последнее, но тревога и сомнения не давали покоя.

Я пересек вестибюль, наблюдая за табло лифта. Счет закончился на цифре «три». Туристы или седоволосый? Тройка горела долго. Раскрылись двери последнего в ряду лифта, явив стайку оживленно щебечущей молодежи, наверное направляющейся в клуб. Желающих войти не было. Решив не медлить, я устремился в кабину, выставил локоть и ткнул в кнопки «5» и «закрывание дверей». Зачем я сделал это локтем? Зарегистрировавшись в «Золотых песках», я открывал двери предплечьем либо тыльной стороной ладони и до сих пор не осознавал этого. Словно тайная частичка меня строила секретные планы уничтожения какого-то врага и заставляла действовать скрытно, выжидая чего-то.

334

Створки быстро скользнули навстречу друг другу, восхождение началось. Сердце перешло на повышенную передачу. Происходили эти изменения на самом деле или нет, мне казалось, что я ощущаю их: плечи согнулись над впалой грудью, глаза налились кровью, а жизнь и энергия отхлынули от лица. Губы словно отлипли от зубов. Под костюмом в полосу тело усохло, сжалось и ослабело.

На пятом этаже двери раскрылись. Сердитый голос удался по коридору. Я поспешил, но увидел только край черного пальто и отблеск серебристого платья, скрывающиеся за поворотом. Они двигались в сторону моего номера. Не исключено, что всякий раз, заходя в номер или выходя из него, я проходил мимо их апартаментов. Я прибавил шаг и обогнул угол, когда на полпути к следующему повороту двери двух соседних номеров громко захлопнулись.

В смятении я прокрался и встал между этими номерами — 515-м и 517-м. Выходит, спали они в разных комнатах, Минога и Мэллон, если это они?.. Мне вдруг подумалось, что, несмотря на внешность, три человека, ехавшие с ними в лифте, могли и не быть одной семьей и пожилая пара могла выйти на третьем этаже, а молодая женщина — здесь. Или наоборот.

Я не хотел подходить ближе и подслушивать через двери, вовсе нет, но именно так и сделал. Результат разочаровал.

Я не услышал ничего. Точнее, только гудение низкого мужского голоса из-за двери 517-го и что-то птичье или кошачье, что-то отрывистое, звонкое и как будто не человеческое — из-за двери номера 515.

«Простите меня. Я думал, в этом номере остановился мой друг. Простите меня, я, кажется, ошибся номером. Прошу прощения, меня пригласил друг, и я решил, что это здесь. Пожалуйста, простите, так неловко, что потревожил вас.

Я просто хотел убедиться, вы ли это на самом деле. Я хотел выяснить, сколько лжи вылито на меня за долгие годы. Ли, это началось когда ты была школьницей и продолжалось с тех самых пор?»

Я поднял руку постучать, все равно в какую дверь. Ладно, пусть будет 515-й — из-за тех непонятных звуков. Не дотронувшись до двери, я опустил руку. Вновь поднял и на этот раз заметил, что кожа на ней как пергамент, тонкая и почти прозрачная. Старческие пятна проступали на худой руке, напоминая пятна жирафа.

— О нет, — проронил я.

Я ретировался за ближайший поворот коридора, потом за следующий и так, пока не достиг 564-го. Трясущимися пальцами вставил магнитную пластиковую карточку и ввалился в номер. В темноте, хватая ртом воздух, я плескал водой на лицо. Тяжелые шторы на окне задернуты, в номере темно, как в склепе, как в могиле. Глядеть на себя в зеркало не пришлось. Я ощупью добрался до кровати, сел и выставил прикроватный светильник на минимум. Открыл минибар, исследовал содержимое, нашел две бутылочки односолодового скотча чуть ниже классом, чем оставил в баре, и опустошил их в подходящий стакан. Притащился к единственному в комнате удобному креслу и задумался над своим положением.

Я забрался далеко в безбрежную пустыню и обнаружил, что кончилось горячее. Через пару минут надо мной закружатся грифы. Живо представилось, будто я пожилой вам-

пир. В призрачном свете вытянул вперед левую руку. Кожа чуть блестела, но отвратительных жирафьих пятен не было. Мне стало стыдно. Буйное писательское воображение подкинуло идею, что третьеразрядный маг спас меня от гибели в авиакатастрофе, искупая вину за многолетнюю любовную связь с моей женой; блуждающий огонек догадки поманил меня и швырнул через полстраны — получилась идиотская пародия на Лью Арчера. Фальшивый сыщик в погоне за доказательствами неверности собственной жены: как ты мог в своей глупости зайти так далеко?

Мне грозило повторить подвиг Джейсона Боутмена с заплывом по озеру Мичиган на украденной парусной шлюпке. Еще один день в засаде под открытым небом на набережной, под прикрытием соломенной шляпы и газеты, и меня вынесет из гавани на открытую воду — на по-иски в тумане.

336

Я вытащил из кармана мобильный телефон, поглядел на него пару секунд, нажал единицу — ускоренный набор номера жены. Ее телефон сразу же переключился на голосовую почту. Я проговорил:

— Это я. Просто звоню, чтобы сказать, что люблю тебя.

Дал отбой, выключил телефон и сделал глоток из стакана. Вылил остатки виски в раковину, положил темные очки и соломенную шляпу на кровать и пошел выписываться из «Золотых песков Атлантики».

Около часу следующего дня я был дома.

Первые недели после возвращения Ли мы очень много разговаривали. Мне хотелось верить ей, и я верил, по крайней мере старался. Вот что она рассказала:

— Да, у нас с ним был секс, один-единственный раз, когда мне было семнадцать, в октябре шестьдесят шестого. Вот почему Мередит Брайт так дулась на меня.

— Это можно было бы назвать совращением несовершеннолетней, но точно не изнасилованием. Все было по взаимному согласию. Я хотела этого.

— Да, я любила его, и да, люблю до сих пор, хотя абсолютно по-другому. Нет, ты знаешь, что я имею в виду. Разве нет в твоей жизни людей, которых ты любишь по-разному?

— Разумеется, я не имею в виду романтически.

— Да, с тех самых пор, с тысяча девятьсот шестьдесят шестого года. С большими перерывами, пока ты был в Нью-Йорке, а я работала барменом, и после, когда ты учился в аспирантуре, а я была в Нью-Йорке.

— Да, были и другие долгие периоды, когда мы с ним не виделись.

— Я что-то значу для него. Что-то важное.

— Знаешь, чем мы занимаемся? Мы говорим. Иногда выбираемся куда-нибудь пообедать или поужинать. Раз в пять лет ходим в бар. В хороший, не в твоём стиле.

— Говорит в основном он. Ему нравится, как я слушаю, он доверяет тому, что слышит от меня в ответ. И тому, как я реагирую на его слова.

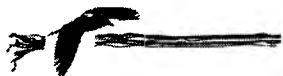
— Ему интересно знать, что я думаю о делах, о которых он рассказывает.

— Почему? Потому что ты всегда с таким недоверием относился к Спенсеру, а наши встречи были такими безобидными. Кроме того. Он был моим. Ты хотел держаться подальше от этого, вот я и держала тебя подальше. Это было не твое. Это и сейчас не твое.

— Кроха — Дональд — знал о паре встреч, да. Хотя я никогда его не видела.

— Не знаю. Он мне об этом не рассказывал, да и не стал бы рассказывать. Мэллон никогда не рассказывал о своих благородных поступках, особенно о таких вот. Он бы посчитал это похвалой. Из того, что ты рассказал о человеке в аэропорту, можно предположить, что это был Спенсер. Но помни, Дона Олсона он тоже любил. Много лет они были партнерами.

— Нет, он не стал бы спасать тебе жизнь из-за угрызений совести. Он спас бы ее потому, что ты мой муж, и потому, что знает, что я люблю тебя.

— Вообще-то были еще две причины, почему я отправилась в Рихобот Бич. Я поняла, что одна из тех женщин, с которыми я беседовала об украденных деньгах, беспардонно наврала мне, и хотела разобраться с ней. Кроме того, у них кто-то снова начал воровать.

— Ложь? Я расскажу тебе, что такое ложь. Тебе понравится. Ты помнишь женщину, которая рассказала, как мужчина ослепил ее и как она убила его случайно, когда он тащил ее в овраг? Одним прекрасным утром я поняла, что все было наоборот. Она сама нашла его, после того как он вышел из тюрьмы, и пригласила на встречу. Тот паренек из кафе, Пит, ждал в овраге: он с ума по ней сходил и сделал бы для нее что угодно. Она уложила мужчину на землю рядом с собой, а Пит разmozжил ему голову камнем и спрятал труп. После чего они с мальчишкой занялись сексом. Она во всем призналась мне. Я просто хотела услышать это от нее самой... Что же касается новых краж, здесь все просто. Я отправилась прямо к женщине, которую заподозрила с самого начала, и она опять во всем созналась. Рыдала. Мы вызвали полицию, ее арестовали. Другого она не заслуживала.

— Спенсер так доверяет мне благодаря тому, что я сделала той ночью. Он видел, что я сделала тогда, и полагает, кое-что делала и позже.

— Что именно я сделала? *Путешествовала* так далеко, как ему и не снилось. Хочешь верь, хочешь нет.

— Что я делала? Резвилась, резвилась, резвилась — всюду, где только могла. Ха.

— Хорошо, я расскажу тебе. Я же обещала. Но больше об этом говорить не желаю. Очень тяжело рассказать даже один раз, и это будет непростой разговор. Ты понимаешь? Правда? Вот и хорошо. Но когда я буду говорить об этом в первый и последний раз, должны присутствовать Говард Блай, Дон Олсон и Джейсон Боутмен. Гути, Кроха и Ботик. Они должны слушать меня тоже, они должны быть в здравии и рассудке, они должны быть настоящими. Поскольку

речь пойдет о том, что случилось с ними. О том, что случилось со всеми нами, с нашей маленькой компанией.

— Отлично, значит, найди Гути и посели где-нибудь здесь, в городе. И тогда мы подготовим его — поможем начать новую жизнь в этом мире. И тебе, Дональд, поможем устроиться так, как захочешь.

— На это уйдут годы. Отлично. Уезжать я никуда не собираюсь, как и вы, ребята.

* * *

Через три месяца я поехал в Мэдисон и забрал из больницы «Ламонт» Говарда Блая. При выписке из заведения, где он провел большую часть жизни, Говард собрал все свои вещи в новенький чемодан «Самсонайт» — прощальный подарок от доктора Гринграсса и его супруги: пять непрочитанных книг в мягких переплетах, зубная щетка, бритва, расческа, две рубашки, две пары брюк, пять пар трусов, пять пар черных носков, пара башмаков «Тимберленд» и коробочка зубной нити. Весь персонал и больные выстроились во дворе перед входом попрощаться с любимым пациентом и пожелать ему счастливого пути. Парджита Парминдера прильнула к Гути, пока они шли к машине, и отпустила его с заметной неохотой и лишь тогда, когда я пообещал пригласить ее в Чикаго в ближайшее время. В свою очередь Говард, тоже рыдающий, пообещал звонить каждую неделю, если не ежедневно.

339

Прежде чем отвезти Гути в Чикаго, я покатал его по Мэдисону — показал нашу школу и знакомые с детства районы. Старый дом Крохи, старый дом Ботика, полуразвалившуюся лачугу, где когда-то обитала изумительная Минога. Под конец экскурсии я привез его на Стейт-стрит. Проезд по улочке давно запретили, и мы прошли пешком по одной стороне, возвратились по другой, подмечая неумолимость перемен. Угловая лавчонка по-прежнему работала, но почти все остальное, что мы помнили, исчезло. Не было боль-

ше «Жестянки», аптеки Реннебома Рексалла, Братхауса, лавки букиниста.

— Интересно, как теперь выглядит Глассхаус-роуд, — проговорил Гути. — Хотя, по правде, я не хочу туда.

— Впервые слышу о Глассхаус-роуд, — ответил я.

Гути хихикнул, прижал кончики пальцев ко рту и сказал:

— Вот это хорошо. Это классно. Это просто здорово.

Я решил, что он цитирует из какой-то неизвестной мне книги, и спросил:

— Что тебя так восторгает?

— Глассхаус-роуд — это место, где творится нехорошее, — сказал Гути. — И ты не знаешь, как отыскать ее.

— А ты мне расскажи.

— Хватить тянуть, вези меня, пожалуйста, в Чикаго, — попросил Гути.

По дороге на юг Гути волновался не сильно. Он собирал в складки брюки на коленях. Он улыбался и склонял голову то на один бок, то на другой, при этом не разглядывая что-то конкретно.

— Нравятся твои темные очки, — говорил он. — Жаль, у меня нет таких. Темные очки — это классно. А мне можно, Ли? Можно мне купить очки? Они стоят пять долларов? Больше? Не думаю, что солнцезащитные очки могут быть дороже пяти долларов.

Когда я ошаршил его новостью, что большинство вещей стоят куда больше, чем много-много раз по пять долларов, мне пришлось успокаивать Гути — он испугался нищеты. В его новом доме все будет предусмотрено, еда в первую очередь. Ему будет положено скромное денежное содержание, и он сможет покупать себе что-нибудь вроде печенья и пены для бритья в магазинчике поблизости.

Понравится ли ему новый дом? Будет ли у него отдельная комната или его поселят с соседом? А дом красивый? Уютный? А Парджита может там получить работу? Есть там сад, цветы? И лавка для пикника? А как называется его новый дом, пожалуйста, Ли, напомни еще раз.

— Конечно, Гути. Хочешь, я запишу тебе название вместе с адресом и телефоном? У тебя будет еще и свой телефон. Ты будешь жить в Дес-Плейнсе, в лечебно-реабилитационном центре, в очень-очень красивом месте совсем недалеко от Чикаго. По-моему, там даже лучше, чем в Ламонте.

Я понял, что Гути расстроен и единственный способ держать его в равновесии — говорить с ним как с ребенком. Ему нужны простые ответы и беседы на простые темы.

Собиралась ли Минога успеть к их приезду?

— Нет, Говард, она не успеет. Сегодня мы тебя поселим, убедимся, что тебе удобно, разведем, где что, познакомимся кое с кем из персонала. А завтра я привезу Ли. Она очень хочет повидаться с тобой.

— Ну еще бы, — сказал Гути. — И я тоже... Только немного страшно.

— За себя? Страшно встретиться с ней?

— Ты с ума сошел? — Он залился скрипучим хохотом давно не смеявшегося человека. — Страшно за нее.

— Ох, Гути. Она ведь даже не сможет увидеть тебя.

— Я знаю, — сказал Гути. — Но она сможет увидеть. Она всегда могла. И знаешь, что она сделает, как только меня увидит? Она положит ладонь мне на лицо.

— Вообще-то она никогда так не делает.

— Это ты так думаешь.

* * *

Поселение Говарда Блая в Дес-Плейнс прошло буднично. Он познакомился с докторами, ему показали его комнату, скромную, светлую и солнечную, представили трем собратьям-пациентам — они выглядели заинтересованными и доброжелательными; провели по территории. Чистый, ухоженный больничный комплекс напоминал маленький институтский кампус, и я убедился, что это наилучший вариант из всех, которые мы просмотрели с Доном Олсоном. Большой коллектив опытных докторов, физиотерапевтов,

психологов и социальных работников руководил, управлял и наблюдал за прогрессом шестидесяти-семидесяти мужчин и женщин, готовящихся к переезду в приюты и в конечном счете к самостоятельному устройству во внешнем мире. Повезло, что я нашел место для Гути в Дес-Плейнсе. Решающую роль сыграла Ли. Шестеренки прокрутились в нужной последовательности и в нужный момент, теплые руки доставили Гути в уютное гнездо. Он скучал по садам Ламонта и виду из своего окна, но новый сад был необычайно хорош: менее декоративен, но более практичен. Если новый вид из окна — поле, автомагистраль — не так радовал глаз, как старый — куст азалии и кленовая рощица, — то новая комната оказалась намного лучше, чем каморка в Ламонте. Здесь были книжные полки, картины на стенах, плетеный коврик на полу; Гути выделили кофеварку и телевизор. Комната была обставлена кое-какой мебелью: симпатичный деревянный письменный стол, три удобных стула, большой кофейный столик; имелась даже такая роскошь, как отдельная уборная.

В первый день в новой обстановке Гути выглядел ошеломленным, но вовсе не несчастным. Даже когда плакал — а первые два-три дня в Дес-Плейнсе Гути то и дело утирал слезы, — он не казался убитым горем. Это были слезы сожаления об оставленном, слезы осознания и благодарности.

Как и обещал, на следующий день я привез в центр жену. Гути подготовился к этому великому событию. В чистом комбинезоне, толстовке «Чизхэд», которую подарила ему Парджита, чтобы помнил, откуда приехал, и желтых «тимбах», он сидел на краешке дивана в приемном отделении и не сводил глаз с входной двери. Мы с Ли вошли и остановились у конторки.

— Он здесь, — сказала Минога.

— Правда?

Я повернул голову и увидел медленно поднимающегося с дивана Гути. Наблюдающий его психиатр, доктор Ричард

Фельд, стоял рядом. Круглое лицо Гути светилось изумлением.

— Точно, он. Как ты узнала?

— То, что идет ко мне, может идти только от него, — с улыбкой проговорила Минога.

Она повернулась к Гути, словно вдруг прозрела, а я, не отрываясь, переводил взгляд с жены на преобразившегося мужчину, приближающегося к ней. С видом собственника Фельд семенил следом, то и дело кивая мне, человеку, с которым познакомился только вчера. Гути шел очень медленно, будто намеренно оттягивал встречу. Ему хотелось оценить, посмаковать все чувства. Ли Труа терпеливо ждала: руки опущены перед собой, пальцы сцеплены, голова поднята, улыбка ширится. От восхищения у меня замерло сердце. Оба отдавали должное моменту, наслаждаясь им. Минога, разумеется, делала это неосознанно, но Говард Блай, должен сказать, не таков. Вот он, из всех сил старается не торопить воссоединение, чтобы подчеркнуть свою роль в нем. У меня к глазам подступили слезы. Я будто присутствовал на свадьбе.

343

— Здравствуй, Минога, — сказал Гути с расстояния в полтора фута. — Ты отлично выглядишь. Даже не верится, что ты здесь, со мной, в моем новом доме.

— Я рада, что мы оба здесь, — сказала она. — И так рада нашей встрече.

Она сделала шаг вперед и подняла правую руку, будто готовясь произнести клятву.

— Ты позволишь?

— Только в обморок не падай, — ответил Говард.

«Поразительно, — подумал я. — Эти двое в самом деле много значат друг для друга». Я вдруг понял, что, несмотря на заявления Дона Олсона, пара передо мной любила Мэллона больше всех, чище всех, без эмоциональной привязанности Боутмена, без амбиций Дона и расчетливости Мередит Брайт. Минога и Гути не требовали ничего и не строили никаких планов.

Ли Труа положила руку на щеку Гути:

— Ты теплый, — проговорила она.

Ее пальцы — розовый дружелюбный паучок — легонько пробежались по его лицу: по лбу, под подбородком, вокруг другой щеки.

— Ты изменился, но все так же красив, — сказала она. — Я вижу тебя очень хорошо, и все, что я вижу, превосходно.

— Ну привет, Минога, — сказал Блай.

И Минога ответила:

— Да, привет, Гути.

Они обнялись и немного поплакали.

— Прости, я за эти годы так ни разу и не навестила тебя.

— Все равно я не был готов к этому. Да и занят я был вообще-то по горло.

— Например, Гути? Чем же ты был так занят?

Она чуть отступила, вытирая глаза. Положила руку ему на плечо и почти сразу же уронила ее.

344

— Книги читал. Трудился над большой головоломкой. Посиживал в нашем прекрасном саду. Разговаривал с Парджитой. Участвовал в групповых занятиях. Приводил себя в порядок. Размышлял о всяком разном. Вспоминал всякое разное. И в самом деле, вспоминал, возвращаясь к тем дням. И очень часто меня пугали собаки, а я старался держаться от них подальше.

Гути показал на меня.

— А еще читал его книгу. «Агенты тьмы». Он все неправильно понял.

— Я знаю. Он не виноват.

— Бояться — это вполне естественно. Я боялся долго, очень долго.

— Дон тоже, — вмешался я в их дуэт.

— Только они как дорожная полиция.

— Или регулировщики движения у школ, — сказала Ли. — Они не причинят нам вреда.

Доктор Фельд опустил руку на то же самое плечо, на котором побывала ладонь Миноги.

— Все это очень интересно, но я, честно говоря, никак не возьму в толк, о чем вы все говорите. Я не понимаю вас. Собаки как регулировщики движения? Регулировщики никогда никому не вредили.

— Они и не должны, — туманно проговорил Гути.

— Говард, не забудьте, мы встречаемся в три, — сказал Фельд. — Тогда мы сможем поговорить о собаках, дорожных копах и регулировщиках сколько вашей душе будет угодно.

Пока мы занимались переводом Гути в Дес-Плейнс, Дональд Олсон начал претворять в жизнь планы, о которых говорил в Мэдисоне. Он напечатал карточки с предложением своих услуг в качестве опытного учителя высших духовных истин, который только что вернулся, проведя несколько лет в странствиях, и желал обустроиться в Чикаго с небольшой группой серьезных учеников. Долгосрочные обязательства предпочтительны, разумные расценки. После того как Ли Труа вернулась в дом на Кедровой, Дон тактично ретировался в свои апартаменты: небольшой номер в гостинице, который недотягивал до полной независимости только отсутствием отдельного входа. Питался Дон почти всегда один и обзавелся мобильным телефоном, номер которого был указан на визитках. Дон с Миногой отлично ладили, но ему хватало ума не паразитировать на ее симпатии к нему в прошлом. Он стал другим, она изменилась, и подразумевалось, что нашей трехсторонней дружбе будет только на пользу, если Дон переедет к себе как можно скорее. Мы с Олсоном скатились до характерного поведения соседей по общежитию: заказ пиццы и китайской еды, частые разговоры допоздна, привычка откладывать на потом стирку — все прекратилось с возвращением моей жены. Минога взяла на себя домашнюю рутину, и мы с Олсоном смогли больше времени уделять работе. Ли Труа ежедневно проводила по три-четыре часа в кабинете, решая вопросы Общества слепых, или с помощью прило-

жений Microsoft Narrator¹ и Serotek's Freedom Box работала за компьютером.

Через пару месяцев Олсону удалось собрать достаточно денег, чтобы снять двухкомнатную квартиру на Уэбстер-стрит, в районе парка Линкольна неподалеку от университета Де Поля, и я помог ему заплатить за старенькую, но вполне приличную «Хонду Аккорд».

ООО «Держи вора» открыло отделения в Милуоки и Расине. Джейсон Боутмен был занят, как никогда в жизни.

— Раньше я не замечал, насколько ленивы жулики, — рассказывал он нам с Миногой. — Взломщики и воры валяются без дела целый день, пока не придет время идти работать, а рабочий день у них длится всего час или два.

Ботик приезжал в Чикаго всякий раз, когда мы приглашали его: заставив нас с Доном выслушать свою историю, он сказал, что это самое меньшее, что он готов для нас сделать.

346

Доктор Фельд сообщал, что доктор Гринграсс, которому он посылал регулярные отчеты, переведен на административную должность в государственную больницу в Мэдисоне. Ламонт перешел к новым хозяевам, и его вынудили уйти.

— По большому счету он доволен, насколько я понял. Единственное, что до сих пор не дает ему покоя, — это молодая женщина, дружившая с Говардом, мисс Парминдера. Она, если не ошибаюсь, была там интерном? Ее назначили замдиректора в Ламонте, и доктору Гринграссу все еще не по себе от того, как с ним обошлось новое правление.

— Не стал бы винить ни его, ни ее, — сказал я. — Может, они помирятся.

— Нравится мне ваш оптимизм, — ответил Фельд.

Вскоре после этого Говарда Блая выписали из реабилитационного центра — «на волю» и на попечение друзей. Ему

---

¹ Инструмент из состава «Специальных возможностей» Windows XP. Озвучивает все функции, действия, элементы управления и экранные формы, проговаривая их по-английски.

назначили пособие по нетрудоспособности, на его взгляд — удивительно щедрое.

Я наблюдал постепенное превращение старого отеля «Кедр» на другой стороне Раш-стрит из грязной ночлежки в приличное заведение для работающей городской бедноты. Его хозяева получили значительную помощь от города, штата и федеральных властей — заботящиеся о чем угодно, только не об интересах общества, те быстро смекнули, что на бедных можно очень прилично заработать. В апреле 2004-го новый отель «Кедр» распахнул двери, сверкая интерьерами, и лишь половина его номеров оказалась занята. Говард Блай заполнил с моей помощью анкету и сразу же был принят. Он переехал в день выписки из Дес-Плейнса. И много раз повторял, что это счастливейшая перемена в его жизни.

Гути уютно обосновался — так, будто ждал этого всегда. В первый день в «Кедре» он отправился на Мичиган-авеню в сокровищницу боковых улочек, где приобрел дешевые простыни и полотенца, подержанный коврик из сизаля¹, лампочки, странную лампу в форме обнаженной женщины, изогнувшей спину, несколько разрозненных столовых приборов из серебра, две тарелки и крепкий стул, а не очень крепкий комод подобрал на тротуаре. Потом ему попались плакат с боем быков и акварельный рисунок с красным сараем, которые напоминали фотографии в Ламонте. На следующий день Гути прикупил чугунную сковороду, средней величины кастрюлю, дуршлаг, лопаточку, поварской нож, черпак и кулинарные книги: «Радость стряпни» и «Секреты французской кухни».

Поначалу Гути не пропускал ни одного ланча или ужина с Миногой, со мной или Доном Олсоном. Готовить он учился на нашей кухне и иногда кормил нас блюдами по своим рецептам. Не прошло и двух месяцев, как он выработал независимое расписание. Дважды в неделю он отправлялся пешочком по Кедровой, чтобы разделить с нами вечернюю

¹ Обработанные волокна текстильных агав.

трапезу. По воскресеньям приезжал Дональд Олсон, чтобы выпить и поужинать с Гути. Гути пил виноградный сок «Уэлч», а Олсон изрядно угощался текилой со льдом.

Минога сама позвонила Джейсону Боутмену, и он назначил общую встречу на Кедровой улице в последнюю субботу августа. В голосе его слышалась легкая тревога по поводу того, что может рассказать Минога. В школе, со стыдом вспоминал Ботик, он так страстно не желал знать ее точку зрения на церемонию Мэллона, что избегал говорить с ней, избегал даже глядеть на нее. Если они вдруг встречались в узком проходе раздевалки Мэдисон Уэст, он, как правило, отворачивался и принимался разглядывать дверцы шкафчиков.

В субботу, двадцать третьего августа, Гути Блай неторопливо шел по раскаленной Кедровой улице, когда Джейсон Боутмен, запарковав грузовой микроавтобус с надписью «Держи вора. Безопасность и охранные услуги», выходил из него. Поскольку Ботик дважды навестил Гути в Ламонте до переезда в Дес-Плейнс, они тепло обнялись, похлопав друг друга по спине. Точнее, Ботик похлопал Гути по спине; Гути же никогда никого не хлопал.

Вот моя попытка воссоздать их диалог.

— Если где увижу этот слоган, — сказал Гути, — буду знать, что это ты.

— Точно, — ответил Ботик, и лицо его разрезали морщины: следы многолетних тревог и страхов. — Представляешь, я не видел Миногу с тех пор, как мы закончили школу. Вдобавок тогда мы с ней уже не разговаривали друг с другом.

— На этот счет не переживай, — посоветовал старый друг. — Ее-то это точно не особо озаботит.

— Что-то особенное, м-м?

— «Погоди, Генри Хиггинс, погоди».

— Она всегда была чертовски привлекательной.

Бесенок комичного упрямства проснулся в Гути Блае, и он искусно изобразил невозмутимую мину:

— То тогда, а то сейчас.

— В смысле?

Будто с сожалением, Гути опустил глаза и покачал головой. Боутмен pokrutyл плечами и встряхнул руками:

— Все, завязали.

И легонько надавил локтем на кнопку дверного звонка. Донесся трезвон, кто-то подошел к двери. Ботик глянул на Гути, тот важно и сочувствующе кивнул в ответ.

— О господи, — вздохнул Ботик.

— «Не будь как Чарли Браун, Чарли Браун».

Дверь распахнулась. С улыбкой я пожал руку Ботику и обнял Гути:

— Денек обещает быть интересным?

— «...Но все разрешится, и все сделается хорошо»¹, — сказал Гути.

Боутмен спросил:

— Ли, неужели все действительно?..

Я поднял брови, немало озадаченный.

— Извини... — проговорил Ботик.

— На этот счет не волнуйся, — посоветовал я. — Давайте входите, пожалуйста. Ботик, ты ведь у нас впервые? После того как мы закончим, я проведу небольшую экскурсию, если тебе интересно.

Ботик выглядел воодушевленным и немного напоминал себя прежнего:

— А если тебе интересно, я могу рассказать, как сделать твой дом стойким ко всякого рода взломам. Ты наверняка полагаешь, что уже все для этого сделал, но, уверяю тебя, на самом деле ты и не начинал.

— Серьезно?

— Ты даже не подозреваешь.

— Мы совместим это с экскурсией по дому, — сказал я, сопровождая их через прихожую в гостиную.

¹ Юлиана Норвичская (8 ноября 1342 г. — ок. 1416 г.) — английская духовная писательница, автор первой книги, написанной женщиной на английском языке.

Дон Олсон встал с дивана и протянул руку Боутмену.

— Ну вот, наконец, и ты здесь, — проговорил он. — Добирался нормально?

— Пока не подъехал к Чикаго, тут всю дорогу бампер в бампер. Как вы ездите в такой толчее, ума не приложу.

Боутмен окинул цепким взглядом комнату, проверил двери, оглянулся на хозяина.

— Порядок? — спросил я. — Принести тебе что-нибудь?

— Мне бы отлить... Не подскажешь, где...

— Вот сюда, — показал я. — Ли подойдет через пару минут. Она очень хочет увидеться с тобой.

Ботик живо направился в сторону уборной.

— С ним все в порядке? — спросил я.

— «Чарли Браун, Чарли Браун», — пропел Гути.

— Ты делаешь большие шаги в области популярной культуры, — отметил я.

— Все дело в грошиках.

— Скажи мне, Дон, — попросил я. — Наш Гути открыл для себя иронию? Он сегодня какой-то не такой...

— По-моему, он изобрел собственный вид иронии, — ответил Олсон. — Как первобытному обществу пришлось изобрести огонь или подковы и все такое.

Послышались легкие шаги, и трое мужчин обратили взгляды на дверь.

— А, ну да... — проговорил я.

Шаги достигли нижней ступени лестницы. Я сунул руки в карманы и чуть подался вперед, не в силах сдержать улыбку. Двое мужчин, не женатых на Миноге, развернулись к двери, как флюгеры.

Миниатюрная, стройная, в черной блузе без рукавов и черных льняных брюках, с длинным цветастым шарфиком вокруг шеи, Ли Труа уверенно вошла в гостиную. Как и всегда дома, Ли была без белой палочки. Неувядающее великолепие этой женщины, озарявшее ее изнутри, неотлучно двигалось вместе с ней, как фамильное привидение.

— Ли, — позвал я, подавая ориентир.

— Здравствуйте, мои дорогие, — произнесла она, подплывая к нам. — Простите, что немного опоздала. Никак не могла решить, надевать ли этот шарфик.

— Решение правильное, — сказал Гути.

А Дон одновременно с ним:

— Отличный выбор.

— Ты очень красивая, — сказал я, утверждая очевидное.

Остальные мужчины забормотали одобрительно.

Интересно, как ей удалось, удивился я. Хотя сам тысячу раз видел это, никогда не понимал, как она умудряется меняться от привлекательной до блистательной без человеческой или сверхъестественной помощи. Ли почти не пользовалась косметикой и никогда не наряжалась. Она обернула шарфик вокруг шеи, подправила руками волосы, тронула помадой губы, и снова случилось чудо.

— Что-то вы больно смирные. А где Джейсон Боутмен? Я слышала, как позвонили в дверь, слышала голоса. Думала, Джейсон с вами.

— Сейчас придет, — ответил я.

— Он по-прежнему в охранном бизнесе?

— Его компания называется «Держи вора», — сообщил Гути.

Она рассмеялась:

— Потрясающе. Радикальная перемена. Я горжусь им.

— Почему бы тебе не сказать это ему лично? — спросил Дон. — Вот он идет.

Джейсон Боутмен вошел в комнату с другой стороны и остолбенел, увидев хозяйку дома.

— Он не двигается, — заметила Минога. — В чем дело?

— Несчастная слепая старушка требует еще одной жертвы, — сказал я.

— Заткнись. Тут что-то другое.

Гути произвел глубокий горловой скрипучий звук, означавший у него выражение радости.

— Не смейся над нами, Гути. Что он сейчас делает? Ага. Вот он пошел к нам, да?

— Как ты это делаешь? — спросил Дон. — В смысле, ты чувствуешь это или слышишь?

— Останешься без глаз и за двадцать-тридцать лет научишься всему.

— Прости, — покаялся Дон. — Ну, в общем, вот он, наш старый приятель и исправившийся злодей, Джейсон Боутмен. Малость притомившийся, малость одураченный, если простишь мне эти слова, Ботик.

— Что мне прощать, — ответил Ботик, не отводя взгляда от лица Миноги, — если я не понимаю, о чем ты.

Гути разглядывал потолок.

— Ерунда, не обращай внимания, — сказала Минога. — Как ты выглядишь, решу я.

— И вовсе я не был злодеем, — возразил Ботик. — Я был профессиональным вором.

352

— Тонкое отличие, — заметила Минога. — Но позволь мне сказать кое-что. Я очень рада тебе и хочу принимать тебя таким, каков ты есть.

— Минога, ты можешь принимать меня таким, каким захочешь.

Ли Труа подошла и остановилась перед ним: голова поднята, не понять, то ли улыбается, то ли нет. Чуть помедлив, сказала:

— Да, я поняла. Здравствуй, Джейсон.

— Можешь по-прежнему звать меня Ботиком.

— Я тут говорила, что очень горжусь тобой. Хотя это немного странно, что ты свернул на прямую дорожку.

— Езда по кривым дорожкам утомила систему.

— Что ни говори, а я никогда не хожу по прямой.

Я обнял ее за плечи.

— И слава богу, это нам всем испортило бы жизнь. Но как по-твоему, может, пора начинать? Поскольку все собрались?

— Тогда за дело, — согласилась Минога.

— Итак, народ. Выпивка, кофе? Все что пожелаете, ребята. Давайте начинать. Милая, ты готова?

— Абсолютно, — ответила она. — Принесешь мне водички?

— Мне текилы со льдом.

— Кофе.

— Виноградный сок, пожалуйста, — попросил Гути.

Когда я вернулся с напитками, мы расселись в креслах и на диване лицом к Миноге. Она ждала, сохраняя видимость глубокого душевного спокойствия. Но поза, угол наклона головы и задумчивое выражение лица выдавали ее.

— Все готовы, — доложил я.

— Я знаю.

Она повела головой, как бы обводя нас взглядом, и я предположил, что она попросит не прерывать ее рассказа.

— И я готова.

Она всецело завладела нашим вниманием.

— Дон, Гути, Ботик и ты, Ли, пожалуйста, постарайтесь понять то, что сейчас здесь произойдет. Я собираюсь описать настолько детально, насколько смогу, что видела и чувствовала перед, в процессе и после церемонии Спенсера Мэллона на лугу. Что бы ни случилось, прошу меня не перебивать. Не делайте и не произносите ничего, что могло бы остановить мой рассказ. Я не шучу. Даже если вас что-то сильно тревожит или страшно возмутит, пожалуйста, приберегите эмоции и дайте мне продолжить. Я в силах сделать это лишь один раз и повторять не собираюсь, как не собираюсь объяснять то, чего никто объяснить не сможет, так что не просите меня даже пытаться. Вы поняли меня, ребята? Хорошо поняли?

— Поняли, — ответил я.

Остальные, будто эхо, подхватили.

— Тогда я начну.

Минога протянула руку за стаканом с водой и сомкнула вокруг него пальцы в чуть заметной попытке нащупать его. Сделав глоточек, удовлетворивший бы колибри, она опу-

стила стакан точно на прежнее место. Сложив руки на коленях, она адресовала всем нам ободряющую улыбку.

— И начать я хочу там, где мы начали тот день, в кинотеатре. Помнит ли кто из вас причудливый комментарий Спенсера перед тем, как органист нырнул под сцену и стало гаснуть освещение, а занавес пошел в стороны? Бьюсь об заклад: не помнит никто.

— Можно нам ответить? — спросил Дон.

— В этот раз — да.

— Не помню ни единого слова, кроме того, что он обещал встретить нас на другой стороне улицы после сеанса. Но ты ведь не об этом?

— Нет, я о том, что он сказал о фильмах и зашифрованных сообщениях. Спенсер полагал, что определенные фильмы скрытно передавали информацию, которая предназначалась только для немногих, способных ее понимать. В то утро он хотел рассказать нам о тайне, скрытой в концовке «Шейн», одного из его любимых фильмов

ЖАВОРОНОК

Все, кроме Ли, рассказывала Минога, наверняка помнят, как Спенсер провел их вниз по проходу ко второму ряду, но кто знает, почему он сделал это? Экран излучал собственный свет, вот почему, и даже когда все остальное пространство кинозала утопало в полной темноте, первые три или четыре ряда освещались слабым серебристым свечением, напоминавшим лунное. Мэллон посадил их там, чтобы их было видно.

Годы спустя Минога думала: Мэллон хотел убедиться, что они будут придерживаться плана его игры. Он, образно говоря, прятал их в карман до нужного момента, чтобы потом достать и поставить на доску. Доказательств у Миноги не было, но ей показалось, будто их великолепный лидер дал пять баксов, чтобы быть уверенным: в течение двух сеансов они будут оставаться на своих местах.

Весь невидимый мир, думал Спенсер, прознал о его банде молодняка, и он хотел защитить их от обитателей этого мира до той поры, когда он обретет верное направление. А помимо этого у него было личное дело. Его, по общему мнению, подружка номер один, Мередит, страшно рассердилась из-за несправедливости, которую он допустил по отношению к ней, и он должен был помириться с ней самым лучшим ему известным способом — трахать ее до тех пор, пока у нее мозги не потекут из ушей. Простите мой французский, как говорят мальчишки. Именно так выражался

Мэллон, когда речь заходила об этом. Простите мой французский, молодая леди. Из чего, интересно, были у нее уши? Из хрустала?

Ли Труа понимала, что происходит, она же не была идиоткой. Ей это не нравилось — ей вся затея не нравилась, если хотите правду. Он поставил ее в неприятное положение, а изменить она ничего не могла. И что Мэллон задумал сообщить им — им всем, но главным образом ей, Миноге, — не помогло ни капельки. Он хотел что-то объяснить насчет смерти.

356

Так что смерть там присутствовала с самого начала, и Мэллон не скрывал этого. Только они думали, он говорил о смерти в контексте фильма, вестерна десятилетней давности, где играет паренек, очень похожий на Гути. Картину все видели по телевизору; они знали, о чем говорит Мэллон. Алан Лэдд, Ван Хефлин и Джин Артур, эта блондинка, которая снималась еще в миллионе фильмов. Джек Пэланс, абсолютно мерзкий тип. Человек приезжает в город, помогает фермеру, становится другом его семьи и простых жителей долины, которых притесняют богатые скотоводы. В итоге выясняется, что приезжий — знаменитый стрелок, и он устраивает настоящую битву со стрелком из вражеской команды. И выходит победителем, все опять хорошо, стрелок скачет вдаль навстречу закату. Только Мэллон перед тем, как удрал вгонять свою ненаглядную в хорошее настроение, сообщил им, что стрелок, Шейн, в конце фильма погибает.

С последним выстрелом Шейн внезапно вылетает из седла. Тот, другой стрелок, всадил в него пулю, и Шейн умирает, только не хочет, чтобы мальчик Билли узнал о его смерти. Фильм о загадке смерти в нашей культуре и о том, как эту тайну скрывают. Шейн — убийца. Ведь именно этим он и занимается. Если Шейн не убийца, то фильм теряет смысл, понимаете? Если он всего лишь еще один батрак, то Ван Хефлин, дядя Билли, должен быть застрелен на грязной улице. И если это случится, победит зло. Но почти весь фильм бродячий убийца Шейн предстает перед нами замеча-

тельным человеком, таким дружелюбным парнем... поэтому его смерть должна быть выдана зрителям зашифрованной, например, в каком-то жесте, который мало кто заметит...

Сейчас Минога окончательно убедилась, что Мэллон знал. А тогда она пришла к другому мнению. Он понимал, что собой представлял Кит Хейвард, и благодаря мужу Ли Труа теперь тоже поняла это и думала, что Спенсер был уверен: Хейварда убьют на том лугу. И он их предупредил, только иносказательно, через фильм.

Они проторчали там два сеанса дурацкого вестерна, набивая рты мерзкими конфетами из киношного буфета. Наконец второй сеанс завершился и им разрешили выйти на волю, где старый добрый Угадай Кто поджидал их с улыбкой от уха до уха. Чудо из чудес, Мисс Америку, первую красавицу Висконсина нигде не было видно, а это означало, что он покинул ее, чтобы лично встретить их.

Конечно же, Мэллон только что выполз из постели Мерedit, это было очевидно, и неважно, где она сама. Бедная Минога чувствовала, будто большой тупой нож вонзился ей в живот, но кое-что дошло до нее, когда их маленькая банда переходила улицу, чтобы воссоединиться еще с двумя ребятами. Это была внезапная догадка о Золотой Девушке — Мерedit Брайт, всеобщем идеале женщины, и, возможно, догадаться удалось потому, что ее не было здесь. Когда Мерedit рядом, она очень уж отвлекала, сбивала с толку. И знаете, о чем догадалась Минога? Что ничего такого в Мерedit нет и она будет торговать внешностью до старости. Единственное, что в ней было, — это странное сочетание невинности и жадности, а поскольку невинность у нее отобрали, как и должно было случиться, осталась только жадность в красивой упаковке. Мерedit даже не знала, что в один прекрасный день возненавидит Мэллона, но так оно и будет, поскольку Спенсер Мэллон никогда не исполнит ее желание, ее мечту...

В некотором смысле Мерedit напоминала Миноге Ботика, но Ботик вожделел к таким предметам, которые можно

стянуть и сунуть в мешок. Предметы, от которых неизменно возбуждалась Мередит, которые заботили ее, — совсем из другой области. Власть и деньги — вот за чем она охотилась.

Когда Мэллон вел их к месту встречи с Хейвардом и Милстрэпом, они наткнулись на разгон марша протеста, с конными полицейскими, и брандспойтами, и студентами, которых колотили дубинками, и орущими в мегафоны людьми — в общем, жуткая неразбериха.

358 Когда группа подошла к месту событий, копы потеряли над собой контроль и готовы были лупить всех по головам и швырять молодежь в фургоны. Разъярило их то, что лидеры митинга осмелились устроить его за пределами кампуса. Они нарушили негласный договор, который только и удерживал копов в рамках закона. Полицейские были страшно напуганы и не скрывали этого, и из-за этого протестующие становились все более и более неистовыми, провоцировали беспредел. Студенты на Юниверсити-авеню орали, призывая не убегать от полицейских, их щитов и лошадей, а вынуждать их к жестокости и беззаконию — истинному состоянию представителей власти. И черт возьми, это сработало. Когда Мэллон с группой пробрались к Норт-Чартер-стрит через бегущие толпы, улица напомнила поле битвы.

Если б не случайная удача — к добру или нет, вам решать, — их бы затянуло в общий поток, под удары дубинок, копыта лошадей и в тюремные камеры. Но Мэллон оглянулся через плечо и увидел новую крытую парковку. Он помчался туда, и они вчетвером рванули за ним за секунду до того, как появился пожарный с брандспойтом и принялся поливать студентов, сбивая с ног. В самый последний момент они избежали участи превратиться в пропитанные водой отбросы.

Разумеется, на пожарном безумие не закончилось. Многие студенты были готовы кинуться в битву, а полицейские слишком увлеклись и не могли остановиться. Они развлека-

лись: ведь достаточно направить брандспойт в одну сторону один раз, и готово. Ну, а поскольку школьники сидели в безопасности за бетонной стеной, они могли лишь смотреть на все это. Только Минога понимала больше, чем хотела, это сумасшествие словно проистекало из того, что Спенсер Мэллон разъяснил им о концовке «Шейна», когда они заняли места во втором ряду.

В самом начале, кстати, она видела Кита Хейварда и Бретта Милстрэпа и впервые по-настоящему осознала, какие они оба странные, вместе и каждый по-своему. Когда Минога их заметила, они шли вдоль зданий университета, стараясь держаться как можно дальше от тротуаров и проезжей части. Они пробирались к перекрестку по той же стороне улицы, где была парковка, так что Минога хорошо видела идущего первым Хейварда, а Милстрэпа — мельком. Они крались, как лазутчики, прижимая к стенам руки, чуть согнувшись в поясе, глаза их бегали. Хейварду откровенно нравилось происходящее — Миноге следовало бы знать, что так и будет, но когда увидела его отклик на беспорядки, она была потрясена.

359

Его радость была такой бесчеловечной, такой извращенной... в нем словно вспыхнуло изначальное зло. Глаза Кита сияли; он скалился во весь рот, грудь вздымалась и опадала. Хейвард не осознает, что делает, подумала Минога. Может, он даже посмеивался. Самым странным в этом была хладнокровная, жуткая беспристрастность его движений.

Ее вдруг осенило, и она испугалась. Мэллон говорил, Шейн погибает в конце фильма: а не предназначен ли Мэллон на роль Шейна? Миноге это показалось настолько очевидным, что она поразилась, почему не поняла сразу. Мэллон словно написал ей письмо, а она мяла его в руках все время, пока они тащились по улицам Мэдисона сквозь эту мучительную неразбериху. Мэллон сказал, что собирается провести ритуал и заплатить за это своей жизнью. Вот почему он был так искренен с ними, сообщив о том, что оста-

вит их после церемонии, а они все до одного неправильно его поняли. Мэллон не просто покидал город. Говоря об уходе, он имел в виду уход из жизни.

В ужасе Минога скорчилась у стены и уставилась на Мэллона, который запрыгнул на сиденье удобного металлического стула и оперся локтями на стену. Кожаная куртка, башмаки, прекрасные волосы и лицо с легким загаром — его облик вдруг приобрел огромное значение: такая милая улыбка, морщинки-лучики в уголках глаз и рука, поднятая в приветствии невидимому отсюда мятежнику.

— Не умирай, — шепнула она, и ее слова потерялись в реве и грохоте.

Он не мог ее услышать, однако повернулся и улыбнулся сверху. Миноге почудилось, будто небо рассыпалось цветными искрами салюта, и огненные петли и спирали озарили серые тучи. Он что-то сказал, она не разобрала, и ткнул пальцем в сторону улицы. Что бы там ни происходило, он хотел, чтобы и она видела это. Минога поспешно вскочила, подобралась к краю стены и осторожно выглянула.

И там, на залитой жестокостью улице, Миноге явился первый знак, что в этот день мир вывернется наизнанку. Даже в эпицентре сумасшествия и хаоса это было настолько неожиданным, неправдоподобным, что она глазам своим не поверила. Потому что увидела скелет.

Но сперва невероятная фигура очистила улицу, столь огромная и пугающая, что студенты, копы, пожарные бросили все и кинулись наутек. Это все равно что увидеть, как из-за угла вдруг выскакивает бегемот с подпрыгивающим на спине демоном. Словно внезапно ожила статуя полководца на вставшей на дыбы лошади — он поднял свой огромный меч, чтобы вновь разить врага. Верхом на иссиня-черной лошади, самой большой, самой крупной из всех, виденных Миногой, сидел офицер в шлем-маске, с бугрящимися мускулами на ногах и руках. Вместе они казались богоподобным, сверхъестественным воплощением жестокого возмездия, пришедшим из тягостного сна для поддержания общественного порядка.

Гигантская лошадь и правда попятилась, мощный коп в седле в самом деле поднял длинную дубинку, как меч, и на своей черной горе пронесся, как карающий ангел, по Университи-авеню, разбрасывая и студентов, и полицейских, а потом развернулся и помчался обратно. Никто не мог ему противостоять, и хотя протестующие смыкали ряды за ним, потом опять бросались врассыпную перед новой атакой. И среди всего этого Минога увидела скелет.

Он показался и исчез, мелькнуло лишь грязное пятно хаки, когда солдат в линялой униформе отскочил от лошади и ее безжалостного наездника. Старая форма, сохранившая следы боя, выцветшие знаки различия... Она взглянула еще раз и увидела руку скелета, череп с прилипшими остатками гниющей кожи и прядью редких волос. Мертвый солдат пришел поддерживать марш протеста, и его товарищи присоединились к нему. С винтовкой в руке высокий, крепко сбитый мужчина со снесенным наполовину черепом, с тремя полосками на рукаве, побежал навстречу скачущей лошади, волоча за собой серебристую веревку кишок. Скелет подпрыгивал и трясся и уклонился с дороги лишь перед самой мордой лошади.

361

Минога знала: больше никто не видел мертвых солдат.

Заметил ли Мэллон разлагающихся мертвецов, обрадовался ли их появлению? Ведь это означало, что покров порван, привычные правила не действуют... Она оглянулась на своего обожаемого, стоявшего на стуле, и поняла, что он все-таки не виделдвигающихся трупов; он показывал куда-то дальше.

Минога посмотрела в том направлении и разглядела Мередит Брайт: кто бы сомневался... Кого еще мог высматривать Мэллон, кого еще он мог видеть, если не ее? Девушка выглядела немного напуганной беспорядками, но не настолько, как Минога могла бы ожидать, нет, она казалась расстроенной и раздраженной: ей не терпелось поскорее продолжить путь.

По ее дурацким расчетам, они опаздывали на час, а то и больше. Гороскоп был ее великим вкладом в авантю-

ную затею Мэллона, и она собиралась обидеться, если он не пригодится. Все шло к тому, подумала Минога с диким всплеском радости, что Мередит очень скоро придется понять: для ее героя/спасителя/мыслителя и повелителя она — всего лишь забава.

Спенсер махал Мередит, а Мередит то оборачивалась на Кита Хейварда, то смотрела на Мэллона. Никто из них не видел мертвых солдат. Возможно, это только она думала, что духи солдат имели право присоединиться к маршу протеста против войны, унесшей их жизни. Миноге это представлялось вполне здоровым. Им не нравилось быть мертвыми, этим бедным парням. Они считали, что их облапошили, и она полагала это вполне справедливым, оттого обиженные призраки не казались Миноге страшными. Вот кто по-настоящему пугал ее, так это Кит Хейвард. Он пребывал на пике истерической радости, от которой аж пританцовывал на месте: конечно же, ну как она не поняла раньше? Кит тоже видел призраков-скелетов. Еще бы! Как она упустила, это же так очевидно. То, на что Кит смотрел, чем упивался, сводило его с ума от счастья. Да он просто балдел от смерти. Спенсер понятия не имел, *что* пригласил в круг.

Спенсер играл в игры, дошло до Миноги. Отчего же она сразу-то не догадалась: с самого начала он все представлял то как одну игру, то как другую. Худшей игрой, самой пагубной и разрушительной, была игра в реальность. Он и Мередит даже разговаривали так. Спенсер выдавал себя всякий раз, когда открывал рот.

— Он не ведал, что творил? — спросил Джейсон Боутмен.

— Ответ — нет, но я просила меня не прерывать, особенно вопросами, — сказала Минога. — Еще кто-нибудь встрянет, я просто встану и уйду.

— Виноват... — пробормотал Ботик.

Пока что мы с вами находились на стадии пролога, продолжила Минога. Пролог имеет отношение к смерти, и рассказ о том, чем она занималась в тот день, вращается вокруг смерти и зла, смерти и зла, с выступлениями в главных ролях двух абсолютно разных, хотя и одинаково ужасных демонов... Но есть и еще кое-что, более глобальное и мудрое и во всех отношениях лучшее, что-то такое, к чему она осмелилась подойти не ближе, чем любой из них, поскольку оно и есть самое страшное. Ее впечатление было не односторонним, вовсе нет, вот только обе стороны оказались совсем не такими, какими их можно было представить. Минога до сих пор пытается разобраться в этом.

Когда копы и пожарные ушли, маленькая группа воссоединилась, выбравшись из разных укрытий, и Минога увидела, что оказалась права насчет Мередит. Девушка была страшно обижена и зла. Она чувствовала, что ее предали. Мэллон даже не пытался делать вид, что его волнуют ее расчеты и гороскопы. Что бы Мередит ни говорила, он не верил, что это единственный из очень немногих случаев, когда опоздание может грозить серьезными последствиями. «Спенсер, — сказала она, — по-моему, наше «окно» только что захлопнулось». — «Ну и ладно, — ответил он, — откроем другое».

Люди должны быть очень внимательны к своим словам.

В ярости Мередит отвернулась от Мэллона и состроила глазки Киту Хейварду, который от этого едва не взлетел. Мередит думала, что это любовь, юношеская страсть и все такое — конечно, отчасти это правда... но главным для него было другое, из-за той особенности, которую Минога подметила в Ките только сегодня. Минога и сейчас понятия не имеет, почему он стал таким, она просто знает, что Кит был куда более извращенным, чем она думала. В тот вечер ей предстояло поближе познакомиться с природой и масштабами патологии Хейварда.

Мэллон подбодрил их парой слов и разбил сердце Джейсону, спросив Дона, удастся ли им повернуть это дело, несмотря на то что они облажались с гороскопом, но Дон не понял этой реплики, и Ботик тоже. Ребята восприняли это так, будто Спенсер миропомазал Кроху своим учеником и престолонаследником. Миноге не давали покоя мысли: что будет с несчастным Крохой, если Спенсер умрет? Что будет со всеми?

В общем, Дон ответил именно так, как ожидал Спенсер, и они тронулись в путь. Гути не сводил глаз с Миноги весь остаток вечера, пока не потерял сознание: Гути что-то знал, он что-то заметил, и Минога думала, что он, наверное, уловил тот момент, когда она видела мертвых солдат. Она беспокоилась за них за всех, но Гути беспокоился за нее. Они были так тесно связаны, может, он тоже видел бродячих мертвецов... Поэтому ей пришлось привести его в чувство: она улыбнулась Гути и послала полный любви взгляд. Минога любила Гути, и этим взглядом объявила о намерении неустанно и до самого конца защищать его.

364

На Глассхаус-роуд Минога продолжала поддерживать Гути. Она огляделась в поисках источника непонятного, доносившегося откуда-то сзади шума и тихонько велела ему не оборачиваться. Все было очень странно. Почти все мальчишки оглянулись, и она знала: увидеть они могли огромных собак, одетых, как люди, и ходивших на задних лапах. Собак, будто сошедших с той дурацкой картины, которую ее папаша притащил из кабака, вот только они не казались такими дружелюбными и безобидными. Они бы тотчас превратились в свирепых собак байкеров «Ангелов ада», собак-убийц, и набросились бы на них, если б Мэллон и его маленький отряд вдруг передумали идти вперед. Вот это увидели и поняли все, и Минога тоже, но это еще не все, что она видела.

Бретт Милстрэп шагал уверенно, едва сдерживая ярость безумца. Когда она посмотрела туда, где заканчивалась тупиком улица, она и там увидела Бретта Мил-

стрэпа, маячившего с кривой ухмылкой на симпатичной мордочке по правую руку от Кита Хейварда. Бретт впереди ничего не знал о разъяренном Бретте, который тяжело ступал позади, ненавидя свое положение и мечтая поменяться местами с двойником. Каким-то образом Миноге удалось понять, что этот обмен невозможен. Бретт был жертвой такого недоразумения, такой ошибки, которую не исправить никогда.

И вот мы подходим к очередному поистине странному событию вечера. В тревожном пути по Глассхаус-роуд группа стала по-настоящему сплоченным отрядом — Минога остро чувствовала, как происходит это единение, и знала: другие тоже это ощущали, даже Хейвард и Милстрэп. И она поняла, что именно Ли Труа — центр группы. Не Спенсер, поскольку Спенсер, которого она сейчас любила до умопомрачения, должен стать механизмом, который «запустит» ее. Вряд ли он до конца отдавал себе отчет в этом: его тщеславие всякий раз давало сбой, страхась встречи с таким знанием. Сосредоточенность Мэллона на происходящем была краеугольным камнем его существования, но он едва ли наполовину осознавал свою истинную роль.

А роль Спенсера огромна, Минога это понимала. От него зависело все, ведь у нее ни за что не получится пойти до конца, если затея не удастся Мэллону. И надо было видеть его. Даже до того, как Дон привел их в небольшую низину на лугу, до того, как они увидели белый круг, сияющий навстречу, Спенсер чуть ли не светился от убеждения, что творит правое дело.

Минога думала, что объединившейся группой управляла трепетная вера Мэллона в то, что вечером они достигнут невероятного. Немного погодя даже Мередит как будто отказалась от страстного желания руководить всеми. И студенты — соседи по общежитию глазели на нее, как на идеальную женщину, сошедшую в сферу, лежащую за пределами исключительно чувственного. Эта сфера, полная намеков на переход в область потустороннего, раскинулась

вокруг них. Когда они были готовы приступить, Минога обратила внимание, что вечер необычайно красив: подобного она в жизни не видела. Проклюнулись звезды, выкатилась луна — бледная поначалу, она наливалась все ярче и ярче, чем ближе подкрадывалась ночь. Гути по-прежнему не спускал с Миноги глаз, и она поняла: ему казалось, что звезды и светящиеся точки фар вдаль становились вдвое красивее оттого, что освещали ее — Гути видел это, как видела и она: он не хотел пропустить ни мгновения.

366 Что же до Миноги, вот какое у нее было ощущение о намерениях Мэллона: он собирался заглянуть в себя и достать ключ, который позволит ей распахнуть душу и творить самые невообразимые дела, какие только придут в голову. В нем звенело острое желание достичь цели, он был сосредоточен, радостно наэлектризован. Мэллон был так красив, что аж больно смотреть: этот человек пришел в такое согласие с самим собой и поставленными целями, что вряд ли мог погибнуть, достигая их. Церемония не должна убить его. А это означает только, что он просто уедет в другой уголок страны. Такой вариант будущего не делал Миногу ни капельки счастливее, чем тот, о котором он объявил сразу, но все-таки это в миллион раз лучше смерти.

Она помогала мальчикам укладывать веревки перед белым кругом и раздавать свечи и спички, а ее переполняли ощущение сопричастности к чему-то высшему, радость и обожание горячо любимого Спенсера Мэллона, смешиваясь с болезненной уверенностью: что бы ни случилось сегодня, очень скоро она потеряет его навеки. Задумайтесь: не повлияло ли это на произошедшее потом точно так же, как жуткая болезнь Кита Хейварда? У Миноги на уме тоже были смерть и потеря, даже несмотря на то, что она вся трепетала от стремления к... завершению, которое вот-вот наступит.

Как только инвентарь был разложен, они словно задышали в унисон. Вдыхали и выдыхали одновременно — все разом. Минога вновь остро почувствовала единение со все-

ми. И не имело никакого значения, что ее и Мередит поставили рядом, — они казались частичками единого вещества. Взаимное отвращение никуда не делось, оно утратило смысл.

Подняли зажженные свечи и стали ждать, когда заговорит Мэллон. Гути вновь весь напрягся и пожаловался: мол, «они пришли», — и все, кто еще способен был думать, решили, что он говорил о собаках, так, Гути?

Пожалуйста, не отвечай, я знаю, ты тоже увидел что-то иное вокруг нас — нечто, прибывшее вместе с собаками. Что-то, прячущееся в стае. То, что ты увидел в прошлом году в тот день, когда мой муж и Дон повели тебя на прогулку по территории Ламонта. К тому времени ты узнал их настолько хорошо, что понял: это было прощание, и тебе стало ужасно жаль. Джейсон Боутмен очень удивится, что ты так сожалеешь о том, что он назвал темной материей, но это была именно она.

У Гути, наверное, чистейшее в мире сердце, раз оно способно на сострадание к чему-то подобному. Минога знает. Она тоже видела одного из них, до того как отправилась в свое долгое путешествие и очнулась в самом удивительном месте из всех виденных ею, самом безысходном... в конце путешествия, начавшегося с таким ощущением красоты, многозначности и целостности, почти наслаждения... Она очнулась вновь лицом к лицу с какой-то дрянью, которая начала двигаться туда-сюда, появляясь в поле зрения и исчезая, в ту секунду, когда Мэллон вздохнул и заговорил, запел. Так вот, это существо сказало ей, как заблуждается Спенсер, какой занимается ерундой, но как близко он подошел к прорыву, к которому стремился и который искал всю жизнь. Рыжебородый демон с завязанными в хвост волосами, гнилыми зубами и каким-то древним акцентом...

Хотя сначала... Сначала она превратилась в жаворонка. Самый красивый момент в ее жизни — такого уже не будет. Это как получить десерт перед ужином или помилование перед наказанием.

Гути, наблюдая за ней, понял: что-то случилось, в чем он не смог принять участие. Это пришло к ней слишком стремительно, слишком широко, чтобы кто-то другой мог присоединиться. Она была, так сказать, внутри переживания, которое ему недоступно. Единственная причина, Гути, почему она не погибла — потому что знала: тебе бы пришлось по душе происходящее с ней. И может, Спенсер Мэллон по-своему тоже любил ее. Он почувствовал, что она пошла дальше, чем он, и если завидовал, то не дольше секунды.

Воздух ощутимо уплотнился, заключив их словно в оболочку. Невидимые предметы, невидимые жизни стремительно мелькали и вертелись вокруг — она едва успела это заметить, поскольку Мэллон нашел слова или слова нашли его, и он запрокинул голову, расправил грудь, растопырил пальцы и исторг свою потрясающую песнь.

368 И тогда — понимаю, это звучит дико — она стала как бы двумя людьми, или одним человеком и одной душой, или чем-то вроде того. Душа жила в ее воображении, вот и все, что она знала. Гути видел, как это произошло, и Спенсер видел.

* * *

Спенсер не знал, и никто, кроме Гути, не знал о последнем толчке, отправившем Миногу в *путешествие*. Это страх, отвращение и потрясение, пронизавшие ее, когда она заметила возню в жухлой траве футах в десяти справа от круга. Это движение, эта активность означали, что круг нарисован неправильно — не в том месте. А Мэллон смотрел совсем в другую сторону. Кроме нее только Гути видел, что произошло.

Проявилось ужасное существо — вот что случилось там. Мэллон не только разбудил тварь против ее желания, он вообще все прозевал. Как бы Миноге хотелось тоже все прозевать... Существо, пытающееся подняться на ноги на вытоптанной траве, было, наверное, невидимым, но оно

до ужаса напугало ее: захотелось повалиться на землю и вжаться в нее лицом, глазами. Судя по движению в редкой траве, зверюга раздраженно дергалась, пытаясь остаться невидимой. Никто никогда не должен видеть, как она бродит туда-сюда по миру — и люди падают с лестниц, дети коченеют и умирают, урожаи сохнут на корню, женщины теряют недоношенный плод, пьяные водители заруливают на встречную полосу, мужья избивают жен, жены зажаривают мужей в кроватях заживо, как тараканов, старые друзья ссорятся навеки. Существо двигалось по своим лишенным границ владениям и несло беспорядок, сеяло отчаяние.

Мухи слетали с вонючей шкуры. Минога чувствовала, как тварь повернула мерзкую башку и шагнула вперед, потом в сторону. Надежды свернулись комочком — все остальные видели то, что им суждено видеть, но обоняли одно и то же. Когда ужас и отвращение захлестнули ее, до Миноги вдруг дошло: дьявольское чудовище перед ней — знаменитый Полуденный демон, о котором отец и его жуткие дружки шептались в «Доме Ко-Рек-Шуна». Беспощадный демон повседневного зла. Он вошел в дверь, которую отворил Мэллон, не знаящий, как ее закрыть. Это был демон мести и болезненной зависти. Демон алчности, посредственности, неутолимости, он никогда не был удовлетворенным, умиротворенным или отдыхающим. Похоже, она надышалась его ароматами на всю оставшуюся жизнь.

Мэллон смотрел на Миногу и едва видел ее сквозь вонючее оранжевое облако, которое сотворил из ничего.

Минога поднялась на ступеньку-другую по узкому проходу, который вдруг образовался вокруг нее. Он тянулся куда-то вверх, пересекаясь с другими, более широкими проходами, которые она скорее ощущала, чем видела. Здесь Миноге показали, что произошло шесть лет назад в книгохранилище Колумбийского университета: привлеченный к камерке, из которой лился такой же яркий свет, какой заливал их сейчас, Спенсер Мэллон постучал, ответил на массу вопросов

и был с неохотой допущен внутрь. Она узнала об этом, потому что Дон Олсон отважился спросить своего ментора и тот отважился поведать правду.

Минога вошла в поток великого течения времени и увидела то, что должно было произойти лишь спустя десять-одиннадцать лет. Мэллон сказал тебе, Дон: «Хочешь знать, что этот болван в каморке сказал мне? Я до сих пор не понимаю его слов, поэтому могу преспокойно повторить их тебе, малыш. Так вот, этот похожий на наркомана придурок сказал: мне жаль вас. Я могу контролировать то, что делаю, а вы, наверное, никогда не сможете».

370

Минога наблюдала, как это происходило, стоя в дверях гостиничного номера, где ментор и ученик делили пинтовую бутылочку «Джонни Уокер Блэк», без воды и льда. Потом она расправила крылья и взмыла ввысь. На лугу Гути и Спенсер Мэллон провожали взглядами полет души Миноги до тех пор, пока она не слилась с темнотой. Тело Миноги сделало судорожный глоток зловонного воздуха, затряслось перед безликим и бесстрастным злом и стало смотреть на ужимки других существ, успешно приглашенных Мэллоном в наш мир. Эта Минога, материальная Минога, была свидетелем глупого, безрассудного исчезновения Милстрэпа в необузданном мире богов и аватар. Но другая Минога, или ее неотъемлемое «я», взвилась в ослепляющий простор искрящихся аллей и извилистых уединенных дорожек, тянувшихся к путям широким и узким, и поняла, что Мэллон, сам не зная об этом, дал ей доступ к сердцу времени. Она оказалась над неохватной картой, не двух- и не трех-, а как минимум четырехмерной. По этой колоссальной карте она была свободна передвигаться как ей вздумается.

Минога попыталась в этом разобраться. Она решила, что разделилась на две равные части, одной из которых был жаворонок. Это произошло. Да. Это случилось. Даже если весь удивительный эпизод явился прямым из ее воображения, а на самом деле Минога осталась там, на лугу.

С песней Мэллона, льющей в уши, Минога в экстазе устремилась в головокружительный полет, пронзая много-много небес:

— каникулы 1953 года; дети в Милуоки, тяжело дыша, носились по школьному двору, играя в пятнашки и не обращая внимания на маленького мальчика, сидевшего в одиночестве под «муравейником»¹. Он следил за ними одними глазами, не поворачивая головы. Совсем один на площадке, этот мальчик вдруг отвлекся, взглянув вверх на пролетающего жаворонка. В своем полете Минога знала, что мальчик — Кит Хейвард, и ее сердце больно сжалось от горя;

— легко скользнув вниз к аллее и нырнув в узкий переулок, жаворонок стал круто снижаться, заливаясь песней, над пабом «Кэмден»: Лондон, 1976 год. Люди сидели за круглыми столами, беспорядочно расставленными между деревьями в кадках, улыбающаяся смуглая женщина ткнула в плечо мужчину в черном свитере, который с удивлением и радостью вскочил на ноги и с улыбкой показал на впервые в жизни увиденного или услышанного жаворонка;

— год 1958-й; она покружила над головами жителей индейской деревни, которые глядели вверх в недоумении, а тощий американец в кожаной куртке, бывший до этого в центре их внимания, положил ладонь на белобрысую макушку, задрал голову и как будто пришел в восторг;

— летом 1957-го она парила над симпатичным бассейном на заднем дворе в Фокс Пойнт, штат Висконсин, где угрюмого вида двенадцатилетний мальчик с заметным вдовым мыском, сунув правую руку в плавки и лаская себя, поднял левую, и будто бы целясь в нее указательным, дважды спустил «курок» большого пальца;

— жаворонок пронесся по сверкающему проходу и ворвался в будущее, зависнув над Большой лужайкой и замком Бельведер в Центральном парке Нью-Йорка спе-

¹ Конструкция для лазания на детской площадке.

циально ради мужчин и женщин средних лет, прогуливающих по тропинкам, — сверху люди выглядели как бусины в ожерелье. Орнитологи ахнули и полезли рыться в ноутбуках, искать камеры, мобильники, чтобы запечатлеть появление невиданного, невероятного и готового вот-вот исчезнуть;

— вираж в холодный, мертвый уголок будущего, где под нарисованным солнцем на нарисованном небе тощий повзрослевший Ботик Боутмен, которому вскоре предстояло пережить самое худшее событие в жизни, посмотрел недоуменно на нее с бетонной полосы между причалом и длинной лужайкой с двумя прямыми линиями коричневых отпечатков ног. Отпечатки принадлежали ему и этому, из недособак с остроконечными белыми пластиковыми зубами, которые отражают лунный свет, как оголенная кость; на одну жуткую секунду она увидела свое отражение — маленькую коричневую птичку с распростертыми крыльями — в глазу на мерзкой неповоротливой собачьей морде; из гвалта скрипучих голосов стальной тенор протрубил: «Мне надо то же, что и тебе».

372

Содрогнувшись, Минога полетела прочь, ручеек ее песни прервался так резко, что там, внизу, на лугу, Гути бросил на нее полный ужаса взгляд. Потрясение и смятение от нарисованного неба и почти полностью мертвого мира под ним, пластиковые зубы собачьего чучела, тревога Ботика, железный тенор, и его агрессивное утверждение, и страх Гути за нее швырнули Миногу едва не кувырком в калейдоскоп кадров:

— стоя перед своим бесполезным верстаком, ее отец уронил рюмку, та ударилась об пол и плеснула виски на ноги маленькой Миноге;

— невидимый, преследуемый мухами Полуденный демон лениво склонился над купленной в секунд-хенде детской кроваткой, и младенец Колби Труа, братик Миноги, вздрогнул разок и испустил дух;

— голова Роя Блая взорвалась, разлетевшись клочьями волос и окровавленными мозгами на тропе в джунглях Вьетнама;

— квартира на Восточной Седьмой улице, Минога с Ли Гарвеллом развалились в креслах: она вернулась домой с работы в баре, он впервые за день оторвался от стола, они читают вслух друг другу из книги «Реки и горы». Еще зрячая Минога и Ли Гарвелл были бездумно счастливы в тот год, до начала великих проблем, с которыми столкнутся вместе и по отдельности;

— последним кадром была залитая солнцем Стейт-стрит ранней осенью и большое грязное окно закусочной «Тик-так», через которое Минога, уже никакой не жаворонок, а просто пылинка, летящая над тротуаром, смутно видела себя и друзей: все подались к сухопарой фигуре, что-то им рассказывавшей. В этом кадре видимость была не очень, но она различила Кита Хейварда, с которым должно произойти что-то поистине ужасное, но не раньше, чем она многое узнает о нем.

373

* * *

На темнеющем лугу, с которого ее частичка-душа отважилась унести, Минога стояла рядом с Гути Блаем и наблюдала за разгулом духов. Поза и потрясенное выражение лица Мэллона говорили, что вторжение застало его врасплох. Вместо величайшего триумфа Мэллон стоял столбом и ругался. Он выглядел измученным и неподготовленным: актер, которого вытолкнули на сцену раньше, чем он выучил роль.

Минога, не переставая тревожиться за Кита Хейварда, поняла, что Мэллон видел вокруг себя мерзкий оранжево-красный туман и сотни свирепых собак. Из картины безумия, развернувшейся перед Спенсером, разум его успевал выхватывать лишь мимолетные фрагменты. Он понятия не имел, насколько грандиозен его провал. Там, перед Доном

и студентами, бесчинствовало нечто вроде пьяного цирка, дикая вечеринка на какой-то холодной удаленной планете, населенной созданиями из сверкающего жидкого металла. В атмосфере разгульного празднества сумасшедший король ездил кругами, шатаясь, верхом на медведе; орущая королева целилась длинной палкой в людей, адресуя им проклятия, точно так же, как двенадцатилетний Бретт Милстрэп целился из воображаемого пистолета в жаворонка-Миногу. Безликая королева, двигаясь будто по спирали, приблизилась к Миноге, опустила серебряный жезл и начертила «галочку» в воздухе. Совершенно безболезненно маленькая холодная капсула ударила в правый глаз Миноги и стремительно скользнула внутрь, как ныряльщик в омут. И тотчас растворилась.

«Мой глаз», — подумала Минога. И в череде странных, мучительных событий умудрилась забыть об этом эпизоде до тридцати лет, пока слабеющее зрение не напомнило о нем.

374

Перед Мэллоном в ленивой позе застыла обнаженная женщина, казавшаяся зеленой на фоне мертвого ландшафта с медленно шагавшим верблюдом, парящим платьем, белой голубкой...

Сцены сопровождались невероятным гамом: улюлюканье и вопли из бесцветного мира безумной королевы, громкие стоны за спиной зеленой женщины. В сверкающей грозе рыжебородый гигант с поднятым мечом заорал на Ботика. Перед Миногой старики склонялись под яростным ветром, угрожающе крутили головами, показывая безобразные лица с огромными заостренными носами на затылках.

Для этих созданий люди ничего не значили и существовали для того, чтобы их мучить и убивать. Мэллон вызвал этих божков, а когда они все заявили сюда, едва видел их и понятия не имел, что с ними делать.

Минога заметила, как Бретт Милстрэп нагнулся и, уцепившись за край, потянул на себя какой-то пласт с разрывом по шву. У нее возникло ощущение, будто сама эта идея настолько ужасна, что Бретт должен немедленно забыть о

ней. С другой стороны, этот парень словно создан выдавать ужасные идеи.

Мир по ту сторону крепкой оболочки, заключила Минога, безумен и губителен и, насколько известно из древних источников, так напугал обожаемого Мэллоном Корнелиуса Агриппу, что тот вновь обратился к христианству¹. А если не напугал, то должен был. Эти лишенные лиц короли и королевы, вялые девицы, развевающиеся одежды, свирепые воины-гиганты и все остальное, эти верблюды с драконами и странные свиньи — все казалось бессмыслицей, поскольку их действия были начисто лишены логики или согласованности. Здравому рассудку, рационализму не было места в их мире. Они не могли нести смысл; смысла не было в них самих. Смысл пришел в мир позже, и им это не понравилось.

* * *

Итак, Бретт Милстрэп стоял перед обнажившимся черным провалом, из которого бил луч ослепительного, неземного света. Минога видела, как парень наклонился к бреши, возможно, в надежде получше рассмотреть странное царство пустоты.

А стоявшему рядом Хейварду, похоже, не было никакого дела не только до своего дружка, но и до мира призраков. Он сосредоточенно смотрел в сторону Мередит, Гути и Миноги. Минога не могла сказать, была ли объектом его внимания она или Мередит. Но точно не Гути. Судя по тому, что она почувствовала в жалком Ките Хейварде, он питал какую-то губительную страсть к Мередит. И хотя взгляд его вроде бы перескакивал с одной девушки на другую, Минога встревожилась не на шутку. Меньше всего ей хотелось ухаживаний Кита Хейварда.

¹ В своей работе «О недостоверности и тщете всех наук и искусств» Агриппа под влиянием начавшейся Реформации призывал вернуться к простоте изначального учения христианской церкви и подвергал критике претензии тогдашней учености, среди прочих ее видов — лжемагию, или чернокнижие.

Лицо его блестело от пота, а глаза казались раскаленными. Обезумевший от скачущих в голове мыслей, он сделал нерешительный шаг вперед, потом второй, более уверенный. Мерedit едва уловимо изменила позу, как бы показывая, что Хейвард предназначался ей. Она давала ему зеленый свет, этому придурку. С третьим шагом Хейвард бросился бежать, и Мерedit не смогла или не захотела увидеть этого: смотрел он прямо на Миногу. Он был самой Неудержимостью — как она не заметила раньше, что Хейвард превзошел Ботика, — и он хотел ее.

Потому что знал тоже. Он что-то увидел. Хейвард разглядел какую-то часть полета Миноги, и это свело его с ума. Как бы хотелось Миноге вновь превратиться в жаворонка и сорваться в ночное небо, потому что скованное ужасом тело отказывалось двигаться.

376

И она всерьез подумала: вот сейчас она умрет. Как вы думаете, что она поняла? Она поняла, что все с ней будет хорошо, когда придет ее время. Минога не отдаст свою жизнь, покрываясь потом и дрожа от страха. Стоя там, в низинке, она в тот потрясающий момент подумала: «Может, этот полоумный и впрямь собрался прикончить меня, но зато я увидела то, что увидела сегодня, зато у меня была любовь, зато я не позволила отцу разрушить мою жизнь. Жизнь есть жизнь, и эта жизнь принадлежит мне».

Теперь она бы не стала утверждать, что в свои семнадцать или восемнадцать, сколько ей было в ту ночь, выражала мысли именно этими словами, но намерения были такие. Ей казалось, что тогда она была невероятно храброй, смышленной девочкой и очень хотела бы сейчас оставаться такой же. Со временем Минога стала более уступчивой, и жаль, что процесс обратного хода не имеет: с годами не становишься храбрее и сообразительней.

Но она ведь не умерла, это очевидно, вы согласны?

Итак, она все ближе к тому, о чем говорить будет по-настоящему трудно.

Но прежде чем они доберутся до самого тяжелого в этой истории, им придется рассмотреть Кита Хейварда. Изнутри.

За спиной Хейварда, как смутно помнила Минога, Бретт Милстрэп все ближе наклонялся к бреши, которую проделал в оболочке между этим миром и другими, — как кошка, которая не может не сунуть морду в манящий запахом пакет. Бретт склонился еще чуть ниже, и эти полдюйма оказались решающими: он исчез, его просто засосало туда. Произошло все настолько быстро, что Минога увидела лишь пару коричневых мокасин, летящих в трещину, которая сразу же захлопнулась. Милстрэп появился где-то далеко «на заднем плане» холодного мира сумасшедших духов: с искаженным паникой лицом, он очертя голову бежал к «переднему плану».

Между тем Хейвард несясь вперед с решительным намерением вцепиться своими клешнями в Миногу. И он бы схватил и утащил ее, чтобы убить. Однако дьявольское существо, разбуженное Мэллоном, тоже двигалось к Миноге, не спуская глаз с нее и Гути. Из всего отряда лишь они двое видели его. Хейвард хотел Миногу, но тварь хотела их обоих, и стоило ей стартовать — а получилось это у нее куда быстрее, чем у Хейварда, — как она стала пропадать из виду, то исчезая, то появляясь. Удалось разглядеть, что она похожа на щетинистую свинью с башкой, отчасти напоминающей человеческую, с обиженным выражением морды, все больше вытягивающейся по мере приближения к ребятам. Словно через вспышки стробоскопа видела Минога темные перчатки, лопнувшие по швам, и пыльный, заляпанный кожаный жилет с «ласточкиным хвостом». Сонные мухи по-прежнему кружились над тушей.

Когда усердно пытаящее создание почти поравнялось с Хейвардом, Кит, не снижая скорости, посмотрел в сторону — предположила Минога — и увидел, что его нагоняло. На его лице отразился сложный мыслительный процесс. А затем со странным вопросительным взглядом на Мино-

гу — за эти несколько секунд ее спокойствие улетучилось — он бросился наперерез дьявольской твари, которая оказалась главным результатом работы Мэллона.

Так что же сделал Хейвард? Атаковал существо, бежавшее рядом? Пожертвовал собой ради того, чтобы Минога, или Гути, или оба — но не Мередит, хоть та, как и они, пришла сюда с добрыми намерениями, — пережили ночь? Хейвард умер, и, если бы Минога и Гути не выжили, они бы не сидели сейчас здесь. Но что же все-таки произошло? А что произошло за несколько мгновений перед этим?

* * *

А произошло вот что. Или возможно, произошло.

378

В отрезке времени между удивленным взглядом Хейварда на Миногу и его броском наперерез твари Минога успела пропутешествовать с невероятной скоростью, в качестве жаворонка или как-то иначе, в мир Хейварда, если можно так выразиться. Она сказала «пропутешествовать», но ощущения полета или перемещения в пространстве не было: она просто увидела маленький задний двор в похожем на Милуоки городе. Свет странным образом менялся от синего к багровому, и воздух как бы не имел температуры вообще, и ничто там не двигалось, не росло, не дышало — не жило. Она поняла, что попала во внутренний мир, в мир памяти. На этот раз ее никто не отпускал, и решения отправиться путешествовать она не принимала. Миногу просто выдернули из ее времени и зашвырнули сюда. Еще одно безрассудство Мэллона: он дал ей доступ к Киту Хейварду, последнему человеку, от которого она желала бы получить подобное.

Но ничего не поделаешь: вот она, и вот он, тот самый мальчик с болезненным, землистого цвета лицом и несколько непропорциональной головой, показавшийся жаворонку изгоем детской площадки — только на несколько лет старше, — лежит на спине на вытопанной траве, о чем-то напряженно думает. Вот он задумчиво посмотрел вверх и как

будто заметил ее, Минога увидела у него в руке длинный кухонный нож. Это же просто воспоминание, сказала она себе, но страх зажег искорки тревоги в груди и животе.

Разумеется, он не мог ее видеть. Взгляд Кита прошелся по небу, следуя за его странной мыслью — или провожая полет жаворонка? Он сел, а потом вскочил и выбежал из двора в переулок. Она поплыла над забором и увидела, как он скрывается за углом.

Минога тоже очутилась в конце квартала, а Кит пробежал вверх по улице и, пригнувшись, шмыгнул на заросшую парковку, скользнул в пролом кирпичной стены и притаился за высоким травостоем. Кит порылся в кармане и вытащил маленький пластиковый пакетик с коричневыми, размером с ластик, комочками вареного мяса, выглядевшими так, будто их надергали из гамбургеров. Он залез рукой в мешок, достал примерно половину комочков и в зарослях цветущих трав соорудил из них несколько миниатюрных зиккуратов. Пришлепнув последнюю пирамидку пальцем, Кит бросился назад и привалился спиной к стене. Прижав рукоять ножа обеими руками к паху, а лезвие держа вертикально, он замер.

379

Пот выступал у него на лбу вдоль линии волос и блестел на щеках. Веки дрожали. С силой сжатые губы вытянулись в тонкую линию с опущенными концами.

Несколько долгих минут спустя недалеко от приманки под белым зонтиком дикой моркови показалась тощая кошка. Хейвард поманил:

— Кисонька, кис-кис-кис. Смотри, какую я тебе вкуснятинку принес, кис-кис-кис...

Мурлыча и припав к земле, кошка приблизилась к холмику из мяса. Ноздри ее трепетали. Кошка потянулась мордочкой к еде и лизнула.

— Ну вот и умница, — проговорил Кит. — Тощая, мерзкая гадина.

Он медленно протянул руку и стал гладить животное по спине. Когда кошка раскрыла рот и ухватила кусочек,

рука Кита сжалась вокруг ее шеи и дернула вверх. Он ударил шипящего, царапающегося зверька о кирпичную стену и всадил нож в спину. Показалась тонкая струйка крови и быстро иссякла. Кошачьи лапы загнулись внутрь, хвост скрутился наружу. Мальчишка потянул лезвием вдоль хребта кошки, разрезая ее, как дыню, — худенькое тело обмякло.

Выражение лица мальчишки было как у барристера, выслушивающего аргументы государственного обвинения.

Когда Кит опустил жертву на землю и склонился над ней, Минога умчалась. «Больше не могу», — подумала она, однако последовало продолжение. Она выслушала те зловещие слова, что дядя Тилл, не торопясь, выцедил в подставленное с готовностью ухо племянника, влив в юного ученика целый мир порока. В памяти Кита над невероятно красивым лицом и римским носом Тиллмена Хейварда небо пылало и переливалось от сине-фиолетового к густо-пурпурному, пышное и яркое, как орхидея. Десяток собак и кошек пали от рук Кита, а с поступлением в старшие классы средней школы друга-раба по имени Миллер — еще десяток. Миллер, на два года младше своего друга-господина, внешне напоминал Пиноккио, был послушным и обладал врожденной уступчивостью, близкой к безволию. Голодный, тощий, жалкий, он идеально подходил для роли пособника. Минога навестила воспоминания Хейварда о тайной комнате, наблюдала одно расчленение животного за другим и то, как в этом кошмарном месте расцветали во всем разнообразии нежность, близкие отношения и нездоровая любовь.

Под конец ей пришлось смотреть, будто на каком-то сокровенном экране, воспоминания Хейварда о Рождестве в одиннадцатом классе и обмене зловещими подарками между дядей и племянником. Вокруг дяди Тилла играли мерцающие огоньки, днем всегда висело холодное, но сверкающее солнце, а ночи были неизменно благоухающими, густо-черными и страшными. Его самые незначительные мимолетные

движения отбрасывали размашистые густые тени. Тилл подарил племяннику поварской нож «Сабатье», доверительно сообщив, что это будет самым ценным предметом его коллекции, возможностью показать себя. Подарок племянника — друга-раба Миллера — дядя Тилл принял с улыбкой, напомнившей отблеск стальных бритв, и у Кита едва не подкосились колени от любви и обожания.

Еще до того, как они втроем вошли в заброшенное здание на бульваре Шермана, Миллер отчетливо ощущал тревогу, он боялся, что его отдадут жуткому дяде Кита. Колени в синих джинсах тряслись, а поры словно источали странный, металлический запах. Когда они спустились в потайное место Кита, он объявил, что предпочел бы остаться в живых после испытания, и дядя Кита сообщил, что юноша может расслабиться, поскольку своим членом он никого не убивал и убивать не собирается. «Ну, разве только не нарочно», — добавил он. Он велел трясущемуся Миллеру раздеться и спросил, нравится ли ему его шутовина. Когда Миллер ответил, что не знает, дядя Тилл сказал: мол, ничего, очень скоро узнаешь. Им предстоит еще столькому научиться, всякому-разному... А племянничка, добавил, если он хочет развлечься от души, боюсь, придется оставить наедине с его рождественским подарком.

Хейварда раздирали неуправляемые чувства противоречия, противодействия, открытого неповиновения, раскаяния и отвращения — набор удивительный, учитывая его любовь к дяде, но он действовал в духе Рождества и напомнил вслух о рождественском ужине на бульваре... «Обязательно попробуй вишневый пирог, — напутствовал дядя Тилл. — Пища богов».

Воспоминание Кита о часовом наказании ужином было кошмаром: расплывающиеся гротескные лица, шумная компания мужчин и женщин, с каторжными усилиями сражающихся с каким-то неестественным пирогом, заваленным массой отравленных вишен. Мир вокруг него заполнялся косточками и ядом. В конце стойки мерзкий здоровяк по

имени Антонио с сильнейшим заиканием поведал официантке, что только что получил хорошую работу в психиатрической больнице в Мэдисоне. Хейвард не понимал, почему он видел вещи такими.

Он позволил одному своему любимому человеку убить другого.

О последних мгновениях жизни Миллера Минога знала только то, что не сможет вынести их. Ее охватывал ужас от одной лишь мысли, что предстояло увидеть, но оказалось, что и Хейвард не хотел помнить подробностей и похоронил их под слоями тумана и светотени, где они существовали лишь в виде намеков на движение, насквозь пронизанные чувством вины. С неохотой выхватывая то трясущуюся ногу там, то болтающуюся руку здесь, она все же увидела мельком Хейварда — он присел на корточки перед изрезанным, избитым, истекающим кровью мальчиком и направлял, следуя наставлениям дяди Тилла, «Сабатье» к шее жертвы. Как сквозь помехи и статические разряды, просачивались искаженные слова: «...Напряги мышцы руки и воткни... как следует потяни на себя...» Минога почувствовала, как темный, горький яд льется в нее, разъедая скверной язык, небо и глотку. Девушка-подросток, птичка или крупца сознания, плывущая по чужому разуму, она не могла выдержать происходящего с ней и вертелась, крепко зажмуривая глаза, и кашляла, и плевалась, все надеясь, что ее вырвет...

Ноги ощутили твердую почву, и невыразимо гадкий вкус сам по себе улетучился из рта и глотки. Пространство вокруг разительно изменилось. Минога рискнула чуть приоткрыть глаза. Удушающая, раскаленная эмоциональная сфера исчезла — ее вывели из мыслительного пространства Кита. Картина, увиденная полуоткрытым глазом, успокоила: красный кожаный диван у стены, увешанной рисунками, высокая настольная лампа, полка с аккуратно расставленными книгами, иранский ковер на полированном деревянном полу.

Минога раскрыла оба глаза и разглядела, что на рисунках над симпатичным диваном изображены муки ада.

С акцентом, в котором ей не удалось распознать старомодный нью-йоркский, голос у нее за спиной произнес:

— Привет, детка, как дела?

Она резко повернулась и увидела пожилого мужчину с ухоженной рыжей бородой и густыми короткими темными волосами, улыбающегося ей из-за стола. Щеки у него были впалые, глаза прятались под кустистыми бровями. Мужчина поднимался. В руках он держал пачку книг.

— Ну что, оклемалась?

Он опустил книги в картонную коробку, будто специально изготовленную по их размеру. Книжная полка за его спиной была наполовину пуста. На ковре рядом со столом высились штабеля таких же коробок.

Минога ответила, мол, да, с ней все в порядке. Во всяком случае, она так полагала.

Он улыбнулся, сверкнув зубами, белыми, будто искусственными.

— Ну-ну. Кстати, хофеф знать свое будуфее?

Она покачала головой.

— Смыфленая. Какая смыфленая.

Его глубоко сидящие глаза меняли цвет, когда он говорил. Сначала они были табачного цвета, но когда он спросил, хочет ли она знать свое будущее, глаза стали игриво-голубыми и младенчески чистыми. И зажглись золотистым огнем, когда он хвалил ее.

— Больфинство людей хотят знать свое будуфее, да только оно им совсем не по дуфе, когда слыфат его. Тебе волноваться нефего, вот фто скажу. Ну, может, немного неприятностей там-сям, но ты преодолееф. И, знаеф, блестяффе. Первый класс — это ты.

Минога перестала изображать его резкий акцент и заговорила своим голосом. Акцент неважен.

Она спросила, где находится и что за существо ее добрый новый компаньон. Минога думала, что ответы ей известны, но все равно спросила.

— О, ты все еще внутри моего мальчика Хейварда, — ответил ее новый приятель. — И отлично знаешь, *что* я на самом деле такое.

Пожалуй, знает. А имя у него есть?

— Да у кого ж его нет, малышка? Меня зовут Дойти Тойд.

Тридцать третий¹? У них вместо имен номера?

— Нет, дитя, ты не расслышала. Я не Тойти тойд, я Дойти Тойд. «Д» как «демон». «Тойд» — ты знаешь, как что.

Была, что ли, целая семья Тойдов — с дедушкой и бабушкой Тойд?

— Для нас это необычное имя. Родителей у нас нет, и детей нет. Мы не способны к размножению, мы просто как бы изнашиваемся за пять-шесть тысяч лет. В общем, когда внешний мир меняется, мы в один прекрасный день вдруг узнаем, что обрели новые имена. Естественно, нужно какое-то время, чтобы привыкнуть. Еще лет так шестьсот назад меня звали Сэссенфрасс. Но имя меня вообще-то совсем не волнует. Без разницы...

Он отвернулся, взял следующую стопку книг с полки и засунул их в коробку рядом с первой.

— Надо чертовски торопиться с упаковкой. Здесь все закончено, пора отчаливать. Пока еще не знаю куда, да это и не имеет значения. С таким родом занятий всегда есть работа.

Минога вежливо предположила, что это правда. А не могла бы она, ну пожалуйста, тоже выбраться отсюда? И что должно случиться с Китом? Очень похоже, что...

— На что похоже, то и случилось. Прощай, Хейвард. Жаль, конечно, потому как этот мальчик был один на миллион. Такие Киты Хейварды не каждый день рождаются, поверь

¹ От английского thirty third.

мне. Редко. Очень редко. Но ты ведь мельком глянула на большого парня?

К сожалению, да.

— Истину глаголешь. Тот парень, Беспредел его имя, терпеть не может, чтоб его кто-то видел. Это его бесит. Видать, собирался выдать кому-нибудь мощное наказание, а подвернулся Кит. Типа сам напросился, чертов мальчишка. А как здорово начинал, паршивец. Ох, мы бы с ним дел наварили, он да я.

Напросился?

— По-моему, да. Он, конечно, понятия не имел, что Беспредел собирается сделать с ним. Люди вообще не понимают демонов. — Он вздохнул. — Да, ребята, не понимаете этого и, наверное, никогда понять не сможете.

Чего мы не понимаем?

Глаза Дойти Тойда зажглись огненно-красным. Он резко схватил бронзовое пресс-папье со стола, и Минога испугалась, что он швырнет им в нее. Презрительное выражение мелькнуло на лице старика и сменилось чем-то похожим на усталость и одобрение.

— Готова услышать? Все очень просто: мы нужны вам. Вот почему мы здесь.

Если они демоны, подумала она, не означает ли это, что ангелы тоже существуют?

Демон неприязненно пожал плечами:

— Ты что, дурочка? Тебе не нужны большие копы-покровители с крыльями, тебе нужны мы. Ангелы — это люди, ясно тебе? Но без нас ты не получишь ничего, что заслужи- ваешь.

Ей это кажется полной чушью, прошу прощения.

Дойти Тойд опустил пресс-папье в коробку точно по его размерам и пошел вокруг стола. Почесывая на ходу курчавую бороду, он искоса поглядывал на Миногу. От сварливости не осталось и следа. Прилетел едва уловимый душок испражнений, рассеявшийся так же быстро, как и появился.

Демон пристроился на краю стола, скрестил лодыжки и запустил пальцы в ржавую бороду.

Она поняла вот что: как бы страшно ей ни бывало прежде, никогда она не опасалась за свою жизнь — не боялась и сейчас. Им — кем бы они ни были — нужна она, потому что они хотят чему-то ее научить. По-настоящему ее беспокоило, что не хватит способностей постичь это, рассмотреть со всех сторон и, рассказывая об этом другим людям, она все перепутает.

Рассудительная, терпеливая манера общения Дойти Тойда поражала. Да и внешним видом он напоминал профессора колледжа того времени: брюки цвета хаки, мятый голубой пиджак и голубая рубашка. На ногах — кордовские «Виджунсы», как у Милстрэпа.

— Вы, люди, вы все, так сказать, работаете на одном большом двигателе, одном на всех, на весь ваш мир. Знаете, как называется этот двигатель?

386

Любовь, предположила она.

— Неплохо, но абсолютно неверно, извините. Двигатель этот — сказка.

Тойд показал себе за спину, и перед полупустыми полками вдруг появилась зеленая классная доска. Он покрутил указательным пальцем, и слово «сказка» самой собой написалось на доске витиеватым почерком.

— Если хотите поизощряться, можем употребить слово «повествование».

Он покрутил пальцем, и слово «повествование» появилось на доске под первым словом.

— А что является необходимым условием для повествования? Наличие зла, вот что. Задумайтесь над самой первой сказкой, об Адаме с Евой и райском саде. Два первых человека решили — они сделали выбор, не по своей доброй воле — поступить неправильно, совершить дурной поступок, акт зла. И были за это выдворены из безгрешного рая сюда, в славный добрый грешный мир. И — ну это ж надо, а? — выходит, причиной возникновения сего мира стал акт

зла. Первый демон, который появился в образе сексуально-го-сексуального змея, так или иначе выступил в роли создателя вашего проклятого мира. Ну а как мы узнали об этом? Вся история уместается на нескольких маленьких страничках Книги Бытия.

Кажется, я поняла, сказала Минога.

— Тогда попробуй понять вот что. Мы дарим вам добрую волю, поэтому мы в ответе за вашу добродетельную жизнь на всем ее протяжении. Невозможно творить сказку, не включив в ее сюжет дурное деяние или дурной замысел, невозможно получить искупление, не имея примера плохого поведения, дабы сделать его слаще, а благопристойное поведение существует лишь в случае невероятного искушения со стороны его противоположности.

Дойти Тойд придвинулся по столешнице ближе к Миноге и подался всем телом вперед. Янтарные глаза беспокойно горели.

— И вот тут мы подходим к самому важному, солнышко. Когда думаешь о зле, приходится думать и о любви, и наоборот. Любовь, любовь, любовь — вы, люди, любите любить, любите говорить о любви, даже поете о любви, снова и снова, веки вечные. Это меня изумляет. Меня от этого тошнит («тофнит»). И так достает. Меня может рвать граненым стеклом и бритвенными лезвиями целую неделю от этого дерьма о любви. Ведь что есть противоположность любви? Ну-ка, скажи мне, ты ведь языкаястая, насколько я знаю.

Противоположностью любви считается ненависть, ответила Минога.

Демон откинул голову и рассмеялся. Смех у него был мягкий, низкий и безрадостный, а презрение неизменно оттачивало тембр его голоса до злобной резкости.

— Ну да, именно так вы все и говорите. И именно так думаете — все как один. От президентов и королей до бомжей в канаве, которые, кстати, уже почти все канули в Лету. Бывало, не пройдешь и пары кварталов, как заприметишь одного-другого разоренного, безработного, бездомного,

измочаленного, заросшего алкаша, нюхальщика клеев, кокаинщика, метамфетаминщика — распростертого в канаве и воняющего испражнениями на всю округу и до небес. Даже у копов не было желания возиться с этими ребятами, но приходилось, это ведь работа копов — забрасывать их в машину и отвозить в камеру, чтобы там очухались до следующей попойки. Таких бродяг почти не осталось, не пойму только почему. Что случилось, куда они подевались? Все разом померли от дурных привычек, а новые не народились? Почему? Где новые бомжи, новые старики с гнилыми зубами и зловонным дыханием, и вонючим телом, и вшивыми лохмотьями, и подбитыми физиономиями, и голыми ножками, в синяках и стружьях?

Мир меняется, сказала Минога. Она аж заслушалась его тирадой.

388

— Ну да, это ты верно подметила, детка. С районом алкашей и бродяг покончено, в облагороженном Бауэри теперь средний класс, национальная терпимость вся вышла — ее просто больше не существует. Выходит, чтобы получить паршивых беспомощных самоуничтожающихся бомжей, сначала надо создать общество изобилия, поди разберись...

Но каков же правильный ответ?

— Правильный ответ на что? Ты начинаешь действовать мне на нервы. Мне, видишь ли, сказали: «Эй, поболтай немного с этой девчонкой», — вот я и поболтал, только мне надо собирать пожитки, потому что здесь — как в Бауэри — этого места больше не существует, ты в курсе?

Что является противоположностью любви, спросила Минога.

— А, да, я забыл, о чем мы...

Вновь заинтересовавшись, демон выпрямил одну ногу и обхватил пальцами колено другой, сделавшись похожим на научного сотрудника университета перед аудиторией студентов. Он усмехнулся ей в лицо.

— Ненависть не может быть противоположностью любви, дурочка. Ты так и не поняла этого? Ненависть и

есть любовь. Антоним любви есть зло. Конечно, зло непременно подразумевает ненависть, но это лишь небольшое подмножество. Когда любовь погибает, тогда и рождается зло.

Он отпустил колено и, наклонившись, выбросил в стороны руки. Глаза его вспыхнули красным огнем. Морщинистое бородатое лицо словно поплыло вперед, приближаясь к Миноге сквозь затхлый воздух.

— Глупые вы создания, ведь все лежит перед вами, но вы все спорите, внутреннее зло или внешнее, неотъемлемая врожденная особенность всех и каждого или привнесенная обстоятельствами. Врожденная или благоприобретенная — просто не верится, что вы по-прежнему продолжаете гадать над этим глупым противопоставлением. Мир не поделен пополам. Зло внутри вас, вы носители зла, вот в чем суть. Когда открываете дверь, что вы ожидаете увидеть — принцессу или тигра? Упс, прошу прощения, видите вы то и другое, потому что принцесса есть тигр... Давай даже не будем говорить о смерти, хорошо? Миллионы олухов верят, что смерть есть зло, будто считают, что им полагается бессмертие. Да не будь смерти, не было бы ни красоты, ни осмысленного существования... И когда ты пытаешься как-то обойти смерть или действуешь так, будто можешь избежать ее, ты выпускаешь на волю зло.

Минога ответила, мол, не уверена, что понимает сказанное. Вдруг она с удивлением почувствовала слезы на своем лице. Она и не подозревала, что плачет, и не знала, как долго.

— Ничего, со временем поймешь, это придет к тебе по крупницам, — сказал Дойти Тойд.

Оттолкнувшись, он соскочил со стола и остановил на ней доброжелательный взгляд карих глаз.

— Просто запомни хорошенько сказку о принцессе и тигре. Она может пригодиться тебе, когда доедешь до последней остановки.

Последней остановки?

— Поднимайся по этим ступеням и открывай дверь. Мы должны покинуть нашего славного мистера Хейварда до того, как Беспредел вцепится в него зубами. Выходи к остановке и садись на автобус.

Автобус?

— Он уже стоит, ждет. Давай поторопись. У нас с тобой совсем не осталось времени.

Она вытерла тыльной стороной ладони слезы и поняла, что растрогала ее доброта демона. Вот и все, больше ничего не было.

Она изумленно ахнула.

Нет, было еще кое-что. Она до сих пор не знала, как выбралась.

Кит собирался спасти ей жизнь, а может, заодно и жизнь Гути, бросаясь наперерез Беспределу, правильно? Он «напросился», так ведь сказал ее новый друг? Выходит, злу там нечего делать?

— Где нечего делать? Ты все еще думаешь, или одно, или другое, дурочка, а на самом деле там и то, и другое. Мэллон, хоть и придурочный, но в этом прав. А может, Киту интереснее что-нибудь вроде Беспредела, а не ты или твой сопливый белобрысый приятель. Да, все могло быть вот так просто, представь себе.

Он так и сказал, «белобрысый», словно его любимым писателем был Бут Таркингтон или кто-то вроде. Позже Минога вспоминала книги, которые он упаковывал, в большинстве своем романы. Демоны вроде Дойти Тойда были образованными.

В общем, он отпустил ее и повернулся спиной, вновь принявшись за работу. Минога обнаружила у стены крутой пролет ступеней, напомнивший лестницу к какому-нибудь старинному чердаку, и помахала рукой на прощанье. Он не заметил ее жеста. Запах фекалий, который она почуяла раньше, вновь распространился, и она поспешила наверх как можно скорее.

Узкая белая дверь вывела на пустынную городскую улицу, в поздние сумерки. Пыхая белым дымком выхлопов, под резким желтым светом дугового фонаря дожидался у остановки двухэтажный автобус с водителем и кондуктором. В домах вокруг лишь в нескольких окнах виднелся свет — тонкие полоски из-под ставней. Ей почудилось, будто она в Лондоне.

Кондуктор посмотрел на нее через боковое окно, Минога торопливо пересекла тротуар и вошла в открытую заднюю дверь автобуса. Водитель тотчас включил передачу, и машина рванула с места, едва не выбросив ее на улицу. Кондуктор, тучный мужчина с глубокими морщинами на лбу, постоянно хмурающийся, ухватил ее за руку и решительно потянул в салон.

Где можно сесть?

Повернувшись широкой спиной, кондуктор ответил с акцентом, в котором она не распознала идеальный кокни:

— Да мне пофиг, где вы сядете.

Сэр, будьте добры, куда мы едем?

— Мы никуда не едем, — возмущенно прошипел кондуктор. — Я еду в Белый город. Вы же куда-то в другое место.

А вы не знаете куда?

Он соизволил вновь показать изборожденное морщинами лицо. Крохотные, цвета карамелек глазки впились в нее, рот скривился и, судорожно дернувшись, раскрылся в обнажившую ломаные зубы улыбку.

— Будьте так добры, сядьте, пожалуйста.

Она прошла несколько рядов и упала на крайнее к проходу сиденье. Потом пересела к окну и стала смотреть на катящийся мимо пустой город. Где бы она сейчас ни находилась, это очень далеко от луга агрономического факультета, Мэллона и Гути. Двойняшка еще дальше. Холодной волной накрыло понимание: она затерялась в нереальном мире и вместо попытки бежать из него мчится дальше и дальше вглубь.

Водитель гнал все быстрее по широким улицам, проносясь мимо остановок, которые почти всегда оказывались пустыми. Дважды на далеко отстоящих друг от друга остановках человек в длинном сером пальто, серой фетровой шляпе и солнцезащитных очках махал летящему автобусу рукой в черной кожаной перчатке, и оба раза, к огромной признательности Миноги, водитель проскакивал мимо. Люди в сером, чувствовала Минога, хотели вышвырнуть ее, хотели помешать ее миссии, не позволив добраться до последней остановки.

Намереваясь вскочить на заднюю площадку, второй человек припустил бегом за автобусом, но бесшабашный водитель лишь поддал газу и оставил преследователя спотыкаться посреди авеню, называвшегося — ей так подумалось — Пик Негодования. Они ехали так быстро, что Миноге даже не удавалось разобрать дорожные знаки и уличные вывески. Всякий раз, когда они сворачивали, автобус крепился набок, как мотоцикл в крутом вираже.

392

Вдоль длинной и прямой улицы под названием Уголок Альпиниста? А потом по зловонному проспекту Путь к Капиталу?

Из района с внушительными общественными зданиями, покрытыми слоем копоти, с разбитыми черными окнами, они вылетели на широкие улицы, вдоль которых тянулись крепкие респектабельные дома с массивными полукруглыми выступающими фасадами и солидными георгианскими дверями.

Даже не глянув в ее сторону, дородный кондуктор тяжело протопал по проходу и плюхнулся на сиденье сразу за водителем. Они опять повернули и спустились с горки в район трехэтажных кирпичных коммерческих строений, где в каждом темном углу, словно исполинские жабы, выросли большие каменные церкви с башнями, арками и мрачными колоннами.

Желая отсесть подальше от кондуктора, Минога выскользнула из своего ряда и отошла почти в конец салона. Только она вновь уселась, кондуктор потянулся к водителю

и что-то прошептал. Потом он оглянулся и посмотрел на нее взглядом, в котором едва не переливались через край враждебность и что-то еще, вроде обиды или возмущения. Он винил ее за то, что погнала их по длиннущему маршруту, когда вечер перетекал в ночь. Еле сдерживающийся кондуктор и флегматичный, но бесшабашный водитель были ее проводниками по бесконечному городу.

Магазины и церкви больше не попадались, улицы стали уже. Здания ветшали, громоздились кучками, лепились друг к другу, а не выстраивались ровными рядами, как солдаты. Окна мельчали. Площадь Прохиндеев, улицы Шляпная, Мандолиновая.

Справа и слева проносились квартал за кварталом многоквартирные дома — ни единого проблеска света в окнах. Минога сидела, сгорбившись и опустив голову на спинку кресла перед собой. Дома все меньше и запущенней. Мимо пролетел знак — то ли «Мистерия», то ли «Мистериасплейс» — граффити слопало последние буквы. Фонари будто потускнели, здесь их было один на квартал.

У проезда Делирия автобус с грохотом завернул за угол, прокатился двадцать-тридцать футов и, дернувшись, резко остановился. Водитель обернулся в салон, кондуктор тяжело поднялся и с видом палача, направляющегося к эшафоту, двинулся по проходу. Автобус встал перед самым дрянным домом с квартирами в аренду, на самой захудалой улочке из всех, что они миновали. Темное узкое здание выглядело так, будто соседние выдавили его вверх.

Я не буду здесь выходить, сказала Минога. Пожалуйста, не заставляйте меня.

Кондуктор продолжал неумолимо шагать вперед, пока не достиг ряда Миноги. Она стремительно отодвинулась на последнее сиденье.

Как мне попасть домой? Что я должна сделать?

— Меня достал твой скулеж, — сказал кондуктор и, потянувшись вперед, сцапал ее запястье своей ручищей. — И ты сама достала.

Что я должна сделать?

— Можешь свернуться клубком и подохнуть на улице.

Он вытянул ее с сиденья в проход, будто она весила не больше котенка. Водитель захохотал. Она попыталась завизжать, но лишь сухой хрип вырвался из горла.

Кондуктор подтащил ее к площадке и вышвырнул из автобуса. Минога хотела запрыгнуть обратно, но кондуктор выставил локоть, загораживая дверь. Автобус рванул прочь и растворился в ночи.

Фонарь с чахлой дуговой лампой будто повернул свою идиотскую голову к ней. Может, дурацкий фонарь интересовался, что она будет делать? И тут она уловила, словно подсказку, едва слышный шорох, прилетевший от жуткого здания, перед которым ее высадили.

Желая рассмотреть дом получше, она сделала к нему шаг. Щелкнул замок. Сердце пропустило удар. Над ступенями приоткрылась дверь — не более чем на четверть дюйма.

Что-то ждало ее, ждало, что она поднимется и войдет. В окне верхнего этажа будто дрогнула занавеска. Ее приглашали? Глупый, глупый вопрос. Ну конечно, ее приглашали в этот жалкий дом, в приют бед, слез и убитых надежд. Но с какой стати она должна?..

И тут словно вся безмятежность, когда-то обитавшая за этой дверью, вдруг, как благоухание, окутала Миногу. Восхитительная красота заговорила из самого средоточия радости, изысканная, острая боль сжала сердце осознанием потери. Минога чувствовала, будто в душе поднялся тяжелый занавес и ей открылось изначальное знание, глубокое понимание пронзительной грусти, непомерной красоты и радости каждого мгновения жизни на земле. Почти так же быстро, как появилось, ощущение раскрытого смысла ускользнуло, и она поняла, что ей никогда не удастся вспомнить тот потрясающий миг во всех его взаимосвязанных, головокружительных деталях. Он не просто оставил ее: он исчез без следа.

— Так оно и было, — сказала Минога, — я сохранила то малое, что удалось удержать.

Следующее, о чем она подумала: неважно, чего ей будет это стоить, но она должна войти в этот удивительный дом как можно скорее.

— Простите мне эти слезы, — сказала Минога.

Рассказывая о странном доме, она и правда ревела, как девчонка.

— Ли?

Я забрал у нее комок влажных салфеток и подал сухие, сложенные.

— Ох, это тяжело, — проговорила она. — Пожалуйста, побудьте рядом.

— Мы никуда не уходим, — сказал я. — Продолжать можешь?

— О да. — Она улыбнулась. — Если выдержишь ты — смогу и я.

Ноги тряслись и отказывались повиноваться, но она заставила их донести себя до нижней ступеньки. Радость от осознания великого смысла не покидала ее.

Минога поднялась на крыльцо и помедлила — дверь оставалась приоткрытой на полдюйма. За щелью не просматривалось ничего, угольно-черная темень. Вся затея показалась ей сомнительной и очень опасной. Бандит в форме автобусного кондуктора вышвырнул ее на улицу перед зловещим, готовым вот-вот рухнуть зданием: и что же, она должна войти? По совету демона?

Трясущейся рукой она коснулась шершавого от растрескавшейся краски края двери.

А краска будто совсем не имела цвета. Минога не верила в существование бесцветного, однако вот оно: не серое и не белое, не зеленое и не желтое, не алебастровое и не слоновой кости. Слабый свет дугового фонаря разбавлял

кромешную темноту, и в этом сером полумраке краска чуть мерцала.

Минога казалось, что она нерешительно топчется на пороге бездны, как Бретт Милстрэп, только бездны пострашней. Она сказала себе: «Меня привезли сюда, хоть и силой, и все окажется напрасным, если я не войду». Открыла дверь и шагнула в недра старого дома.

Первое впечатление — что ничего не произошло — накатило мрачной волной разочарования. Она ожидала раскрытия тайны, ключа к великой загадке о красоте, радости и боли. А оказалась всего лишь между облупившейся кривой дверью и темной, ненадежной на вид лестницей в замусоренной передней.

Минога осторожно шагнула по грязному полу. Пыльно-серые остатки ковра, когда-то пестрого, а сейчас бесцветные, как краска на двери, раскрошились и осыпались с лестницы. Чуть коснувшись перил кончиком пальца, она встала на вторую ступеньку, взглянула наверх и громко поздоровалась:

— Эй, привет!

Только жуткая тишина в ответ.

— Есть кто?

Вновь тишина. Минога представила, как ее голос плывет вверх по ступеням, заворачивает, извиваясь, в комнаты, шкафы, уборную, просачивается через двери, заявляя о себе в каждом помещении, большом и малом. Если б она могла, подумала Минога, последовать за своим голосом так же невесомо и стремительно, что бы она увидела? Занавеска на окне дрогнула, дверь открылась. Некая сила предложила ей входить или она вообразила это? Больше чем вообразила — почувствовала. Когда она двинулась к зданию, внезапная догадка сорвала ее с места и потянула вперед. Откуда это пришло: от дома или от какого-то существа внутри?

Не успела Минога задаться вопросом, как ответ — существо, а не дом — обрушился на нее жестким, неопровержимым доказательством. Ощущение было такое, словно ей

влепило пощечину мерзкое создание, раздраженное ее ничтожными страхами и сомнениями.

— Ну конечно, я здесь, бестолковая девчонка. Как бы я тебя вызвал, не будь меня здесь?

Раз уж демоны существуют, видимо, существует и Бог. Еще до того, как Минога поняла, чем это ей грозит, ее затрясло.

Словно глядя на себя со стороны, она осознала, что ее тело стремится преодолеть еще две ступени вверх, но колени, как у обреченного бедняги Миллера, дрожат так сильно, что очень скоро она не сможет даже стоять. А дом колыхался вокруг нее. Минога остановилась, опустилась на лестницу и прижалась к ней. Стена слева превратилась в жидкость, в газ, в ничто, и короткий коридорчик за перилами рассыпался, как до того — ковер под ногами.

Неподвижный холодный воздух сгустился. Ладони, щеку и бедро жгло ледяное прикосновение мрамора. Справа от нее, где только что были перила и голая бесцветная стена, открылось темное трехмерное пространство, пронизанное точечками — она не сразу поняла, что это звезды. Все это оказалось настолько трудным для восприятия, что Минога закрыла глаза и сосредоточилась на шуме крови в ушах и грохоте пульса в голове. Прежде чем рискнуть вновь открыть глаза, она повернула голову так, чтобы смотреть только прямо перед собой и никуда больше.

Вопреки ужасу, ее одолевало сильное искушение оглядеться по сторонам, но она не могла позволить себе рисковать до тех пор, пока не найдет опору в рассыпающемся мире. Прижатые к плите темно-зеленого с белыми и золотистыми прожилками мрамора, ее пальцы казались маленькими, бледными и в качестве опоры не годились. Она наконец обратила внимание, что лестница стала мраморной. Все остальное встанет на свои места, как только она разберется с изменчивой лестницей. Надежда слабая, но так оно и будет. Минога поднялась на колени и увидела, что ступеньки в хрупком доме и вправду оделись в зеленый мрамор. Стран-

но? Да. Неестественно? Само собой. Мы все можем согласиться с этим, правда? Да, у нас здесь взаимное согласие. Но вот со всем остальным — проблема...

...Поскольку когда она осмелилась оторвать взгляд от красивой, хотя и загадочной мраморной лестницы, такие понятия, как «неестественно» и «странно», съежились в холодные твердые камушки; обратились в ничто, бедняжки. Пройдет немало времени, прежде чем слово «неестественно» всколыхнет что-нибудь в Миноге, кроме слабого удивления его неполнотой. Ступени висели без всякой опоры, будто в открытом космосе. Слева и справа ничего, кроме холодного неподвижного пространства, снизу и позади — тоже. За свои семнадцать лет Миноге никогда не было так одиноко и страшно. Она застряла между планетами в окружении ледяных, колючих огоньков звезд. Однако главной проблемой оставалось то, куда вела лестница.

398

Ей казалось, несколько часов назад — а на самом деле прошла лишь пара минут — она увидела приоткрытую дверь над пролетом ступеней крыльца доходного дома. И вот мраморная лестница привела ее к очередной приоткрытой двери. Она была шире, и выше, и солиднее. В отличие от входной, эта дверь, ее дверь, источала по контуру ослепительный свет.

Свет так взволновал ее, что она потеряла самообладание.

Нет, не один только свет. Все, что ждало там, страшно расстроило ее. Время от времени свет менялся будто лишь затем, чтобы выдать присутствие чего-то внутри. Это «что-то» двигалось медленно, не торопясь, давая Миноге знать, что оно здесь. Думать об этом присутствии было нестерпимо. Во рту пересохло, маленькие светлые волоски на руках поднялись дыбом, как иголки.

Комната, представлялось ей, скорее всего, маленькая и тихая, почти голая. А существо внутри ни маленькое, ни тихое. Любовь и безразличие, цивилизованность и дикость, сострадание и жестокость, изумительная красота и сокрушительное уродство — каждое мыслимое человеческое и

природное качество бурлило там в пределах, превышающих наше понимание, а значит, невыносимых: слишком красиво, слишком возвышенно, слишком яростно, разрушительно и абсолютно непостижимо.

Как пример миллионной части того, что оно вмещало в себя, дожидаящееся ее существо выдало Миноге непрерывную череду образов и видений, пока у нее были силы смотреть:

— ревущий король взмахом меча отрубил воспаленную, незаживающую руку рыдающего крестьянина;

— бармен с жесткими черными волосами и крестьянским невозмутимым лицом взмахом секача отхватил руку клиенту-воришке;

— хирург в белой операционной отрезал пациенту руку отточенным движением медицинской пилы;

— обнаженный любовник отрезал своей обнаженной любовнице руку мясницким ножом;

— в пустой аппаратной школьник с мрачным лицом вы-
тащил из-за пояса длинный нож и отделил кисть нависшего
над ним краснолицего учителя, вторая рука которого нащу-
пывала ширинку мальчика;

— бандит в переулке отхватил старушке руку стреми-
тельным ударом ножа;

— рабочий, закусив губу, сунул руку под резак;

— араб в развевающемся одеянии опустил топор и отсе-
к руку осужденному в третий раз карманнику.

На девятом повторе Минога взмолилась о пощаде, и ей показали:

— золотистое поле цветов горчицы;

— игривый, искрящийся горный ручеек;

— луч света в ущелье небоскребов Манхэттена;

— сияющее лицо, мелькнувшее в окне;

— затрепетавшее, готовое вот-вот погаснуть, но вновь
ожившее пламя свечи;

— наряженная принцессой маленькая девочка топает
босиком через сверкающую росой зеленую лужайку;

— стакан с водой на столе в пустой комнате.

И она догадалась: так ей дают понять, что стакан с водой и есть некое присутствие в комнате наверху, что чистое и прозрачное создание неизменно и невыносимо и что несобаки защищали людей, не допуская их до тесного контакта с этим вечным и нестерпимым существом.

Охваченная любовью и ужасом одновременно, непереносимым сочетанием чувств, семнадцатилетняя Минога, не в силах сдержатъ слезы, опустила голову на руки, обмочилась в синие джинсы и разрыдалась еще пуще. Теплая жидкость устремилась по ногам, остывая на мраморных плитах. Минога тяжело дышала, глаза заливали слезы, живот содрогался. Насколько она вообще была в состоянии думать, она подумала: «Значит, Великая тайна и Конечный секрет заключаются в том, что мы не в состоянии вынести Великую тайну и Конечный секрет».

400

Когда икота, всхлипы и стоны немного утихли, Минога обнаружила, что ее ладони опираются не на мрамор, а на траву, а каменные ступени больше не врезаются в бедра. Не веря глазам, она вздохнула полной грудью и с трудом поднялась на ноги. В пяти футах вверх по склону в луже крови лежало изувеченное тело Кита Хейварда. Гути исчез. Мередит исчезла. Ботик сидел на корточках, сжав голову руками, и рыдал.

Потрясенный Спенсер Мэллон бродил вокруг, будто ничего не видя перед собой. Резвившиеся духи и божки вернулись в свое царство, и сквозь оранжево-розовую дымку, все еще окружавшую его, Мэллон разглядел Кроху Олсона, который смотрел прямо на него с безмерным обожанием, готовый броситься выполнять все, что пожелает его кумир. Мэллон глянул на Миногу — его взгляд сказал ей, что он заметил кое-что из того, что она сделала. Ее лицо распухло от слез, джинсы потемнели от мочи. Но Мэллон не обратил на это никакого внимания. Покрытое глянцем сдержанности, все, что она любила в нем, пылало, как костер. И неважно, как глубоко она обожала его, — Мэллон собирался

уехать; с Крохой, словно со щенком на поводке, он намылился лететь отсюда сломя голову.

Мэллон отвернулся от нее и припустил рысцой в сторону Глассхаус-роуд. Золотой поводок туго натянулся — и Кроха рванул за ним. Через пару мгновений след обоих простыл. Неожиданный груз свалившегося несчастья толкнул Миногу назад, в полдень предыдущего дня, где она превратилась в белый клочок ткани, и ее, одинокую и обреченную, ветер нес над лугом, и только Гути видел это.

* * *

— Я это видел, — выпалил Гути. — Ты говоришь правду. Я об этом никому и никогда не рассказывал. Ох. Я прервал тебя. Извини меня, пожалуйста, Минога. Прости, прости, прости.

— Ты меня не прервал, я закончила. Да, точно. После всего, через что я прошла, лучше на этом и остановиться.

Мир за окнами потемнел. Во время рассказа Боутмен включил неяркое бра, и свет, не долетая до углов и стен, оставлял по периметру комнаты широкие тени.

Минога вытерла лицо комочком салфеток, высморкалась, прошла к мусорной корзине рядом с камином и выбросила его. Она промахнулась всего на пару дюймов. В тусклом свете четверо мужчин глядели на медленно разворачивающиеся салфетки: все решили притвориться, будто она попала.

— Ух ты, вот это да, я ведь промазала, — сказала Ли Труа. — Звук попадания в корзину совсем другой. Такое не пропустишь, если обращать внимание на все. Спасибо, ребята. Должна признаться, очень тронута вашей деликатностью.

Она присела и потянулась за салфетками. Со второй попытки нашла их.

— Я немножко не в себе... — проговорила она.

Прежде чем разжать пальцы, она занесла комок над корзиной.

— Почему ты не хочешь присесть? — спросил я.

— Потому что не хочу. Пока я на ногах, у меня есть возможность сохранять самообладание. А я уж было потеряла его. Ну что ж, просто я...

На ее лице отразилось внезапно нахлынувшее волнение.

— Я просто...

Она зажмурилась, покачала головой и сделала резкое движение рукой, будто отмахиваясь от чего-то.

— С нами было бы то же самое, — сказал я. — Поплачь вволю, Ли. И дай ногам отдохнуть.

— Мне было бы в миллион раз тяжелее, чем тебе, — сказал Гути. — Минога, ты потрясающая. Да, ты потрясающая.

Комплименты она пропустила мимо ушей и заговорила со мной:

— Я не хочу давать ногам отдохнуть, ясно? Я же только что сказала тебе. И потом, я еще не все рассказала.

Обычно гости приходят в замешательство, смущаются, если супруги вдруг начинают делать язвительные замечания друг другу.

— Ну хорошо... Пожалуйста, продолжай. Так ты не собираешься садиться?

Я поднялся и шагнул к ней.

— Мы потом оба присядем. Помощь мне не нужна. Я у себя дома. Пожалуйста, Ли.

— Хорошо, — сказал я. — Разумеется, ты дома. Прости.

— Что-то сегодня все передо мной извиняются. Пожалуйста, ребята, перестаньте.

Она пошла к своему месту, лишь в самый последний миг проверив ногой правильность направления. Ли Труа опустилась в кресло, уверенно положив руки на подлокотники, и села очень прямо — спина в шести дюймах от спинки. Она была похожа на королеву маленького богемного королевства с солидным запасом золота в казне. Глаза мои затума-

нились, и Миноге каким-то образом удалось это почувствовать, она повернула в мою сторону голову и сказала:

— Все, все уже хорошо... Не волнуйся, пожалуйста.

— Понял, — ответил я, припомнив, что извиняться не следует.

— Я сначала решила, что сказать больше нечего, — обратилась ко всем Ли. — А потом вдруг заметила у себя в руках этот «Клинекс» и поняла, что, заставив вас выслушать в таком количестве мои бредни, я многим вам обязана. Так что я почти закончила, но не совсем. Я хочу, чтобы вы знали все, что знаю я. По-моему, это будет честно.

Мы пробормотали что-то утвердительное, Минога подавалась вперед и уперла локти в колени.

— Вот и хорошо, — сказала она.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ МИНОГИ

Итак, главный вопрос обо всем, что она тут нарасказывала, таков: было или не было? Или выразимся иначе: верила ли Минога, что весь этот безумный бред и вправду имел место? На самом ли деле Спенсер Мэллон установил связь с другим миром и выпустил орду духов и демонов? На самом ли деле она проникла в память Кита Хейварда и развлекалась дружеской беседой с литературно образованным демоном, говорившим со старомодным нью-йоркским уличным акцентом? Выбросили ли ее из лондонского автобуса, описалась ли она на мраморных ступенях перед божественной сущностью? Все, что она видела, могло оказаться результатом потрясения и страха, действием гормонов, продуктом интенсивных химических реакций в ее мозге.

Но.

Каким бы бредом, каким бы сумасшествием это ни казалось даже ей самой, она по-прежнему думает, что все происходило на самом деле. Пусть только в ее воображении, но она считает, что это было.

Много, много раз Минога говорила себе, что она гораздо большему научилась от старого доброго Двойняшки, чем от Спенсера Мэллона.

Она хотела рассказать об особой причине, почему верила, что все это сущая правда. О том, что случилось спустя много-много времени после того, как они закончили школу в Мэдисоне, после того, как Минога и Ли Гарвелл пожени-

лись, через много лет после наступления слепоты, — когда она активно участвовала в деятельности Федерации слепых, особенно в филиалах в Чикаго и Рихобот Бич.

В общем, произошло следующее...

— Ты в порядке? — спросил я.

— Буду в порядке, если дашь мне все объяснить, — сказала Минога.

В тот раз ее попросили съездить в Рихобот Бич и разобраться, сможет ли она решить проблему тамошнего филиала АФС прежде, чем задействуют полицию. Дело было уголовным: из казны пропадали денежные средства, регулярно, каждый раз понемногу, однако общий итог приближался к серьезной сумме, по меньшей мере пятизначной. Вы должны знать: Миноге очень нравится филиал в Рихобот Бич. Она много времени отдала, помогая создавать его, и согласилась сделать все, что в ее силах, как только к ней обратились.

Нет смысла сейчас рассказывать обо всем, произошедшем с ней в Делавэре. Минога решила их проблему. Заставила вора признаться. Оговорили план возврата украденной суммы, и она отправилась домой в Чикаго с чувством удовлетворения от хорошо выполненной работы. Однако история на этом не заканчивается. В этом курортном городке произошло событие, очень ее расстроившее и создавшее невероятные трудности в работе. Оно всколыхнуло в памяти пережитое на лугу, и ей пришлось собрать все силы, чтобы заставить себя не думать о прошлом и заниматься порученным делом. Из-за возложенной на нее миссии она не имела права показывать, что с ней творится неладное, хотя ей пришлось пережить сильное раздражение и неприязнь, даже отвращение, включавшее в себя немалую порцию откровенной ненависти. Если б она себя выдала, проявив хоть намек на смятение, вся миссия провалилась бы.

Вообразите хороших размеров зал заседаний с большим столом посередине. Свет выключен, поскольку все присутствующие слепы. Теперь представьте удушающе роскошную обстановку. Массивные золотые подсвечники, золотые колпачки для тушения свечей. Несколько гобеленов, хрустальная люстра. Они не могли видеть этого, но обстановка была нужна для создания определенного настроения, чтобы дышать особым воздухом, решая что-то основательное, что-то грязное по своей сути. В той самой комнате Минога провела около часа с женщиной, совершившей убийство.

Ее история, а это была всего лишь история, всплыла совершенно неожиданно. К краже денег она не имела никакого отношения. Совершившая убийство женщина пыталась удивить ее — Минога не собиралась ее сдавать. Они могли говорить о чем угодно, зная, что наказания не последует. Однако эта женщина солгала ей. Она переврала события, чтобы выставить себя жертвой, а не убийцей.

406

Бывший любовник ее ослепил, и ее свидетельские показания отправили мужчину за решетку. Когда его выпустили, он разыскал ее адрес и позвонил, попросив о встрече. Она отказывалась, но он просил и умолял, и она наконец согласилась выпить с ним чашечку кофе неподалеку от ее квартиры. В тот день все складывалось на удивление удачно, и, когда он попросил разрешения проводить ее до дому, она согласилась. Когда в своем рассказе женщина дошла до этого момента, Минога почувствовала — она уверена, что почувствовала, — что за ее спиной возникло чье-то присутствие. Ей понадобилась пара секунд, чтобы понять или, если хотите, вообразить, что это был Кит Хейвард, некая частичка Кита Хейварда присоединилась к рассказчице.

Женщина поведала, что мужчина протасил ее через пустырь в овраг, где повалил на землю, сделав вид, будто собирается изнасиловать, но отпустил и сказал: мол, хотел дать ей понять, что он чувствовал каждый день все проведенные в тюрьме годы. А она, говорит, пришла в такое бешенство, что схватила камень и ударила его по голове. Тут

на сцене появился молодой обожатель рассказчицы: помог ей отряхнуться и привести себя в порядок, а потом вернулся в овраг и избавился от тела.

Когда в рассказе женщина дошла до пустыря, Минога почувствовала, как на плечо опустилась рука Кита Хейварда. Минога почти слышала, как он дышит ей в ухо, едва ли не вплотную прислонив свою голову. Ощущение было такое, будто сзади обнимал слизняк. Охваченная испугом и отвращением, она не шевелилась и, конечно же, не могла дать понять остальным, что происходит. Но она знала: Кита Хейварду очень нравилась история, прямо-таки завораживала. Когда рассказ закончился, его пробило что-то вроде экстатической дрожи — какой-то дьявольской разновидности оргазма. Его завел рассказ об убийстве, решила она. А еще подумала, что обязана ему очень многим.

Да, Минога очень многим обязана ему. По крайней мере сомнительным удовольствием от истории женщины. В конце концов, в последний день жизни Кита она совершила путешествие через его память и рассудок. К тому же не исключено, что он пожертвовал собой ради нее. Она не уверена, что именно это произошло, но отрицать не возьмется. Она много времени провела во внутреннем мире Кита Хейварда, в душе осталось сильное ощущение единения с ним, и поэтому он смог присоединиться к ней в тот отвратительный момент. Ничто бесследно не проходит, что бы ты ни думал на этот счет.

Через пару месяцев она все это прокручивала в голове — просто потому, что не могла не думать об этом, — и ей припомнилось, как она отчетливо почувствовала, что, как бы это ужасно ни звучало, Хейвард получал чрезмерное удовольствие и оно было слишком сложным, поскольку он и она слышали по-разному. Он услышал много больше, чем она, но она даже не представляет, что там было. Немного времени спустя, как-то днем, когда она работала над докладом в своем кабинете здесь наверху, ей вдруг пришло в голову, что слизняк Кит Хейвард сразу же понял, что женщина

лжет. Она назначила встречу, заманила мужчину в овраг, а ее обожатель выскочил из кустов и убил его. А Кит Хейвард, будто побывав в шкуре убийцы, неимоверно возбудился от ее лжи.

— Вот почему я думаю, что все было на самом деле, — сказала Минога. — В той комнате я чувствовала его рядом. Старинный наш дружок Кит Хейвард вернулся обналичить долговую расписку с моей подписью. До сих пор не пойму, как я продержалась до конца собеседования с той женщиной. Прежде чем продолжать заседание с коллегами из АФС, мне пришлось подняться к себе в номер и принять душ. «Вот и хорошо, — сказала я себе. — Теперь я точно знаю, что это правда, теперь я точно знаю, что именно так все и произошло на самом деле».

Минога устало откинулась на спинку кресла, руки бесильно свесились по бокам.

408

— Все. Выговорились. И рассказывать больше нечего. Разве что... Я не верю, что Шейн погибает в конце фильма. Мэллон большой мастер по части компостирования мозгов.

— Согласен, — сказал Гути. — Я, кстати, тоже сомневаюсь, что он умер.

— Конечно нет, — сказал Боутмен.

— Шейн никак не мог погибнуть, — сказал Дон. — Минога, ты верно уловила.

Один за другим они одобряли ее и соглашались со всем, что она рассказала. Они все встали на сторону Миноги, они поверили.

— Ты ведь с нами, Ли? — спросил Дон. — Хотя я не должен спрашивать.

— В конце того фильма Шейн погиб, — сказал я. — Он умер еще до того, как свалился на землю.

Все потрясенно молчали.

— А в конце «Касабланки», — сказал я, — Хэмфри Богарт и Клод Рейнз идут прямо на пропеллер того самолета, и их рубит в клочья.

Медленно-медленно Гути, Боутмен и Олсон повернули головы ко мне. Ли Труа фыркнула. Мужчины отвернулись от меня и взглянули на нее. Гути показал на меня и засмеялся. Дон помотал головой, качнулся назад в кресле и расплылся в ухмылке.

— Я такой юмор не понимаю, — сказал Джейсон. — Прости, не улавливаю смысла.

— А тебе и не надо улавливать, — сказала Минога. — Ты и так хорош.

* * *

В предчувствии долгого вечера мы приготовили целую гору еды. После того как Минога закончила историю и подбодрила Боутмена — по-доброму, но немного фальшиво, мол, несмотря на отсутствие у него даже зачатков чувства юмора, он нисколько не падает в ее глазах, — все последовали за нами в гостиную и принялись угощаться нарезкой деликатесной говядины от филейного края, жареными цыплятами, приготовленной на пару овощной смесью и аспарагусом, обжаренными в масле грибами, сладкими картофельными чипсами и, в честь призрака Кита Хейварда, вишневым пирогом, который я привез из соседней кондитерской. Бутылки пино-нуар «Русская река», каберне совиньон «Напа Вэлли», охлажденный шестнадцатилетний односолодовый скотч, двадцатилетний бурбон, вода с айсбергов и виноградный сок «Уэлч» стояли на буфете в компании стаканов, ведерка со льдом и щипцами.

409

Все почувствовали, как разговор перетек от захватывающего к разочаровывающе скучному и рассыпался на редкие паузы, когда слышны только позвякивание серебряных приборов по китайскому фарфору и перестук кубиков подтаявшего льда в стакане с виноградным соком.

Я спросил:

— Ладно, допустим, тот паренек, Милстрэп, безнадёжен, но могло так быть, что меньше всего он жаждал умереть?

— Не думаю, — ответил Дон. — Не думаю, что в том мире вообще что-то умирает. Они даже не стареют. Они просто становятся все более и более сумасшедшими.

— А может, это нечто вроде освобождения? Своеобразное избавление?

— По моим наблюдениям, — сказал Гути, — мир не становится лучше, когда ты сходишь с ума. Все становится только хуже, и очень быстро.

— Но не в случае с Милстрэпом, — сказал Боутмен. — Последний раз я видел его года полтора назад. Он сидел на бордюре тротуара Моррисон-стрит и вроде как просто глазел на проходящих мимо студентов. Видок у него тот еще: шорты-хаки, рубашка с короткими рукавами, полосатый пиджак. Башмаки на босу ногу. По-прежнему одевается как студент середины шестидесятых.

— Порой спрашиваю себя: где он откапывает такую одежду? — заметил Дон. — Может, где-то есть пункт благотворительной раздачи?

— Понятия не имею. Дело в другом: он не похож на сумасшедшего. И внешне не так безнадежен, как тогда. Бог мой, было время, я, завидев этого парня, старался перейти на другую сторону улицы, только б не идти рядом. Хотя на Моррисон-стрит он выглядел каким-то пришибленным и потрепанным. Помахал мне, а улыбка на лице грустная-грустная...

— Может, это он прощался... Жаль, он ко мне не приезжал. — Гути набил рот паровой морковью, прожевал. — И хорошо, что не приезжал...

Немногим позже стареющие мужчины, носившие в себе тлеющие уголечки Крохи, Ботика и Гути, распрощались, обнялись со мной, поцеловали Миногу, страшно уставшую, и разошлись.

Мы с женой закрыли входную дверь и отправились назад в гостиную убирать со стола. Когда она, ополоснув посуду, вернулась из кухни, я сказал:

— Иди спать, солнышко, я здесь справлюсь.

— Я только кое-что еще уберу.

Она схватила за ножки несколько винных бокалов, а свободной рукой взяла короткий пузатый коктейльный стакан, от которого, словно круги по воде, расходились волны аромата дорогого виски.

— Кстати, хочу спросить тебя кое о чем, — сказал я и посмотрел на нее так, по моим ощущениям, неуверенно и двусмысленно, что мне почудилось, будто именно этот взгляд остановил жену, собравшуюся было обратно на кухню.

«Нет, — подумал я, — не из-за того, что посмотрел на нее. Как такое может быть? Она что-то уловила в моем тоне».

— О, — проговорила она равнодушно, — спроси, пожалуйста.

Мелькнуло чувство, будто она знает, о чем я хочу спросить. И все равно решился.

— Я подумал, как здорово, что ты, когда порхала, видела нас на летней веранде паба «Кэмден». И каким чудным был июль семьдесят шестого. Я ведь до сих пор помню, как смотрел на того жаворонка.

— И я помню, как ты смотрел на него.

Она помнит тот момент с разных точек зрения, понял я.

— Ну, продолжай, — попросила она.

В душе родилась необъяснимая уверенность: она знает, о чем я думаю.

— Интересно, а ты видела, как я строил из себя круглого дурака на набережной перед твоим отелем?

— Это не мой отель, но — да, видела. — Она вернула бокалы на стол и уронила руки по бокам. — Разумеется, когда мне было семнадцать, я не могла быть уверена, что это ты там сидишь в засаде. Только потом поняла.

— Я вел себя как идиот, — сказал я.

— И при этом знал, что ведешь себя по-идиотски, — сказала она. — И поэтому купил дурацкую шляпу и жуткие очки.

— Я могу извиниться прямо сейчас?

— Ты можешь делать что угодно. Как и Джейсону Боутмену, я скажу: ты хорош такой, какой есть.

— Честно?

— Так же честно, как и тогда. Может, чуточку честнее.

Я улыбнулся и понял, что она почувствовала мою улыбку.

— Мы ведь больше не хотим знать никакого Джейсона?

— Что хорошего могут дать четыре десятка лет воровской жизни? Он стал занудой. Но, может, он всегда и был таким — просто мы не замечали.

С этими словами Минога кончиками пальцев нащупала бокалы и взяла в руку, подобрала стакан из-под виски и уверенно направилась в кухню. Я последовал за ней с двумя полными горстями столового серебра. Она сгрузила бокалы на стойку, а я, управившись с серебром, поставил стакан в посудомоечную машину, а винные бокалы — в раковину.

Она облокотилась на разделочный столик и ждала меня.

— То, что ты сделала, — это замечательно, — сказал я.

— В смысле — тогда или сейчас?

— Только что. В гостиной, вместе с нами.

— Спасибо. Я пошла спать. Устала, сил нет.

Я подпер щеку ладонью и посмотрел на нее.

— Кстати, раз уж мы не закончили об этом, — сказала она, — тебе следует знать вот что: я уверена, Кит Хейвард на самом деле совершил нечто героическое. Во всяком случае, самоотверженное.

— Ты и правда считаешь, что он пожертвовал собой? Ты же сказала, что сомневаешься.

— А никто не хотел услышать этого. Джейсон и Гути — их воротило от одной мысли об этом.

— Но на Хейварда совсем не похоже, согласись.

— Соглашусь. Но я была с ним, я тогда пошла ужинать с ним. Он был просто убит горем, только не признавал этого, но ведь он вправду любил Миллера своей жалкой любовью,

как умел. И страшно мучился оттого, что отдал его в лапы своему дяде-выродку.

— Но каким образом это... Почему же он...

— Пожертвовал собой ради меня? Потому что знал, что я поняла про Миллера. Что он не был исчадием ада, абсолютным злом, что теплился в нем слабенький огонек...

— То есть заплатил своей жизнью за твою...

— Мередит наверняка решила, что он это сделал ради нее, что он спас ее жизнь. Может, это ее иллюзия, как, впрочем, и моя. Этого уже не узнать. Но я видела его мысли. Он знал, что я поняла.

— Выходит, он...

— Заглаживал свою вину за Миллера, — сказала она. — Именно так. Вот что я думаю.

— С ума сойти.

Я взял ее руку и поднес к своей щеке. Она не отняла. Пару мгновений мы так и стояли, молча и не шевелясь.

— Продолжай, — сказала она.

— Такое чувство... Словно... Словно нас с тобой освободили.

— Ты тоже так чувствуешь? Хорошо.

— Да, чувствую, — сказал я.

Она наконец улыбнулась мне. Погладив меня по щеке, уронила руку.

— Ну, а поскольку ты теперь свободный человек, чем собираешься заняться?

— Вот так прямо сейчас и не скажу.

— Ты не хочешь написать книгу о Мэллоне и о том, что все мы сделали?

— А знаешь что? По-моему, я ее уже написал.

— Вот как. — Она снова улыбнулась. — А дальше?

— А дальше я сделаю что-нибудь еще. Это придет ко мне, верно?

— Почему ты всегда пристаешь ко мне с вопросами?

Я не удержался, и с губ слетел родившийся в глубине души смех.

Содержание

С чего все началось. <i>Несколько лет назад, поздней весной</i>	7
История первая	42
История вторая	45
Тоска Гути	53
Дональд Олсон. <i>Чикаго, в начале лета</i>	106
Мэдисон. <i>На следующий день</i>	138
Мерedit Брайт Уолш	152
23.00 — 03.30	184
Версия Мерedit	228
Темная материя	255
История Гути	277
Темная материя	297
Темная материя II	303
Явление света. <i>Неделю спустя</i>	324
Жаворонок	355
Закключительные соображения Миноги	404

Литературно-художественное издание

НОВИНКИ ЗАРУБЕЖНОЙ МИСТИКИ

Питер Страуб

ТЕМНАЯ МАТЕРИЯ

Ответственный редактор *Е. Березина*

Редактор *С. Позднякова*

Художественный редактор *С. Власов*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *А. Пучкова*

Корректор *И. Федорова*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша

арыз-талаптарды қабылдаушының

өкіл «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92; факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании можно
получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 26.03.2014. Формат 60х90 1/16.

Гарнитура «LiteraturnayaC». Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,0.

Тираж 5000. Заказ № 8586/14.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО ИПК «Парето-Принт». 170546, Тверская обл.,
Калининский р-н, Бурашевское сельское поселение,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А»
www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-699-71203-8

9 785699 712038 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.

Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый южный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

16 октября 1966 г. в университетском кампусе на Среднем Западе странствующий «гуру», якобы побывавший на Тибете и набравшийся там древней мудрости, Спенсер Мэллон и его молодые последователи совершили запретный ритуал. То, что там произошло на самом деле, навсегда осталось загадкой. Итог — растерзанное тело на местном лугу и надломленные души участников и свидетелей.

Сорок лет спустя популярный писатель Ли Гарвелл решил обыграть в новом романе случай, который произошел в действительности. Он стремится узнать правду о событиях той ужасающей ночи. Для этого Гарвеллу придется заставить участников зловещего ритуала восстановить во всех подробностях те отвратительные события, память о которых преследует их до сих пор.

«Темная материя» — энергичный, леденящий кровь роман с непредсказуемым сюжетом, лишний раз доказывающий, что Питер Страуб — мастер современного ужаса.

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ISBN 978-5-699-71203-8

9 785699 712038 >

